

УСТ
д
53
в63

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКАДЕМИИ НАУК СССР

Дорогому

и уважаемому

Генералу Врангелю

Уважаемый

от одного из авторов.

А. Г. Гусев

3/XII-58.

Биб-ка Н.В. Семенови
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ + кр.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А.А. СИДОРОВ

63

ноя

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1958

таковой, не могла. Колхозы не располагали для этого ни финансовыми возможностями, ни материальными средствами, ни преподавательскими силами, ни опытом. Это могло сделать лишь социалистическое государство со своей системой централизованного планового управления экономикой. Только оно могло передвинуть из города в деревню тысячи опытных рабочих и инструкторов, развернуть в плановом порядке сеть профессионального технического образования со строгим учетом потребностей, выделить и подготовить из самих крестьян десятки и сотни тысяч механизаторов.

Проблему кадров Советское государство рассматривало не только как производственную, но и как политическую задачу, обращая, в частности, огромное внимание на классовый состав будущих трактористов, комбайнеров, машинистов, ремонтных рабочих и т. д.

Направляя на постоянную работу в деревню рабочих-двадцатипятилетних, партийных организаторов и т. д., Коммунистическая партия исходила из необходимости создания в колхозах и МТС партийного и рабочего ядра, вокруг которого спланивалась бы бедняцко-середняцкая масса в борьбе за победу колхозного строя.

В МТС подобные костяки были созданы в основном в первые годы их массового строительства. Большая роль принадлежала здесь рабочим тяжелой промышленности. По профсоюзным данным, с 1930 г. они составляли в МТС 8% всех рабочих⁷. В МТС, в частности, было послано около 2 тыс. двадцатипятилетних⁸. Многие из них стали руководящими работниками в МТС и МТМ (машинно-тракторные мастерские)⁹. После 1931 г., в связи с тем, что в МТС уже сложились необходимые кадры опытных работников, и исходя из нужд развития промышленности, правительство специальным постановлением рекомендовало не посылать больше рабочих в деревню¹⁰. С этого времени формирование массовых механизаторских кадров на селе, включая и подготовку специалистов самых сложных профессий, практически уже полностью стало осуществляться за счет самих крестьян. К помощи города прибегали лишь в отдельных случаях¹¹.

Пришедшие в МТС промышленные рабочие принесли с собой высокую культуру индустриального труда, что наложило отпечаток на характер и уровень подготовки первых механизаторов из крестьян. Последние обучались не только на специальных курсах, но и непосредственно в МТС, заимствуя опыт и знание у посланцев заводов и фабрик. Ежегодно таким образом обучалось до 10% всех работников тракторных бригад. Известное распространение получило и индивидуальное ученичество. В 1933 г., например, в МТС и МТМ этим способом обучения было охвачено около 17 тыс. чел.¹²

Механизаторы, пришедшие в МТС из города, были в основном ремонт-

⁷ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 1, л. 201.

⁸ Ю. С. Борисов. Создание и подготовка производственных кадров сельского хозяйства в период коллективизации (1930—1931 гг.), 1955, стр. 305 (рукопись кандидатской диссертации).

⁹ Группа двадцатипятилетних в системе МТС, выборочно учтенная в 1933 г. профсоюзом МТС и батрачества, по занимаемым должностям распределялась следующим образом: 40% — директора, зам. директора и председатели рабочкомов МТС; 31% — механики, заведующие участками МТС и мастерскими; 29% — рабочие, трактористы и прочие (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 19, л. 2).

¹⁰ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 3, л. 141.

¹¹ Например, в 1933 г. ЦК ВЛКСМ и Наркомзем Союза ССР направили в МТС более 1,5 тыс. комсомольцев — слесарей, токарей, инструментальщиков и кузнецов, имевших квалификацию не ниже 4-го разряда (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 133, лл. 120—121).

¹² ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 133, л. 12.

ными рабочими. Так, например, по произведенной Госпланом СССР в 1930 г. переписи рабочих пяти МТС, около 50% всех ремонтных рабочих раньше работало в промышленности¹³. Трактористов, машинистов, а потом и комбайнеров давали почти целиком крестьяне. Это объяснялось прежде всего массовостью этих профессий и сравнительной легкостью овладения ими.

До 1929 г. трактористы подготавливались непосредственно из среды крестьян-тракторопользователей, преимущественно, из бедняков и середняков. В этом отношении типичны данные 1929 г. по Смоленской губ., где все трактористы колхозов, коммун, товариществ и артелей были их членами. Более того, 85—90% всех трактористов, работавших по найму в совхозах, также были крестьяне¹⁴.

С образованием МТС основной источник комплектования механизаторских кадров не изменился. В первом типовом договоре МТС с колхозами и «объединениями» (1929 г.) прямо говорилось, что «всю работу, в том числе работу на тракторах, производят сами крестьяне без права найма рабочей силы со стороны»¹⁵. В типовом договоре 1930 г., заключавшемся сроком на пять лет, также был пункт о том, что «все без исключения полевые работы, в том числе работы на тракторах, во все сельскохозяйственные периоды выполняют сами колхозники»¹⁶.

Коммунистическая партия с самого начала взяла курс на недопущение в МТС классово чуждых, кулацких элементов. Так, в коллективном договоре, заключенном в 1930 г. между профсоюзом МТС и батрачества и Трактороцентром, который до 1932 г. объединял все МТС страны, было выставлено условие о том, что даже на временную работу в МТС «ни в коем случае не будут допускаться нетрудовые, кулацкие, нэпманские элементы и бывшие помещики»¹⁷. Хотя Трактороцентр из ведомственных интересов в некоторых случаях нарушал это требование¹⁸, в целом классовая линия в формировании кадров МТС выдерживалась. Типичен в этом отношении пример одной из первых МТС Московской области — Можайской. В 1931 г. курсы трактористов этой МТС целиком были укомплектованы из батраков, бедняков и середняков и не имели в своем составе ни одного кулака и подкулачника¹⁹. На эксплуатационных отделениях тракторно-механических школ (ТМШ), готовивших трактористов, основной контингент составляли колхозники; единоличников было не более 5—6%, причем из числа середняков или бедняков²⁰.

Направляющая роль государства в создании механизаторских кадров МТС выражалась в самых непосредственных и разнообразных формах:

¹³ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 109, л. 80.

¹⁴ Там же, оп. 11, д. 249, л. 36.

¹⁵ «Сельскохозяйственная газета», № 193 от 19 октября 1929 г.

¹⁶ «На стройке МТС», 1930, № 10, стр. 1.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 109, л. 44.

¹⁸ В конце 1930 г. председатель профсоюза МТС и батрачества Н. М. Анцелович отмечал, что Трактороцентр уделяет мало внимания вопросам социального состава трактористов (ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 135, л. 71).

¹⁹ Батраков было 2, бедняков — 43 и середняков — 131 (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 13, л. 32).

²⁰ Центральный архив Министерства сельского хозяйства СССР (ЦАМСХ), Трактороцентр, оп. 414, св. 43, д. 16 (листы не нумерованы). Приведенные обобщающие данные Трактороцентра об удельном весе единоличников в ТМШ полностью подтверждаются произведенным нами выборочным подсчетом по некоторым ТМШ: Бело-Озерской, Средне-Волжского края (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 136, л. 1); Волковской, Харьковской обл. (там же, л. 11); Котельнической, Вятской обл. (л. 26); Бугульминской, Татарской АССР (л. 33); Козельской, Западной обл. (л. 49); Константиновской (л. 83) и Ольховатской, ЦЧО (л. 124); Азовской, Северо-Кавказского края (л. 167).

на заводах и фабриках колхозников в порядке шефской помощи обучали механизаторским специальностям²¹, опытных механизаторов из давно сложившихся сильных МТС перебрасывали во вновь организуемые²², государственные органы повседневно вникали во все детали подготовки и использования кадров МТС. Однако главным здесь было то, что воспроизводство кадров производилось в масштабе всей страны, по единому плану, с учетом потребностей и имеющихся средств. Сошлемся для примера на план Трактороцентра на 1931 г. (табл. 1)²³.

Таблица 1

Потребность в механизаторских кадрах и ее покрытие

Специальности	Общая потребность	Наличие	Чистая потребность	Покрытие			
				стационарной сетью	дополнительными формами	итого покрыто	дефицит
Массовые квалификации	300 896	61 349	239 547	172 085	66 143	239 547	—
В том числе:							
трактористы и бригадиры	260 795	55 441	205 354	140 298	64 056	205 354	—
мастера по ремонту с.-х. машин	460	—	460	—	460	460	—
слесари, токари, кузнецы, сварщики и фрезеровщики	9 182	1 470	7 712	7 712	—	7 712	—
шоферы	2 981	175	2 806	2 379	427	2 806	—
бригадиры полеводы	8 828	1 386	7 442	7 442	—	7 442	—
прочие	18 650	2 877	15 773	14 254	1 200	15 773	—
Специалисты средней квалификации	9 815	1 430	8 385	600	2 355	6 255	2 130
высшей квалификации	3 686	1 119	2 567	384	866	2 425	142

Специфика государственного руководства формированием кадров МТС в рассматриваемый период, в отличие от последующего, состояла в том, что большинство этих кадров непосредственно готовилось и содержалось за счет колхозов. Оплата и организация труда механизаторов в МТС также в значительной мере находились в компетенции колхозов. Лишь штат ремонтных рабочих готовился и оплачивался государством, в то время как трактористы, машинисты, комбайнеры и др. готовились и оплачивались по трудовым колхозами, оставаясь все время колхозниками. Отсюда и различное административное подчинение. Если использование

²¹ Так, в 1933 г. для подшефных МТС и колхозов Петроградский район Ленинграда подготовил 218 трактористов и 32 ремонтных рабочих; Кировский район — 735 трактористов, 210 ремонтных рабочих и 47 механиков. См. Е. А. Баева. Борьба коммунистической партии за подготовку и воспитание колхозных кадров во второй пятилетке, Л., 1955, стр. 156—157 (рукопись кандидатской диссертации).

²² Например, при организации в 1933 г. в Московской области ряда новых МТС облисполком дал указание провести мобилизацию трактористов в старых МТС из расчета по одному квалифицированному трактористу на каждый трактор. См. Ю. С. Борисов. Создание и подготовка производственных кадров сельского хозяйства в период коллективизации (1930—1934 гг.), 1955, стр. 305 (рукопись кандидатской диссертации).

²³ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 109, л. 100.

ремонтных рабочих целиком зависело от МТС, то организация труда трактористов в основном находилась в компетенции колхозов.

Вначале механизаторские кадры почти исключительно готовились на специальных курсах. Последние были распылены по МТС, различным предприятиям и учебным заведениям. С 1930 по 1932 г. особенно распространены были курсы при так называемых ШКМ — школах колхозной молодежи. К весне 1930 г. они подготовили свыше 20 тыс. трактористов и полеводов, а на следующий год — около 200 тыс. для 1220 МТС, уже включившихся в весенний сев²⁴. Указанные курсы проводили обучение колхозников без отрыва их от своего колхоза. Это имело в то время громадное значение, так как еще не окрепшие колхозы не могли позволить себе на длительное время отрывать колхозников от производства и производить расходы, связанные с массовым командированием своих членов на соответствующие курсы в МТС и в городе²⁵.

В связи с тем, что большинство курсантов не имело достаточной общей подготовки, большая часть времени расходовалась на изучение общих дисциплин — родного языка, обществоведения, арифметики, что серьезно затрудняло профессиональную часть обучения. Из пяти месяцев, которые затрачивались на подготовку тракториста-рулевого, три месяца уходило на общеобразовательные предметы и только один-два месяца — на собственно производственное обучение.

Для получения более высокой квалификации окончившие эти пятимесячные курсы продолжали учебу при тех же ШКМ в свободное от полевых работ время. После второго года обучения они получали права помощников старших рулевых или комбайнеров, шоферов и машинистов; после третьего года обучения — уже старших рулевых и монтеров; после четвертого года они становились высококвалифицированными ремонтными рабочими и механиками²⁶. Учеба на четвертом году производилась уже в ремонтных мастерских и тракторно-механических школах, о которых речь будет ниже.

Расходы и ответственность по подготовке трактористов при курсах ШКМ несли одновременно колхозы, МТС и районные отделы народного образования. Первые руководили производственным обучением, наробразы — общеобразовательным; колхозы выделяли курсантов и брали на себя отопление, освещение учебных помещений и т. п.

Основным недостатком курсовой системы, связанным с краткосрочностью, был низкий уровень обучения. Полутора-двухмесячный срок обучения был совершенно недостаточен для освоения трактора.

На первой Всесоюзной конференции трактористов-ударников, созванной в конце 1930 г., систему подготовки механизаторских кадров критиковали главным образом за ее краткосрочность²⁷.

Другим недостатком была плохая организация учебного процесса. Курсы не имели сколько-нибудь достаточного оборудования, их материальная база была весьма слабой, преподавательские кадры — малоквалифицированными²⁸. Наблюдались случаи, когда правления колхозов снимали с учебы своих курсантов в самый ее разгар. Пропуск занятий доходил иногда до 40% всего учебного времени²⁹.

Оставляли желать много лучшего и программы. Так, например, на

²⁴ «На стройке МТС», 1931, № 9, стр. 55.

²⁵ «На стройке МТС», 1932, № 15—16, стр. 10.

²⁶ «На стройке МТС», 1931, № 9, стр. 58.

²⁷ См., например, ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 137, л. 6 и др.

²⁸ Там же, оп. 11, д. 249, л. 14.

²⁹ «Сельскохозяйственная газета», № 22 от 28 января 1930 г.

практические занятия отводилось лишь 20% учебного времени, а основное внимание уделялось теории³⁰. К этому следует прибавить, что из-за нехватки машин не всегда удавалось дать курсантам даже ту ограниченную практику, которая предусматривалась учебным планом. На упомянутом съезде представитель одной из северокавказских МТС рассказывал, что в школе крестьянской молодежи усердно занимались «теорией полеводства»: «все эти корешочки,— говорил он,— все эти растения колхозники в голове держат, а им хотелось видеть машину». Наконец, дали одну машину на 150 чел., и в результате на каждого курсанта пришлось только по 8 часов практических занятий³¹.

Нетерпимость подобного положения была очевидна, но Наркомзем вплоть до 1932 г. не принимал никаких радикальных мер по его изменению, так как это было связано с дополнительными ассигнованиями.

Другой причиной была порочная идея, бытовавшая среди части ответственных работников сельского хозяйства, которая заключалась в том, что механизаторам МТС якобы вообще не нужна высокая квалификация³². Некоторым объективным основанием подобного настроения являлась острая стесненность Советского государства в средствах, необходимость беречь и рассчитывать каждую копейку. Однако при искривленном понимании этой необходимости зачастую на практике выходили за рамки разумного: вместо трактористов готовили «поломщиков тракторов»³³, а вместо экономии на деле происходила растрата огромных материальных и денежных средств, так как «дешевая» подготовка кадров стоила в конечном результате весьма дорого. Так, представитель газеты «Сельскохозяйственный рабочий» сообщил на конференции ударников-трактористов, что в 1930 г. 7 тыс. тракторов (треть всего парка МТС), попав в неопытные руки, погибли³⁴.

Несколько лучше, чем на курсах, было поставлено обучение в тракторно-механических школах (ТМШ)³⁵, которые наряду с ремонтными рабочими готовили также наиболее квалифицированных работников для тракторных бригад и комбайнеров. Но удельный вес этих школ в деле подготовки механизаторских кадров МТС был крайне незначителен. В 1931—1932 гг. они подготовили всего 11 760 механизаторов разных специальностей³⁶, тогда как курсы подготовили более 350 тыс. одних трактористов³⁷.

Практически именно эти курсы полностью определяли положение.

Серьезный урон количеству и качеству подготовки механизаторских кадров МТС наносила их исключительно высокая текучесть. Основная масса механизаторов редко оставалась в МТС больше одного-двух сезонов. В самый разгар полевых работ сменялась почти половина трактористов. Летом 1931 г. текучесть среди трактористов достигла: по ЦЧО — 50% их общего числа, по Западной области — 40%, на Урале, в Сибири

³⁰ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 9, л. 168.

³¹ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 137, л. 48.

³² «Сельскохозяйственная газета» в № 12 от 17 июля 1929 г. опубликовала статью, в которой утверждалось, что в МТС трактором может управлять «обыкновенный чернорабочий, знающий только, как остановить и пустить машину».

³³ Такими словами оценил в 1930 г. краткосрочные курсы Крымский колхозсоюз (см. диссертацию Ю. С. Борисова, стр. 404—405).

³⁴ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 137, л. 59.

³⁵ ТМШ — бывшие профтехшколы — были переданы в систему Трактороцентра в 1931 г. В начале 1933 г. функционировали 42 такие школы (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 133, л. 86).

³⁶ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 133, л. 79. Подсчитано на основании данных о годовом наборе с учетом отсева.

³⁷ «На стройке МТС», 1932, № 15—16, стр. 8.

и на Средней Волге — по 30%³⁸. С окончанием же сезона из МТС уходило подавляющее большинство трактористов. Не будет преувеличением сказать, что в течение года во многих МТС состав тракторных бригад обновлялся по нескольку раз. Именно поэтому, несмотря на то, что трактористов готовили с запасом, сверх потребности, их постоянно не хватало (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный рост темпов подготовки механизаторских кадров МТС и тракторного парка за 1930—1932 гг.

	1930 г. ³⁹	1931 г.	1932 г.
Количество тракторов (на конец года) ⁴⁰	31 174	73 274	74 641
Подготовлено ⁴¹ :			
трактористов	17 420	136 061	227 113
старших рулевых (бригадиров)	2 070	14 560	нет свед.

Из таблицы 2 видно, что на каждый новый трактор, поступивший в МТС в 1931 г., было подготовлено примерно по четыре тракториста, в расчете же на весь тракторный парк каждый трактор был обеспечен более чем двумя трактористами (включая старших рулевых). Подготовленных в этом году трактористов было бы вполне достаточно для обеспечения потребности на следующий 1932 г., так как в этот год тракторный парк МТС увеличился не намного. Но поскольку они массами покидали МТС, в 1932 г. снова пришлось готовить механизаторов в таком количестве, как будто до этого не было подготовлено ни одного тракториста: по три человека на трактор из расчета на весь тракторный парк⁴². Тем не менее некоторые МТС и к весеннему севу 1932 г. испытывали нужду в механизаторских кадрах.

Трактористы уходили из МТС преимущественно в промышленность⁴³ и совхозы⁴⁴, а иногда оставались в колхозах, полностью переходя на нетракторные работы⁴⁵.

Текучесть наносила двойной ущерб государству: не только пропадала большая часть средств, расходованных на подготовку механизаторов, но МТС, страдая от отсутствия устойчивых, опытных механизаторских кадров, должны были мириться с вечными новичками, что, разумеется, сильно сдерживало их развитие.

Вполне понятно, что механизаторы уходили туда, где им было лучше,

³⁸ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 9, л. 214.

³⁹ В 1930 г. потребность в механизаторских кадрах частично была покрыта за счет трактористов колхозно-кооперативной системы.

⁴⁰ «Социалистическое строительство СССР». Статистический ежегодник. М., 1935, стр. 291.

⁴¹ «На стройке МТС», 1932, № 15—16, стр. 8.

⁴² ЦГАОР, ф. 7924, оп. 2, д. 1, лл. 184—185.

⁴³ На пленуме ЦК профсоюзов МТС и батрачества в 1932 г. один из делегатов Урала говорил: «Как только научатся управлять трактором или рулем..., уходят на Магнитострой, Уралмашстрой, Челябинскстрой и т. д., потому что там условия значительно лучше, чем у нас» (там же, л. 246).

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 129, л. 153. В совхозах условия для трактористов были лучше, чем в МТС. Например, в Сибири текучесть по Зернотресту в сезон 1931 г. составляла лишь 5%, тогда как в сибирских МТС она достигла 30% (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 9, лл. 214—215).

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 137, л. 50.

точнее, где был выше заработок. Основная причина текучести механизаторских кадров МТС коренилась прежде всего именно в неупорядоченной системе оплаты труда. Особенно большой разницей и неупорядоченность в этом вопросе наблюдались в начальный период существования МТС. Господствовал уравнильный принцип: работа трактористов, комбайнеров и машинистов оплачивалась без учета количества и качества затраченного труда; оплата трактористов всецело зависела от колхозов, а они, ощущая недостаток в средствах, не выделяли механизаторов из общей массы колхозников и оплачивали их одинаково с другими колхозниками⁴⁶. Во многих колхозах трактористы оказывались в худших условиях по сравнению с рядовыми колхозниками, выполнявшими сравнительно неквалифицированную работу. Ясно, что в таких условиях быть трактористом становилось невыгодно. Вот типичная картина в изображении одного из представителей МТС Поволжья на конференции трактористов-ударников. «У нас в МТС, — рассказывал он, — подготовили около 30 человек трактористов, а к сентябрю месяцу они все ушли работать в колхозы. Первая причина этого — они больше зарабатывали в колхозе, чем в МТС. Затем в МТС трактористы все время были грязные, им не давали мыла для умывания и вообще не было никаких удобств. Негде было спать... В этом вина правления колхоза. Правление колхоза сказало: зачем нам тракторист — он работает в МТС. Если так будет стоять вопрос, то мы не сможем дальше работать и будем каждый год готовить новых трактористов, а на тракторе никогда не будет сидеть практически подготовленный тракторист»⁴⁷.

В 1931 г. пленум профсоюза МТС и батрачества специально отметил в своем постановлении, что в связи с групповым, бригадным учетом труда, а также его плохой организацией и простоями «значительно уменьшается доход тракториста даже по сравнению с неквалифицированным колхозником»⁴⁸.

По данным, представленным секцией организации труда и учета конференции трактористов-ударников, труд тракториста-рулевого в 1930 г. в среднем был оплачен на 21% ниже, чем труд рядового колхозника⁴⁹. На трудовую единицу тракторист получал в среднем 1 р. 58 к.⁵⁰ Сдельные расценки в большинстве МТС отсутствовали, а там, где такие расценки существовали, они предусматривали оплату максимум в 1,5 трудовая единица за дневную норму работы на тракторе⁵¹. При таких расценках в самом идеальном случае тракторист мог заработать в год не более 300—375 трудовых, или в переводе на деньги — в два раза меньше, чем ремонтный рабочий.

В 1932 г. были сделаны некоторые попытки улучшить материальное положение механизаторов.

Прежде всего из общей массы трактористов выделили бригадиров тракторных бригад (называвшихся тогда старшими рулевыми или старшими трактористами). Учитывая их роль и сравнительно высокую квалификацию, многие МТС самостоятельно стали искать путей повышения их материальной заинтересованности. На Средней Волге в 1930 г. было вынесено, например, постановление о том, что старшие рулевые пе-

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 2, л. 205.

⁴⁷ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 137, л. 50.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 12, л. 112.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 129, л. 119.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Считалось, что уже в 1931 г. сдельщина существовала в большинстве колхозов (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 2, л. 37); на деле в большинстве случаев она носила формальный характер (там же, д. 3, лл. 6, 41).

реводятся на положение рабочих с твердым окладом⁵². В ряде случаев бригадирам и трактористам устанавливали доплату из фондов МТС за отдельные виды работ⁵³.

В начале 1932 г. решение Наркомзема устанавливало для старшего тракториста «в виде исключения» доплату из ресурсов МТС в размере от 200 до 450 руб. за сельскохозяйственный период⁵⁴. Система доплат старшим трактористам утвердилась в большинстве МТС⁵⁵. Кроме того, старший тракторист получал от МТС 50 руб. в месяц за участие в зимнем ремонте⁵⁶.

Что касается рядовых трактористов, то их материальное положение изменилось мало, хотя и были приняты некоторые меры для его улучшения. С 1932 г. для них был установлен гарантированный минимум в размере 1 р. 30 к. за трудовую единицу⁵⁷. Вводилась сдельная оплата труда. Расценки за выполнение дневной нормы выработки были увеличены с 1,5 до 2,25 трудовых. Предусматривались начисления за ночные работы (до 20%), за хорошее состояние трактора и т. п.⁵⁸ Однако эти меры во многом обесценивались тем, что все они должны были осуществляться маломощными в своем большинстве колхозами, еще не имевшими для этого достаточных средств. А то, что расчеты колхозов с трактористами производились через директора МТС, несшего прямую ответственность за своевременную выдачу трактористам причитающихся им сумм, не меняло дела. «Решение о порядке оплаты труда трактористов, — констатировал орган Трактороцентра, — не использовано на местах или проводится в жизнь весьма плохо. Это относится не только к отдельным МТС, но и к целым областям и краям. В целом ряде МТС трактористы ничего не получили за весеннюю посевную кампанию. А там, где и получили так называемые авансы, там они выдавались в уравнильном порядке»⁵⁹. Жалобы на то, что «колхоз не имеет денег» для оплаты трактористов, были обычным явлением⁶⁰. Встречались даже колхозы, которые вообще отказывались производить какие-либо расчеты с трактористами⁶¹. Если к этому прибавить, что многие колхозы не создавали трактористам минимума нормальных бытовых условий и плохо снабжали их (особенно во время полевых работ), то станет ясной причина высокой текучести трактористов и других механизаторов МТС⁶².

Организация труда механизаторов также во многом зависела от колхозов. Работая на машинах МТС, они тем не менее на деле подчинялись

⁵² Это постановление пришлось отменить из опасения, что оно может лечь тяжелым бременем на государственный бюджет. Объясняя причины отмены постановления, руководитель Трактороцентра говорил, что все остальные трактористы стали требовать такого же оклада (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 9, лл. 46—47).

⁵³ Например, в Давлекановской МТС Башкирии («На стройке МТС», 1932, № 1, стр. 62).

⁵⁴ «На стройке МТС», 1932, № 3, стр. 5.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 3, л. 22.

⁵⁶ «На стройке МТС», 1932, № 4, стр. 12.

⁵⁷ Там же, стр. 11.

⁵⁸ Там же, № 15—16, стр. 38—39.

⁵⁹ Там же, № 10, стр. 6.

⁶⁰ См., например, стенограмму VII пленума ЦК союза рабочих МТС и батрачества от 22 ноября 1933 г. (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 4, лл. 2—3).

⁶¹ «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1932, № 7, стр. 161.

⁶² По части бытового обслуживания трактористы тоже зачастую являются пастухами колхозов. Несмотря на ясное и категорическое указание Трактороцентра о том, что питание трактористам предоставляет тот колхоз, где они работают, колхозы к организации общественного питания трактористов нередко относились без всякого внимания («На стройке МТС», 1932, № 15—16, стр. 40). По вопросу о снабжении МТС см. ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 1, л. 17; оп. 3, д. 10, лл. 39—41; «На стройке МТС», 1932, № 1, стр. 19; № 13—14, стр. 34—36.

чаще правлению колхозов, чем дирекции МТС. Без согласования с правлением колхоза руководство МТС не могло даже наложить на тракториста-колхозника какое-либо административное взыскание⁶³.

По усмотрению колхозов механизаторов перебрасывали с одного участка на другой; часто в самый разгар работы их отзывали обратно в колхоз. Ни о какой персональной ответственности механизатора за выполнение задания, состояние агрегата и т. п. не могло быть и речи, поскольку за сезон «хозяева» на машине успевали смениться по нескольку раз⁶⁴. На обезличку в использовании техники работники МТС указывали в один голос, жалуясь, что тракторы переходят из рук в руки⁶⁵, что за них никто не отвечает и т. п.⁶⁶ «Рабочих (на тракторном агрегате.— Ю. А.),— писали из Павловского района Краснодарского края,— меняют по два раза в день... Это происходит потому, что на основе договора МТС с колхозами последние предоставляют рабочую силу, в том числе трактористов и бригадиров, без закрепления их на сезон»⁶⁷. Тракторной бригады как постоянной производственной единицы не существовало. При переходе тракторов из колхоза в колхоз менялись и трактористы и прицепщики, поскольку тракторный отряд в новом колхозе часто комплектовался заново⁶⁸.

Для уничтожения обезлички и текучести некоторые работники МТС предлагали такую радикальную меру, как включение всех трактористов в штат МТС⁶⁹. Но тогда эта мера не могла быть материально обеспечена. Возражая против этого, руководитель Трактороцентра А. М. Маркевич заявил на пленуме ЦК профсоюза МТС и батрачества в ноябре 1930 г., что МТС не могут «взять на свое содержание трактористов», так как для этого нет необходимых материальных средств⁷⁰. Была, однако, еще одна существенная причина: включать в штаты МТС трактористов в тот период было нецелесообразно из-за слабого уровня механизации сельского хозяйства. Объем работ МТС был еще невелик, и работники тракторных бригад большую часть времени проводили на нетракторных работах в колхозах. Использовать целиком их в МТС по специальности нельзя было не только в течение года, но даже в период основных сельскохозяйственных работ.

Улучшения организации труда трактористов приходилось искать иными путями. Главное внимание было сосредоточено на укреплении тракторной бригады (отряда) как постоянной хозяйственной единицы с определенным составом людей и машин. В начале 1932 г. ЦКК и НК РКК предложили Трактороцентру «поставить, как одну из важнейших задач» прикрепление тракторной бригады (в составе старшего тракториста — руководителя бригады и двух трактористов на каждый трактор) к опре-

⁶³ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 122, л. 11 («Табель взысканий для МТС»).

⁶⁴ Так, например, в одной только Сыктунской МТС (Урал) на нескольких тракторах (взятых по выбору) с мая по октябрь 1931 г. сменилось 27 трактористов («Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1932, № 5, стр. 64); в Вяземской МТС (Западная область) за сезон полевых работ на каждом тракторе сменялось по 9—17 чел. (там же, № 7, стр. 161).

⁶⁵ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 137, л. 228.

⁶⁶ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 1, л. 120.

⁶⁷ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 219, л. 174.

⁶⁸ Там же, д. 137, л. 136 (из доклада представителя Трактороцентра на секции организации бригад 1-й конференции трактористов-ударников).

⁶⁹ Например, на I-м съезде профсоюза МТС и батрачества в мае 1931 г. заявлялось о том, что тракторист должен состоять в штате в МТС (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 1, л. 130).

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 9, л. 44.

деленной группе колхозов на весь период тракторных работ⁷¹. Это постановление положило начало длительному процессу укрепления тракторной бригады как самостоятельной производственной единицы.

Начальный этап в формировании механизаторских кадров МТС (до 1933 г.) был периодом исканий наиболее рациональных форм организации и оплаты труда и обучения механизаторов. Пока главное внимание было обращено на количественную сторону проблемы. К 1933 г. за счет «избыточной» подготовки она в целом оказалась более или менее решенной. В 1933 г. на 123 200 тракторов, сосредоточенных в МТС, приходилось около 235 тыс. трактористов и 21 тыс. бригадиров тракторных бригад⁷², что было почти достаточно для организации двухсменной работы всего тракторного парка. Но плохое качество обучения, отсутствие у большинства механизаторов нужного опыта и т. п. в известной мере сводили на нет достигнутый количественный результат. Это прежде всего видно из того, что свои производственные планы большинство МТС выполняло ценой больших издержек и непроизводительной затраты средств и труда⁷³.

Однако, несмотря на все указанные недостатки, свое основное назначение в первые годы своего существования — «стать центром сплошной коллективизации целых районов»⁷⁴ — МТС выполнили. Уже в первом типовом договоре между МТС и колхозами в 1930 г. было предусмотрено, что все полевые земли, подлежащие обработке силами МТС, сводятся в единый, коллективно обрабатываемый земельный массив и всякие межи уничтожаются⁷⁵. Кроме того, работники МТС принимали самое непосредственное участие в создании колхозов, в борьбе с кулаками, выполнении хлебозаготовок и др.⁷⁶ В 1932 г. по стране было коллективизировано 61,5%, а в 1933 г. — 69,4% всех крестьянских хозяйств⁷⁷, причем в зонах деятельности МТС этот процент, как правило, был значительно выше⁷⁸.

Товарность колхозов, обслуживавшихся МТС, была намного выше товарности единоличных хозяйств. В 1931 г. МТС сдали государству 25% всего товарного зерна⁷⁹. Несмотря на засуху, поразившую целые районы, колхозы в зонах МТС досрочно выполнили план хлебосдачи.

⁷¹ «На стройке МТС», 1932, № 3, стр. 3 (постановление Президиума ЦКК и коллегии НК РКК СССР о проверке работы МТС и Трактороцентра).

⁷² «Колхозы во второй сталинской пятилетке». Статистический сборник. М.—Л., 1939, стр. 80.

⁷³ «На стройке МТС», 1932, № 2—3, стр. 3. В 1932 г., выявляя недостатки МТС, ЦКК и НК РКК указали, что в системе Трактороцентра тракторный парк находится в неудовлетворительном состоянии, во многих МТС допускаются большие простои, недопустимый расход горючего и низкая урожайность (там же, стр. 2). В период сельскохозяйственных работ тракторный парк простаивал по крайней мере треть времени, в большинстве случаев из-за неисправности тракторов («На стройке зерновых МТС», 1933, № 4, стр. 24—25). Часто за сезон почти все тракторы МТС настолько изнашивались, что требовали капитального ремонта. Так, в 1931 г. капитальный ремонт был необходим для 87% тракторов («Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1931, № 3, стр. 5).

⁷⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II. Изд. 7. Госполитиздат, 1953, стр. 526 (решение ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) 1929 г.).

⁷⁵ Т. Л. Басюк. МТС — решающая сила в развитии колхозного производства. М., 1954, стр. 169—170.

⁷⁶ Из переписи рабочих пяти МТС, произведенной Госпланом в конце 1930 г., видно, что подавляющее большинство рабочих этих МТС участвовало в коллективизации деревни, особенно в раскулачивании (ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 109, л. 84).

⁷⁷ «Социалистическое строительство в СССР». Статистический ежегодник. М., 1935, стр. 317.

⁷⁸ «На стройке зерновых МТС», 1933, № 1—2, стр. 24.

⁷⁹ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 14, л. 145.

Если колхозы, не обслуживавшиеся МТС, сдали в среднем по 1,92 ц хлеба с гектара, а единоличные хозяйства — по 1,57 ц, то колхозы в зонах МТС сдали по 2,91 ц с гектара, причем досрочно⁸⁰.

В 1932 г. ЦКК и НК РКК констатировали, что МТС на деле стали опорными пунктами сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, а также решающим фактором подъема товарности колхозов⁸¹.

* * *

К концу 1932 г., досрочно выполнив первый пятилетний план и накопив достаточное количество материальных и финансовых средств, Советское государство отказалось от акционерных форм организации МТС, и они были переведены на государственный бюджет. В годы второй пятилетки роль МТС в колхозном производстве значительно усилилась и они стали подлинными центрами политического и организационного руководства колхозами.

Повышение значения МТС было вызвано новыми задачами организационно-хозяйственного укрепления колхозов. И здесь, как и при решении задачи сплошной коллективизации, МТС принадлежала решающая роль.

К концу второй пятилетки МТС обслуживали 9/10 колхозных посевов, их тракторный парк всего за семь лет (1933—1940) вырос почти в четыре раза. Такими же темпами росла и армия механизаторов (табл. 3).

Таблица 3
Рост числа механизаторов МТС за 1933—1940 гг.

	На конец года			
	1933 ⁸²	1935 ⁸³	1937 ⁸⁴	1940 ⁸⁵
Число МТС	2 916	4 375	5 818	7 069
В МТС:				
тракторов	123 200	254 700	365 800	435 000
трактористов	234 987	492 500	685 016	855 349
комбайнеров	10 511	29 887	82 413	
бригадиров тракторных				
бригад	20 874	—	95 832	
ремонтных рабочих	86 034	96 501	99 423	154 773 ⁸⁶

Число механизаторов всех специальностей за семь лет примерно учетверилось, достигнув к 1940 г. в круглых цифрах 1 млн. 300 тыс. чел.⁸⁶

Но этого мало. По мере того как усиливалась роль МТС и они целиком становились государственными предприятиями, изменялось и положение механизаторов. Трактористы, комбайнеры, машинисты постепенно все более и более выделяются в особую категорию колхозников. Резко возрастает и их политическое влияние в деревне как наиболее передовой, политически сознательной части колхозной массы.

⁸⁰ «На стройке зерновых МТС», 1933, № 1—2, стр. 27.

⁸¹ «На стройке МТС», 1932, № 3, стр. 12.

⁸² «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. 80.

⁸³ ЦГАОР, ф. 7486, оп. 3, д. 1824, лл. 277 об.—280.

⁸⁴ ЦАМСХ СССР, оп. 484, св. 48, д. 4, л. 69.

⁸⁵ ЦАМСХ СССР, Сводный годовой отчет МТС Союза ССР за 1940 г.

⁸⁶ «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник. М., 1956, стр. 154; ЦАМСХ СССР, Главк МТС, Сводный годовой отчет МТС Союза ССР за 1940 г.

Роль МТС особенно возрастает в 1933—1934 гг. — в период деятельности политотделов МТС. В политотделы МТС Центральным комитетом партии было послано 17 тыс. лучших партийных работников⁸⁷, перед которыми была поставлена задача укрепления колхозов и МТС, прежде всего путем правильного подбора и воспитания кадров. Руководствуясь этим указанием, политотделы МТС с первых дней своей работы начали укреплять партийные и комсомольские организации МТС, ликвидировать запущенность в массово-воспитательной работе среди механизаторов и колхозников. Партийные, комсомольские и профсоюзные организации МТС были перестроены по производственному принципу⁸⁸.

Политотделы и партийные организации МТС проделали большую работу по отбору кадров механизаторов и проверке их с политической и деловой стороны. В результате в 1933 г. от работы в МТС были отстранены («вычищены») 13,2% трактористов и примерно столько же ремонтных рабочих⁸⁹.

Одновременно политотделы в масштабах всей страны организовали переподготовку механизаторов. При МТС создавались квалификационные комиссии, которые всех трактористов распределяли по I и II категориям, а часть отсылалась снова на учебу⁹⁰. Подбор и учеба курсантов, расстановка их на производстве по окончании учебы, организация и оплата труда механизаторов и другие связанные с кадрами вопросы политотделы и партийные организации МТС держали под своим неослабным контролем.

Большое внимание было уделено подъему культурного уровня механизаторов. Первым и наиболее важным шагом в этом направлении была ликвидация неграмотности (в то время общая культура деревни была так низка, что даже среди трактористов были неграмотные⁹¹). Была развернута сеть ликбесов, которые, опираясь главным образом на силы актива, так называемых культармейцев, в короткий срок сумели добиться больших результатов⁹². В первые же годы существования МТС количество неграмотных механизаторов сократилось в два-три раза. Ко времени же завершения коллективизации с неграмотностью в МТС было практически покончено⁹³. Механизаторы были той частью колхозного крестьянства, которая наиболее быстро приобщалась к культуре. Как уже упоминалось, на курсах они изучали и общеобразовательные предметы. Красные уголки, клубы, агитповозки, агитфургоны, агитбригады и другие многообразные формы политической и культурной работы были дополнительным и действенным фактором по поднятию культурного и политиче-

⁸⁷ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 804.

⁸⁸ До 1933 г. партийные, комсомольские ячейки и профсоюзные организации МТС строились по территориальному признаку. К чему это приводило, видно на примере Бежицкой и Львовской (ЦЧО) МТС: к рабочему первой были прикреплены парикмахерская, белошвейная мастерская, чемоданная мастерская, кондитерская и др.; к рабочему второй — батраки, пастухи, райзо, два льнозавода, птицефермы и др. (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 10, л. 12).

⁸⁹ «Материалы о работе политотделов МТС за 1933 г.», М., 1934, стр. 18 и 28.

⁹⁰ На Средней Волге большинство трактористов не было допущено к работе без переподготовки; в МТС Северного Кавказа 28% трактористов оказались недостаточно технически грамотными; в Донецкой области в переподготовке нуждались 30% трактористов и т. д. (там же, стр. 19).

⁹¹ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 109, л. 79.

⁹² ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 10, л. 46.

⁹³ По материалам выборочных обследований в 1930 г., среди рабочих МТС 8% было неграмотных и 20% малограмотных (ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 109, л. 79); в 1933 г. число неграмотных составило 2%, малограмотных — 13% (там же, ф. 7924, оп. 3, д. 10, л. 48). В целом по профсоюзу МТС и батрачества число неграмотных упало с 15% в 1931 г. до 4,7% в 1933 г. (там же, ф. 7924, оп. 3, д. 10, л. 46).

ского уровня механизаторов⁹⁴. Газета, книга, кино, радио стали входить в их повседневную жизнь.

В конце 1933 г. политотделы МТС выпускали 2153 газеты, издававшихся типографским способом. После ликвидации политотделов свои газеты сохранили лишь крупные МТС, но большое распространение получили стенная печать и радио. Уже в 1933 г. 90% МТС были радиофицированы. При центральных усадьбах МТС создавались стационарные библиотеки, при тракторных бригадах — передвижные⁹⁵. Сотни культработников, часть которых выдвинулась из среды самих механизаторов⁹⁶, непосредственно в поле проводили беседы, читки газет, устраивали концерты самодеятельности и т. п.⁹⁷

Так, в Погрузинской МТС на Средней Волге все тракторные бригады имели свои полевые библиотеки, газеты и журналы. В бригадах регулярно выпускались стенгазеты, живые газеты, демонстрировались кинофильмы⁹⁸. В Рязской МТС Московской области систематически устраивалась читка газет, книг, проводились беседы, производственные совещания, выпускались стенгазеты. Бригады были снабжены тракторными будками, библиотечками, аптечками, хорошим общежитием. Положительный опыт Рязской МТС был обобщен в постановлении бюро МК ВКП(б) от 28 мая 1936 г. Постановление предлагало секретарям райкомов, директорам МТС, замполитам организовать изучение опыта работы передовых бригад и отдельных трактористов-стахановцев, систематически проводить в тракторных бригадах политдни по вопросам текущей политики, выделить в каждой бригаде чтецов газет и художественной литературы и вести с ними систематическую работу, периодически собирая их для инструктажа. Постановление уделило также большое внимание повышению общего культурного уровня трактористов; в частности, оно пропагандировало опыт Ухоловской МТС, организовавшей среднюю школу для трактористов, предлагало создавать специальные курсы заочного обучения трактористов и т. д.⁹⁹

Партия видела в механизаторах один из основных источников пополнения партийных рядов в деревне. Неоднократно в решениях партийных организаций, с трибуны партийных пленумов и конференций указывалось на необходимость приема в партию лучших механизаторов. Так, например, в решении бюро МК от 28 мая 1936 г. говорилось: «МК подчеркивает особое значение подготовки к приему в партию и вербовки в группы сочувствующих лучших стахановцев трактористов и трактористок»¹⁰⁰.

К 1936 г. примерно 14—17% трактористов и комбайнеров МТС были членами партии и комсомольцами, т. е. партийно-комсомольская

⁹⁴ В 1934 г. 82,6% низовых организаций сельскохозяйственных профсоюзов располагали красными уголками («Статистический справочник», вып. 1. Учетно-статистический сектор ВЦСПС, М., 1935, стр. 48). В наиболее крупных МТС были свои клубы. В системе профсоюзов МТС Юга и Центра и МТС Востока было 222 клуба (там же, стр. 47).

⁹⁵ В докладной записке профсоюза МТС и батрачества в ЦК ВКП(б) 1934 г. говорилось: «В настоящее время библиотеки имеются у большинства МТС. Количество книг в них различно. Например: по 168 библиотекам Украины количество книг колеблется от 68 до 5000 томов» (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 10, л. 55).

⁹⁶ Только в 1933 г. по линии профсоюзов из числа рабочих МТС готовилось 25 тыс. культработников, редакторов стенгазет и многотиражек, чтецов, радистов и т. п. (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 143, лл. 24—25).

⁹⁷ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 3, д. 10, лл. 46—55; д. 143, лл. 24—26, 103—111.

⁹⁸ Там же, д. 10, л. 52.

⁹⁹ Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2938, лл. 137—138.

¹⁰⁰ Там же, л. 138; см. также д. 2940, л. 69; д. 2927, л. 158; д. 2952, л. 336.

прослойка здесь была гораздо значительнее, чем среди других колхозных кадров¹⁰¹.

Начиная с 1933 г. основные кадры механизаторов МТС стали выделяться из общей массы колхозников в экономическом и в других отношениях. Начал постепенно складываться новый социальный тип деревни — колхозник-рабочий. Это нашло выражение в ряде процессов.

В 1933—1934 гг. во всех МТС окончательно укоренилась в качестве основной производственной единицы тракторная бригада с постоянным составом трактористов. Это означало, что теперь тракторист прикреплялся к трактору на весь период сельскохозяйственных работ, все распоряжения бригадира и руководства МТС были для него обязательны. Став членом постоянной тракторной бригады, тракторист, как правило, перестал обслуживать только свой колхоз. Теперь в производственном процессе тракторист выступал не только и не столько как колхозник, работающий на полях «своего колхоза», сколько как работник МТС, трудящийся на производственных участках машинно-тракторной станции. Таким образом, тракторист постепенно вовлекался в производственную систему МТС. В соответствии с этим стало иным и правовое положение трактористов. Если раньше они зачастую выделялись колхозами независимо от МТС, то теперь назначались приказом директора МТС. Постановление СТО от 21 сентября 1933 г. «Об организации использования тракторного парка» предусматривало, что в случае самовольного ухода тракторист лишался «удостоверения тракториста» и одновременно исключался из колхоза¹⁰². Была разработана целая система мер поощрений и взысканий, позволявшая руководству МТС регулировать труд тракториста¹⁰³.

Постепенно изменялась также система оплаты труда трактористов. Постановлением СТО от 21 сентября 1933 г. гарантийный минимум оплаты труда трактористов был увеличен до 2 р. 50 к. деньгами и 3 кг зерном за трудодень. В постановлении особо подчеркивалось, что все «расчеты с трактористами производит непосредственно МТС, для чего колхозы вносят в МТС для расплаты с трактористами хлеб и деньги в размерах, определенных количеством трудодней, выработанных трактористами...»¹⁰⁴. Бригадирам тракторных бригад устанавливалась доплата от МТС; по договоренности с МТС они могли даже целиком перейти на оплату и содержание от МТС.

В дальнейшем из числа механизаторов были выделены комбайнеры. В соответствии с принятым в апреле 1935 г. постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) они были зачислены в штат МТС в качестве постоянных работников. Для них вводилась премиально-прогрессивная заработная плата во время уборки. В остальное время комбайнер должен был быть использован как тракторист, бригадир или ремонтный рабочий с оплатой в зависимости от выработки в размере от 200 до 240 руб. в месяц¹⁰⁵.

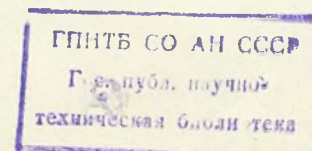
¹⁰¹ По данным 573 МТС и 7030 колхозов, в январе 1936 г. партийно-комсомольская прослойка среди трактористов составляла 14,2%, комбайнеров и их помощников — 16,7%; в то же время у колхозных звеньевых она равнялась 5,5%, у скотников — 2,8%, у конюхов — 2,8%. Так как подавляющее число трактористов и комбайнеров было моложе 25 лет, среди них преобладали комсомольцы; среди трактористов их насчитывалось 13,3%, среди комбайнеров и их помощников — 14,3% («Труд в СССР», М., 1936, стр. 326).

¹⁰² «Важнейшие решения по сельскому хозяйству», М., 1935, стр. 217.

¹⁰³ Там же, стр. 220.

¹⁰⁴ Там же, стр. 209—210.

¹⁰⁵ «Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1939 гг.», М., 1939, стр. 160—161.

Указанные решения способствовали уменьшению текучести кадров МТС, что было важной предпосылкой роста их квалификации. Особенно заметно сократилась текучесть среди комбайнеров. Если в 1930—1936 гг. на каждый комбайн в МТС приходилось готовить по 2,6—3 комбайнера и при этом в них все равно ощущался недостаток, то в 1937—1938 гг. на каждый новый комбайн готовили уже примерно 1,5 комбайнера¹⁰⁶.

К сожалению, полной картины изменения процесса текучести по мере укрепления МТС составить невозможно, так как ни Наркомзем, ни ЦСУ соответствующего учета не вели. В записке, направленной в 1940 г. из Наркомзема в отдел кадров ЦК ВКП(б), отмечалось, что в МТС нет даже «установленного законом учета личного состава трактористов и каждая МТС ведет учет по своей системе, т. е. бессистемно»¹⁰⁷. Поэтому мы попытались путем ряда расчетов, основанных на сопоставлении данных о подготовке и наличии механизаторов, получить хотя бы общее представление о динамике движения механизаторских кадров МТС за изучаемый период (табл. 4)¹⁰⁸.

Таблица 4 показывает, что если на первом этапе формирования механизаторских кадров МТС (до 1933 г.) в течение двух лет выбывало почти две трети механизаторов, то в последующий период (1934—1939 гг.) в каждые два года выбывала примерно $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$, т. е. текучесть сократилась в 1,5—2 раза. Главная причина столь существенного сокращения состоит в том, что после 1933 г. улучшилась система оплаты труда механизаторов, окрепло социалистическое сельское хозяйство в целом, выросла урожайность и, следовательно, возросла их материальная заинтересованность в работе в МТС.

В то же время таблица говорит о том, что начиная с 1936 г. уменьшение текучести среди комбайнеров шло более быстрыми темпами, чем у трактористов. До 1935 г. включительно дело обстоит наоборот. Объясняется это также прежде всего более выгодными изменениями для комбайнеров по сравнению с трактористами в системе оплаты труда и их положении после того же 1935 г. В то время как комбайнеры теперь стали штатными рабочими МТС, получая заработную плату от государства, трактористы все еще в основном оставались колхозниками и оплачивались колхозами. Расчеты с трактористами многие колхозы продолжали производить неаккуратно, с большими переборами. По данным за 1937 г., примерно половина колхозов имела задолженность по расчетам с трактористами¹⁰⁹. На 15 ноября 1938 г. по 5 тыс. МТС задолженность трактористам составляла 206 млн. руб. В Шехманской МТС (Воронежской области), например, при проверке причин ухода трактористов обнаружилось, что за 1937 г. им не выплатили 50 тыс. руб. и в 1938 г. задолжали 40 тыс. руб.¹¹⁰

Трактористы покидали МТС и по другим причинам. В записке Главного управления подготовки кадров Наркомзема СССР, направленной в ЦК ВКП(б) в 1940 г., перечислялись следующие причины ухода тракто-

¹⁰⁶ Расчет произведен по данным о численности комбайнов МТС и численности подготовленных комбайнеров за указанные годы. Сведения о выпуске комбайнеров взяты из ЦАМСХ, оп. 484, св. 48, д. 1, л. 191 и д. 3, л. 20.

¹⁰⁷ ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, л. 40.

¹⁰⁸ Таблица составлена на основании следующих материалов: ЦГАОР, ф. 7486, оп. 3, д. 1824, л. 277 об.—279; ЦАМСХ, оп. 484, св. 48, д. 1, л. 191; д. 2, лл. 1, 5, 20, 24, 55, 48, 59; д. 3, л. 20; д. 4, л. 69; оп. 497, св. 39, д. 50, лл. 34 и 40; «На стройке МТС», 1932, № 15—16, стр. 8; «МТС и колхозы в 1936 г.», «Статистический сборник», М., 1937, стр. 626—627, 630—631; «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. 80.

¹⁰⁹ Из 237 448 учтенных колхозов имели долги трактористам натурой 107 789 колхозов, деньгами — 107 921 (ЦГАОР, ф. 7486, оп. 3, д. 2674, л. 32).

¹¹⁰ «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 3, стр. 58.

Таблица 4

Движение механизаторских кадров МТС за 1931—1939 гг.
(в тысячах)¹¹¹

1932—1933 гг. (на конец года)	Трактористов	Комбайнеров
Было в 1931 г. ¹¹²	124,0	—
Подготовлено в 1932 г.	227,0	—
„ „ 1933 г.	261,0	—
Итого должно было быть (при отсутствии текучести) в 1933 г.	612,0	—
Было фактически в 1933 г.	235,0	—
Выбыло за два года	377,0(62%)	—
1934—1935 гг.		
Было в 1933 г.	235,0	10,5
Подготовлено в 1934 г.	248,0	22,7
„ „ 1935 г.	281,0	24,2
Должно было быть в 1935 г.	764,0	57,4
Было фактически в 1935 г.	492,5	37,4
Выбыло за два года	271,5(35,5%)	27,4(48%)
1936—1937 гг.		
Было в 1935 г.	492,5	30,0
Подготовлено в 1936 г.	367,9	56,7
„ „ 1937 г.	343,4	40,0
Должно было быть в 1937 г.	1203,8 ¹¹⁰	126,7
Было фактически	685,0	82,4
Выбыло за два года	518,8(43%)	44,3(35,0%)
1938—1939 гг. (июнь-июль)		
Должно было быть (с учетом подготовки за два года) в 1939 г.	2310,0	166,0
Было фактически	695,0	133,8
Выбыло за два года	515,0(42,5%)	32,2(19,6%)

¹¹¹ Помимо вновь подготовленных и оставшихся с прошлых лет, кадры МТС ежегодно пополнялись также за счет резерва из числа ранее подготовленных и ушедших в прежние годы механизаторов. Учесть этот резерв невозможно, так как ни в одном архиве нет даже косвенных сведений на этот счет. Но поскольку резерв не имел решающего значения и контингент механизаторов пополнялся главным образом за счет вновь подготовленных кадров, игнорирование его общей картины существенно не меняет.

¹¹² Численность трактористов в 1931 г. рассчитана приблизительно, исходя из данных о наличии трактористов за 1930 г. (ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 109, л. 100), числа подготовленных в 1931 г. («На стройке МТС», 1932, № 15—16, стр. 8) и показателя текучести за 1931 г. (ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 9, л. 214). Этот расчет в общем подтверждается и при другом методе исчисления, основанном на использовании индекса обеспеченности. В 1930 г. на 31 тыс. тракторов («Социалистическое строительство СССР». Статистический ежегодник. М., 1935, стр. 291) приходилось 50 тыс. трактористов (ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 109, л. 109), т. е. индекс был равен 1,6. В 1933 г. индекс составлял 1,9 (данные о парке тракторов и численности трактористов за 1933 г. приводятся в статистическом сборнике «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. 80). Таким образом, индекс 1931 г. составлял примерно 1,7—1,8. Зная величину тракторного парка МТС в 1931 г. (173 тыс.) («Социалистическое строительство в СССР», 1935, стр. 291), находим численность трактористов: 73 тыс. × 1,7 или 1,8 = 124 тыс. или 127 тыс. Принимаем число в 124 тыс., так как оно ближе к результатам первого расчета.

ристов: просроченная задолженность, неудовлетворительные бытовые условия, особенно в районах нечерноземной полосы¹¹³, недостаточная квалификация, влекущая за собой аварии, пережоги горючего и, следовательно, крупные штрафы или отстранение от работы. Наконец, текучести трактористов способствовала также система подготовки их на «резерв». «Директор МТС,— указывалось по этому поводу в записке,— всегда старается подготовить трактористов больше, чем нужно для МТС в действительности, и поэтому, имея в резерве обученных трактористов, не дожидается уже работающими, не улучшает бытовых условий...»¹¹⁴

Следует также учитывать, что, помимо текучести, вызванной причинами материально-бытового порядка, имела место и естественная текучесть — призыв в РККА, болезни и т. п. К сожалению, система учета того времени не дает возможности получить полные сведения о соотношении различных причин ухода. Лишь некоторые областные материалы позволяют в какой-то степени восполнить этот пробел. В нашем распоряжении имеются обобщенные данные по 10 областям — Вологодской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Ленинградской, Кировской, Московской, Рязанской, Смоленской и Ярославской. Из 62 367 трактористов МТС, выбывших в этих областях с 1 января по 10 октября 1938 г., 12 916, или 20,7%, были мобилизованы в РККА и 21 110 чел., или 33,9%, посланы на учебу для переквалификации в комбайнеров, бригадиров, механиков¹¹⁵. Всего, таким образом, по естественным причинам ушло более половины всех выбывших трактористов. К сожалению, все остальные причины объединены рубрикой «разные», но надо полагать, что здесь преобладал переход в другие отрасли народного хозяйства из соображений материальной заинтересованности. Сравнительно полные сведения по этому вопросу мы имеем по МТС Тульской области. Они говорят о том, что в промышленность и колхозы уходило около половины выбывавших трактористов. В 1939 г. 33,6% всех выбывших из МТС Тульской области трактористов ушли в промышленность, 15,2% — в колхозы на разные работы, 6,5% уволились по болезни и 31,9% были мобилизованы в РККА; остальные выбыли по «прочим причинам»¹¹⁶.

Судя по этим материалам, можно считать, что в промышленных районах Центра и Запада среди выбывавших из МТС трактористов не менее половины уходило по причинам, не связанным с материально-бытовыми условиями. В районах, где промышленность была менее развита, мобилизации и другие причины играли, естественно, еще большую роль. В целом из высчитанной нами в таблице 4 текучести трактористов в 40—45% текучесть по причинам материально-бытового порядка не превышала за каждые два года в 1936—1939 гг. 20—25% их общего числа.

Известный отпечаток на размеры текучести накладывала разница в экономико-географических и других условиях отдельных районов. Как правило, там, где труд в сельском хозяйстве был тяжелее и менее выгоден, механизаторов было меньше и наоборот (табл. 5).

Из таблицы 5 видно, что в тех районах, где выработка на трактор была выше и сельскохозяйственный труд материально лучше обеспечивался, в трактористах недостатка не ощущалось. Наиболее обеспечены трактористами были МТС исконно сельскохозяйственных южных районов — Се-

¹¹³ В записке отмечалось, что в районах нечерноземной полосы, где трактористу приходилось обслуживать до 10 колхозов, не было даже полевых станков (ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, л. 38).

¹¹⁴ ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, л. 38.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же, л. 39.

Таблица 5

Обеспеченность МТС трактористами по районам в 1936 г.

Районы	Число тракторов в МТС ¹¹⁷	Всего трактористов ¹¹⁸	На один трактор трактористов	Выработка на 15-сильный трактор (в га мягкой пахоты)	Выдано на двор по трудодням ¹¹⁹	
					зерном, ц	деньгами, руб.
Районы слабой обеспеченности (до 1,7 трактористов на трактор)						
Северный край	968	1586	1,6	174	9,6	114
Карельская АССР	190	314	1,6	81		
Ленинградская обл.	2561	3825	1,5	156	7,8	219
Западная обл.	2808	3684	1,3	277	10,5 ¹²⁰	156 ¹²⁰
Калининская обл.	2580	3720	1,4	197	9,1	245
Башкирская АССР	3413	5715	1,7	—	33,6	89
Вост.-Сиб. край	2183	3259	1,5	304	11,3 ¹²¹	267 ¹²¹
Районы средней обеспеченности (1,7—1,9 трактористов на трактор)						
БССР	3751	6516	1,8	242	8,1	167
Московская обл.	4758	8923	1,8	322	8,8	235
Сталинградская обл.	12128	21434	1,8	560	19,2	333
Оренбургская обл.	7712	14345	1,9	388	36,5	371
Омская обл.	5346	10149	1,9	380	33,4	246
Саратовская обл.	11823	22476	2,0	514	38,2	219
Челябинская обл.	9290	17439	1,9	3,9	38,1	166
Свердловская обл.	4014	7565	1,9	442	32,7	118
Зап.-Сибирский край	14599	24874	1,7	404	22,6 ¹²²	330 ¹²²
Красноярский край	3348	6313	1,9	348	21,4	312
Бурят-Монгольская АССР	1018	1854	1,8	297	23,5	358
Дальне-Восточный край . .	2813	5425	1,9	262	12,9	423
Районы наибольшей обеспеченности (2 и больше трактористов на трактор)						
Воронежская обл.	10703	23364	2,37	495	17,1	155
Курская обл.	6294	14361	2,3	430	17,6	203
Сев.-Кавказский край	6203	17784	2,9	590	25,6 ¹²³	644 ¹²³
Азово-Черноморская обл.	16823	39296	2,3	564	28,4 ¹²⁴	455 ¹²⁴
Харьковская обл.	8656	19305	2,3	431		—
Винницкая обл.	7152	15450	2,1	429		—
Днепропетровская обл. . .	8538	18799	2,2	599	14,1 ¹²⁵	374 ¹²⁵
Донецкая обл.	6534	13936	2,1	489		—
Киевская обл.	8438	17651	2,1	422		—
Одесская обл.	8517	19335	2,2	520		—

¹¹⁷ Данные о числе тракторов и выработке извлечены из сб. «МТС и колхозы в 1936 г.», М., 1937.

¹¹⁸ ЦГАОР, ф. 7486, оп. 3, д. 1824, лл. 273 об.—288.

¹¹⁹ Сб. «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. 110—111.

¹²⁰ Данные по Смоленской области.

¹²¹ Данные по Иркутской области.

¹²² Данные по Алтайскому краю.

¹²³ По всей зоне Северного Кавказа и Крыма, в том числе и Краснодарского края, выдано на двор 34,2 ц зерна и 894 руб.

¹²⁴ Данные по Ростовской области.

¹²⁵ Данные по Украинской ССР в целом.

верного Кавказа и Украины, особенно первого, который выделялся наивысшей выработкой на трактор и наилучшей в Советском Союзе оплатой трудодня тракториста. В Северо-Западной и других областях потребляющей полосы с их неблагоприятными для сельского хозяйства климатическими условиями заработка механизаторов были низкие и многие из них стремились уйти из МТС, прежде всего в промышленность¹²⁶. В этих районах текучесть оставалась относительно высокой. «Особенно велика текучесть трактористов, — отмечал экономист П. Лапаев, — в Калининской, Горьковской, Рязанской, Вологодской, Кировской, Ленинградской, Московской, Смоленской, Ярославской и Ивановской областях»¹²⁷. Здесь за 10 месяцев 1938 г. при наличии 106 тыс. трактористов (на 1 января 1938 г.) по разным причинам прекратили работу на тракторе 28 тыс. чел. (не считая призванных в РККА и выдвинутых на другую работу)¹²⁸.

Первостепенную роль системы оплаты труда в создании устойчивых и квалифицированных механизаторских кадров МТС ЦК партии и правительство учитывали самым тщательным образом. Партийные организации заботились о том, чтобы все важнейшие решения партии и правительства по этому вопросу своевременно и понятно доводились до широких масс колхозников и механизаторов¹²⁹. Осуществление этих решений партийные организации брали под свой непосредственный контроль, требуя бережно относиться к механизаторам, не допускать задержки начисления им трудодней и выплаты задолженности¹³⁰. Секретарям райкомов и заместителям директоров МТС по политчасти вышестоящие органы неоднократно прямо вменяли в обязанность проверять и улучшать материальное положение механизаторов¹³¹.

Учитывая огромное значение принципа материальной заинтересованности, партия и правительство неуклонно совершенствовали систему оплаты труда механизаторов. В апреле 1937 г. были переведены на государственную оплату трактористы хлопководческих МТС, а с января 1939 г. государство взяло на себя оплату денежного гарантийного минимума в размере 2 р. 50 к. за трудодень трактористам всех МТС. За колхозами была оставлена обязанность выплаты натуральной части трудодня, а также разницы между гарантийной денежной оплатой и фактической стоимостью части трудодня (разумеется, в тех случаях, когда эта стоимость была выше гарантийного минимума)¹³². Гарантийный минимум натураль-

¹²⁶ Интересно отметить, что именно в этих районах наблюдался наибольший отход колхозного населения на зимние приработки. На 1 января 1938 г. в большинстве северо-европейских областей отсутствовало («были в отходе») свыше 12% колхозников, тогда как в степных южных районах — не свыше 6% (ЦГАОР, ф. 1562, оп. 20, д. 272, л. 17).

¹²⁷ «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1939, № 1—2, стр. 82.

¹²⁸ ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, л. 38. Следует отметить, что П. Лапаев, приведя эти цифры, допустил некоторую неточность. Он считал, что 28 тыс. выбыло из 106 тыс. Таким образом, не было принято во внимание, что в течение первой половины 1938 г. в МТС дополнительно к 106 тыс. поступили вновь подготовленные трактористы. Мы остановились на этой неточности потому, что она повторяется в материалах Наркомзема. Между тем это приводит к некоторому преувеличению действительной текучести кадров.

¹²⁹ Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 1753, л. 9.

¹³⁰ Там же, д. 2938, л. 138.

¹³¹ Так, например, бюро МК ВКП(б) приняло специальное решение, в котором поручало райкомам партии проверить, как оплачиваются комбайнеры и трактористы (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2936, л. 45); бюро Алтайского крайкома обязало заместителей директоров МТС по политчасти создать лучшие бытовые условия для комбайнеров (там же, д. 72, лл. 170—171).

¹³² Постановление Совнаркома ЦК ВКП(б) «О порядке начисления натуроплаты за работу МТС по зерновым культурам» («Важнейшие решения по сельскому хозяйству в 1938—1939 гг.», стр. 138).

ной части трудодня остался без изменения (3 кг зерна), но многие колхозы в эти годы стали выдавать больше, чем это было предусмотрено минимумом. В 1937 г. в целом по стране зерна на трудодень было выдано по 3,9 кг, а по РСФСР — 4,5 кг. Однако денежная оплата трудодня оставалась низкой, составив в 1937 г. в среднем по стране 85 коп. за трудодень¹³³. Поэтому денежный гарантийный минимум для механизаторов практически значил гораздо больше, чем натуральный.

Таким образом, по своему положению механизаторы чем дальше, тем больше выделялись из основной массы колхозников и приближались к категории рабочих государственных предприятий. Если раньше оплата труда целиком производилась колхозами, а государство лишь регулировало и контролировало ее, то теперь оно уже непосредственно оплачивало часть их трудодня. Кроме того, как уже указывалось, в штаты МТС в качестве постоянных рабочих была включена наиболее ответственная группа механизаторов — комбайнеры.

Изменилась к лучшему система подготовки механизаторов. И здесь роль государства неуклонно возрастала. С реорганизацией в 1932 г. ШКМ в общеобразовательные школы подготовка механизаторов почти целиком сосредоточилась непосредственно в МТС. Если в конце 1930 г. о такой подготовке говорили как о «новой форме»¹³⁴ обучения и вопрос о переходе к этой форме ставился лишь в порядке обсуждения¹³⁵, то уже в 1933 г. курсовая система при МТС стала основной системой подготовки механизаторов наиболее массовых квалификаций. По сравнению с прежними формами обучения курсы при МТС были несомненным шагом вперед. Важное преимущество их состояло в том, что они не были оторваны от производства. Это давало возможность будущим механизаторам лучше изучать технику и производственные процессы МТС. Теперь не приходилось слышать жалоб на то, что курсант в процессе обучения почти не видел тракторов и машин.

Одновременно, начиная с 1933—1934 гг., были продлены сроки обучения. Продолжительность курсов для трактористов была доведена до четырех месяцев. Хотя и теперь сроки комплектования и начало занятий в большинстве случаев не выдерживались, тем не менее основная масса курсантов обучалась более продолжительное время и получала лучшую подготовку, чем в период 1930—1933 гг.

Сосредоточение дела подготовки трактористов непосредственно в МТС не было случайным. Оно стало возможно с развитием и укреплением МТС, ростом их командных кадров, которые и осуществляли обучение. Однако оно имело и свои отрицательные стороны. Сочетать производство с обучением было трудно, и обычно учеба оказывалась на втором плане. Директора МТС оттягивали начало занятий на курсах до окончания осенних полевых работ, сокращая таким образом предусмотренные сроки обучения, так как им крайне трудно было отрывать специалистов МТС, преподававших на курсах, от производственных работ¹³⁶. По этой же причине руководство курсами поручали менее подготовленным механикам, без которых можно было обойтись на ремонте. «Так как курсы организуются в зимнее время, когда каждый опытный механик занят на ремонте, — говорилось по этому поводу в записке Наркомзема, направленной в Госплан, — то директор МТС поручает преподавательскую работу мало подготовленным участковым механикам или бригадирам тракторных

¹³³ ЦГАОР, ф. 7486, оп. 3, д. 2675, л. 40.

¹³⁴ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 137, л. 21.

¹³⁵ «На стройке МТС», 1930, № 7—8, стр. 77.

¹³⁶ ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, л. 47.

бригад»¹³⁷. Преподаватели курсов — бригадиры и механики — часто отрывались от учебных занятий, выезжали за запасными частями, отвлекались по другим хозяйственным вопросам. В таких случаях учащихся на несколько дней отпускали по домам.

Все сказанное приводило к тому, что примерно 25—30% курсантов вместо положенных четырех обучались два-три месяца¹³⁸.

Большой ущерб подготовке трактористов причиняло и то обстоятельство, что курсы МТС не располагали специальной учебной базой, учебными помещениями и оборудованием. В упомянутой записке Наркомзема указывалось: «Постоянной базы курсы не имеют. Для учебных занятий в различных МТС используются канцелярии, красные уголки или помещения, арендуемые МТС. Под общежитие учащихся используются помещения, в которых днем проводились учебные занятия. В некоторых МТС учащиеся размещаются на квартирах колхозников»¹³⁹. Отсутствие постоянной базы, отмечалось в записке, не дает возможности снабдить курсы не только капитальным учебным оборудованием, но даже учебниками и наглядными пособиями¹⁴⁰.

Был лишь один путь преодоления этих недостатков, а именно создание стационарных школ механизаторов в качестве самостоятельных учебных заведений с собственной материально-технической базой и преподавательским составом. Но сразу это сделать было чрезвычайно трудно из-за отсутствия учебных помещений, квалифицированных преподавателей, техники и оборудования. В первые годы второй пятилетки преимущественно лишь ведущие группы механизаторов — бригадиры тракторных бригад, комбайнеры, ремонтные рабочие — обучались в специальных школах; трактористов в постоянно действующих школах обучалась только небольшая часть¹⁴¹.

С течением времени материальные возможности государства увеличивались, а усложнившаяся техника делала все более нетерпимыми недостатки курсовой системы при МТС¹⁴². Постепенно подготовка трактористов стала сосредоточиваться в школах механизации. В первую очередь школы готовили трактористов наиболее сложных гусеничных тракторов. В 1938—1940 гг. в этих школах и на курсах велась подготовка примерно 50 тыс. трактористов¹⁴³. В 1939—1940 гг. школы приступили к подготовке трактористов для колесных тракторов. Инициатива в этом деле принадлежала Ленинградской области, где было открыто 10 соответствующих школ.

В 1940—1941 гг. подготовка трактористов в школах механизации осуществлялась в среднеазиатских, прибалтийских республиках, а также в Молдавии, Карело-Финской ССР и в западных областях Украины и Белоруссии. Готовились перейти на школьную подготовку трактористов в

¹³⁷ ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, л. 63. Записка Главного управления подготовки кадров массовых квалификаций в Сельхозгруппу Госплана от 14 декабря 1940 г.

¹³⁸ «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1937, № 5, стр. 50.

¹³⁹ ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, л. 63.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ К весне 1934 г. в ведении Зернового управления НКЗ находились 61 школа тракторных бригадиров, 23 школы механиков и только 7 школ трактористов. В системе школ центральное место занимали школы комбайнеров. В начале 1934 г. у НКЗ СССР было 120 таких школ, а уже к 1936 г. — 189 (Е. А. Баева. Указ. соч., стр. 152; ЦАМСХ, оп. 455, св. 68, д. 381, л. 33).

¹⁴² Курсы совершенно не были приспособлены к подготовке механизаторов широких профилей. Готовили лишь узких специалистов, в частности трактористов — по маркам тракторов; таким образом, каждая новая марка машины порождала новую «специальность» и требовала дополнительной затраты времени и средств («Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1937, № 5, стр. 49).

¹⁴³ ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, л. 34.

Калининской, Горьковской, Московской, Рязанской, Омской и Челябинской областях. Зимой 1940/41 г. в школах механизации обучалось уже 20% всех трактористов для колесных тракторов¹⁴⁴ и половина всех механизаторов (трактористов, комбайнеров, ремонтников и т. д.)¹⁴⁵, тогда как еще в предыдущий год не менее 65% их готовилось на курсах¹⁴⁶.

Был взят курс на то, чтобы полностью освободить МТС от учебных функций. По проекту Наркомзема, осенью 1941 г. предполагалось создать 100—110 новых школ механизации для обучения в год примерно 60 тыс. трактористов¹⁴⁷. Осуществлению этого плана помешала война.

Эволюция подготовки механизаторов от кооперативных курсов и ШКМ к курсам при МТС, а затем к школам механизации представляла собой по сути дела одно из проявлений возрастающей роли государства в формировании механизаторских кадров МТС. В школах механизации учащиеся уже полностью переходили на государственное обеспечение, и с колхозов снималась всякая ответственность за подготовку кадров; они должны были только помогать в комплектовании.

Вся подготовка механизаторов проходила под руководством партийных организаций. Ежегодно бюро партийных комитетов — районных, областных, краевых, республиканских — утверждали планы этой подготовки, а затем следили за их выполнением. Систематически организовывалась проверка состояния курсовой и школьной системы, выявлялась степень обеспеченности МТС кадрами, вскрывались и устранялись недостатки¹⁴⁸.

Исключительное внимание партийные организации уделяли комплектованию школ и курсов. «Бюро МК, — говорилось, например, в постановлении бюро от 8 января 1936 г., — требует от секретарей райкомов ВКП(б), директоров МТС и их заместителей по политчасти особо тщательного личного отбора и комплектования курсов трактористов и школ бригадиров, комбайнеров и механиков»¹⁴⁹. В конце этого же года бюро МК обязало «секретарей РК ВКП(б) и председателей районных исполнительных комитетов лично проверить состав отобранных на курсы трактористов и комбайнеров. В десятидневный срок прислать в МК за подписью секретаря РК и председателя РИК списки утвержденных в райкоме и РИКе курсантов»¹⁵⁰.

Такого рода решения принимались в каждой области, в каждом крае, в каждой республике. Всюду партийные и советские организации заботились о том, чтобы кадры МТС формировались за счет лучших колхозников¹⁵¹. «На курсы трактористов, — говорилось в одном из постановлений бюро МК ВКП(б), — должны быть отобраны и утверждены реше-

¹⁴⁴ Там же, л. 53.

¹⁴⁵ Там же, л. 33.

¹⁴⁶ Там же, л. 52.

¹⁴⁷ ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, лл. 45, 61. Показательно, что, расширяя контингент обучавшихся в школах, Наркомзем не требовал каких-либо дополнительных ассигнований для этого. В справке Главного управления подготовки массовых кадров НКЗ указывалось: «Стоимость подготовки трактористов в школах выше, чем на курсах, но повышение стоимости дополнительных ассигнований против сметы 1940 г. не требует, так как будет произведено уменьшение плана подготовки...» (там же, стр. 45). Уменьшая план подготовки, Наркомзем исходил из того, что в результате перевода подготовки трактористов в школы и улучшения качества обучения в составе трактористов резко будет снижена текучесть (там же, стр. 61).

¹⁴⁸ См., например, Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2938, л. 8; д. 2937, л. 259.

¹⁴⁹ Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2937, л. 131.

¹⁵⁰ Там же, д. 2940, л. 221.

¹⁵¹ См., например, решения Алтайского крайкома (там же, д. 71, л. 205); Московского облисполкома (там же, д. 2955, л. 121) и др.

нием бюро РК действительно лучшие колхозники, показавшие образцы ударной работы в колхозах, наиболее грамотные передовые люди колхозов»¹⁵². Для отбора учащихся на курсы трактористов и в школы механизаторов в каждом районе создавались отборочные комиссии, в состав которых входили секретарь райкома партии и представители райисполкома¹⁵³.

В годы третьей пятилетки, когда международное положение серьезно осложнилось, в центре внимания партийных организаций становится вопрос о привлечении в МТС женщин. Еще в 1930 г., на первой конференции трактористов-ударников, ряд делегатов говорил о целесообразности и необходимости использования в МТС женщин. Руководитель профсоюза МТС и батрачества Н. М. Анцелович в своем выступлении на конференции по поводу необходимости привлечения женщин в МТС заявил: «Те, кто философствуют, что женщина не годится для трактора, забывают, что сейчас не так много мужчин найдешь... Возьмите некоторые районы, где развивается промышленность, — там не хватает рабочей силы. Кроме того, надо учесть и интересы обороны страны... Когда стране будет грозить опасность, не все мы будем сидеть на тракторе»¹⁵⁴. Начиная с 1930 г. численность женщин-механизаторов стала неуклонно расти. Если в 1930 г. женщин-трактористок было не более 2—3 тыс.¹⁵⁵, то в конце 1935 г. их было 19 тыс.¹⁵⁶, в 1939 г. — 27 тыс.¹⁵⁷, а в 1940 г. — уже 64 тыс.¹⁵⁸. Тысячи женщин работали также на комбайнах и прицепных орудиях. На 1 июля 1939 г. в МТС комбайнерами и помощниками комбайнеров работали 25 тыс. женщин, из них более 8 тыс. были комбайнерами¹⁵⁹.

Однако текучесть среди женщин-механизаторов была выше, чем у механизаторов-мужчин. В 1939/40 учебном году в школах и на курсах трактористов обучались 63,5 тыс. женщин. Кроме того, на курсах без отрыва от производства специальности тракториста было обучено еще 69 тыс.¹⁶⁰, всего, таким образом, свыше 130 тыс. Сюда надо прибавить еще подготовленных за прошлые годы. Между тем, как уже было сказано, на 1 июля 1940 г. трактористов-женщин в МТС числилось 64 тыс. Отсюда следует, что большая часть подготовленных женщин-механизаторов в МТС не закрепилась¹⁶¹. Удельный вес их в МТС был невелик. Даже в середине 1940 г., когда были приняты самые энергичные меры для

¹⁵² Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2937, л. 131.

¹⁵³ Там же, д. 2955, л. 191.

¹⁵⁴ ЦГАОР, ф. 5466, оп. 12, д. 135, л. 73.

¹⁵⁵ ЦГАОР, ф. 7924, оп. 1, д. 1, л. 47.

¹⁵⁶ ЦГАОР, ф. 7486, оп. 3, д. 1824, л. 6.

¹⁵⁷ ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, л. 55.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ ЦАМСХ, оп. 484, св. 48, д. 2, лл. 11—25.

¹⁶⁰ ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, лл. 55—56.

¹⁶¹ В записке, направленной Наркомземом в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), большой разрыв между числом обученных женщин и работающими трактористками объяснялся следующим образом: «...В некоторых кружках без отрыва от производства обучались женщины, не имеющие прямого отношения к колхозам (учительницы, библиотекари, счетоводы и т. д.), которые после изучения трактора на работу не стали. Большим тормозом в закреплении женщин на работе в тракторных бригадах является слабая работа МТС по организации специальных женских тракторных бригад. Одна-две женщины-трактористки, назначенные в мужскую бригаду, как правило, долго не работают и уходят из бригады по семейным обстоятельствам, т. е. по настоянию родителей, мужа. Особенно это сказывается в национальных районах и в районах нечерноземной полосы. В районах нечерноземной полосы бригада нередко обслуживает три — пять колхозов и женщина-трактористка надолго отрывается от своего колхоза» (ЦАМСХ, оп. 497, св. 39, д. 50, л. 54).

привлечения женщин в МТС, женщины трактористы и комбайнеры составляли всего 8%, помощники комбайнеров — 17% и механики — 2%¹⁶².

Тем не менее партия упорно продолжала курс на широкое привлечение женщин-механизаторов в МТС, и это принесло свои большие плоды, особенно в годы войны, когда за короткий срок удалось заменить женщинами ушедших на фронт мужчин. Немалая часть севших за руль трактористок была подготовлена за счет резерва женщин, обученных механизаторским специальностям в предвоенные годы¹⁶³. Из среды женщин-трактористок вышли такие замечательные организаторы сельскохозяйственного производства, как П. Ангелина, Д. Гармаш и многие другие.

В рассматриваемые годы возросла трудовая активность механизаторов и среди них начало широко разворачиваться социалистическое соревнование. Под влиянием стахановского движения начиная с 1935—1936 гг. тысячи механизаторов, включившись в соревнование, стали ломать устаревшие нормы, причем многие из них добивались рекордных результатов.

Одной из главных форм соревнования в этот период являлась борьба за высокую выработку машин — трактора и комбайна. В МТС появились трактористы-тысячники и двухтысячники, т. е. люди, доводившие годовую выработку на тракторе до 1—2 тыс. га пашни¹⁶⁴.

Это было результатом не только возросшего профессионального мастерства, но и введения сдельной оплаты для механизаторов.

Вопросы, связанные с организацией соцсоревнования, всегда были в центре внимания партии. Помогая организовывать соревнование, крайкомы, обкомы партии и комсомола, наркомземы и профсоюзы создавали также материальные и моральные стимулы для него, вручая переходящие знамена и ценные премии тем МТС, бригадам и механизаторам, которые обеспечивали высокий урожай в обслуживаемых ими колхозах, давали высокую выработку и экономию горючего на трактор¹⁶⁵.

В целом по стране рост выработки на один трактор показывает таблица 6¹⁶⁶.

Одновременно улучшались агротехника и качество работ МТС. Этому в значительной мере способствовала настойчивая пропаганда передовых методов, которую неустанно проводили партийные и советские органы, упорно преодолевая воспитанную столетиями рутину и косность вчерашнего крестьянина-единоличника.

¹⁶² ЦАМСХ, оп. 484, св. 48, д. 4, лл. 69, 72, 74.

¹⁶³ Достаточно сказать, что в июле-августе 1941 г. на месячных курсах было обучено для работы на тракторах и комбайнах 190 тыс. женщин (ЦАМСХ, оп. 484, св. 48, д. 2, л. 10).

¹⁶⁴ В 1936 г. тракторная бригада Бартановского в Можарской МТС Московской области дала рекордную выработку на трактор (2807 га); в Кораблинской МТС бригада инициатора соцсоревнования трактористов-двухтысячников А. Суханина дала выработку в 2545 га и т. д. В целом по Московской области 135 бригад дали выработку свыше 1000 га и 10 бригад — свыше 2000 га на трактор (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2940, л. 270).

¹⁶⁵ Так, например, бюро МК ВКП(б) 14 июня 1935 г. приняло решение о премировании знаменосных районов и МТС грузовыми машинами, клубами и оборудованием для клубов, а ударников — ценными подарками (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2936, л. 9). В октябре того же года знамена и премии были вручены Дмитровскому, Спаскому, Волоколамскому, Рыбниковскому районам и Тепло-Огаревской МТС. Показательно, что МТС — победительница соревнования располагала устойчивыми кадрами механизаторов, проработавших в ней от двух до четырех лет (там же, л. 229; д. 2940, лл. 247, 269—270; д. 2939, л. 62; д. 2936, л. 14 и др.).

¹⁶⁶ «МТС во второй пятилетке», стр. 107; П. Лапеев. Использовать тракторы на полную мощность. — «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1939, № 1—2, стр. 80.

В числе важнейших нововведений, падающих на годы второй пятилетки, были рядовой сев и машинная уборка урожая. К 1935—1936 гг. многие МТС располагали уже рядовыми сеялками, комбайнами, картофелеуборочными и другими новыми машинами, но внедрение прогрессивных методов задерживалось из-за консервативных настроений, которые наблюдались среди некоторой части работников МТС и колхозов.

Таблица 6

Рост среднегодовой выработки на трактор с 1933 по 1937 г.
(в га мягкой пахоты)

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Выработка на 15-сильный трактор %	363	405	427	466	470
	100	112	118	126	127

Так, Липецкая МТС Московской области весной 1936 г., имея 12 тракторных сеялок, засеяла рядовым способом всего 43 га; Побединская МТС той же области, имея 16 таких сеялок, засеяла при их помощи только 9 га¹⁶⁷.

Партийные организации повели серьезную борьбу с антимеханизаторскими настроениями. В мае 1936 г. бюро МК ВКП(б) осудило «недопустимое игнорирование» рядового сева и неудовлетворительное использование тракторных рядовых сеялок. МК предупредил «всех директоров МТС, что их работа на весеннем севе будет оцениваться прежде всего по выполнению плана тракторных работ рядовыми сеялками». Секретарей райкомов и председателей райисполкомов МК обязал «взять под свой личный контроль полное использование всеми МТС рядовых сеялок и выполнение установленного для МТС плана тракторного сева»¹⁶⁸.

Для пропаганды и внедрения передовых методов организовывались просмотры передовых хозяйств и передовой техники, созывались специальные семинары¹⁶⁹, изучались передовые приемы в школах механизации, а в некоторых случаях даже на курсах трактористов и т. д.¹⁷⁰ Большое внимание уделялось пропаганде опыта и достижений, показанных на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, открывшейся в Москве в 1937 г.¹⁷¹

Благодаря энергичной политике партии получало быстрое развитие сельскохозяйственное машиностроение, в результате чего новая техника за короткое время заняла прочное место в сельскохозяйственном производстве. Рядовой сев для некоторых культур становился уже пройденным этапом, комбайноуборка превратилась в обыденную необходимость для каждой МТС. Если в 1933 г. практически более или менее удовлетворительно была механизирована одна лишь пахота, то в 1938 г. МТС производили уже комплекс основных полевых работ (табл. 7)¹⁷².

В результате, по данным обследований ЦУНХУ, в 1937 г. затраты тру-

¹⁶⁷ Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2937, л. 394.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же, д. 2936, л. 245.

¹⁷⁰ Там же, д. 73, л. 86.

¹⁷¹ Там же, д. 1753, л. 9.

¹⁷² «МТС во второй пятилетке», стр. 83.

да в зерновом хозяйстве колхозов сократились в три раза по сравнению с затратами в крестьянских хозяйствах в период 1922—1925 гг.¹⁷³

Среднегодовой сбор зерновых культур за годы второй пятилетки составил 5767 млн. пудов против среднегодового сбора в дореволюционной России за 1910—1914 гг. в 4125 млн. пудов¹⁷⁴. Выросли сборы и других сельскохозяйственных культур. В целом валовая продукция сельского хозяйства в стоимостном выражении выросла по крайней мере на 50% по сравнению с дореволюционным временем¹⁷⁵, причем в основном этот рост произошел в годы второй пятилетки с развитием механизации и укреплением колхозов. Характерно, что одновременно с ростом производства уменьшалась численность населения, занятого в сельском хозяйстве: в

Таблица 7

Механизация основных полевых работ в колхозах за 1933—1938 гг.
(в процентах)

Виды работ	1933 г.	1934 г.	1938 г.
Пахота под яровые	22,0	30,0	74,7
Сев яровых культур	6,8	9,2	43,9
" хлопка	—	—	65,5
" сахарной свеклы	—	4,9	95,0
Уборка комбайнами всех зерновых культур	0,7	1,9	42,1
Копка сахарной свеклы	—	5,2	79,5
Подъем паров	—	45,9	82,5
Сев озимых	7,0	14,0	50,3
Подъем зяби	24,4	34,5	71,9

1913 г. оно составляло 103 млн. чел., в 1934 г.—100 млн., в 1938 г.—85 млн.¹⁷⁶ Это было прямым результатом роста производительности труда, в первую очередь за счет механизации. По нашим ориентировочным подсчетам, производительность труда в сельском хозяйстве по сравнению с 1913 г. выросла в 1934 г. на 20%, а в 1938 г.—на 80%¹⁷⁷.

* * *

Итак, в разительном коротком историческом срок, за какие-нибудь 10 лет, благодаря дальновидной политике партии и Советского правительства в неграмотной в основном деревне была создана миллионная армия сельских механизаторов — мощный передовой отряд социалисти-

¹⁷³ «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке», М., 1939, стр. 4.

¹⁷⁴ «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР», М., 1939, стр. 31.

¹⁷⁵ ЦГАОР, ф. 1562, оп. 19, д. 57 (лист в деле не указан).

¹⁷⁶ Подсчитано по данным ЦГАОР, ф. 1562, оп. 20, д. 7272, л. 44; «Развитие советской экономики (статистические материалы)», М., 1946, стр. 8—9; «Социалистическое строительство СССР», М., 1935, стр. 474.

¹⁷⁷ Нами рассчитана стоимость валовой продукции сельского хозяйства на единицу сельскохозяйственного населения и ориентировочно на одного трудоспособного. Для этого использованы данные ЦГАОР, ф. 1562, оп. 20, д. 272, лл. 17, 23, 44; д. 238 (листы не нумерованы); «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. 35; «Социалистическое строительство СССР (1933—1938)», М.—Л., 1938, стр. 16.

ческого преобразования деревни. Вначале механизаторские кадры МТС страдали серьезными недостатками, обусловленными их низкой общей и технической культурой, слабой подготовкой, большой текучестью. Но уже во второй половине 1930-х годов, по прошествии всего нескольких лет, положение в значительной мере меняется к лучшему: текучесть уменьшилась почти вдвое, уровень подготовки повысился, механизаторские кадры значительно окрепли, превратившись в ведущую силу колхозного крестьянства.

Политика партии в деле создания механизаторских кадров МТС была исключительно продуманной и реалистической, строго сообразовавшейся с конкретными возможностями. На первом, «крестьянском» этапе формирования основных механизаторских кадров МТС — в 1930—1933 гг. — государство осуществляло общее плановое руководство подготовкой и распределением механизаторов, контролировало и регулировало их социальный состав, в широких масштабах организовывало помощь города. На втором этапе — в 1933—1940 гг. — государство уже непосредственно взяло на себя решение почти всех вопросов, связанных с формированием механизаторских кадров (организация труда, подготовка и обучение, оплата и т. д.). Целые группы механизаторов уже зачислялись в штаты МТС, хотя основной отряд механизаторов — трактористы оставались еще за пределами этих штатов. В послевоенный период, в соответствии с решениями сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 г., трактористы были зачислены в штаты МТС в качестве постоянных рабочих.

Неуклонно растущая помощь государства в формировании механизаторских кадров была одним из важнейших условий роста и укрепления колхозов. В настоящее время укрупненные колхозы значительно окрепли, технически оснащены неизмеримо лучше, чем в довоенные годы, и обладают многочисленными кадрами сельского хозяйства. Благодаря принятым Коммунистической партией мерам значительно возросли доходы колхозов и повысилось материальное благосостояние колхозников. Наступил новый этап, когда колхозы полностью берут на себя содержание и использование сельскохозяйственной техники и механизаторских кадров.

М. С. СИМОНОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ В ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЯХ

В последние годы появился ряд кандидатских диссертаций, исследующих ход и итоги столыпинской аграрной реформы в отдельных районах страны с привлечением большого фактического материала¹. Защищена также одна докторская диссертация, рассматривающая данную проблему в масштабе всей России².

Основная тема этих работ — выявление причин краха столыпинской аграрной политики. Накоплен большой материал о классовой борьбе крестьянства против столыпинских землеустроителей, кулачества, помещиков, царских властей в период с 1907 по 1914 г., показывающий, что эта борьба была гораздо шире и глубже, чем принято было думать до самого последнего времени.

Однако непосредственно интересующий нас вопрос об экономических результатах столыпинской аграрной реформы разработан в этих диссертациях значительно слабее³. Авторы, как правило, исследуют лишь экономическое положение вновь созданных столыпинской реформой хуторских и отрубных, а также переселенческих хозяйств, оставляя в стороне вопрос об огромном влиянии, которое оказала эта реформа на положение остальной, т. е. подавляющей, массы крестьянства. Точно так же не затрагивается вопрос и о влиянии реформы на развитие помещичьего хозяйства.

Таким образом, главная задача советской историографии в изучении аграрной истории России за период 1907—1914 гг., а именно исследование основного итога столыпинской аграрной политики — дальнейшего углубления аграрного кризиса в стране и его особенностей — разре-

¹ См., например, К. К. Шиян. Столыпинская аграрная реформа в Харьковской губернии. Харьков, 1946; Н. Н. Гульцев. Столыпинская аграрная реформа в Воронежской губернии и ее крах. Л., 1952; В. Г. Казаков. Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в Московской губернии (1906—1912). М., 1952; Ю. Л. Райский. Столыпинская аграрная реформа в центрально-черноземных губерниях. Л., 1953; А. М. Гребнев. Аграрная реформа Столыпина в Пензенской губернии. М., 1956 и др.

² А. В. Шапкарин. Столыпинская аграрная реформа. М., 1954 (рукопись).

³ В этом отношении большой интерес представляет работа С. М. Дубровского «Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX веке» (Л., 1925) — первое советское исследование, посвященное анализу изменений в развитии сельского хозяйства в общероссийском масштабе, вызванных столыпинской аграрной реформой. Книга не утратила своей научной ценности и по сей день, но давно уже стала библиографической редкостью. См. также П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1956, Гл. X — «Столыпинская реакция и буржуазная перестройка деревни».

на далеко не в полной мере. Между тем возможности для такого углубленного решения имеются. Мы располагаем богатейшими материалами официальной правительственной, а по ряду районов и земской статистики, которые дают много важных сведений о развитии сельского хозяйства в связи со столыпинской реформой⁴. Разумеется, эти источники, как и многие другие, требуют критического подхода, и ниже им будет дана посильная оценка и критика.

Настоящая статья является попыткой проанализировать именно важнейшие экономические итоги столыпинской аграрной реформы в четырех губерниях черноземного центра — Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской⁵.

Выбор указанного района обусловлен тем, что старый земледельческий центр России был издавна цитаделью крепостничества. Это был район прогрессирующей экономической отсталости. Потому противоречивость и обреченность столыпинского аграрного курса здесь прослеживаются наиболее отчетливо. В то же время по своим экономическим результатам этот курс типичен для всей России.

Историческое значение столыпинской аграрной реформы состоит в том, что она способствовала дальнейшему вызреванию экономических и политических предпосылок буржуазно-демократической революции в России и прежде всего росту объективной основы для союза рабочего класса и крестьянства. Этим и определяется выбор темы.

I

К 1905 г. картина землевладения в рассматриваемом районе выглядела следующим образом. На долю 1390,5 тыс. хозяйств приходилось 10015,5 тыс. дес. земли, или в среднем 7,2 дес. на двор. 60,4 тыс. дворов владели 1061,3 тыс. дес., в среднем по 17,5 дес. на хозяйство. 32,7 тыс. хозяйств имели 2511,4 тыс. дес., или в среднем по 76,7 дес. на владение, и, наконец, 2434 земельных собственника сосредоточивали в своих руках 4154,2 тыс. дес. земли, что составляло в среднем 1706,8 дес. на владение⁶.

Хотя группировка хозяйств дана только по земле, мы можем отнести первую группу хозяйств в своей подавляющей массе к разоренным бедняцким хозяйствам; вторая группа представляет собой средних крестьян; третья — кулаков и капиталистических помещиков и, наконец, четвертая — крупнейших помещиков-крепостников, владельцев латифундий. Таким образом, всего 2,6% общего числа землевладельцев владели 38% всей земельной площади, в то время как на долю 93% хозяйств приходилось 56,5% земли.

Этой картине соответствовала и обеспеченность крестьянских хозяйств лошадьми, основной тягловой силой в изучаемом районе. Согласно военно-конским переписям, в 1905—1907 гг. 28,4% крестьянских дворов были безлошадными; однолошадных было 27,7%; двумя-тремя лошадьми владели 32,3% дворов; имевшие четыре лошади и более составляли 11,6%.

⁴ Наиболее широко материалы земской статистики для анализа экономических результатов столыпинской аграрной политики в масштабе всей России исследуются А. В. Шапкиным в указанной диссертации.

⁵ В дальнейшем эти четыре губернии мы будем условно называть центрально-черноземными районами, в отличие от центрально-земледельческого района, куда, кроме них, входили еще, согласно общепринятому в дореволюционной экономической литературе делению на экономические районы, также Тульская и Рязанская губернии.

⁶ Подсчитано на основании «Статистики землевладения 1905 г.», вып. V, XX, XXIV, XXVII, СПб., 1906.

хозяйств. В целом с 1888 по 1907 г. количество однолошадных и безлошадных дворов возросло на 8,8%⁷.

Таков был общий экономический фон, на котором разворачивалась столыпинская политика «обновления» деревни центрально-черноземных губерний.

Главный удар столыпинская аграрная реформа наносила, как известно, по общине. Какие же результаты были в этом отношении достигнуты в рассматриваемых четырех губерниях?

Прежде всего следует отметить, что выход из общины в большинстве случаев осуществлялся постановлениями земских начальников вопреки воле «мира». Так, в Воронежской губ. 87,1% всех крестьянских дворов, ходатайствовавших о выходе из общины, получили отказы сельских сходов, в Тамбовской — 88,2% хозяйств, в Курской — 57,7% и в Орловской — 42,2%⁸.

На 1 января 1915 г. площадь всей укрепленной в личную собственность земли составила 1714,1 тыс. дес., или 17,7% всей общинной наделной земли (по состоянию на 1905 г.). Из общины вышло 371,3 тыс. дворов, что составило 29,2% числа общинников на 1905 г. Кроме того, на основании ст. 1 закона от 14 июня 1910 г. были объявлены перешедшими к подворному владению еще 59,7 тыс. дворов с 214 тыс. дес. земли, что дает дополнительно 4,7% общинных наделных дворов и 2,2% площади общинной наделной земли⁹.

Этот уровень выходов из общины несколько превышал средний уровень по 40 губерниям Европейской России, составлявший 20,5% числа общинных дворов и 13,1% площади общинной наделной земли, но внутри района он был далеко не одинаков.

В Курской и Орловской губерниях из общины вышло 44 и 39% домохозяев; в Тамбовской и Воронежской — 19,8 и 23,6%. Площадь же укрепленной в личную собственность земли составляла: в Курской губ. — 27,8%, в Орловской — 26,4%, в Тамбовской — 13,9%, в Воронежской — 12,5%¹⁰.

В основном общину покидала беднота, о чем свидетельствует уже средний размер укрепленных участков. Он составлял по району 4,6 дес. на двор, в то время как средний размер по 40 губерниям Европейской России равнялся 7 дес.¹¹ Центрально-черноземные губернии не случайно заняли одно из первых мест в стране и по масштабам распродажи укрепленной в личную собственность крестьянской наделной земли. По сведениям Министерства юстиции, за период с 1908 по 1914 г. включительно в интересующем нас районе продали землю 181 646 домохозяев,

⁷ «Военно-конские переписи 1888 и 1905—1906 гг.», СПб., 1897 и 1907. По Курской губернии, не вошедшей в военно-конские переписи 1905—1906 гг., имеются данные за 1907 г., разработанные местной казенной палатой и губернским статистическим комитетом. См. «Материалы по крестьянскому и частному землевладению», Курск, 1908—1909 гг. Издания Курской казенной палаты хранятся в библиотеке Государственного архива Курской области (ГАКО).

⁸ Подсчитано по данным донесений губернаторов в Земский отдел МВД на 1 января 1915 г. (ЦГИАЛ, ф. 1271, оп. 121, д. 1, ч. 1, 1915 г.).

⁹ «Известия Земского отдела МВД», 1915, № 12, стр. 244, 245, 249.

¹⁰ См. там же. Необходимо иметь в виду, что как в Курской, так и в Орловской губерниях, особенно в первой, сравнительно с другими губерниями черноземного центра было широко распространено подворное крестьянское наделное землевладение. Так, в Курской губ. подворники на 1905 г. составляли 30% всех крестьянских дворов, владевших 40,5% всей наделной земли, в Орловской губ. — соответственно 10 и 12,5%, в то время как для Тамбовской губ. эти цифры снижаются до 3 и 3,4%, а для Воронежской — до 1,4 и 1,2% («Статистика землевладения 1905 г.», вып. V, XX, XXIV, XXVII).

¹¹ «Известия Земского отдела МВД», 1915, № 12, стр. 244, 245, 249.

что составляло 42% всех вышедших из общины. Площадь же проданной земли равнялась 496 590 дес., т. е. 25,7% всей земли, перешедшей в личную собственность¹².

В 1914 г. Земским отделом МВД было произведено обследование имущественного состава продавцов надельной земли. Согласно полученным им сведениям, в исследуемых четырех губерниях в 1914 г. продали надельную землю чересполосного владения 17 903 чел., хуторские и отрубные участки на бывшей надельной земле — 1970 чел. Из числа первых 5656 чел. сельским хозяйством не занимались, и продажа земли для них явилась средством окончательного разрыва с деревней. Из продавцов — хуторян и отрубников — порвали с земледелием 697 чел., или 31,6%. Из остальных 13 520 продавцов земли, занимавшихся сельским хозяйством, первое место принадлежит переселенцам: 3006 из них продали земли чересполосного владения и 370 — хутора и отрубные участки; переселенцы составили 25,4% от общего числа продавцов, занимавшихся сельским хозяйством. 30% продавцов продали землю ввиду «недостатка рабочих рук в семье» и «упадка хозяйства» (2698 и 1020 продавцов чересполосных участков и 264 и 96 владельцев хуторов и отрубов). 14% продавцов обезземелились, согласно заключению исследователей, «по расточительности, пьянству и другим причинам». Среди них было 1668 владельцев чересполосных участков и 139 хуторян и отрубщиков. Число же лиц, продавших землю с целью улучшения своего хозяйства и для приобретения земли, составляло всего 2288, или 17,2% всех продавцов (причем из числа хуторян и отрубщиков всего 241 чел., в то время как таких продавцов — владельцев чересполосных участков было 2047). Наконец, только 573 продавца, т. е. 4,3% их числа, продали землю ввиду обеспеченности службой и промыслами¹³.

Основным продавцом земли, как показывают те же данные, выступила крестьянская беднота. Из числа продавцов-чересполосников продали в 1914 г. весь надел 10 827 чел., или 99,7% всех владельцев, имевших до 15 дес. земли, т. е. являвшихся бедняками, причем 9411 из них, т. е. 85%, владели участками до 5 дес. Из числа 1230 хуторян и отрубщиков, продавших весь надел, 98% имело до 15 дес., 76% — до 5 дес. Среди продавцов части надела беднота составляла: у продавцов чересполосных участков — 6534 чел., или 93%, у хуторян и отрубщиков — 648 чел., или 87,5% всех продавцов данной категории¹⁴.

Совершенно неудовлетворительными, с точки зрения авторов и проводников столыпинской реформы, оказались ее результаты по части землеустройства. Главной причиной провала землеустроительной политики можно считать оказанное ей массовое сопротивление со стороны крестьян. На 1 января 1915 г. всеми видами землеустроительных работ в изучаемых губерниях было охвачено 1434,3 тыс. дес. надельной земли, или 12% от ее общего количества. Землеустройством было охвачено 208,8 тыс. дворов, что составляло 17% всех крестьянских хозяйств. При этом за почти десятилетний период деятельности землеустроительных комиссий хутора и отруба были созданы всего лишь на 593,3 тыс. дес., или на 5,2% всей надельной земли; к хуторскому и отрубному владению на надельной земле перешло всего 87,2 тыс., или 6,1% всех дворов¹⁵, тогда

¹² «Сборник статистических сведений министерства юстиции», вып. XXIV—XXX, СПб., 1909—1913; Пг., 1915, 1916. В сведениях министерства за 1914 г. указано число сделок, которые мы условно принимаем за число продавцов.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 121, 1914 г., д. 15, лл. 136, 137.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1915 г.», Пг., 1915.

как в среднем по Европейской России количество надельной земли, отошедшей к хуторам и отрубам, составляло 7,4%, а число дворов, перешедших к хуторскому и отрубному хозяйству, — 8,5%¹⁶.

Для массы насаждавшихся в изучаемых губерниях хуторов и отрубов были характерны их карликовые размеры. Средний размер хутора или отруба составлял здесь 6,8 дес. при среднем наделе в 8 дес., в то время как по 50 губерниям Европейской России размер хутора или отруба равнялся 10 дес.¹⁷ Учитывая, что около 60% хуторов и отрубов в центрально-черноземном районе были образованы на надельной земле, можно прийти к выводу, что столыпинское землеустройство создавало здесь широкую базу для массового разорения хуторян и отрубщиков и перехода их земель в руки кулачества.

Столь же несостоятельной оказалась деятельность и другого важнейшего орудия столыпинской перестройки деревни — Крестьянского поземельного банка.

За 1906—1914 гг. банк приобрел в четырех губерниях 494,7 тыс. дес. помещичьей земли, из которых 84,7% принадлежало дворянству¹⁸. Кроме того, через посредничество банка крестьянами было приобретено у помещиков 767,6 тыс. дес.¹⁹ Продажа земли крестьянам производилась банком по вздутым ценам. Практиковавшаяся банком система завышенных оценок способствовала быстрому росту цен на помещичью землю. Только за пять лет, с 1906 по 1910 г., цена десятины земли при покупке банком возросла в среднем на 10%. В период 1906—1914 гг. банковские оценки помещичьей земли были на 10% выше цен его собственных покупок, продажная же цена десятины помещичьей земли при посреднических сделках в среднем на 14% превышала оценку²⁰. За это же время сумма основных платежей крестьянства центрально-черноземного района Крестьянскому поземельному банку составила 61,5 млн. руб.²¹

Крестьянский банк являлся главным рычагом в насаждении хуторов и отрубов на продаваемой им крестьянам помещичьей земле. Решающую роль здесь играла ссудная деятельность банка. Так, из собственного земельного фонда банк на 1 января 1915 г. продал крестьянам 350,2 тыс. дес., из которых 87% было продано отдельным домохозяевам, преимущественно хуторами и отрубам, 7% — крестьянским товариществам и только 6% — сельским обществам. При посреднических операциях роль банка по части насаждения хуторов и отрубов снижалась: из 503,6 тыс. дес. земли, купленной при его посредничестве крестьянами, отдельными домохозяевами было приобретено только 7%, а сельскими обществами — 27%. Зато товарищества купили львиную долю — 66%²².

Банк стремился прежде всего укрепить кулака. Около 23% всех его покупателей имели трех и более лошадей. Хотя при этом однолошадные

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1906—1914 гг., СПб., 1908—1914; Пг., 1915; «Статистические материалы к отчетам Крестьянского поземельного банка». Годы первый — седьмой, СПб., 1909—1914, Пг., 1915; «Таблицы к обзору деятельности Крестьянского поземельного банка с 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г.», СПб., 1907; «Дополнительные таблицы к обзору деятельности Крестьянского поземельного банка с 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г.», СПб., 1907.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Отчет Крестьянского поземельного банка за 1907 г.»; «Статистические материалы к отчетам Крестьянского поземельного банка». Годы первый — седьмой.

²¹ Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1906—1914 гг.

²² «Статистические материалы к отчету Крестьянского поземельного банка». Годы второй — седьмой. За предшествующие 1906—1908 гг. материалы несравнимы ввиду другой формы отчетности.

и безлошадные составляли 47% его покупателей, но большинство из них покупало землю обществами. Двухлошадные составляли 30% банковских покупателей²³.

С 1909 по 1914 г. группа банковских покупателей-бедняков, т. е. приобретавших до 15 дес. земли, сократилась в среднем на 22%, а если брать только единоличных покупателей хуторян и отрубщиков, — то на 32%; группа середняков (приобретавших от 15 до 25 дес.) увеличилась в 16 раз (а по отношению к единоличным покупателям — в 29 раз), группа же кулаков (приобретавших 25 дес. и больше) выросла в 22 раза (по отношению к единоличным покупателям — в 56 раз)²⁴.

Однако, несмотря на столь быстрый рост кулацких покупок, основную массу банковских покупателей, а именно 65%, в период 1906—1914 гг. продолжали составлять бедняки. Иначе говоря, большинство крестьянских покупок носило продовольственный, потребительский, а не капиталистический характер. Крестьянскому банку в центрально-черноземном районе, как и в других местах, не удалось создать сколько-нибудь многочисленный слой кулачества, что являлось, как известно, главной целью столыпинской аграрной политики.

Высокие проценты, выплачиваемые банку по ссудам, равно как и его оценочная политика обрекали покупателей — бедняков и середняков — на разорение. На 1 января 1915 г. в банковском земельном запасе оставались нераспроданными 141,1 тыс. дес. земли, или около четверти его земельного запаса по четырем губерниям²⁵. И это в условиях жесточайшего земельного голода. Значительную часть оставшихся земель составили земли недоимщиков, перешедшие за долги обратно к банку. На 1 января 1915 г. размеры крестьянских недоимок по основным банковским платежам составили 4903,3 тыс. руб., т. е. 47,6% к годовому окладу²⁶.

К 1 января 1915 г. под хуторами и отрубам на всех видах земель — наделных, банковских, бывших частновладельческих, приобретенных с помощью банка, и казенных было занято 956,6 тыс. дес., что составляло всего около 9% площади крестьянской наделной или 7,6% крестьянской наделной и частновладельческой земли центрально-черноземного района (в 1905 г.). Эта цифра показывает, насколько неглубокими и ограниченными оказались результаты столыпинской «перестройки» деревни центрально-черноземной полосы.

Потерпела провал в этом районе и столыпинская переселенческая политика. Основной контингент переселенцев составили в 1907—1914 гг. бедняки. Столыпинская реформа предоставила им возможность, продав свой надел, отправиться искать «счастья» в Сибири. Землеустроительные комиссии самым активным образом содействовали этой «перекачке» голодного крестьянского люда из центра на окраины страны. В районах переселения темного, забитого и в массе своей разоренного переселенца ждала кабала у богатых крестьян-старожилов, так как денег, вырученных от продажи надела, и нищенского переселенческого пособия едва хватало на дорогу. Разорение большинства переселенцев ускоряла крепостнически-бюрократическая организация переселенческого дела. Сотни крестьян-переселенцев вследствие произвола и равнодушия царских

²³ «Статистические материалы к отчету Крестьянского поземельного банка». Годы второй — седьмой.

²⁴ Там же.

²⁵ Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1906—1914 гг.; «Таблицы к обзору деятельности Крестьянского поземельного банка с 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г.»; «Дополнительные таблицы к тому же обзору»; «Статистические материалы к отчетам Крестьянского поземельного банка». Годы первый — седьмой.

²⁶ Отчет Крестьянского поземельного банка за 1914 г., Пг., 1915.

чиновников погибали от голода и болезней. Отвод переселенцам непригодных для земледелия участков, хищничество и вымогательство чиновников переселенческого управления были обычным и распространенным явлением. Особенно тяжелым было положение так называемых «самовольных» переселенцев. За 1906—1914 гг. число таких переселенцев составило по четырем губерниям 262 755 чел., т. е. около половины всех переселенцев района. По два-три года они не получали участков, разорялись и гибли. Именно «самовольные» переселенцы составили основную массу «обратных переселенцев».

Всего же за указанные годы из изучаемых нами четырех губерний вышли 679,8 тыс. ходоков и переселенцев, а вернулись обратно (по неполным данным) 196,6 тыс. чел., или 29%²⁷.

По масштабам как прямого, так и обратного переселения центрально-черноземный район занимал одно из первых мест. Вместе с тем по отношению к численности сельского населения наших четырех губерний масштабы переселенческого движения оказались ничтожными, составив всего 4% (к уровню 1912 г.)²⁸.

Возвращавшиеся на родину переселенцы пополняли ряды разоренного обнищавшего крестьянства. Таким образом, переселенческая политика царизма способствовала дальнейшему обострению классовых противоречий в деревне как на окраинах, так и в центре страны.

II

Посмотрим теперь, какое влияние оказала столыпинская аграрная политика на общий ход капиталистического развития сельского хозяйства рассматриваемых губерний.

Главным источником для изучения этого вопроса является статистика, причем прежде всего правительственная, несмотря на все ее несовершенство. Земская статистика играет здесь вспомогательную, иллюстративную роль. Объясняется это тем, что для периода столыпинской реакции характерен сильный упадок уровня земской статистики. Это было вызвано резким поворотом либеральных земцев в сторону открытой контрреволюции, обусловленным революцией 1905—1907 гг., с одной стороны, и переходом большого числа губернских и уездных земств в руки наиболее реакционных черносотенных помещиков — с другой.

Для центрально-черноземного района последнее как раз и было характерным: Курское, Орловское и Тамбовское губернские земства оказались в руках черносотенных зубров типа Маркова 2-го. Главной своей задачей эти земства ставили активное содействие и помощь столыпинской аграрной политике. В частности, это выразилось в организации агрономической помощи «крепким» хуторянам и отрубщикам, в создании для них показательных полей и участков, складов сельскохозяйственных орудий и т. п. На деле правительственная и земская «агрономическая помощь» была плохо замаскированным субсидированием кулацких хозяйств, вышедших на хутора и отруба.

Издававшиеся тремя указанными губернскими земствами ежегодные сборники отличались большой пестротой программ, неравноценностью и бессистемностью публикуемых сведений. Исключением в этом отношении

²⁷ «Итоги переселенческого движения с 1896 г. по 1909 г.». Составил Н. Турчанинов, СПб., 1912; то же за 1910—1914 гг. Составили Н. Турчанинов и А. Домрачев, Пг., 1915.

²⁸ Данные ЦСК о численности населения в уездах изучаемых губерний в 1912 г. см. «Статистический ежегодник России» за 1912 г., СПб., 1913.

оставалось Воронежское губернское земство, которое, сохранив традиции конца XIX в.— периода расцвета земской статистики, не растеряло связей с добровольными корреспондентами, в числе которых были и крестьяне. Это позволило ему давать обзоры по более широкой и разносторонней программе. Именно поэтому материалы Воронежского губернского земства главным образом и привлекаются нами в качестве отдельных иллюстраций.

Но главным источником для центрально-черноземного района является, повторяем, официальная правительственная статистика и прежде всего издания Центрального статистического комитета при Земском отделе Министерства внутренних дел, Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной промышленности Главного управления земледелия и землеустройства.

Коренной порок российской казенной статистики состоял, как известно, в оперировании пресловутыми «средними» цифрами. Отсутствие дифференцированных данных о положении основных типов хозяйств — капиталистического, крепостнического, крестьянского-мелкотоварного — искажало действительную картину развития сельского хозяйства России, и лишь при применении ленинского метода использования официальных статистических данных становится возможным получить сравнительно объективные показатели.

Обратимся в первую очередь к данным о землевладении, чтобы установить те изменения в нем, которые оказались следствием проведения столыпинского аграрного курса. Цифры показывают, что перераспределение земельной собственности между различными категориями владельцев в предвоенный период достигло довольно заметных результатов.

Отражением этого процесса явилось изменение количества земли, облагаемой налогами и сборами (табл. 1)²⁹. Приведенные данные говорят о том, что за 1906—1912 гг. площадь дворянского землевладения в центрально-черноземном районе сократилась на 977 651 дес., или на 24,1% по сравнению с 1906 г. За этот же период казна и удел потеряли 103 424 дес., или 12,3%. Значительный рост обнаружило землевладение ведомств и учреждений. Оно увеличилось на 164 465 дес., или на 137%. Большинство земель учреждений составлял земельный запас Крестьянского банка. Общая площадь частного землевладения выросла не много — на 48 566 дес., т. е. на 0,7%. Крестьянское наделное землевладение увеличилось также мало — всего на 25 036 дес., или 0,2%.

Сокращение дворянского землевладения произошло прежде всего за счет покупки земли крестьянами. По материалам статистики движения землевладения видно, что за пятилетие 1906—1910 гг. дворянское землевладение сократилось по четырем губерниям на 926,6 тыс. дес., а частное крестьянское увеличилось на 864,3 тыс. дес.³⁰ При этом из тех же материалов следует, что рост крестьянского землевладения происходил в условиях дальнейшего развития классовой дифференциации деревни и в свою очередь влиял на этот процесс (табл. 2 и 3).

Данные таблицы 2 показывают, что наиболее интенсивно рост землевладения происходил в товариществах и у отдельных домохозяев, т. е. там, где дифференциация крестьянства шла наиболее быстро.

²⁹ «Материалы Департамента окладных сборов — сводные отчеты податных инспекторов Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерний за 1906 и 1912 гг.» (ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 25, дд. 228, 529, 781 и 1194 за 1906 г.; дд. 235, 537, 787 и 2000 за 1912 г.).

³⁰ Подсчитано по данным «Материалов по статистике движения землевладения» Департамента окладных сборов — «Купля-продажа земель в Европейской России», вып. XXI—XXV, СПб., 1912; Пг., 1917.

Таблица 1

Изменение площади земли, облагаемой налогами и сборами, у основных категорий владельцев центрально-черноземного района за 1906—1912 гг. (в десятинах)

Губернии	Годы	Крестьянское наделное землевладение	Казенное	Удельное	Городское	Ведомств и учреждений	Частное землевладение	
							всех сословий	дворянское
Воронежская	1906	3 800 022	130 126	40 728	24 910	37 135	1 577 751	990 995
	1912	3 801 776	121 291	42 271	24 458	134 622	1 525 859	699 712
Курская	1906	2 440 209	47 616	—	7 646	4 539	1 439 663	870 290
	1912	2 459 477	37 545	—	7 710	17 478	1 439 793	754 125
Орловская	1906	2 018 514	273 927	21 700	19 610	8 280	1 578 934	865 233
	1912	2 039 279	268 344	19 590	20 278	63 165	1 556 681	647 488
Тамбовская	1906	3 015 005	517 343	7 400	45 307	69 951	1 941 323	1 158 736
	1912	3 018 254	476 374	—	43 481	69 105	2 063 904	806 272
Итого по району	1906	11 293 750	969 012	69 828	97 473	119 905	6 537 671	3 885 254
	1912	11 318 786	903 554	31 862	95 927	294 370	6 586 237	2 907 597
Увеличение (+) или уменьшение (—) в 1912 г. по сравнению с 1906 г.		+25 036	—65 458	—37 966	—1 546	+164 465	+48 566	—977 651
То же, %		+0,2	—6,8	—5,5	—1,6	+136,7	+0,7	—24,1

Еще более явно эта дифференциация (рост кулачества, с одной стороны, и обезземеливание бедняков и середняков — с другой) выступает при анализе данных Департамента окладных сборов о размерах сделок

Таблица 2

Купля-продажа земли крестьянами по четырем губерниям центрально-черноземного района за 1906—1910 гг.
(в десятинах)³¹

	Отдельные домохозяева	Товарищества	Сельские общества	Всего.
Продано	73 736	138 106	132 046	343 888.
Куплено	218 600	452 986	288 835	960 421
Превышение купли над продажей	144 864	314 880	156 799	616 533.
% к количеству проданной земли	297,2	328,3	218,2	279,1

по купле-продаже земли. Возьмем данные о сделках размером до 100 дес., львиная доля которых как раз падает на крестьянские хозяйства (табл. 3).

Таблица 3

Сделки по купле-продаже земли за пятилетие 1906—1910 гг.
(в десятинах)³²

Группы по размерам сделок

I	II	III	IV	Итого:
До 15 дес.	От 15 до 25 дес.	От 25 до 50 дес.	От 50 до 100 дес.	
136 064	45 729	54 823	92 532	329 148
% 41,4	13,9	17,6	27,1	100,0

Из таблицы 3 видно, что больше всего земля вовлекалась в товарооборот в крайних группах продавцов, причем с прямо противоположными результатами. В I группе, где преобладала беднота, крестьянство обезземеливалось. В III и IV группах, с преобладанием кулачества, происходил процесс концентрации земли.

Еще более наглядно этот процесс обнаруживается при анализе данных о земельных сделках по сословиям и группам землевладельцев и размерам владений (табл. 4).

Таблица 4 показывает, что у дворян наиболее интенсивно процессом мобилизации земли было охвачено капиталистическое землевладение. Владельцы земли размером от 100 до 1000 дес. в целом сохраняют свой земельный фонд, и даже имеется налицо, хотя и небольшое, превышение купли над продажей среди этой категории владельцев. Латифундиальное, полукрепостническое землевладение (свыше 5 тыс. дес.), наоборот, терпит значительный урон: продажа земли здесь в четыре с лишним раза

³¹ «Материалы по статистике движения землевладения», вып. XXI—XXV.

³² Там же.

Таблица 4

Купля-продажа земли по сословиям и группам землевладельцев и размерам владений
(% к общей площади мобилизованной земли)³³

Группы по размерам владений	Всего	Дворяне		Крестьяне							
				лично		товарищества		общества		итого	
				купля	продажа	купля	продажа	купля	продажа	купля	продажа
До 15 дес.	9,0	1,9	1,4	54,6	26,5	2,0	10,8	2,0	0,9	15,7	18,7
15—25 "	3,0	1,7	1,3	14,4	9,2	1,9	4,0	0,3	0,4	4,5	6,6
25—50 "	3,7	4,2	2,9	7,7	14,0	5,4	7,6	0,9	1,6	4,8	10,7
50—100 "	6,2	6,2	6,0	6,0	15,8	11,8	10,9	3,3	1,8	8,2	12,7
100—250 "	16,4	18,2	17,7	6,5	17,7	32,8	18,7	14,3	10,4	20,3	17,0
250—500 "	16,0	16,7	17,0	4,0	8,4	27,0	22,0	16,9	7,7	18,7	12,1
500—1000 "	13,7	22,9	14,7	2,1	5,0	14,4	13,0	23,2	20,3	13,7	9,0
1000—2000 "	10,9	10,7	12,5	1,2	3,4	3,5	13,0	22,3	56,9	7,9	13,2
2000—5000 "	9,7	14,5	11,9	0,9	—	1,3	—	12,7	—	4,1	—
Свыше 5000 "	11,4	3,0	14,6	2,5	—	—	—	5,9	—	2,1	—

превышает куплю. Крестьянские покупки растут в основном за счет товариществ и обществ³⁴. Однако преобладают мелкие крестьянские покупки, т. е. покупки потребительского характера, что свидетельствует об ограниченности столыпинской реформы, о слабости ее как фактора капиталистического развития деревни. На долю бедняцких слоев деревни приходилось наибольшее количество проданной земли.

Тенденции дальнейшего роста классовой дифференциации крестьянства ярко прослеживаются по материалам военно-конских переписей.

Сравнение данных военно-конской переписи 1905, 1907 гг. с переписью 1912 г. показывает, что за этот период в изучаемом районе число лошадей у крестьян в целом сократилось. Количество безлошадных возросло на 3,9%, однолошадных — на 1,7%. Уменьшилось количество двухлошадных дворов. В 1905—1907 гг. их было 21,8% от общего числа дворов, в 1912 г. — 19,8%. Число хозяйств, имевших трех лошадей, осталось в основном на уровне 1905—1907 гг. Продолжалось сокращение и абсолютного и относительного числа многолошадных, кулацкого типа крестьянских дворов, имевших более четырех лошадей, которое, однако, не может служить показателем какого-либо упадка этих хозяйств. Это сокращение в определенной степени было вызвано ростом применения сельскохозяйственных машин и более эффективным использованием тягла.

Экономическое преимущество кулачества перед массой мелких крестьянских хозяйств особенно отчетливо обнаруживается при анализе распределения поголовья лошадей между хозяйствами различного типа.

Анализ данных военно-конских переписей по трем губерниям — Воро-

³³ Там же. Данные по центрально-земледельческому району в целом, т. е. включая Рязанскую и Тульскую губернии. Погубернских данных о размерах землевладения в указанном издании не имеется.

³⁴ Всего за 1906—1910 гг. в абсолютных цифрах дворянами было куплено 205 791 дес. земли и продано 1 424 017 дес., т. е. они продавали в среднем в 7,5 раза больше, чем покупали. Крестьянами за этот же период было продано 144 428 дес., а куплено 1 338 788 дес., т. е. они в 9 с лишним раз больше покупали земли, чем продавали.

нежской, Орловской и Тамбовской — показывает, что сокращение поголовья лошадей в высшей группе было крайне незначительным.

К 1912 г. группа кулацких хозяйств, имевших по четыре и более лошадей, сосредоточивала в своих руках около 31% всего конского поголовья (в 1905 г. — 32%).

Таблица 5

Изменение в обеспеченности конским поголовьем по группам хозяйств за 1905—1912 гг.³⁵

Годы военно-конских переписей	Число кре- стьянских дворов	Из них безло- шад- ных	Дворов с лошадьми			
			с одной	с дву- мя	с тремя	с 4 и более
Воронежская губерния						
1905 г.	373 128	98 227	114 975	78 790	40 711	40 425
%	100,0	26,4	30,8	21,1	10,9	10,8
1912 г.	437 360	147 230	135 742	82 815	39 466	32 407
%	100,0	33,7	31,1	18,9	9,0	7,3
± в 1912 г. по сравнению с 1905 г. . .	—	+7,3	+0,3	-2,2	-1,9	-3,5
Курская губерния						
1907 г. ³⁶	369 267	115 519	93 535	87 121	42 466	30 826
%	100,0	31,1	26,5	23,0	11,5	7,9
1912 г.	344 657	98 219	90 864	75 874	42 121	37 579
%	100,0	28,5	26,4	22,0	12,2	10,9
± в 1912 г. по сравнению с 1907 г. . .	—	-2,6	-0,1	-1,0	+0,5	+3,4
Орловская губерния						
1905 г.	275 654	77 242	74 195	62 681	33 140	28 396
%	100,0	28,0	27,0	22,7	12,0	10,3
1912 г.	271 512	86 925	73 156	56 916	29 952	24 563
%	100,0	32,0	25,9	21,0	11,0	10,1
± в 1912 г. по сравнению с 1905 г. . .	—	+4,0	-1,1	-1,7	-1,0	-0,4
Тамбовская губерния						
1905 г.	393 962	110 141	108 836	79 127	46 351	49 507
%	100,0	27,9	27,4	20,0	11,7	13,0
в 1912 г.	441 978	148 964	138 165	80 091	39 977	35 781
%	100,0	33,7	31,2	18,1	9,0	8,0
± в 1912 г. по сравнению с 1905 г. . .	—	+6,8	+3,8	-1,9	-2,7	-5,0
Итого по району						
1905 г.	1 412 011	401 129	391 541	307 719	162 460	149 154
%	100,0	28,4	27,7	21,8	10,5	11,6
в 1912 г.	1 495 507	481 338	437 927	295 396	150 516	130 330
%	100,0	32,3	29,4	19,8	10,1	8,4
± в 1912 г. по сравнению с 1905 г. . .	—	+3,9	+1,7	-2,0	-0,4	-3,2

³⁵ «Военно-конская перепись 1905 г.», изд. ЦСК МВД, СПб., 1907, табл. II, стр. 2, 3, 5; табл. V, стр. 16—17, 22—23, 34—37; «Военно-конская перепись 1912 г.», Пг., 1914, табл. II, стр. 5—6, 7—8, 11—14; табл. V, стр. 72—73, 94—95, 110—111, 134—135.

³⁶ Подсчитано по «Материалам по крестьянскому и частному землевладению», Курск, 1908—1909 (библиотека ГАКО).

Правда, за 1905—1912 гг. здесь несколько увеличилось количество лошадей в однолошадных и двухлошадных крестьянских хозяйствах. Если в 1905 г. однолошадные хозяйства владели 19,1% всех лошадей, то в 1912 г. они имели уже 21,5%. Соответственное увеличение двухлошадных выражается цифрами 26,7 и 27,3%³⁷. Но этот факт не является показателем укрепления экономического положения этих двух групп хозяйств. Как отмечал В. И. Ленин, еще земско-статистические исследования 1890-х годов показывали, что в расчете на единицу обрабатываемой земельной площади однолошадные и двухлошадные хозяйства, как правило, имели избыток тягла. В условиях острого малоземелья рост конского поголовья у этих групп хозяйств приводил лишь к росту издержек производства на единицу площади³⁸.

Итак, с одной стороны — 62% безлошадных и однолошадных хозяйств и с другой — 8% многолошадных кулацких хозяйств. Такова дифференциация крайних групп крестьянства в рассматриваемом районе, которая в значительной мере была ускорена столыпинской аграрной политикой.

* * *

Перейдем к рассмотрению итогов столыпинской аграрной реформы в отношении крестьянской аренды.

Трудность изучения этого вопроса для исследуемого района заключается в отсутствии материалов о качественном состоянии аренды; основные данные о соотношении сдающих и нанимающих дворов, о распределении арендного фонда между хозяйствами различного типа в земских материалах, к сожалению, отсутствуют.

О количественной стороне крестьянских аренд дает суммарные сведения земская подворная перепись животноводства по Тамбовской губ., произведенная в 1912 г.

Материалы переписи свидетельствуют прежде всего о том, что столыпинская аграрная политика ни в коей мере не смягчила острую земельную нужду крестьянства черноземного центра. Масштабы крестьянской аренды в 1906—1914 гг. продолжали оставаться огромными, не уступая предшествовавшему периоду³⁹.

В 1912 г. крестьянами Тамбовской губ. было взято в аренду 590 075 дес. пахотной земли и 111 433 дес. лугов и выгонов. От 1/5 до 1/3 всех крестьянских посевов было произведено на арендованных землях⁴⁰. Соотношение между надельной, купчей и арендованной крестьянской земель в 1912 г. в губернии было 100 : 21 : 19 (3 053 126,1 дес. надельной, 6 211 852,7 дес. купчей и 590 075 дес. арендованной земли). У хуторян и отрубщиков было 76 837,7 дес. надельной и купленной земли, а арендованной — 7 834,1 дес., т. е. соотношение здесь надельной и купленной земли, с одной стороны, и арендованной — с другой, было 100 : 10⁴¹. Однако по отдельным уездам это соотношение резко менялось. Были уезды,

³⁷ Подсчитано по военно-конским переписям 1905 и 1912 гг. по Воронежской, Орловской и Тамбовской губерниям.

³⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 118.

³⁹ В 1887 г., по данным ЦСК МВД, в Тамбовской губ. сдавалось в аренду 576,7 тыс. дес., по данным «Комиссии Центра» в 1901 г. — 848,8 тыс. дес. (И. П. Чернышев. Аграрный вопрос в России. Курск, 1927, стр. 79).

⁴⁰ «Труды 7-го совещания земских агрономов Тамбовской губернии при Тамбовской губернской земской управе 17—19 октября 1913 г.», Тамбов, 1915, стр. 81.

⁴¹ Вычислено по «Материалам подворной переписи животноводства в Тамбовской губ. в 1912 г.», Тамбов, 1913, прилож. 1.

где количество арендуемой земли превышало купчую. Например, в Борисоглебском уезде в 1912 г. крестьяне владели 410 608,8 дес. наделной земли и 48 807,8 дес. купчей, а арендовали 101 424,5 дес. (соотношение 100:12:24)⁴². Средний размер арендуемой земли на двор достигал у общинников 1,27 дес., а у хуторян и отрубщиков — 1,59 дес. Эти цифры свидетельствуют о сохранившемся преобладании мелкой крестьянской аренды, хотя, несомненно, наряду с ней получила дальнейшее развитие и крупная капиталистическая аренда крестьянской буржуазии.

Преобладала денежная аренда, но наряду с ней продолжала сохраняться и кабальная в форме испольщины и отработок. В 1912 г. в губернии было зарегистрировано 20 970 дес. земли, сдававшейся «исполну», что составляло около 3,7% к общему количеству всей арендуемой за деньги земли⁴³.

Приведенные данные безусловно типичны и для всего района. На их основании можно заключить, что потребность крестьянства черноземного центра в аренде помещичьей земли за изучаемый период несколько не сократилась. По-прежнему выступают на первый план два основных типа арендатора — «батрак с наделом», вынужденный арендовать землю у помещика и кулака на любых, самых кабальных условиях, и кулак-предприниматель, строящий на арендованной земле капиталистическое хозяйство.

В нашем распоряжении имеются материалы обследования Курской казенной палаты, позволяющие установить соотношение наделного и вненаделного арендного фонда в 1907 г. в Курской губ.⁴⁴ Всего в губернии, по данным обследования, насчитывалось 369 267 крестьянских дворов с площадью наделной земли в 2 457 902 дес. Наделную землю арендовали 34 940 крестьянских дворов в размере 127 822,6 дес., что составляло в среднем по 3,6 дес. на двор. К аренде вненаделной земли прибегали 72 691 крестьянский двор, арендуя 244 344,9 дес., что давало в среднем по 3,3 дес. на двор. Таким образом, размеры крестьянской вненаделной аренды как по площади арендуемой земли, так и по числу арендующих дворов вдвое превышали наделную аренду; основой арендного фонда являлось помещичье землевладение. Так же как и в Тамбовской губ., обращают внимание, во-первых, огромные масштабы арендного фонда, во-вторых, формы аренды.

Всего частные владельцы Курской губ. сдавали в аренду 350 670 дес. земли⁴⁵, из них 318 673 дес., или 91,2%, сдавались за деньги, 25 713 дес., или 7,0%, — исполну, 6278 дес., или 1,8%, — за отработки. По данным Курской казенной палаты, лишь менее 1% землевладельцев вели собственное хозяйство на всей земле, а 74,6% выступали в качестве сдатчиков земли, причем в их числе в свою очередь сдававшие от 50 до 100% всей земли, составляли 55% (табл. 6).

Казенная палата вынуждена была объявить истинную причину такого положения. «Главной причиной, — говорилось в «Обзоре», — следует признать высоту установившихся за последнее время арендных цен на землю, а именно: по данным за трехлетие 1903—1905 гг. под посев озимого составляет 23 руб. и ярового — 18 руб. Такие высокие цены дают возможность владельцам имений без лишних хлопот и риска за урожай получать

⁴² «Материалы подворной переписи животноводства в Тамбовской губ. в 1912 г.», прилож. I.

⁴³ Там же.

⁴⁴ «Обзор Курской губернии за 1907 г.», Курск, 1908—1909, стр. 5.

⁴⁵ В 1887 г. размеры арендного фонда в Курской губ., по данным ЦСК, составляли 298,8 тыс. дес., а по данным «Комиссии Центра» в 1901 г. — 512,4 тыс. дес. (И. П. Чернышев. Указ. соч., стр. 79).

Таблица 6
Распределение помещичьих имений Курской губ.
по количеству сдаваемой ими в аренду земли
за 1907 г.⁴⁶

Количество сдаваемой земли	Число имений	% к общему числу имений, сдающих землю в аренду
До 25%	377	26
От 25 до 50% . . .	273	19
„ 50 „ 75% . . .	210	14
„ 75 „ 100 . . .	598	41
	1458	100

от сдачи земли в аренду такой же доход, какой может дать собственная обработка земли при отсутствии интенсивных форм хозяйства»⁴⁷.

Преобладающим типом аренды в Курской губ. выступала потребительская, мелкая крестьянская аренда; крупная капиталистическая аренда в 1907 г. встречалась лишь в виде исключения, чаще всего — в районах свеклосахарных заводов⁴⁸.

Тормозящее влияние пережитков крепостничества на развитие капитализма как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйстве выступает в приведенных фактах исключительно ярко. Для черноземного центра в высшей степени было характерно то преобладание мелкой культуры на крупных латифундиях, о котором писал В. И. Ленин⁴⁹.

Однако следует подчеркнуть, что рост капиталистических отношений, подстегнутый в некоторой мере столыпинской реформой, наметил в помещичьем землевладении района тенденцию к сокращению сдачи земли в аренду. Благоприятная рыночная конъюнктура и прежде всего высокие цены на хлеб явились стимулом для части помещичьих хозяйств капиталистического типа к расширению собственного хозяйства. Особенно заметным это стремление стало в 1908—1909 гг. в связи с политической реакцией и наступившим «успокоением» крестьянства. Сокращение площади сдаваемых в аренду земель сопровождалось неуклонным и безостановочным ростом земельных и арендных цен.

Вот как объясняли причину этого явления корреспонденты Воронежского губернского земства. В 1908 г., отмечали они, «ввиду высоких цен на хлеба, помещики стали сами засеивать больше земли, а нанять земли кроме них не у кого»⁵⁰. В 1909 г., вновь отметив тот же факт, они одновременно подчеркнули и рост капиталистической крестьянской аренды — то, что «зажиточные крестьяне стали увеличивать площади посева дорогих культур» на арендуемых землях⁵¹. Повышению арендных цен на землю, по их мнению, также «много способствовало развитие за последнее

⁴⁶ «Материалы по крестьянскому и частному землевладению», Курск, 1908—1909, стр. 60 (библиотека ГАКО).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 203.

⁵⁰ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. Период I (с 1 ноября 1907 г. по 1 марта 1908 г.)», Воронеж, 1908, стр. 45.

⁵¹ Там же.

время в селениях учреждений мелкого кредита, дающих возможность легко и на выгодных условиях доставать деньги для расширения запасек»⁵².

Тем не менее продолжала господствовать мелкая, потребительская крестьянская аренда, так как малоземелье, вызванное господством латифундий, оставалось столь же острым, как и раньше. «Мужику,— свидетельствовали корреспонденты-крестьяне того же земства,— в настоящее время без арендной земли прожить нельзя. Хотя бы арендные цены на землю поднимались до 30 руб. за десятину, крестьяне все равно должны будут арендовать ее»⁵³.

Та же картина наблюдалась и в других губерниях изучаемого района. В 1909 г. в Грайворонском уезде Курской губ. за один год средние арендные цены на землю под озимые выросли с 25 до 30 руб., а под яровые — с 25 до 28 руб. за десятину⁵⁴. В 1910 г., по сообщению корреспондентов губернского земства, в том же уезде «земля снималась прямо наперебой... и притом по повышенным ценам, доходившим до 35 руб. под посев озимых и до 25 руб. под посев яровых. Несмотря на столь высокие цены, требования зачастую не могли быть удовлетворены, и многие съемщики остались без аренды»⁵⁵.

В Тамбовской губ. за те же годы, по свидетельству очевидцев, «спрос на землю растет очень быстро и вместе с тем повышаются арендные цены: за десятину при сдаче земли на продолжительный срок платили по 19—21 руб., а на год — 28 р. 50 к. — 31 р. 50 к.»⁵⁶.

Наиболее подробные данные о росте арендных цен за четырехлетие перед первой мировой войной имеются по Воронежской губернии (см. табл. 7).

Таблица 7

Динамика роста арендных цен в Воронежской губ. за
1910—1913 гг.
(за десятину в рублях)⁵⁷

Годы	Частновладельческая земля		Крестьянская земля	
	под озимые	под яровые	под озимые	под яровые
1910	22	17	19	15
1911	22	18	20	17
1912	25	20	22	17
1913	26	21	23	18
1904—1913	21	17	18	15
1910—1913	24	19	21	17

Таблица 7 показывает, что арендные цены на частновладельческую землю под озимые повысились за четырехлетие 1910—1913 гг., по сравнению со средней ценой за десятилетие 1904—1913 гг., на 14%, под яро-

⁵² «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. Период I (с 1 ноября 1907 по 1 марта 1908 г.)», стр. 45. В данном случае речь идет преимущественно о жилищном крестьянстве.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Н. И. Органовский. Индивидуализация землевладения в России и ее последствия. М., 1914, стр. 77.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии за 1910—1913 гг.», Воронеж, 1916, стр. 80—81.

вые — на 12%; цены на крестьянскую землю соответственно повысились на 17 и 13%.

Рост арендных цен еще более усугубил их несоответствие с доходностью земли. Единственным источником, позволяющим судить об этом предмете, являются материалы Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и землеустройства⁵⁸. Несмотря на их неполноту, они все же дают возможность проследить влияние арендных цен на производство основных сельскохозяйственных продуктов в крупных и мелких хозяйствах. Используем данные по озимой ржи и овсу, поскольку эти культуры были главными в крестьянском хозяйстве (табл. 8).

Таблица 8

Стоимость производства озимой ржи и овса в 1912—1914 гг. в четырех губерниях
центрально-черноземного района по группам хозяйств⁵⁹

Группы хозяйств по количеству пахотной земли	Прибыль (+) или убыток (—) от ведения полеводства, руб.**							
	Воронежская губ.		Курская губ.		Орловская губ.		Тамбовская губ.	
	на собственной земле	на съемной земле при цене 21,4 руб.*	на собственной земле	на съемной земле при цене 27,8 руб.	на собственной земле	на съемной земле при цене 20,5 руб.	на собственной земле	на съемной земле при цене 20,5 руб.
Озимая рожь								
До 20 дес.	+17,3	—4,1	+22,5	—5,3	+16,2	—4,3	+17,8	—2,7
От 20 до 50 "	+16,1	—5,3	+26,5	—1,3	+21,6	+1,1	+16,8	—3,7
" 50 " 200 "	—	—	+30,5	+2,7	+20,4	—0,1	+19,7	—0,8
" 200 " 500 "	—	—	+21,7	—6,1	+24,2	+3,7	+28,6	+8,1
Свыше 500 "	+16,7	—4,7	+40,8	+12,0	+31,9	—11,4	+20,1	—0,4
Овес								
До 20 дес.	+15,9	—1,5	+13,7	—6,7	+12,3	—4,5	+15,6	—3,6
От 20 до 50 "	+18,3	+0,9	+17,0	—2,8	+14,7	—2,1	—	—
" 50 " 200 "	—	—	+15,3	—4,5	+14,4	—2,4	+15,0	—4,2
" 200 " 500 "	—	—	+13,5	—6,3	—	—	—	—
Свыше 500 "	+18,3	+0,9	+21,5	+2,7	+18,8	—2,0	+13,6	—6,6

* Съемная цена 1 дес. на 1 посев.

** В доход включена стоимость зерна и соломы, в издержки производства — стоимость главных работ, посевного материала, удобрения и прочие прямые и косвенные расходы при производстве на собственной земле.

Таблица показывает, что при существовавших в 1912—1914 гг. арендных ценах производство ржи и овса для бедняцких и середняцких хозяйств (большинство в группе хозяйств, имевших до 20 дес. пахотной земли) было, безусловно, убыточным, причем размеры убытка колебались: для озимой ржи от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ доходности десятины земли, для овса — от $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{3}$. Арендная плата поглощала здесь не только весь доход, но и часть необходимого продукта; крестьянин-арендатор не окупал даже стоимости своей рабочей силы. Это был прямой пережиток крепостнической ренты, порожденный сохранением помещичьего землевладения.

⁵⁸ «Стоимость производства главнейших хлебов», вып. I, Пг., 1915, стр. 1; приведенные здесь материалы представляют собой ответы на анкету, разосланную в 1912—1914 гг. сельским хозяевам — корреспондентам отдела. Всего было получено 5169 ответов, 72% их относятся к крестьянским хозяйствам, 28% — к частновладельческим.

⁵⁹ «Стоимость производства главнейших хлебов», вып. I, стр. 2—13, 88—89.

Производство озимой ржи на съемной земле становилось доходным в Курской губ. при размере пахотной площади не менее чем в 50 дес. В Орловской же и Тамбовской губерниях, чтобы получить сколько-нибудь заметный доход при производстве ржи на арендной земле, надо было арендовать не менее 200 дес.

Особенно гибельно отражались на развитии крестьянского хозяйства натуральные формы аренды, представлявшие собой пережиток крепостничества в чистом виде. К сожалению, и здесь мы располагаем материалом только по Воронежской губ., но он, несомненно, дает представление по району в целом (табл. 9 и 10).

Таблица 9

Изменение арендной платы в Воронежской губ. за 1906—1913 гг. за десятину посева в зависимости от формы аренды (в рублях)⁶⁰

Годы	У владельцев				У крестьян			
	под яровой посев за деньги	под яровой посев за перевод на деньги	плата за аренду при отработках по сравнению с денежной (+) больше (-) меньше	доля владельца при аренде земли под озимый посев „из части“ урожая	под яровой посев за деньги	под яровой посев за перевод на деньги	плата за аренду при отработках по сравнению с денежной (+) больше (-) меньше	доля владельца при аренде земли под озимый посев „из части“ урожая
1906	14,6	17,6	+3,0	0,47	12,8	14,5	+1,7	0,51
1907	14,3	17,8	+3,5	0,51	13,9	14,5	+0,6	0,49
1908	15,7	20,2	+3,5	0,47	15,0	17,6	+2,6	0,47
1909	16,5	18,2	+1,7	0,47	15,3	15,0	-0,3	0,49
1909—1913	15,2	18,4	+3,2	0,48	14,2	15,5	+1,3	0,49
1910	17,0	18,0	+1,0	0,54	15,0	15,0	—	0,51
1911	18,0	23,0	+5,0	0,55	17,0	18,0	+1,0	0,54
1912	20,0	25,0	+5,0	0,56	17,0	21,0	+4,0	0,54
1913	21,0	24,0	+3,0	0,55	18,0	20,0	+2,0	0,52
1910—1913	19,0	22,0	+3,0	0,53	17,0	18,0	+1,0	0,53

Таблица 10

Исполная плата при аренде сенокосов из расчета на каждые 100 частей урожая (в пользу владельца земли)⁶¹

Годы	Сенокосы		
	заливные	суходольные	степные
1910	62	67	62
1911	66	69	64
1912	62	69	67
1913	62	64	61
1910—1913	63	67	63
1904—1913	64	65	59

⁶⁰ Составлено по материалам «Сельскохозяйственных обзоров по Воронежской губернии. Период I» (с 1 ноября по 1 марта), Воронеж, 1907—1910 и «Сельскохозяйственного обзора по Воронежской губернии за 1910—1913 гг.»

⁶¹ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии за 1910—1913 гг.», стр. 84.

Даже по неполным данным Воронежского губернского земства, аренда за отработки на 20—30% превышала денежную аренду, а при натуральной аренде в пользу владельца поступало более половины урожая. Вся крепостническая сущность столыпинской реформы обнаруживала себя в этом факте. Несмотря на развитие капитализма, удельный вес кабальных аренд снижался крайне медленно, причем тягость натуральной аренды не только не уменьшалась, но увеличивалась. В Воронежской губ. в 1910—1913 гг. увеличение ее в денежном выражении по сравнению с 1906—1909 гг. составило 20% на землях частных владельцев и 16% на крестьянской земле. Исполная плата при аренде сенокосов выросла за тот же срок на 7% по сравнению со средней платой за десятилетие 1904—1913 гг.

Последствия кабальных аренд усугублялись их краткосрочным характером. Как правило, преобладала годовичная аренда, приводившая к хищническому истощению почв и прогрессирующему падению урожайности⁶². Наряду с этим во всем изучаемом районе широко бытовали и такие пережитки крепостничества, как «зимняя наемка» и другие формы кабальной эксплуатации «батрака с наделом», который являлся здесь преобладающим типом сельскохозяйственного рабочего (см. табл. 11 и 12).

Таблица 11

Стоимость отдельных работ при обработке 1 дес. под озимые хлеба крестьянским инвентарем в Курской губ. в 1908 г. (в копейках)⁶³

	Вспахать сохой	Вспахать плугом	Двонить	Бороновать	Сев с заделкой семян сохой	Сев с заделкой семян бороной
При найме во время работ	224	333	164	72	220	112
При найме заранее	193	284	145	64	195	92
Отношение стоимости при найме заранее к стоимости найма во время работ (%)	113,1	117,2	103,1	112,4	112,8	121,7

Таблица 12

Разница в сдельной оплате сельскохозяйственного рабочего при зимней и летней наемке в Тамбовской губ. в 1913 г. (в расчете на 1 казенную десятину, в копейках)⁶⁴

Виды работ	При зимней наемке	При летней наемке	Отношение платы при зимней наемке к плате при летней наемке %
Взметать пар плугом . . .	353	447	134,4
„ „ сохой	230	297	129,1
Вспахать под яровые с осени плугом	322	402	124,8

⁶² См. «Труды 7-го совещания земских агрономов Тамбовской губ. при Тамбовской губернской земской управе 17—19 октября 1913 г.», стр. 83—84.

⁶³ Вычислено по данным Оценочно-статистического отдела Курского губернского земства 1908 г. («Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике», вып. 1. Курск, 1911, стр. 40—41).

⁶⁴ «Краткий сельскохозяйственный обзор Тамбовской губернии за 1913 г.», Тамбов, 1913, стр. 29.

В Орловской губ. в 1912 г. плата за сдельные работы по полной обработке одной десятины озимого поля в частновладельческих хозяйствах была при уплате денег вперед на 11,5% меньше, чем при уплате денег после работы. В крестьянских хозяйствах эта разница была несколько меньше, составляя 9,1%⁶⁵.

Приведенные данные показывают, что в губерниях центрально-черноземного района кабальные формы найма батраков-поденщиков имели широкое распространение и носили крайне тяжелый характер. Как правило, здесь наемный рабочий терял от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$ по отношению к капиталистическому найму, условия которого сами по себе были достаточно суровыми для нанимавшегося. Кроме того, кабальный наем оказывал отрицательное влияние на общий уровень заработной платы сельскохозяйственных рабочих района.

Все четыре губернии к кануну мировой войны полностью сохраняли свое положение района с наиболее низкими ценами на сельскохозяйственные работы. Более того, несмотря на развитие капитализма, жизненный уровень сельскохозяйственных рабочих непрерывно снижался. Имевший место в период проведения столыпинской аграрной реформы некоторый рост заработной платы батраков и поденщиков был полностью парализован повышением цен на жизненно необходимые продукты питания (табл. 13). Реальная заработная плата батраков и поденщиков сокращалась. Для иллюстрации вычислим их номинальную заработную плату в пудах ржи.

Из приведенных данных следует, что незначительное повышение номинальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих в период 1906—1914 гг. почти сводилось на нет ростом дороговизны.

Таблица 13

Изменение заработной платы поденных рабочих по четырем губерниям центрально-черноземного района за 1901—1914 гг.⁶⁶

Годы	Зарплата в копейках			Средняя цена пуда ржи, коп.	Зарплата в пудах ржи		
	конного рабочего на своих харчах	пешего рабочего на своих харчах	на хозяйских харчах		конного рабочего на своих харчах	пешего рабочего на своих харчах	на хозяйских харчах
1901—1905	119	55	44	58	2,05	0,95	0,77
1906—1910	135	63	49	85	1,59	0,74	0,58
1911—1914	196	75	61	79	2,48	0,95	0,77
В процентах к 1901—1905 гг.							
1906—1910	113,4	114,5	111,4	146,5	77,6	77,9	75,3
1911—1914	164,7	136,4	138,6	136,2	121,0	100,0	100,0

⁶⁵ «Сельскохозяйственный обзор по Орловской губернии за 1912 г.», Орел, 1914, стр. 136—137.

⁶⁶ Таблица составлена по материалам Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия. Использована методика, разработанная И. Дроздовым в его книге «Заработная плата земледельческих рабочих в России в связи с аграрным движением 1905—1906 гг.», СПб., 1914. Эта работа получила положительную оценку В. И. Ленина (см. В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 155—157). За основу подсчетов нами взята средняя заработная плата при основных видах работ — весеннем севе и уборке; местные цены на рожь — средние из осенних и весенних цен («Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Год девятый, Пг., 1916).

В 1906—1910 гг. цены на основной продукт питания — рожь — выросли настолько, что значительно сократили реальную заработную плату у всех разрядов сельскохозяйственных рабочих. В 1911—1914 гг. наблюдается относительное повышение реальной заработной платы лишь у конных рабочих на своих харчах, но оно крайне невелико.

Особенно низко оплачивался труд женщин и подростков, которых развитие капитализма, в частности более широкое применение сельскохозяйственных машин, вовлекало в сферу непосредственной эксплуатации во все большем количестве.

В Тамбовской губ. в 1913 г. женский труд оплачивался в среднем в полтора раза ниже мужского. Если поденная заработная плата мужчины в среднем на сенокосе составляла 77 коп., на уборке — 1 рубль и на молотье — 64 коп., то плата женщины-поденщицы соответственно равнялась 42, 61 и 36 коп. В Курской губ. в 1909 г. рабочему-мужчине за уборку озимых хлебов на собственных харчах в частновладельческом хозяйстве платили поденно 75 коп., женщине — 50 коп., подростку — 26 коп., в крестьянском хозяйстве — соответственно 79, 51 и 25 коп.⁶⁷ Таким образом, детский труд оплачивался в два раза ниже женского и в три раза ниже мужского труда. Приблизительно такое же соотношение наблюдалось в остальных губерниях изучаемого района.

На этом фоне особенно рельефно выступает процесс обогащения помещиков за счет крестьян, в частности за счет непрерывного, искусственно раздуваемого политикой правительства роста цен на помещичью землю. «Покупка земли, — писал В. И. Ленин, — есть покупка того дохода, который дает земля, покупка *ренгы*; цена земли является поэтому капитализированной рентой»⁶⁸. Используя данные И. Дроздова, В. И. Ленин показал, что в целом по всей Европейской России доходы помещиков только за счет повышения цен на землю за два десятилетия, с 1891 по 1910 г., увеличились почти вдвое⁶⁹. Та же картина имела место и в центрально-черноземном районе.

Если средняя по губернской цене одной десятины земли по посредническим сделкам Крестьянского поземельного банка в 1901—1905 гг. составляла в Воронежской губ. 121 руб., в Курской — 175, в Орловской — 155 и в Тамбовской — 136 руб., то в 1914 г. она уже достигла соответственно 265, 484, 224 и 232 руб., т. е. выросла более чем в два раза⁷⁰.

Широкое распространение пережитков крепостничества в сельском хозяйстве центрально-черноземного района тормозило и осложняло процесс пролетаризации разорявшейся части крестьянства и превращало его не столько в пролетария, сколько в паупера. В связи с этим встает вопрос об особенностях формирования пролетариата в условиях проведения столыпинской реформы в различных районах страны, в том числе и в центрально-черноземном. В отношении нашего района серьезным препятствием для изучения этой важной проблемы служит отрывочный и неполный характер источников. Поэтому приходится удовлетвориться лишь выявлением основных тенденций в развитии процесса пролетаризации крестьянства в более или менее общей форме. Основными материалами для этого являются данные об отходничестве, которые имеются в ежегодных отчетах губернаторов и представляют собой сведения волостных правлений о количестве и сроках паспортов, выданных крестьянам,

⁶⁷ «Краткий сельскохозяйственный обзор Тамбовской губернии за 1913 г.», стр. 30; 1909 г. «Материалы по текущей сельскохозяйственной статистике», вып. 1, стр. 25—26.

⁶⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 156—157.

⁶⁹ Там же, стр. 157.

⁷⁰ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Год девятый, стр. 596.

уходящим на промыслы. Сведения эти публиковались в «Отчетах» нерегулярно, по Тамбовской губ. не публиковались вообще и дают лишь приблизительное представление о размерах отходничества, ничего не говоря о направлении отхода, его социальных результатах, профессиях отходников и т. д.

Ценным добавлением к губернаторским отчетам служат материалы Воронежского губернского земства, которое систематически публиковало сведения о развитии отходничества в губернии, составленные на основании сообщения добровольных корреспондентов. Программа вопросов, на которые отвечали корреспонденты, была чрезвычайно интересной. Она включала сведения об имущественном положении отходников, о причинах увеличения отхода, характере его, направлении и результатах. В 1911 г. санитарное отделение Воронежской губернской земской управы издало работу, обобщившую материалы земского обследования состояния отхожих промыслов в том же году⁷¹. К сожалению, Воронежское земство оказалось единственным интересовавшимся отходом, остальные три губернских земства совершенно не уделяли этому вопросу внимания. Поэтому для Курской, Орловской и Тамбовской губерний приходится привлекать отдельные иллюстративные данные, содержащиеся в отчетах участковых податных инспекторов, в основе которых лежат те же сведения волостных правлений.

Прежде всего мы наблюдаем непрерывный рост отходничества. Так, в Орловской губ. волостными правлениями было выдано в 1903 г. 195 547 годичных и полугодичных паспортов, в 1906 г. — 209 464 и в 1913 г. — 260 035⁷². Из Воронежской губ. в 1911 г. ушло в отход 158,9 тыс. чел., что составляло 4,8% ко всему населению губернии⁷³. В Тамбовской губ. в 1902 г. было выдано 239,9 тыс. паспортов на срок не более одного года, а за пятилетие 1906—1910 гг. среднее число таких паспортов составило 251,3 тыс., что дает увеличение по сравнению с 1902 г. на 4,6%⁷⁴. В Курской губ., по данным уездной полиции, динамика отходничества за десятилетие выглядит следующим образом (табл. 14):

Таблица 14
Рост отходничества в Курской губ. за 1905—1914 гг.⁷⁵

Годы	Количество отходников, тыс.	% к 1905 г.	Годы	Количество отходов, тыс.	% к 1905 г.
1905	131,3	100,0	1910	141,4	107,6
1906	148,8	113,7	1911	135,7	103,8
1907	138,0	105,3	1912	148,4	113,0
1908	141,0	107,6	1913	140,0	106,9
1909	143,8	109,9	1914	140,0	106,9

⁷¹ «Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 г.», Воронеж, 1914.

⁷² «Обзор Орловской губернии» за 1903, 1906, 1913 гг., Орел, 1904 (стр. 12), 1907 (стр. 16), 1914 (стр. 9).

⁷³ «Статистико-экономический словарь Воронежской губернии», Воронеж, 1921, стр. 396.

⁷⁴ «Статистический обзор развития народного хозяйства в дореволюционной России» (сост. Б. В. Авилон). — Энциклопедический словарь «Гранат», изд. 7-е, т. 36, ч. IV, стр. XXXIII.

⁷⁵ Таблица составлена по материалам «Обзоров Курской губернии» за 1906—1914 гг., Курск, 1907—1915 г.; сведения за 1905 г. взяты из «Курского сборника» вып. V, Курск, 1907, стр. 31.

Итак, рост отхода налицо, но вместе с тем приведенные данные показывают, что он не был интенсивен.

Посмотрим теперь, каково было положение отходников и кто прежде всего шел в отход. Ответ, хотя и неполный, на этот вопрос мы находим в данных Воронежского губернского земства, составленных на основе 187 сообщений крестьян-корреспондентов за 1909 г. Согласно этим данным в отхожие промыслы ушли из семей зажиточных крестьян трое, из семей среднезажиточных — 39, из семей бедноты — 122 и 5 крестьян из больших семей, где имелись лишние рабочие руки (социальное положение 18 отходников не указано)⁷⁶. Что касается причин отхода, то они указаны в отношении 47 отходников, из которых 18 ушло из-за неурожая 1909 г., 12 — из-за плохих видов на будущий урожай; 4—6 — в результате обеднения, 4 — из-за малоземелья, 6 — из-за отсутствия заработков на местах и 3 — из-за хороших заработков на местах отхода в минувшем году⁷⁷.

Таким образом, 2/3 общего числа отходников дала деревенская беднота; отходники из зажиточных являлись исключением.

Под влиянием развития капитализма менялись характер и направление отхода. В 197 сообщениях корреспондентов Воронежского земства об отходе за 1909 г. даются следующие сведения: 109 человек ушли на сельскохозяйственные работы, 34 отходника — на шахты и рудники, 6 — в торговый и извозный промыслы; остальные 48 ушли на различные промыслы по своей специальности⁷⁸. В 1911 г., по данным того же Воронежского земства, из каждых 100 человек, уходивших на промыслы, 68 направлялись в сельское хозяйство, 32 — в промышленность и торговлю⁷⁹.

Таким образом, и в период столыпинщины в Воронежской губ., как и в остальных трех губерниях, продолжал преобладать земледельческий отход.

Однако удельный вес этого отходничества обнаружил тенденцию к сокращению. Это определено было вызвано расширением применения сельскохозяйственных машин на Дону, Кубани и Северном Кавказе, куда направлялся основной поток отходников из центра. Механизировалась, в частности, уборка хлебов, т. е. процесс, требовавший ранее наибольшего количества рабочих рук. «...На косовицу в Донские места, — сообщали корреспонденты Воронежского земства, — перестали совсем ходить некоторые рабочие по той причине, что там увеличилось количество косилок и сноповязалок, которые в значительной степени вытесняют ручной труд»⁸⁰.

Они же в связи с этим отмечали как характерную черту «усиленное стремление рабочих специализироваться на каком-нибудь ремесле, так как сельскохозяйственный труд становится невыгодным»⁸¹.

Податной инспектор 1-го участка Козловского уезда Тамбовской губ. отмечал, что «заметную роль в уменьшении заработков играет... распространение за последнее время разного рода усовершенствованных машин...»⁸².

⁷⁶ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. Период 2 (с 1 марта по 1 июня 1909 г.)», Воронеж, 1910, стр. 55.

⁷⁷ Там же, стр. 49.

⁷⁸ Там же, стр. 52.

⁷⁹ «Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 г.», стр. 19.

⁸⁰ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. Период 3 (с 1 июня по 1 ноября 1909 г.)», Воронеж, 1910, стр. 138.

⁸¹ Там же, стр. 140.

⁸² ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 28, 1912 г., д. 1200, л. 96.

В 1911 г. в Новохоперском уезде Воронежской губ., где в прежние годы много крестьян уходило на уборку урожая в область Войска Донского, никто туда не ушел, так как вербовщики с Дона не приехали⁸³.

Помимо этого, машины стали вытеснять мужской труд, заменяя его более дешевым женским и детским. В 1908 г. в Воронежской губ. отмечался значительный отход женщин на свекловичные плантации в Киевскую губ. и на табачные — на Кавказ и в Кубанскую область⁸⁴. В 1909 г. корреспонденты Воронежского земства вновь сообщали о массовом уходе женщин на Дон и Кубань на табачные плантации. Так, из села Ширяева Богучарского уезда ушло до 500 чел., из слободы Калача — около 1000⁸⁵. В 1911 г. в отход ушли 26 947 женщин, что составило 16,9% всех отходников губернии; в 1912 г. их уже было 20%, в 1913 г. — 19,7%, в 1914 г. — 18,7%⁸⁶.

В 1907 г., в связи с двумя неурожайными годами, отход крестьян в Воронежской губ. на заработки заметно усилился. По сообщению корреспондентов, в Казанской волости Валуйского уезда ушли в отход даже подростки 16—18 лет и старики 55—60 лет, «чего прежде никогда не замечалось»⁸⁷.

Как общий рост отхода, так и увеличение в нем доли женского и детского труда приводили к ухудшению положения отходников и снижению заработка сельскохозяйственных рабочих.

Массовое разорение крестьянства в период столыпинщины непосредственно сказалось на увеличении группы чернорабочих, поденщиков и прислуги в общей массе отходников. В качестве примера можно сослаться на Дмитриевский уезд Курской губ. В 1907 г. отсюда ушло на заработки 7 тыс. чел.⁸⁸, 15% которых были чернорабочими. В 1909 г. из ушедших 10 тыс. чел. чернорабочих было уже 22,6%⁸⁹, а в 1912 г. — 26% (из 12 тыс. чел.)⁹⁰. Прислуга и чернорабочие составляли основную массу отходников, уходивших в город. Но вместе с тем, в связи с промышленным подъемом 1910—1914 гг., начал расти и промышленный отход. Все больше крестьян центрально-черноземного района находили себе работу на фабриках, шахтах, рудниках, в строительстве и на железных дорогах и т. п.

В 1912 г. податной инспектор 1-го участка Моршанского уезда Тамбовской губ. сообщал, что размеры отхода по сравнению с прошлым годом увеличились приблизительно на 10%. При этом главная масса отходников уходила на шахты и железные дороги. Из Моршанского уезда целые артели отправлялись на шахты Донбасса⁹¹. Так, в Моршанской волости, где в 1912 г. было выдано 3211 паспортов, половина получивших паспорта отправлялась на шахты⁹². Такие же сообщения имеются

⁸³ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 25, 1911 г., д. 433, стр. 66.

⁸⁴ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. Период 2 (с 1 марта по 1 июня 1907 г.)», Воронеж, 1908, стр. 49.

⁸⁵ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губ. Период 2 (с 1 марта по 1 июня 1909 г.)», Воронеж, 1910, стр. 52.

⁸⁶ «Статистико-экономический словарь Воронежской губ.», Воронеж, 1921, стр. 396; «Обзор Воронежской губ. за 1912, 1913, 1914 гг.», Воронеж, стр. 28.

⁸⁷ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. Период 2 (с 1 марта по 1 июня 1907 г.)», Воронеж, 1908, стр. 30.

⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 25, 1907 г., д. 532, л. 45.

⁸⁹ Там же, 1909 г., д. 534, лл. 102—103.

⁹⁰ Там же, 1912 г., д. 537, л. 51.

⁹¹ Там же, д. 1200, л. 4.

⁹² Там же, 1913 г., д. 1201, л. 26.

по Ольховской и Троице-Росляйской волостям, в каждой из которых было выдано по 600—800 паспортов⁹³.

В Воронежской губ. в 1909 г. особенно усиленное движение на шахты наблюдалось в Земляном уезде. Корреспонденты сообщали, что только из одного села Быкова этого уезда ушло в Юзовку около 200 чел. Из села Каменки Архангельской волости «много ушло на шахты в Донецкую область и Екатеринославскую губернию». «Нет почти ни одного двора, чтобы кто не ушел на эти заработки, а есть и такие семьи, откуда ушло по 2—3 человека»⁹⁴. «Если в конце XIX и начале XX в. исконными местами отхода были Северный Кавказ и Область Войска Донского, то в настоящее время, — отмечали корреспонденты земства, — немаловажное значение стала играть Екатеринославская губерния»⁹⁵. В Львовском уезде Курской губ. в 1909 г. ушедших на шахты было 2200 чел., а на сельскохозяйственные работы — всего 1466⁹⁶.

Столь же значительным, хотя и несколько меньшим был уход крестьян на строительные работы, особенно на строительство железных дорог. В 1912 г. из Алгасовской волости того же Моршанского уезда было взято 2638 паспортов, большинство для отхода на железнодорожное строительство в Восточной Сибири. С этой целью «каждую весну подрядчики нанимают рабочих в Алгасовской волости партиями»⁹⁷ — сообщал податной инспектор. Из Серповской волости в том же году туда же, а также на плотничьи работы в разные места ушло 2552 чел.⁹⁸ В 1911 г. канцелярией Комитета по заселению Дальнего Востока было произведено обследование движения рабочих на заработки. Обследование коснулось только строительных и дорожных рабочих, но и оно дает представление об относительных размерах неземледельческого отхода по губерниям и уездам изучаемого района. На первом месте здесь стоит Курская губ., пославшая 115 795 чел., Орловская губерния дала 108 703 чел., Воронежская — 55 526, Тамбовская — 53 163 чел.⁹⁹. Эти цифры включают, во-первых, и чернорабочих, работавших на строительстве, которые составляли большинство. По Орловской губ. их было 68 408 чел., или 62,7%, по Курской — 63 310 чел., или 55,4%, по Воронежской — 38 471 чел., или 69,4%, по Тамбовской — 29 835 чел., или 56%. На втором месте стояли плотники: по Тамбовской губ. 13 645 чел., или 25%, по Курской — 15 647 чел., или 13,8%, по Орловской — 13 853 чел., или 12,8%, по Воронежской — 7199 чел., или 12,9%. Затем шли каменщики: по Курской губ. они составили 13,8% от общего числа отходников губернии, ушедших на строительные работы, по Орловской — 10,2%, по Тамбовской — 9,8%, по Воронежской — 6%. Доля отходников остальных строительных профессий (штукатуров, стекольщиков, печников, маляров, кровельщиков, кирпичников и др.) составила: по Курской губ. — 17%, по Орловской — 14,3%, по Воронежской — 18,7%, по Тамбовской — 9,2%¹⁰⁰.

Значительное количество отходников-строителей уходило в промышленные центры страны. Так, например, отходники Воронежской губ. направлялись в Баку, Харьков, Киев, Полтаву, Ростов, Москву, Луганск,

⁹³ Там же, 1912 г., д. 1200, л. 27.

⁹⁴ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. Период 2 (с 1 марта по 1 июня 1909 г.)», Воронеж, 1910, стр. 53.

⁹⁵ Там же, стр. 50.

⁹⁶ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 25, 1909 г., д. 534, л. 54.

⁹⁷ Там же, 1913 г., д. 1201, л. 26.

⁹⁸ «Движение рабочих на заработки в 1911 г.», изд. канцелярии Комитета по заселению Дальнего Востока, СПб., 1911, стр. 50—52, 54.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

из Орловской губ. в 1914 г. на плотничьи и штукатурные работы уходили в Екатеринослав, Николаев, Одессу, Полтаву¹⁰¹; из северных уездов Орловской и Курской губерний отходники шли в Москву, Тулу и другие города. В 1912 г. податной инспектор 1-го участка Елатомского уезда Тамбовской губ. сообщал об усиленном отходе на заработки из Алферьевской и Ардабьевской волостей; большинство отходников направлялось на фабрики и заводы Владимирской и Нижегородской губерний, в Иваново-Вознесенск ушло 800 чел. — на 10% больше, чем в 1911 г.¹⁰²

О росте промышленного отхода свидетельствуют поволостные данные о категориях отходников Воронежской губ. за 1911 г. На сельскохозяйственные заработки уходили из 119 волостей, на шахты и рудники — из 161, в обрабатывающую промышленность — из 113, в горную — из 42 волостей¹⁰³.

Статистические материалы Курской губернской казенной палаты позволяют заключить, что доходы от отхожих промыслов заняли значительное место в общей сумме денежных доходов крестьян губернии. Так, в 1907 г. в общей сумме денежных доходов крестьянского населения доходы от земледелия составили 58,2%, от кустарного промысла — 5,4%, от местных промыслов — 16,9% и от отхожих промыслов — 19,5%¹⁰⁴.

Таким образом, доход крестьян от отхожих промыслов превысил доход от заработка в местных экономиках. Еще более наглядно эта картина вырисовывается по Обоянскому уезду на основании сведений податных инспекторов за пятилетие с 1907 по 1912 г. (табл. 15).

Таблица 15.

Развитие местных и отхожих промыслов в Обоянском уезде Курской губ. за 1907—1912 гг.¹⁰⁵

Отход	Число рабочих			Заработок, руб.		
	1907 г.	1909 г.	1912 г.	1907 г.	1909 г.	1912 г.
На частновладельческие свекловичные плантации и другие работы	5 284	4 919	10 342	88 762	79 877	195 424
На местные заводы	1 897	2 215	2 218	49 575	32 895	10394
„ отхожие промыслы	6 452	7 381	16 690	274 353	148 755	545 747
„ железные дороги	2 436	3 685	—	87 940	109 570	—

Как видно, несмотря на значительное развитие местных промыслов, главным образом на помещичьих свекловичных плантациях, дальние отхожие промыслы преобладают как по количеству рабочих, так и по сумме заработка.

Таким образом, если в пятилетие 1905—1909 гг. средний заработок отходника составлял 44 руб., то за пятилетие 1910—1914 гг. он возрос

¹⁰¹ «Обзор Орловской губернии за 1914 г.», Орел, 1915, стр. 9.

¹⁰² ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 25, 1913 г., д. 1201, л. 57.

¹⁰³ «Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 г.», стр. 50.

¹⁰⁴ «Материалы по крестьянскому и частному землевладению в Курской губ.», Курск, 1908—1909, стр. 12, 13 (библиотека ГАКО).

¹⁰⁵ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 25, 1912 г., д. 337, л. 78; 1907 г., д. 332, л. 7; 1909 г., д. 334, л. 150.

до 59,8 руб., т. е. на 35,3%. Но за те же годы, по приведенным выше данным, цены на основной продукт питания — рожь — поднялись в среднем процентов на 40¹⁰⁶.

Следовательно, реальная заработная плата не только не повысилась, но проявила тенденцию к понижению, и это в бурные годы предвоенного промышленного подъема.

О заработной плате отходников за годы промышленного подъема можно судить по материалам Курской губ. (табл. 16).

Таблица 16

Средний годово́й заработок отходника Курской губ. 1905—1914 гг.¹⁰⁷

Годы	Заработок, руб.	Годы	Заработок, руб.
1905	43	1910	51
1906	43	1911	57
1907	46	1912	59
1908	46	1913	71
1909	42	1914	61

Коротко свои наблюдения мы можем суммировать следующим образом. Процесс пролетаризации крестьянства в изучаемом районе шел, несмотря на столыпинскую аграрную реформу, медленно. Окончательный отрыв от земли части крестьян в условиях сохранения помещичьего землевладения, крепостнических пережитков и слабого развития промышленности сильно тормозился. Основную массу отходников составляла деревенская беднота, «батраки с наделом». Преобладание среди них низкооплачиваемых категорий приводило к тому, что отход не давал им возможности сколько-нибудь существенно улучшить свое хозяйство, и эти крестьяне-отходники продолжали разоряться.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве в значительной степени зависит от состояния кредита. В крестьянской стране, как известно, особенно важен мелкий капиталистический кредит, доступный тысячам мелких земельных собственников. Ростовщический кредит, господствовавший в крестьянском «миру», не столько содействовал развитию капиталистических отношений, сколько тормозил их. По существу он являлся одним из полукрепостнических пережитков, консервировавшихся всем полufeодальным строем русской деревни.

Столыпинское правительство, встав на путь создания массовой социальной опоры самодержавия в лице хуторского и отрубного кулачества, приняло ряд поощрительных мер для развития мелкого кредита, поскольку без этого взятый курс не мог быть реализован. За рассматриваемые годы развитие кредитных отношений в центрально-черноземном районе, как и во всей стране, сделало, несомненно, шаг вперед. Особенно быстро рос кооперативный кредит (табл. 17 и 18). Гораздо медленнее росли ссудо-сберегательные товарищества, для вступления в которые требовался паевой взнос (табл. 18).

¹⁰⁶ См. стр. 50.

¹⁰⁷ Таблица составлена по материалам «Обзоров Курской губернии» за 1906—1914 гг. Сведения за 1905 г. взяты из «Курского сборника», вып. V, стр. 31.

Таблица 17

Рост кредитной кооперации центрально-черноземного района за 1907—1914 гг.¹⁰⁸

Губернии	На 1 января 1907 г.					
	число товариществ	число членов	баланс, руб.	ссуды, руб.	выплаты и займы у частных лиц, руб.	% к численности населения в уездах
Воронежская	60	39 008	952 600	877 640	50 128	1,3
Курская	81	28 312	692 076	624 239	422 650	1,1
Орловская	32	19 345	269 316	254 913	93 849	0,9
Тамбовская	23	6 708	185 815	168 448	100 725	0,02
Итого	196	93 373	2 099 807	1 925 240	118 252	0,9

Губернии	На 1 января 1915 г.					
	число товариществ	число членов	баланс, руб.	ссуды, руб.	выплаты и займы у частных лиц, руб.	% к численности населения в уездах
Воронежская	222	250 075	15 213 827	10 605 637	11 075 586	7,3
Курская	205	152 153	8 293 562	6 071 406	5 807 356	5,1
Орловская	219	213 029	8 947 254	6 669 165	5 356 221	8,7
Тамбовская	276	203 686	8 724 882	7 253 935	5 069 442	6,3
Итого	922	818 943	41 179 525	30 600 143	27 308 605	6,8
% к 1906 г.	470,0	876,8	1961,1	1594	2437	—

В то время как в кредитных товариществах число членов выросло с 1906 по 1914 гг. в девять раз, в ссудо-сберегательных товариществах за тот же срок они выросли всего в четыре раза (с 21 258 членов в 1906 г. до 88 811 членов в 1914 г.)¹⁰⁹. Тем не менее, несмотря на такой значительный рост, кредитная кооперация (ссудо-сберегательные и кредитные товарищества вместе) в 1914 г. охватывала всего 7,5% населения.

За указанные годы выросли и сословные учреждения мелкого кредита — общественные ссудо-сберегательные кассы, вспомогательные кассы и сельские банки (табл. 19).

Таким образом, за восемь лет оборотный капитал сословных учреждений мелкого кредита вырос более чем в два раза, вдвое возросли суммы вкладов и размеры ссудной операции.

О характере деятельности кредитной кооперации можно судить на примере Воронежской губ. (табл. 20).

Относя к кулакам хозяев с 3—4 и более лошадьми, мы получаем, что на долю кулаков приходится 20% всех членов кредитной кооперации; 3,7% составляли лица, «не ведущие сельского хозяйства», в большинстве, по-видимому, торговцы и лица, «находящиеся на частной и казенной службе», т. е. писаря, сидельцы казенных винных лавок и т. п., тесно

¹⁰⁸ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Год пятый, СПб., 1912, стр. 514—515; год девятый, Пг., 1916, стр. 558—561. Сведения о численности населения в уездах взяты из «Статистического ежегодника России» за 1906 и 1914 гг., СПб., 1907; Пг., 1915.

¹⁰⁹ Там же.

связанные с эксплуататорскими слоями деревни. Несколько менее трети членов составляли середняки. На долю бедняков (однолошадных и безлошадных) приходилось, следовательно, остальные 45—47%. Но, во-первых, необходимо учитывать, что доля бедноты в общей массе крестьянского населения, обслуживаемого кооперацией, была значительно выше указанного процента, а во-вторых, и это главное, обеспечивалось кредитом в первую очередь кулачество. Кулакам выдавались ссуды, большие по размерам и на лучших условиях, чем остальным членам-крестьянам¹¹⁰.

Таблица 18

Рост ссудо-сберегательных товариществ центрально-черноземного района за 1907—1914 гг.¹¹¹

Губернии	На 1 января 1907 г.				
	число товариществ	число членов	баланс, руб.	ссуды, руб.	вклады и займы у частных лиц, руб.
Воронежская	20	15 886	859 541	745 946	428 336
Курская	3	274	30 204	26 885	6 834
Орловская	3	769	23 774	18 719	4 937
Тамбовская	14	4 329	388 361	312 682	133 438
Итого	40	21 258	1 301 880	1 104 232	573 545

Губернии	На 1 января 1915 г.						
	число товариществ	число членов	баланс, руб.	ссуды, руб.	вклады и займы у частных лиц, руб.	% к численности населения 1906 г.	% к численности населения 1914 г.
Воронежская	20	19 123	1 451 585	1 153 201	848 819	0,5	0,5
Курская	4	2 603	285 725	215 608	168 028	—	0,7
Орловская	28	22 783	1 297 023	976 596	955 275	—	0,9
Тамбовская	60	44 302	2 913 830	2 349 862	1 342 017	0,1	1,3
Итого	112	88 811	5 948 163	4 695 267	3 314 139	0,2	0,7
% к 1906 г.	280	420,7	457,8	426,4	577,7	—	—

Таблица 19

Рост сословных учреждений мелкого кредита в центрально-черноземном районе за 1907—1914 гг.¹¹²

Дат :	Число учреждений	Оборотный капитал, руб.		Ссуды, руб.
		всего	в том числе вклады	
На 1 января 1907 г.	171	2 693 655	1 507 395	2 452 487
На 1 января 1914 г.	251	5 743 596	3 158 817	5 272 335

¹¹⁰ К сожалению, по изучаемому району нет сведений о размерах ссуд, выдававшихся представителям различных имущественных разрядов крестьян. Поэтому сошлемся на пример Уфимской губ., по которой эти сведения имеются за тот же 1909 г. и которые, несомненно, отражают общее положение по всей стране. Согласно этим сведениям, средние размеры ссуд кулацким хозяйствам по Уфимской губ. в 2,5—3 раза превышали ссуды, выдававшиеся однолошадным и безлошадным хозяйствам.

¹¹¹ Сведения Управления по делам мелкого кредита. См. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Год пятый, стр. 501—523; год девятый, стр. 565—571.

¹¹² Там же.

Для примера сошлемся на доклад правления Суджанского кооперативного товарищества (Курская губ.) в 1908 г. очередному уездному земскому собранию, где порядок выдачи ссуд описан следующим образом: «Правление определяет по соображению с состоятельностью каждого члена и доверием, которого он заслуживает, размер его кредита, но не превышающий 150 рублей на одного»¹¹³. Из самого текста вытекает, что «доверием» пользовался богатый хозяин, а не бедняк.

Проведенное в конце 1911 г. Управлением по делам мелкого кредита обследование экономического положения кредитующихся хозяйств констатировало «правильный подъем кредитов по мере возрастания живого инвентаря, принадлежащего членам кредитных товариществ»¹¹⁴, т. е. зависимость кредитоспособности от состояния хозяйства.

Т а б л и ц а 20

Имущественный состав членов кредитной кооперации Воронежской губ. в 1909 г.¹¹⁵

Категории членов товариществ	Число членов	% оборота	Сумма открытого кредита, руб.	Средний размер кредита, руб.
По разрядам крестьянских хозяйств				
Не занимающиеся сельским хозяйством	3 676	3,7	Сведений нет	Сведений нет
Хозяйства безлошадные	12 017	12,3	" "	" "
" с 1 лошадыо	34 202	35,1	" "	" "
" 2 лошадыми	28 118	28,9	" "	" "
" 3—4 "	15 915	16,3	" "	" "
" имеющие более 4 лошадей	3 629	3,7	" "	" "
Итого	97 557	100,0	—	—
По роду занятий				
Земледельцы	91 114	93,4	6 237 551	68
Ремесленники и кустари	1 162	1,2	127 229	109
Торговцы	3 657	3,7	251 037	68
Промышленники	537	0,6	64 736	120
Лица, находящиеся на частной службе	1 087	1,1	98 968	91
Итого	97 557	100,0	—	—
По сословиям				
Крестьяне	96 007	98,5	6 664 614	69
Горожане	1 143	1,2	82 819	12
Духовенство	270	0,2	34 845	133
Дворяне	137	0,1	17 313	126
Итого	97 557	100,0	—	—

¹¹³ ГАКО, ф. 1504, св. 6, 1908 г., д. 93, л. 67 (подчеркнуто нами.— М. С.).

¹¹⁴ «Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. с главнейшими данными за 1912 г.», Пг., 1914, стр. 98.

¹¹⁵ «Отчет по мелкому кредиту за 1908 г. с главными данными за 1909 г.», СПб., 1912, стр. 24.

За 1907 г. имеются недифференцированные данные о средних размерах кредитов, приходившихся на одного члена товарищества. В Воронежской губ. они колебались от 30 до 159 руб., в Курской губ.— от 30 до 122 руб., в Орловской — от 17 до 112 руб. и в Тамбовской — от 27 до 112 руб.¹¹⁶ Большая разница между крайними размерами кредита определенно отражает различную степень «доверия», оказывавшегося бедняку и кулаку.

О характере деятельности кредитной кооперации в центрально-черноземном районе свидетельствует также и целевое назначение ссуд.

Общая сумма выданных 670 кредитными товариществами ссуд составляла 20 178 557 руб.¹¹⁷ Из них предназначалось (в процентах):

на покупку земли — 7,0;
 на хозяйственные постройки — 2,9;
 на постройки для жилья — 6,5;
 на улучшение угодий — 0,3;
 на покупку сельскохозяйственных и прочих орудий — 2,2;
 на покупку скота — 17,8;
 на аренду земли — 35,5;
 на семена — 2,1;
 на кустарное производство — 5,0;
 на наем рабочей силы — 1,0;
 на товар для продажи — 4,0;
 на корм для скота — 1,6;
 на снаряжение в отхожие промыслы — 0,4;
 на уплату долгов — 3,0;
 под залог хозяйственных и ремесленных произведений — 2,3;
 на разные мелкие расходы — 7,9;
 на разные сельскохозяйственные расходы — 0,4.

Таблица показывает, что больше половины всех кредитов было выдано на аренду земли (35,5%) и покупку скота (17,8%). Затем следуют кредиты на покупку земли (6,8%) и на постройку жилья (6,5%). Часть кредитов говорит о том, что она в основном поступила в кулацкие хозяйства (на товар для продажи — 4% и на наем рабочей силы — 1%). Ссуды на снаряжение в отхожие промыслы и на уплату долгов, т. е. на нужды главным образом бедноты, составляли всего 3,4%.

Ничтожная величина ссуд на покупку орудий и улучшение угодий (2,5%) свидетельствовала, помимо всего прочего, о низком техническом уровне крестьянского хозяйства изучаемого района.

Основная идея мелкого кредита состоит в установлении невысокого ссудного процента. Последний же в кредитных товариществах был очень высок, колеблясь от 9 до 12%, и по существу закрывал для бедняка и середняка возможность пользоваться кредитом. «Даже в тех губерниях, — вынуждено было признать в своем отчете Главное управление по делам мелкого кредита, — где, как, например, в Воронежской, организация мелкого кредита, казалось бы, пустила глубокие и прочные корни и где средний возраст местных кредитных товариществ является наиболее высоким в империи, из 150 учреждений (действовавших на 1 января 1911 г.) лишь 8 брали по ссудам менее 11% (и 9 менее 12%)»¹¹⁸.

¹¹⁶ «Отчет о состоянии ссудо-сберегательных товариществ, кредитных товариществ и земских касс мелкого кредита по данным на 1 января 1908 г.», СПб., 1910, стр. 16—17, 40—41, 60—61, 88—89.

¹¹⁷ «Отчет о состоянии кредитных товариществ и земских касс мелкого кредита по данным на 1 января 1912 г.», СПб., 1913, отд. III. Распределение выданных кредитными товариществами ссуд по предметам.

¹¹⁸ «Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. с главнейшими данными за 1912 г.», стр. 147.

О недостаточности кредита для бедняцко-середняцких масс и о продолжающемся ухудшении их положения свидетельствует увеличивающийся из года в год рост числа должников и сумм просроченных платежей по ссудам (табл. 21).

Таблица 21

Рост числа должников и размеров просроченных ссуд кредитной кооперации центрально-черноземного района за 1907—1913 гг.¹¹⁹

Дата (на 1 января)	Воронежская губ.		Курская губ.		Орловская губ.		Тамбовская губ.	
	число должников	просрочено ссуд	число должников	просрочено ссуд	число должников	просрочено ссуд	число должников	просрочено ссуд
1908	41 402	23 999	26 629	41 790	25 747	17 285	8 000	8 583
1912	122 626	129 639	54 385	56 429	95 523	82 145	49 843	50 248
1914	173 058	272 150	86 233	164 762	—	—	—	—

Таким образом, за период с 1908 по 1914 г. в результате деятельности кредитной кооперации в Воронежской губернии число должников и сумма просроченных ссуд выросли в 4 с лишним раза и в 11,3 раза; по Курской — в 3,2 и 4 раза; по Орловской губ. сумма просроченных платежей по ссудам за период с 1908 по 1912 г. выросла почти в 5 раз, в Тамбовской губ. за тот же срок — почти в 6 раз.

Несмотря на то, что рост кредитной кооперации за изучаемый период был весьма значительным, он далеко отстал от существовавшей потребности деревни в мелком кредите.

В Тамбовской губ. на 1 января 1914 г. было 317 кредитных и ссудно-сберегательных товариществ с 211 573 членами, с суммой открытого кредита в 15 818 994 руб.¹²⁰

Между тем, по расчетам губернского агронома Соловьева, если исходить из нормы Липецкого земства (считавшегося одним из лучших по развитию кредитной кооперации) в 400—500 домохозяев на товарищество, это число необходимо было увеличить по крайней мере в 2,5 раза¹²¹.

В Суджанском уезде Курской губ. в 1908 г. существовали 24 кредитных товарищества с суммой открытого кредита свыше 632 811 руб., что составляло в среднем около 17 руб. на одну семью; только 1/4 часть 180-тысячного населения уезда обслуживалась кооперацией¹²².

Слабость кредитной кооперации особенно ярко обнаруживалась в том, что она не только не уничтожила, но даже не ослабила тяжесть ростовщического кредита. На Всероссийской выставке кооперативов в Киеве в 1913 г. был проведен анкетный опрос членов кредитной кооперации, в том числе и по вопросу о влиянии деятельности кредитной кооперации на величину ростовщического процента. Из показаний, полученных по

¹¹⁹ Таблица составлена по данным статистики Главного управления по делам мелкого кредита. См. «Отчет о состоянии ссудо-сберегательных товариществ, кредитных товариществ и земских касс мелкого кредита по данным на 1 января 1908 г.», СПб., 1910; «Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. с главнейшими данными за 1912 г.», «Отчет по мелкому кредиту за 1913 г.», т. II, ч. 1, Пг., 1915.

¹²⁰ «Обзор агрономической помощи в районах землеустройства в Тамбовской губернии за 1914 г.», Тамбов, 1915, стр. 63.

¹²¹ Там же, стр. 64.

¹²² ГАКО, ф. 1504, св. 6, д. 93, 1908 г., лл. 69—70.

Центральному району, вытекало, что никаких изменений в величине ростовщического процента (10—50%) не произошло¹²³.

Таким образом, для развития капиталистической кредитной кооперации в связи со столыпинской реформой были характерны те же черты, что и для развития капиталистических отношений в деревне в целом. Столыпинский аграрный курс не обеспечивал этого развития. В губерниях черноземного центра, как и по всей стране, по-прежнему существовала «непомерная распространенность низших и худших форм капитала, торгового и ростовщического»¹²⁴.

Одним из показателей темпов и характера развития капитализма в сельском хозяйстве в изучаемый период является движение крестьянских вкладов в сберегательные кассы.

К сожалению, казенная статистика дает лишь средние цифры, из которых нельзя установить размеры вкладов по разрядам вкладчиков.

Сравним данные на 1 января 1907 г. с данными на 1 января 1914 г. В Воронежской губ. в 1906 г. на долю вкладов «земледельцев» и «сельских промышленников» приходилось 4357 тыс. руб. и 24,5% общего числа вкладов; в 1913 г. — 6780 руб. и 28,4% общего числа вкладов. В Курской губ. соответственно имеем 5841 тыс. руб. и 30,6% в 1906 г. и 9539 тыс. руб. и 35,6% в 1913 г. Орловская губ. дала возрастание с 4654 тыс. руб. и 22,4% до 8748 тыс. руб. и 29%. И, наконец, в Тамбовской губ. увеличение составило: 11 594 тыс. руб. и 34,1% в 1913 г. по сравнению с 6607 тыс. руб. и 28,4% в 1906 г.¹²⁵

Налицо явная тенденция к росту суммы вкладов и количества вкладчиков-крестьян, что является одним из несомненных признаков роста капитализма в сельском хозяйстве. О том, что эта тенденция развивалась главным образом за счет кулаков и других сельских богатееров, свидетельствует всеподданнейший отчет тамбовского губернатора за 1906 г., который отмечая увеличение сумм крестьянских вкладов, объяснял причины этого явления тем, что «при общем оскудении крестьянства в рядах его сохраняется и даже нарастает значительная группа состоятельных домохозяев, которые могли счастливо использовать незначительное вздорожание хлеба, сопровождавшееся неурожаем последних лет»¹²⁶.

Таким образом, пресловутый рост «народных сбережений», имевший место в годы проведения столыпинского курса, о котором громогласно вещали официальные отчеты и помещичье-буржуазная пресса, в действительности выражал процесс экономического укрепления кулацкой верхушки, оборотной стороной которого являлось разорение и обнищание миллионных масс крестьянства.

Да иначе и не могло быть. Еще в 1894 г. В. И. Ленин, разоблачая мелкобуржуазные иллюзии народников, писал: «... Всеми этими кредитами, улучшениями, банками и т. п. «прогрессами» в состоянии будет воспользоваться только тот, кто имеет при правильном, прочном хозяйстве известные «сбережения», т. е. представитель ничтожного меньшинства, мелкой буржуазии. И как вы ни реорганизуите крестьянский банк и тому подобные учреждения, вы этим нисколько не затронете того основного и коренного факта, что масса населения экспроприирована и продол-

¹²³ «Кооперация на Всероссийской выставке 1913 г. в Киеве», Киев, 1914, разд. IV. Кредитная кооперация, стр. 16.

¹²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 53—54.

¹²⁵ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Год пятый, стр. 491; год седьмой, стр. 522.

¹²⁶ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 663, 1907 г., д. 74, л. 7.

жает экспроприироваться, не имея средств даже для того, чтобы прокормить себя, а не то что для заведения правильного хозяйства»¹²⁷.

Годы столыпинской аграрной политики еще раз подтвердили правоту этой ленинской мысли.

Широкое развитие в изучаемой период получил ипотечный кредит. Материалы Комитета съездов представителей русского земельного кредита дают следующие данные роста ипотечной задолженности частного землевладения с 1906 по 1914 г. по центрально-черноземному району.

Вся площадь заложенной в ипотечных банках частновладельческой земли составила в 1914 г. 4 530 648 дес. — на 13,5% больше, чем было в 1906 г. К этому времени в изучаемом районе было заложено примерно 67,6% всей частновладельческой земли. В отдельных губерниях района рост залога был еще более значительным. Так, если в 1906 г. в Воронежской губ. было заложено в ипотечных банках 63% площади, то в 1914 г. — уже 76%, в Тамбовской — соответственно 59 и 69%. Увеличились и размеры выдаваемого под залог земель кредита. Так, средняя сумма оценки десятины заложенной земли составила в 1906 г. 105 руб., а в 1914 г. — 141 руб., т. е. возросла на 34,3%. В связи с этим средние размеры ссуды за десятину увеличились соответственно с 65 до 96 руб., или на 47,7%. Однако, несмотря на столь крупные подачки, задолженность частного землевладения земельным банкам непрерывно росла и в 1914 г. остаток капитального долга равнялся 408 418 тыс. руб., что составляло 94% суммы выданных ссуд¹²⁸.

Основную роль в кредитовании частного землевладения играли два государственных ипотечных банка — Крестьянский поземельный банк и Дворянский земельный банк. Доля частных земельных банков в кредитовании помещиков хотя и росла, но была второстепенной (табл. 22).

Таблица 22

Удельный вес в кредитовании частного землевладения в центрально-черноземном районе государственными и частными земельными банками²¹⁹

Банки	Площадь заложенной земли, дес.		% к общей площади заложенной земли	
	1906 г.	1914 г.	1906 г.	1914 г.
Дворянский банк . .	2 641 599	1 934 041	66,2	42,6
Крестьянский банк . .	651 963	1 832 321	16,3	40,4
Частные банки	692 307	764 286	17,5	17,0
Всего	3 985 869	4 530 648	100,0	100,0

Из таблицы 22 видно, что к 1914 г. «Крестьянский» банк стал кредитовать частных владельцев в тех же размерах, что и Дворянский, тогда как за девять лет до этого его доля кредитования была в четыре с лишним раза меньше доли Дворянского банка. Этот факт лишний раз показывает, чьим интересам служила столыпинская аграрная политика.

¹²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 220—221.

¹²⁸ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств», Год третий, СПб., 1909; год девятый, Пг., 1916.

¹²⁹ По данным «Сборника статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств». Год третий, СПб., 1909; год девятый, Пг., 1916.

Особенно показательной в этом отношении была деятельность Дворянского банка (табл. 23).

Таблица 23

Количество и размеры земельных владений центрально-черноземного района, принятых в залог Дворянским банком в 1905—1914 гг.¹³⁰

Размер владений, дес.	Десятин	% к общему количеству принятых в залог земель
До 50	2 350	0,9
51—100	7 467	2,8
101—250	27 335	10,2
251—500	32 939	12,2
501—1000	43 437	16,2
1001—2000	40 158	15,0
2001—5000	28 326	10,6
Свыше 5000	85 635	32,1
Всего . .	267 647	100,0

Таблица 23 показывает, что владения размером до 500 дес., т. е. в основном капиталистические, дают примерно 26% заложенной площади, а владения в 500 дес. и выше, т. е. главным образом латифундии, составляли 74% всех заложенных земель по изучаемому району. Таким образом, Дворянский банк, как и Крестьянский, главные свои усилия направлял на поддержку и сохранение латифундиального полукрепостнического помещичьего землевладения.

Об этом же свидетельствует и рост выдаваемых ссуд (табл. 24).

Таблица 24

Рост банковских оценок и размеров ссуд в центрально-черноземном районе за 1906—1914 гг. (в рублях на 1 дес. заложенной земли)¹³¹

Сумма	Воронежская губ.			Курская губ.			Орловская губ.			Тамбовская губ.		
	1906 г.	1914 г.	% к 1906 г.	1906 г.	1914 г.	% к 1906 г.	1906 г.	1914 г.	% к 1906 г.	1906 г.	1914 г.	% к 1906 г.
Оценки .	88	122	137,4	128	162	126,6	96	114	118,8	96	130	135,4
Ссуды .	49	66	134,7	72	93	129,2	57	67	117,5	57	74	129,8

Рост оценок и ссуд отнюдь не был показателем того, что взятые в банке деньги помещик использовал для улучшения своего хозяйства. В действительности в большинстве случаев дело обстояло наоборот, о чем косвенно свидетельствует рост перезалогов (табл. 25).

Другим показателем паразитарного использования получаемых ссуд служит доля удержания из ссуды по перезалогу на оплату старых долгов.

Таким образом, за 1906—1914 гг. перезалоги составляли в среднем

¹³⁰ Составлено по «Отчетам Государственного Дворянского земельного банка» за 1905—1914 гг., СПб., 1906—1914; Пг., 1915, табл. VIII.

¹³¹ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств». Год третий, СПб., 1909; год девятый, Пг., 1916.

Таблица 25

Рост перезалогов частных владений в центрально-черноземном районе за 1906—1914 гг.¹³²

Годы	Первоначальный залог, дес.	Перезалог, дес.	Всего, дес.	% к общему количеству заложенной земли
1906	51 903	37 676	89 579	42,1
1907	6 839	18 834	25 673	73,1
1908	5 733	35 087	40 820	86,0
1909	15 663	46 893	62 556	75,1
1910	24 261	116 060	140 321	82,9
1911	39 456	88 770	128 226	69,4
1912	37 278	81 126	118 404	68,7
1913	39 743	111 950	151 693	73,7
1914	22 912	49 673	72 585	68,5
Итого .	243 788	586 069	828 857	70,6

70,6% площади всей заложенной земли. В отдельные годы количество земли по перезалогам достигало 86% всей заложенной земли, а это означало, что большая часть ссуд шла на непроизводительное, паразитарное потребление и уплату старых долгов.

О глубоком кризисе помещичьего хозяйства в изучаемом районе свидетельствуют огромные цифры капитального долга помещиков Дворянскому земельному банку. На 1 января 1915 г. он был равен 121 547 324 руб., что составило 95,3% номинальной суммы ссуд¹³³. Ежегодно банк назначал к торгам от 5 до 18% заложенных имений. Так, в 1910 г. за неплату по майским и ноябрьским платежам были назначены к продаже 954 помещичьих имения, в 1911 г. — 1003, в 1912 г. — 1060, в 1913 г. — 973¹³⁴. Следует, однако, оговориться, что в действительную продажу поступали единицы, в лучшем случае десятки предназначенных к торгам имений. Остальные разными незаконными махинациями вновь выручались тем же Дворянским банком, который якобы собирался их продать. Так тянулось вплоть до Октябрьской революции.

III

Остается ответить на последний вопрос исследования: к каким итогам привела столыпинская аграрная реформа земледелие района — его технический уровень, объем и состав сельскохозяйственной продукции; как воплотился в жизнь главный тезис апологетов столыпинского курса, что частная земельная собственность есть основа материального благополучия крестьянства и могучий стимул прогресса сельскохозяйственного производства?

Общую картину технического состояния сельского хозяйства в стране и в изучаемом районе дает произведенное в 1910 г. Центральным статистическим комитетом обследование сельскохозяйственного инвентаря. Программа и характер обследования имеют обычные для официальной статистики недостатки: они позволяют составить лишь суммарное пред-

¹³² Подсчитано по материалам «Отчетов Государственного Дворянского земельного банка» за 1906—1914 гг., СПб., 1907—1914.

¹³³ «Отчет Государственного Дворянского земельного банка за 1914 год», Пг., 1915, прилож.

¹³⁴ Подсчитано по материалам «Отчетов Государственного Дворянского земельного банка» за 1910—1913 гг., СПб., 1911—1914, табл. XXI.

ставление о количестве и качестве инвентаря и его распределении по категориям владельцев.

Из обследования видно, что центрально-черноземный район и в изучаемое время продолжал оставаться одним из наиболее отсталых районов страны по уровню сельскохозяйственной техники. Если в среднем в 50 губерниях Европейской России на каждые 100 орудий для подъема почвы (плуги всех систем, сохи, косули) приходилось 34,3 усовершенствованных (т. е. железных плугов и борон), то в Воронежской губ. эта доля падала до 26,5, в Курской — до 25,5, в Орловской — до 15,7 и в Тамбовской — до 9,7. Соответственно на 100 борон всех систем приходилось в 50 губерниях в среднем 5,4 усовершенствованных, а в Воронежской губ. — 4,6, в Орловской — 3,1, Тамбовской — 4,1 и лишь в Курской выше средней нормы — 7,7¹³⁵.

То же отставание наблюдалось и по другим видам сельскохозяйственных машин (табл. 26).

Таблица 26

Количество пахотной земли, приходившейся на одну сельскохозяйственную машину в центрально-земледельческом районе в 1910 г. (в десятинах)¹³⁶

	На одну			
	сеялку	жатку	молотилку	веялку
В 4 губерниях центрально-земледельческого района . . .	709	1021	251	95
В 50 губерниях Европейской России . .	381	185	238	65

Особенно отставало по своей технической оснащенности крестьянское хозяйство (табл. 27).

Таблица 27

Количество усовершенствованных орудий для подъема и разрыхления почвы в крестьянских и частновладельческих хозяйствах четырех губерний центрально-земледельческого района в 1910 г.¹³⁷

Разряды владельцев	Всего орудий для подъема почвы	Из них		% усовершенствованных к общему количеству орудий	Всего орудий для разрыхления почвы	Из них		% усовершенствованных к общему числу орудий
		плугов железных и прочих усовершенствованных	сох, косул и прочих усовершенствованных			железных борон и прочих усовершенствованных орудий	неусовершенствованных деревянных борон и деревянных с железными зубьями	
Крестьяне . .	1 760 188	307 315	1 452 873	82,4	1 636 712	54 382	1 582 330	97,3
Частные владельцы . .	74 805	44 484	30 321	40,5	90 941	25 600	61 271	67,4
Итого .	1 834 993	351 799	1 483 194	81,4	1 726 653	84 052	1 643 601	94,8

¹³⁵ «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.», СПб., 1913, табл. XXIV.

¹³⁶ Там же. См. «Общий свод данных о сельскохозяйственных машинах и орудиях в абсолютных числах».

¹³⁷ Там же. См. поездные данные о сельскохозяйственных машинах и орудиях у крестьян и владельцев.

Таким образом, у частных владельцев усовершенствованных орудий для обработки почвы было вдвое больше, чем у крестьян, а усовершенствованных орудий для разрыхления почвы — на треть больше, чем у крестьян.

Еще более значительным был разрыв между крестьянским и частновладельческим хозяйством в обеспеченности дорогостоящими сложными сельскохозяйственными машинами (табл. 28).

Таблица 28

Количество пахотной земли, приходившейся на одну машину в частновладельческом и крестьянском хозяйствах в центрально-черноземном районе в 1910 г. (в десятинах)¹³⁸

Разряды владельцев	На одну				
	сеялку	жатку	молотилку	веялку	сенокосилку
Крестьяне	6396	2311	194	74	21 119
Все владельцы	709	1021	251	95	362

Несмотря на то, что приведенные цифры являются средними, они позволяют утверждать, что основная масса машин была сосредоточена в частных и, без сомнения, в большинстве в капиталистических хозяйствах.

Вместе с тем столыпинская аграрная реформа создала известные предпосылки для повышения технического уровня в кулацком хозяйстве. Об этом свидетельствует хотя бы рост земской торговли сельскохозяйственными орудиями в губерниях центрально-черноземного центра, превосходивший рост во многих других губерниях страны и уступавший лишь таким более развитым в капиталистическом отношении сельскохозяйственным губерниям, как Харьковская, Екатеринославская, Полтавская, Самарская и Саратовская. В 1912 г. Орловская губ. по общей сумме проданного сельскохозяйственного инвентаря и металлических изделий земскими сельскохозяйственными складами заняла шестое место из 34 губерний Европейской России (891,1 тыс. руб.), Воронежская — седьмое (842,8 тыс. руб.), Курская — девятое (830,4 тыс. руб.) и Тамбовская — двенадцатое (698,3 тыс. руб.)¹³⁹.

Об имущественном составе покупателей дают представление интересные сведения, собранные уездным агрономом по Корочанскому уезду Курской губ. в 1907—1908 гг., материалом для которых послужили удостоверения, представляемые в земский склад клиентами при покупке инвентаря в кредит (табл. 29).

Таблица 29 показывает, что основная масса машин была приобретена зажиточными крестьянами. Иначе и не могло быть. В 1911 г. чиновник Дмитровской уездной земской управы (Орловская губ.), ратуя за необходимость усиленного распространения в крестьянском хозяйстве уборочных орудий всякого рода, указывал, что ручная уборка «прямо разорительна»¹⁴⁰. «С августа начинается обыкновенно молотьба цепами и длится около месяца, задерживая пахоту, с последней запаздывают, а

¹³⁸ «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.», табл. XXVIII, стр. 34.

¹³⁹ «Земская торговля железом и сельскохозяйственными машинами в 1901—1912 гг.», Харьков, 1913 (изд. Стат. бюро Совета съездов горнопромышленников юга России), стр. 8—12.

¹⁴⁰ ГАКО, ф. 1564, св. 3, 1911 г., д. 47, л. 7.

Таблица 29

Количество машин, проданных крестьянам Корочанского уезда земским складом в 1907—1908 гг.¹⁴¹

Кому продано	Плугов	Вейлок	Молотилок	Сеялок
Крестьянам, владевшим землей (надельной, арендованной и купчей)				
От 2 до 4 дес.	11	—	—	—
„ 4 „ 6 „	31	7	—	—
„ 6 „ 8 „	41	6	—	—
„ 8 „ 10 „	50	17	—	1
10 дес. и более	237	54	8	2
Крестьянам, владевшим тяглом				
1 лошадию	6	6	—	—
2 лошадыми	112	19	—	—
3 „ и более	254	56	8	—

это ведет к недобору, вероятно, доброй трети урожая»¹⁴². Агроном при землеустроительной комиссии Нижнедевицкого уезда Воронежской губ. П. И. Нестеров в отчете за 1913 г. писал: «На пути улучшения своего хозяйства население моего участка стоит, можно сказать, совершенно неподвижно с незапамятных времен. Та же соха и деревянная борона с деревянными зубьями, которыми работали деды и прадеды, тот же способ восстановления плодородия почвы посредством толоки. Семена для посева идут всякие, без всякого разбора..., посевы производятся под соху и боронуются деревянной бороной, которая ходит сзади сохи и, следовательно, делает столько же ходов, сколько и соха. Перескакивая с комка на комок, эта борона не идет плавным ходом по земле, а бьет ее зубьями и распыляет, нисколько не разрыхляя почву»¹⁴³.

Массовое крестьянское разорение, усугубляемое столыпинской аграрной реформой, обусловило сохранение в изучаемом районе рутинной системы земледелия — трехполья. Сведения корреспондентов сельских хозяйств Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики дают следующую картину (табл. 30).

Из таблицы 30 видно, что господствующей системой земледелия в крестьянском хозяйстве было трехполье. Многопольные севообороты могли иметь место исключительно в крупных и средних хозяйствах капиталистического типа.

Столыпинская аграрная политика обрекала подавляющее число крестьянских хозяйств на застой в области техники. Быстрое развитие производительных сил сельского хозяйства, широкое внедрение новых машин и орудий, овладение передовым агрономическим опытом было невоз-

¹⁴¹ «Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству», вып. X СПб., 1909, стр. 166.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ «Отчет о деятельности правительственной агрономической организации при землеустройстве в Воронежской губернии за 1912—1913 гг.», Воронеж, 1915, стр. 393—394.

Таблица 30

Удельный вес систем земледелия в четырех губерниях
центрально-черноземного района в 1912—1914 гг.¹⁴⁴

Системы	Число хозяйств, имевших пашни		Всего	% к общему числу хозяйств, имевших пашни	
	до 50 дес.	свыше 50 дес.		до 50 дес.	свыше 50 дес.
Трехполье . .	126	50	176	72	28
Четырехполье . .	19	31	50	39	61
Многополье . .	5	30	35	14	86

можно при наличии старых производственных отношений, при сохранении полукрепостнической помещичьей собственности на землю.

Об этом свидетельствует, в частности, уровень сельскохозяйственного производства четырех губерний (табл. 31).

Таблица 31

Динамика развития производительности основных отраслей сельского хозяйства центрально-черноземного района в 1901—1914 гг.¹⁴⁵

Годы	Общая посевная площадь главных культур, дес.	Общий сбор главных культур, тыс. пудов	В том числе					
			всех продовольственных хлебов (без овса)		овса		картофеля	
			площадь, дес.	валовой сбор, тыс. пудов	площадь, дес.	валовой сбор, тыс. пудов	площадь, дес.	валовой сбор, тыс. пудов
1901—1905	8 128 283	546 227	5 601 535	287 055	1 878 120	95 177	362 686	154 511
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1906—1910	7 988 549	546 385	5 501 391	264 058	1 891 059	102 415	372 813	171 432
%	98,3	100,0	98,2	92,0	100,5	107,1	102,7	111,0
1911—1914	8 113 790	625 048	5 631 959	299 719	1 864 370	113 950	398 943	202 806
%	99,7	114,5	100,6	109,5	98,5	119,7	109,9	131,8

Данные таблицы 31 показывают, что общая посевная площадь под главными культурами в годы осуществления столыпинской реформы обнаружила тенденцию к сокращению, а производство важнейших продовольственных хлебов как по размерам посевной площади, так и по валовому сбору находилось в состоянии застоя. Сократились посевные площади овса, хотя валовой сбор увеличился на 90% за счет повышения урожайности. Единственной культурой, обнаружившей явный прогресс, был картофель: площадь под ним увеличилась почти на 10%, а валовой сбор — на 32%.

Материалы урожайной статистики Центрального статистического комитета позволяют более детально проследить изменения в производстве основных сельскохозяйственных культур в крестьянском и частновладельческом хозяйстве (табл. 32).

¹⁴⁴ «Стоимость производства главнейших хлебов», вып. I, Пг., 1915, стр. 442—443.

¹⁴⁵ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Год девятый, Пг., 1916.

Таблица 32
Изменения в структуре посевных площадей по четырем губерниям центрально-черноземного района за 1901—1914 гг. (в десятинах)¹⁴⁶

В среднем за годы	Озимые										Яровые				В среднем за годы	
	рожь				пшеница		рожь				пшеница		ячмень			
	крестьян	частно- владель- цев	итого	кре- стьян	частновла- дельцев	итого	кре- стьян	частновла- дельцев	итого	крестьян	частновла- дельцев	итого	кре- стьян	частновла- дельцев		итого
1901—1905	2 435 954	969 970	3 405 924	53 858	164 705	218 563	1 190	2 011	3 201	368 872	150 853	519 725	234 622	55 093	289 716	
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	
1906—1910	2 316 168	996 157	3 312 325	48 748	106 716	155 464	1 087	2 017	3 104	369 818	159 629	529 447	239 037	61 155	300 192	
%	95,1	102,7	97,1	90,3	64,9	70,8	91,6	100,5	93,8	100,3	105,0	101,7	101,7	111	103,4	
1911—1914	2 449 358	962 264	3 411 622	48 331	105 565	153 896	652	2 022	2 674	430 447	208 145	638 592	229 117	75 308	304 424	
%	100,4	99,2	100,0	89,6	63,6	70,3	54,8	100,5	83,4	116,5	137,7	112,9	97,4	136,7	104,8	
Яровые																
В среднем за годы	пшеница				гречиха		овес				Картофель					
	крестьян	частновла- дельцев	итого	крестьян	частновла- дельцев	итого	крестьян	частновла- дельцев	итого	крестьян	частновла- дельцев	итого	крестьян	частновла- дельцев	итого	
	1901—1905	565 701	168 692	734 394	274 836	77 243	352 079	1 222 626	748 005	1 970 631	282 995	81 823	364 817			
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0				
1906—1910	585 247	193 395	778 643	233 401	65 419	298 819	1 169 544	717 735	1 887 279	286 816	86 393	373 209				
%	103,3	114,2	106,1	84,8	84,7	85,0	95,9	96,0	95,9	101,4	105,6	102,2				
1911—1914	524 137	180 807	704 945	220 085	63 443	283 528	1 184 382	687 494	1 871 876	305 816	93 073	398 889				
%	92,6	107,1	96,1	80,0	82,1	80,7	96,7	91,8	94,9	108,1	113,8	109,3				

¹⁴⁶ Сборники ЦСК МВД «Урожай... в Европейской и Азиатской России», 1901—1914 гг., СПб., 1902—1914; Пг., 1915.

В крестьянском хозяйстве, как известно, ведущей культурой была рожь. Таблица 32 показывает, что посевные площади под рожью за 1906—1910 гг. сократились на 5% по сравнению с предшествующим пятилетием и лишь в последнее четырехлетие снова несколько увеличились, приблизившись к начальному уровню. Одновременно сократились посевные площади под ячменем, просом и гречихой. Прочно устоялась тенденция к сокращению посевов овса (в среднем на 5%). Увеличились посевные площади только под двумя культурами: пшеницей (яровой) и картофелем. К 1914 г. первые возросли на 16,5%, вторые — на 8%.

Увеличение производства пшеницы является безусловным свидетельством роста товарности крестьянского хозяйства, точнее кулацких капиталистических хозяйств. Что же касается роста площадей под картофелем, то здесь такое безоговорочное утверждение оказалось бы неправильным, так как для массы крестьянских хозяйств картофель, в связи с усилением процесса разорения и обнищания, все более становился основным продуктом питания, вытесняя рожь и другие культуры. В данном случае это был не столько рост производства технических культур на рынок, сколько результат ухудшения народного потребления.

В частновладельческом хозяйстве в структуре производства основных культур наметились более существенные сдвиги. При незначительном сокращении посевных площадей под рожью расширились запашки высокооварных пшеницы (яровой — на 38%), ячменя (на 37%) и проса (на 7%). Посевные площади под овсом уменьшились на 8%, зато посевы картофеля возросли на 14%. Здесь картофель уже был, безусловно, важнейшей технической культурой. В основном он шел на винокуренные и крахмало-паточные заводы¹⁴⁷.

Сравним теперь данные об урожайности главных культур в крестьянском и частновладельческом хозяйстве (табл. 33).

Из таблицы 33 видно, что производство ржи в крестьянском хозяйстве переживало кризис, о чем говорит прогрессирующее падение ее урожайности. Производство овса осталось в прежних размерах: сокращение посевных площадей под ним, о чем говорилось выше, отчасти было компенсировано возросшей урожайностью. Незначительно выросла урожайность озимой пшеницы (яровой же падала) и второстепенных культур — проса и гречихи, значительно выросла урожайность картофеля, превзойдя (в единственном случае) урожайность этой культуры в частновладельческом хозяйстве. По пшенице, просу, овсу, гречихе в частновладельческих хозяйствах урожайность была выше.

Приведенные материалы свидетельствуют о чрезвычайной медленности капиталистического прогресса в изучаемом районе. Более того, крестьянское хозяйство переживало глубочайший кризис, что ярче всего

¹⁴⁷ Быстрый рост промышленного использования картофеля в изучаемом районе можно проследить по данным о посевах и сборах картофеля для потребностей винокурения на землях винокуренных заводов (смешанных и сельскохозяйственных).

В среднем за трихлетие	Посевная пло- щадь, дес.	Валовой сбор, тыс. пудов
1907—1909	13 318	11 940
1912—1914	28 836	18 438
%	216,5	154,6

(«Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Годы шестой — девятый, СПб., 1913—1914; Пг. 1915—1916).

Таблица 33

Средняя урожайность на 1 десятину в крестьянских и частновладельческих хозяйствах центрально-черноземного района за 1901—1914 гг. (в пудах)¹⁴⁸

Годы	Озимые						Яровые						Картофель			
	рожь		пшеница		пшеница		ячмень		просо		гречиха		овес			
	кре- стьян	частновла- дельцев	кре- стьян	частновла- дельцев	кре- стьян	частновла- дельцев	кре- стьян	частновла- дельцев	кре- стьян	частновла- дельцев	кре- стьян	частновла- дельцев	кре- стьян	частновла- дельцев		
1901—1905	57	72	55	71	(52)*	58	(49)	61	43	51	29	32	49	62	422	507
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1906—1910	48	67	(57)	71	(46)	57	(49)	61	46	58	31	38	47	66	448	558
%	82,2	93,1	99,1	100,0	88,5	97,3	100,0	100,0	107,0	113,7	106,9	118,7	95,9	106,4	106,2	110,0
1911—1914	55	75	(58)	80	(49)	56	(49)	60	46	61	36	44	53	74	508	567
%	96,5	104,9	105,4	112,7	94,2	94,6	100,0	98,4	107,0	117,3	124,1	137,5	108,1	119,4	137,4	118,8

* Здесь и далее в скобках — неполные данные.

¹⁴⁸ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Год девятый, Пг., 1916.

выразилось в застое, а частично и регрессе производства «серых хлебов» — ржи и овса. Лишь некоторый рост производства озимой пшеницы отчасти компенсировал это падение, одновременно являясь показателем усиления капиталистических тенденций в крестьянском хозяйстве. Капиталистическое развитие частновладельческого хозяйства шло несколько быстрее, о чем в известной мере говорит рост производства «красных хлебов», особенно пшеницы и картофеля, но и оно было крайне медленным.

Для определения степени роста капиталистических отношений в сельском хозяйстве гораздо важнее данные о товарности основных хлебов, чем цифры, говорящие о валовом производстве. Примерное представление об этом дает статистика перевозок хлебных грузов по железным дорогам, которую вел Департамент железнодорожных дел Министерства финансов. Сопоставление данных начала века с данными кануна первой мировой войны позволяет в общих чертах проследить, как отразилась столыпинская аграрная политика на товарности зернового хозяйства расматриваемого района (табл. 34)¹⁴⁹.

Таблица 34 показывает, что ведущей товарной культурой была пшеница. Основным ее производителем была Воронежская губ. В остальные три она ввозилась лишь для переработки и потребления. Этим, в частности, объясняется тот факт, что в Тамбовской и Орловской губерниях перевозка пшеничной муки в несколько раз превышала ее валовой сбор здесь.

По Воронежской губ. товарность пшеницы за время с 1901 по 1913 г. возросла на 13%, составив 65% к валовому сбору. На втором месте по товарности стоял овес, но рост ее за те же годы был ничтожен. Более того, в трех губерниях из четырех — Тамбовской, Орловской и Курской наметилась даже тенденция сокращения поступления овса на рынок. Такое же застойное положение наблюдается и с рожью. В 1911—1913 гг. в среднем в год поступало в продажу едва 20% валового сбора ржи — столько же, сколько и в 1901—1903 гг. В Тамбовской губ., являвшейся основным производителем ржи по району, эта цифра даже несколько уменьшилась.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что столыпинская аграрная реформа не только не прекратила кризиса мелкотоварного крестьянского производства, но еще более углубила его. Что же касается ее итогов с точки зрения успехов капиталистического развития в сельском хозяйстве центрально-черноземного района, то они, как показывают те же цифры, были поистине ничтожны.

Положение с техническими культурами подтверждает этот вывод. В 1911—1914 гг. на каждые 100 дес. посева продовольственных хлебов

¹⁴⁹ Таблица составлена на основании следующих статистических материалов: «Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией и другими иностранными государствами. Перевозки по русским железным дорогам», ч. 1, СПб., 1914; «Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг.», Пг., 1916. Среднегодовой валовой сбор вычислен по данным урожайной статистики Центрального статистического комитета за 1901—1903 и 1911—1913 гг. («Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Год первый, СПб., 1907; год девятый, Пг., 1916). Перевод муки на зерно произведен по нормам, принятым в изданных Управлением делами Особого совещания по продовольствию «Материалах для суждения о средних за 1908—1911 годы вывозе и ввозе главнейших продовольственных продуктов по отдельным губерниям и областям (кроме занятых неприятелем) Российской империи», Пг., 1916. Выход муки из зерна: для ржаной — 97%, для пшеничной — 75%.

Таблица 34
Железнодорожные перевозки хлебных грузов по четырем губерниям центрально-черноземного района за 1901—1903 и 1911—1913 гг.
(в среднем в год в тысячах пудов)

Губернии	Годы	Рожь			Пшеница			Овес			Ячмень		
		зерно	мука в пе- реводе на зерно	% к сред- нему в пе- реводе на зерно	зерно	мука в пе- реводе на зерно	% к сред- нему в пе- реводе на зерно	зерно	% к сред- нему в пе- реводе на зерно	% к сред- нему в пе- реводе на зерно	зерно	% к сред- нему в пе- реводе на зерно	% к сред- нему в пе- реводе на зерно
Воронежская	1901—1903	4 193	1 458	5 651	7 726	4 904	12 630	3 209	20,7	2 018	18,7	2 018	18,7
	1911—1913	5 955	543	6 498	10 740	7 733	18 473	4 168	20,6	904	8,3	904	8,3
Курская	1901—1903	3 061	1 706	4 767	3 017	2 996	6 013	8 439	35,0	171	7,5	171	7,5
	1911—1913	3 297	1 814	5 111	3 919	3 706	7 625	10 791	32,7	316	12,0	316	12,0
Орловская	1901—1903	2 472	2 200	4 672	925	2 797	3 722	8 127	43,7	4	16,7	4	16,7
	1911—1913	3 062	1 239	4 301	706	2 973	3 679	13 446	41,5	42	6,9	42	6,9
Тамбовская	1901—1903	12 991	12 475	25 466	1 610	6 195	7 805	17 859	57,2	65	100,0	65	100,0
	1911—1913	8 101	13 270	21 371	1 021	5 172	6 193	22 649	55,9	24	70,6	24	70,6
Итого по району	1901—1903	22 747	17 839	40 556	13 278	16 892	30 170	37 634	42,1	2 258	16,9	2 258	16,9
	1911—1913	20 415	16 886	37 281	16 386	19 584	35 970	51 054	42,5	1 286	9,1	1 286	9,1

в изучаемом районе приходилось 16,1 дес. картофеля, 3,4 дес. конопли, 1,3 дес. сахарной свеклы, 0,4 дес. льна и 3,2 дес. подсолнечника¹⁵⁰.

Распространение этих культур по губерниям было неравномерным. Подсолнечник, в частности, как техническая культура возделывался почти исключительно в Воронежской губ. В 1900 г. посевы подсолнечника занимали 11,7% ярового клина, а накануне первой мировой войны — 12,2%, т. е. остались примерно на том же уровне¹⁵¹. В Курской и Орловской губерниях распространенной в крестьянском хозяйстве технической культурой была конопля. Приусадебный конопляник, куда десятилетиями свозился почти весь навоз, был серьезным подспорьем в хозяйстве середняка и бедняка. В Воронежской и Тамбовской губерниях коноплю возделывали в вдвое меньших размерах, чем в Курской и Орловской. В помещичьих хозяйствах конопля как товарная культура не получила распространения. Объясняется это трудоемкостью данной культуры, отсутствием водоемов для замачивания больших количеств пеньки и т. д.¹⁵²

Однако посевные площади под коноплей падали и в крестьянском хозяйстве (табл. 35).

Таблица 35

Динамика посевных площадей и валового сбора конопли в Курской и Орловской губерниях за 1901—1914 гг.¹⁵³

Годы	Курская губ.			Орловская губ.		
	среднегодовая посевная площадь, дес.	среднегодовой сбор пеньки, тыс. пудов	сбор пеньки с 1 дес., пудов	среднегодовая посевная площадь, дес.	среднегодовой сбор пеньки, тыс. пудов	сбор пеньки с 1 дес., пудов
1901—1905	65 853	1 982	30,1	82 055	1 761	21,5
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1906—1910	63 349	2 101	33,2	78 526	2 221	28,3
%	96,2	106,6	110,3	95,7	126,1	—
1911—1914	54 955	2 087	37,7	72 577	1 979	27,3
%	83,4	105,5	125,2	88,5	112,5	131,6

Таким образом, посевные площади сократились с 1901 по 1914 г.: в Курской — на 16,6% и в Орловской на 11,5%. Это сокращение отчасти компенсировалось увеличением урожайности — по первой губернии валовой сбор пеньки увеличился на 5,5%, по второй — на 12,5%.

Положение с сахарной свеклой лучше всего рассмотреть по материалам Курской губ., где посевы сахарной свеклы были наиболее широко распространены, занимая видное место в общероссийском балансе производства этой культуры (табл. 36).

Данные таблицы 36 показывают, что за период с 1901 по 1914 г. среднегодовые посевы сахарной свеклы (за пятилетие) выросли на 63%, а общий сбор свекловицы увеличился на 61,5%, что посевы сахарной свеклы были сосредоточены в основном в руках помещиков и товариществ сахарозаводчиков, но рост их происходил в большей степени за счет плантаторских посевов (74% роста против 54% роста заводских посевов).

¹⁵⁰ Подсчитано по сборникам ЦСК МВД «Урожай... в Европейской и Азиатской России», 1901—1905, вып. I—III, СПб., 1901—1905 и за 1911—1914 гг., вып. I—III, СПб., 1911—1913; Пг., 1914.

¹⁵¹ «Статистико-экономический словарь Воронежской губернии», Воронеж, 1921, стр. 418.

¹⁵² «Вестник Орловского общества сельских хозяйств», 1911, № 1, Орел, стр. 15, 16.

¹⁵³ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Год девятый, Пг., 1916, стр. 121.

Таблица 36

Рост посевных площадей сахарной свеклы в Курской губ. за 1901—1914 гг.¹⁵⁴

Годы	Посеяно свекловицы, дес.			На один завод приходилось, дес.	Сбор свекловицы		% сахара
	при заводах	у плантаторов	всего		общий, берковцев	с 1 дес.	
1901—1905	29 585	22 826	52 411	2 496	5 591 651	109	—
%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	—
1906—1910	33 173	27 565	60 738	2 893	6 471 878	106	—
%	112,2	120,6	115,8	115,6	115,0	95,7	—
1911—1914	45 629	39 562	85 192	3 817	9 034 848	107	18
%	154,0	173,7	162,7	152,8	161,5	98,2	—

В Тамбовской губ. одной из ведущих и высокотоварных технических культур в крестьянском хозяйстве был табак, посевные площади под которым продолжали расширяться (табл. 37).

Таблица 37

Рост посевных площадей и валового сбора табака в Тамбовской губ. за 1901—1914 гг.¹⁵⁵

Годы	Количество земли под табаком, дес.	Средний размер плантаций, дес.	Сбор табака, пудов	Количество собранного табака с 1 дес., пудов
1901—1905	5 873	0,215	567 909	97
%	100,0	100,0	100,0	100,0
1906—1910	3 726	0,221	579 161	154
%	63,5	102,8	101,9	159,7
1911—1914	6 679	0,229	1 033 229	155
%	113,8	106,5	181,4	159,8

Таблица 37 показывает, что рост урожайности табака опережал рост посевных площадей. Небольшой средний размер плантаций (около 0,2 дес.) говорит о том, что основным производителем табака были крестьяне. Однако необходимо учитывать, что выгоды от производства табака крестьяне-производители могли использовать с наименьшим эффектом. На 7-м совещании земских агрономов Тамбовской губ. в 1913 г. отмечалось, что крестьяне поставлены в «совершенно невозможные» условия при сбыте табака. «В табаководстве, — говорил докладчик, — мы наблюдаем ту же полную неосведомленность плантаторов о состоянии рынка и ценах, ту же разобщенность производителей и завидную сплоченность фабрикантов, отсутствие кредита, реализацию урожая при неблагоприятных условиях рынка, неправильную и недобросовестную приемку и расценку табака»¹⁵⁶.

В заключение отметим, что изучаемый период озаглавлен дальнейшим углублением кризиса животноводства в сельском хозяйстве центрально-земледельческого района (табл. 38).

¹⁵⁴ Там же, стр. 139.

¹⁵⁵ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств». Год девятый, стр. 134.

¹⁵⁶ «Труды 7-го совещания земских агрономов Тамбовской губ. при Тамбовской губернской земской управе 17—19 октября 1913 г.», стр. 186.

Таблица 38

Изменения в поголовье продуктивного и рабочего скота в крестьянском хозяйстве центрально-земледельческого района за 1906—1913 гг.¹⁵⁷

Губернии	Годы	Лошадей	Крупного рогатого скота	Овец и коз	Свиней	На 100 жителей приходилось			
						лошадей	крупного рогатого скота	овец и коз	свиней
Воронежская	1906	595 055	833 382	1 607 653	182 311	21	29	55	6,0
	1913	582 744	781 324	1 421 204	228 494	16	22	39	6,0
Курская	1906	604 684	548 523	1 298 804	250 288	22	20	46	9,0
	1913	534 695	490 473	1 059 597	246 347	17	15	33	8,0
Орловская	1906	473 805	421 822	1 070 231	183 367	22	20	51	9,0
	1913	453 192	396 025	1 022 228	224 940	16	15	38	8,0
Тамбовская	1906	686 021	654 159	1 730 098	179 336	23	22	59	6,0
	1913	640 223	612 396	1 513 270	223 184	18	17	43	6,0
Итого	1906	2 359 565	2 457 886	5 706 786	795 302	22	23	58	7,5
	1913	2 210 754	2 280 218	5 016 299	823 955	17	17	38	7,0
% к 1906 г.		93,6	92,7	87,9	116,2	77,3	73,9	65,5	93,3

Из таблицы 38 видно, что за семь лет поголовье лошадей сократилось на 6,4%, крупного рогатого скота — на 7,3%, овец и коз — на 12,1%, только поголовье свиней увеличилось на 16,2%.

В 1913 г. на каждые 100 жителей приходилось лошадей — на 22,7%, крупного рогатого скота — на 26,1%, овец и коз — на 34,5% и свиней — на 6,7% меньше, чем в 1906 г. Это сокращение означало прежде всего снижение обеспеченности бедняцко-средняцкого хозяйства рабочей силой, уменьшение количества удобрений, ухудшение потребления, снижение товарности хозяйства, т. е. мучительный процесс пауперизации основной массы крестьянских хозяйств в условиях столыпинской аграрной политики.

Наиболее наглядно крах столыпинской «перестройки» деревни проявился в массовых периодических крестьянских голодовках. Так, например, в Воронежской губ. из девяти лет (1906—1914) неурожайными были шесть: 1906, 1907, 1908, 1910, 1911, 1914¹⁵⁸.

Крестьяне Васильевской волости Бобровского уезда этой губернии во время неурожая 1907 г., «чтобы как-нибудь прокормиться..., принуждены были, — как сообщали корреспонденты земства, — распродать необходимый домашний скот, посадить свои земельные наделы в аренду, на отопление жилищ раскрывать сараи, риги, рубить огорожу и даже надворные постройки»¹⁵⁹. «В с. Поворине Новохоперского уезда крестьянские женщины продавали скупщикам свои косы»¹⁶⁰. «В селе Ровеньках Острогожского уезда вид крестьянского поселения производит удручаю-

¹⁵⁷ Таблица составлена на основании сведений Ветеринарного управления за 1906 и 1913 гг., опубликованных в «Сборниках статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств». Год второй, СПб., 1908, стр. 3; год девятый, стр. 232.

¹⁵⁸ В. М. Обухов. Движение урожая зерновых культур в Европейской России в период 1883—1915 гг. — В кн.: «Влияние неурожая на народное хозяйство России», ч. 1, РАНИОН, М., 1927, стр. 105.

¹⁵⁹ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. Период I (с 1 ноября 1906 г. по 1 марта 1907 г.)», Воронеж, 1907, стр. 19.

¹⁶⁰ Там же.

щее впечатление: кажется, будто живут целыми улицами одни только нищие, нигде на гумнах не видно ни запасов хлеба, ни корму, изгороди и даже некоторые постройки употреблены на отопление жилищ и т. п.»¹⁶¹.

В 1908 г. во время неурожая, охватившего ряд уездов, крестьяне стали испытывать нужду в хлебе уже с сентября. По данным сельскохозяйственного обзора Воронежской губернии, общая картина продовольственного положения крестьянского населения, основанная на сообщениях корреспондентов с мест, выглядела следующим образом. Из 240 сообщений 7% сообщений говорили о нужде начиная с сентября, 11% — с октября, 15% — с ноября, 24% — с декабря, 24% — с января 1909 г. и 19% — с февраля¹⁶². Таким образом, 57% крестьянских дворов собственного хлеба хватило лишь на первые четыре месяца. К весне же 1909 г. 96% хозяев, давших показания, не имели собственного хлеба. А это означало, что крестьянин под страхом голодной смерти шел в кабалу к кулаку, ростовщику и помещику на любых условиях.

В селе Ксизово Задонского уезда крестьяне, бравшие хлеб в долг у местных богачей под работы, за два пуда ржаной муки обязывались убрать десятину хлеба, хотя стоимость этой работы составляла не менее 3 р. 50 к., т. е. намного превосходила стоимость взятой хлебной ссуды¹⁶³. В 1908 г. в селе Нижняя Котуховка Воронежского уезда, заняв на три месяца 10 руб., должник только в качестве процента «по первому требованию кредитора» обязывался убрать десятину ржи, что стоило в переводе на деньги около 6 руб.¹⁶⁴

В 1910—1911 г. голод в Воронежской губ. проявил себя в самых мучительных формах.

Недостаток своего хлеба обнаружился в большинстве крестьянских хозяйств в самом начале зимы. Из 100 сообщений корреспондентов, говоривших о продовольственной нужде, 8 указывали на исчерпание хлеба с сентября-октября 1910 г., 23 — с декабря, 27 — с января 1911 г., 28 — с февраля¹⁶⁵. В селе Хлебном Рождественской волости Воронежского уезда «из каждых 100 крестьянских дворов, — сообщили корреспонденты, — никто, кроме 5—6 зажиточных домохозяев, не мог прокормиться своим хлебом до рождества»¹⁶⁶.

В селах Бобровского уезда зимой 1910/11 г. голодало от $\frac{2}{3}$ до $\frac{5}{6}$ крестьянского населения¹⁶⁷. На народной нужде богатели кулаки, окончательно разоряя своих малоимущих односельчан. «В слободе Казацкой Валуйского уезда, — сообщали корреспонденты, — местные крестьяне покупали зимой хлеб на продовольствие у своих зажиточных однообщественников с условием уплатить за него деньгами после будущего урожая, причем стоимость хлеба обыкновенно повышалась продавцом на 40—50% против той цены, которая существовала на него в момент совершения сделки»¹⁶⁸. Нуждавшиеся зимой в продовольствии крестьяне слободы Харьковской, Бирюченского уезда, — говорилось в другом сообщении, — покупали хлеб в долг, обязываясь уплатить деньги осенью по

¹⁶¹ Там же, стр. 20.

¹⁶² Там же, период I (с 1 ноября 1908 по 1 марта 1909 г.), Воронеж, 1909, стр. 38.

¹⁶³ Там же, стр. 43.

¹⁶⁴ Там же, стр. 27.

¹⁶⁵ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. Период I (с 1 ноября 1910 по 1 марта 1911 г.)», Воронеж, 1912, стр. 24.

¹⁶⁶ Там же, стр. 23.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же, стр. 25.

расчету за каждый пуд вместо 70 коп., т. е. базарной цены, 1 рубль¹⁶⁹. «В селе Старой Криуше Богучарского уезда, — читаем еще в одной корреспонденции, — за взятые в долг 10 рублей сроком на 1 месяц занимавший деньги обязывался своему кредитору в виде процента убрать летом десятину озимого хлеба»¹⁷⁰. «В селе Березовке... Землянского уезда нуждавшиеся в продовольственном хлебе крестьяне за 5 пудов ржи, взятой зимой, должны были летом скосить и связать одну десятину озимого хлеба»¹⁷¹.

В свете подобных фактов становится неудивительным, что после пяти лет действия столыпинского аграрного курса в Воронежской губ. продолжал существовать и развиваться официально зарегистрированный земством в Макарьевской волости Новохоперского уезда и Боевской волости Воронежского уезда такой «промысел», как нищенство¹⁷².

Описанное положение наблюдалось и в остальных губерниях. За 1906—1914 гг. в Курской губ. неурожаи были четыре раза — в 1906, 1907, 1908 и 1911 гг.; в Орловской — три: в 1906, 1911 и 1914 гг.; в Тамбовской — пять: в 1906, 1908, 1911, 1913 и 1914 гг.; это означало, что неурожаи регулярно повторялись в среднем через полтора года¹⁷³. К этому следует добавить, что довольно значительная часть крестьян голодала и в так называемые урожайные годы, поскольку всегда имели место частичные недороды. В результате среднегодовое количество хлеба на душу населения (рожь), исходя даже из минимальной голодной казенной нормы в 15 пуд., продолжало неуклонно снижаться. В период 1909—1913 гг. эта норма по Тамбовской губ. составила 13,69 пуда, по Орловской — 13,62, по Курской — 14,22, по Воронежской — 11,29 пуда. В среднем по району эта норма равнялась всего 13,18 пуда¹⁷⁴.

Голодовки сопровождалась вспышками эпидемий сыпного тифа, холеры и т. п., уносившими тысячи жизней. Так, например, в Тамбовской губ. в 1910 г. 433 селения были охвачены эпидемией холеры. Заболело 5468 чел., из которых умерло 2578, т. е. примерно половина¹⁷⁵.

По поводу голодовки 1911 г. В. И. Ленин писал: «...Настоящая голодовка лишней раз подтверждает неуспех правительственной аграрной политики и невозможность обеспечить сколько-нибудь нормальное буржуазное развитие России при направлении ее политики вообще и земельной политики в частности классом крепостников-помещиков, царящих в виде правых партий, и в III думе и в Государственном совете и в придворных сферах Николая II»¹⁷⁶.

* * *

На примере четырех губерний черноземного центра с полной очевидностью обнаруживается провал столыпинского аграрного курса, провал попытки крепостническими методами и в интересах помещиков и само-

¹⁶⁹ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губ. Период 1 (с 1 ноября 1910 г. 1910 по 1 марта 1911 г.)», Воронеж, 1912, стр. 25.

¹⁷⁰ Там же, стр. 26.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² «Отхожие промыслы, переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 г.», стр. 50.

¹⁷³ В. М. Обухов. Указ. соч., стр. 102—106.

¹⁷⁴ «Производство, перевозки и потребление хлебов в России 1909—1913 гг.», вып. 1, Пг., 1916, стр. 9.

¹⁷⁵ ЦГИАЛ, библиотека, 1 отд., оп. 1, д. 97. Всеподданнейший отчет тамбовского губернатора за 1910 г., стр. 6.

¹⁷⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 410.

державия обеспечить развитие капитализма в сельском хозяйстве по прусскому образцу. Этот путь, как показала уже революция 1905—1907 гг. и окончательно доказал столыпинский опыт «перестройки» деревни, в условиях России оказался невозможным. Объективные противоречия между потребностями экономического и общественного развития, с одной стороны, и сохранением латифундиального полукрепостнического землевладения и самодержавия — с другой, были настолько глубоки и непримиримы, что их нельзя было снять никакими реформами, в том числе и столыпинской аграрной реформой, несмотря на то, что по своим масштабам и решительности проведения она превосходила все, что было когда-либо предпринято в этой области царизмом.

Столыпинская реформа, способствовавшая в какой-то мере развитию капитализма, только углубила противоречия между ним и продолжавшим существовать полуфеодальным помещичьим и наделным землевладением, приблизив тем самым наступление нового революционного кризиса.

Г. И. БОГАТИКОВА

РЕФОРМА 26 ИЮНЯ 1863 г. В УДЕЛЬНОЙ
ДЕРЕВНЕ

I

Вопрос об отмене крепостного права в удельной деревне не являлся предметом специального исследования ни дореволюционной, ни советской исторической науки. Историография его чрезвычайно бедна. Однако и те немногие работы, в которых этому вопросу уделено небольшое внимание, содержат неверные выводы.

Так, в статистическом исследовании И. Вильсона «Выкупные за землю платежи бывших удельных крестьян 1871—1876 гг.»¹ приводятся завышенные данные о количестве земли, отведенной удельным крестьянам по уставным грамотам (4 336 454 дес.) и среднем душевом наделе (5 дес.)². Содержащиеся в работе сведения о величине недоимки по выкупным платежам, накопленной к середине 1870-х годов как по отдельным губерниям, так и по удельным владениям в целом, убедительно говорят о несоответствии их доходности надельной земли. Однако сам И. Вильсон не делает вывода о грабительском характере реформы 26 июня 1863 г.

В работе либерального экономиста Л. В. Ходского «Земля и земледелец» отмене крепостного права в удельной деревне посвящена VI глава: «Поземельное устройство бывших удельных крестьян». В ней рассматриваются вопросы подготовки Положения 26 июня 1863 г. и дана краткая характеристика его. При этом результаты реформы также освещены с либерально-буржуазных позиций. Л. В. Ходский совершенно игнорировал фактор классовой борьбы. Для него реформа — только продукт деятельности правительства. Он обходит молчанием сильные крестьянские волнения, имевшие место в период разработки Положения 26 июня, которые и заставили крепостников «освободить» удельных крестьян на несколько более льготных условиях, чем были «освобождены» помещичьи. При характеристике Положения 26 июня Л. В. Ходский также не видел или не хотел видеть ограбления крестьян реформой. Согласно его точке зрения землепользование удельных крестьян после отмены крепостного права увеличилось, а наделы на душу возросли³. Об отрезках Л. В. Ходский вообще ничего не говорил.

Не получил должного освещения вопрос об отмене крепостного права в удельной деревне и в «Истории уделов за столетие их существования»

1797—1897» (т. I—III, СПб., 1901—1902). «История уделов» — ведомственное издание. Это коллективный труд, написанный по заданию Департамента уделов при непосредственном участии и под редакцией чиновников удельного ведомства. Это обусловило тенденциозный характер изложения, выразившийся в стремлении представить Департамент уделов в роли заботливого опекуна крестьян. С этих позиций и рассматривается вопрос об отмене крепостного права. Причины, побудившие царское правительство приступить к «освобождению» крестьян, не вскрыты. Положение 26 июня представлено актом благодеяния, дарованного крестьянам сверху. Реализация реформы, проходившая в ходе ожесточенной классовой борьбы, не получила должного освещения у составителей «Истории уделов». Результаты реформы искажены⁴.

Немного сделано по изучению реформы 26 июня 1863 г. и в советской исторической науке. Советские ученые касались этой темы попутно, в ходе изучения отмены крепостного права в отношении помещичьих и государственных крестьян и, как правило, заимствовали у Л. В. Ходского неверные выводы о результатах реформы в удельной деревне. «Удельные крестьяне, — писал, например, Е. А. Мороховец, — сохранили, однако, полностью свои наделы, находившиеся в их пользовании до реформы, в тех же местах, где фактический надел удельных крестьян был меньше нормального надела, установленного «Положением 19 февраля» для помещичьих крестьян, удельные крестьяне получили даже соответствующую прирезку. В результате землепользование удельных крестьян после реформы несколько увеличилось»⁵. Отрицая отрезки земли при отмене крепостного права в удельной деревне, Е. А. Мороховец допустил и другую ошибку — о сохранении в пореформенный период прежних платежей⁶.

В действительности же, как будет показано ниже, они возросли, так как удельные крестьяне в виде выкупной суммы вносили прежние платежи за уменьшенные наделы.

Неверная оценка результатов «освобождения» удельных крестьян дана и в работе В. Левашева, посвященной реформе 1861 г. в Самарской и Симбирской губерниях. Правда, в отличие от Е. А. Мороховца В. Левашев не отрицал факта отрезки земли по уставным грамотам. Он даже приводит величину их по Саратовской и Симбирской губерниям. Однако и он приходит к неверному выводу о том, что «землепользование удельных крестьян после реформы по России в целом несколько увеличилось»⁷.

Наиболее ценным пособием для изучения вопроса об «освобождении» удельных крестьян является работа П. А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России».

Уделяя главное внимание помещичьим крестьянам, П. А. Зайончковский коротко останавливается и на условиях отмены крепостного права в удельных владениях. Основной упор при этом сделан на реализацию реформы. П. А. Зайончковский на основе архивных материалов вскры-

⁴ «История уделов за столетие их существования. 1797—1897», т. II, СПб., 1901, стр. 550—573.

⁵ Е. А. Мороховец. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937, стр. 128—129.

⁶ Эти же ошибочные положения содержатся и во втором издании «Истории СССР» под ред. М. В. Нечкиной (т. II, М., 1949, стр. 441), главе XVII — «Отмена крепостного права в России (крестьянская реформа 1861 года)», написанной также Е. А. Мороховцем. В третьем издании «Истории СССР», вышедшем под той же редакцией (т. II, М., 1954, гл. XIII, стр. 410), они устранены.

⁷ В. Левашев. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях. Куйбышев, 1940, стр. 67.

¹ Названную работу см. в кн.: И. Вильсон. Выкупные за землю платежи крестьян-собственников бывших помещичьих. 1862—1876. СПб., 1878.

² Там же, стр. 56.

³ Л. В. Ходский. Земля и земледелец, т. II, СПб., 1891, стр. 123—124.

вает грабительский характер реформы 26 июня, останавливается на вопросе классовой борьбы удельных крестьян. Однако приведенные им общие данные о результатах реформы, заимствованные из «Истории уделов», скрывают истинное положение вещей⁸.

Данная статья написана на основе архивных источников, извлеченных из различных фондов. Наибольшее количество материала сосредоточено в фонде «Главного управления уделов» (ЦГИАЛ). В нем отложились уставные грамоты, составленные на селения крестьян государевых, дворцовых и удельных. Уставные грамоты — ценный источник для изучения реализации Положения 26 июня. Содержащиеся в них сведения о величине душевых наделов, количестве отрезанной земли, размере оброчных и выкупных платежей дают возможность вскрыть грабительский и крепостнический характер «освобождения» удельных крестьян. Используются также отложившиеся в фондах «Земского отдела МВД» (ЦГИАЛ) и III отделения (ЦГИАМ) материалы о волнениях удельных крестьян в период реализации реформы 26 июня 1863 г.

Положение 26 июня 1863 г. «О крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных»⁹ является непосредственным продолжением Положений 19 февраля 1861 г. На его основе была ликвидирована феодальная зависимость еще одной категории крепостного населения — крестьян удельного ведомства¹⁰.

Вопрос об отмене крепостного права удельных крестьян был поставлен почти одновременно с началом подготовки реформы «освобождения» помещичьих крестьян.

В 1858 г. Александром II были учреждены комитет для устройства поземельных отношений удельных крестьян и подготовительная комиссия при Департаменте уделов. Они должны были собрать сведения по землеустройству и положению крестьян удельного ведомства, необходимые для разработки соответствующего Положения. Однако ликвидация крепостной зависимости удельных крестьян начала осуществляться несколько раньше издания Положения 26 июня 1863 г. Правительственными указами от 20 июня 1858 г.¹¹ и 26 августа 1859 г.¹² на них были распространены «личные и по имуществу права», предоставленные «свободным сельским сословиям».

Указы от 20 июня 1858 г. и 26 августа 1859 г., вызвавшие изменения в гражданском и юридическом быте крестьян удельного ведомства, не касались их экономического положения, землеустройства, вопросов, связанных с отправлением повинностей, и др. Все это должно было получить свое разрешение на основе Положений 19 февраля, с опубликова-

⁸ П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М., 1954, стр. 192.

⁹ II ПСЗ, т. XXXVIII, отд. 1, № 39792.

¹⁰ Удельные крестьяне составляли особую категорию феодально-зависимого населения, принадлежавшую крупнейшим крепостникам России — дому Романовых. Эта категория крепостных была образована 5 апреля 1797 г. изданным Павлом I «Учреждением об императорской фамилии». Согласно «Учреждению», около полумиллиона ревизских душ дворцовых крестьян поступило в ведение Департамента уделов, специально учрежденного для управления ими. С середины XIX в. в ведении Департамента наряду с удельными находились государевы крестьяне, являвшиеся собственностью царствующего императора, и дворцовые крестьяне, т. е. крестьяне, приписанные к отдельным дворцам. Накануне отмены крепостного права удельные владения располагались на территории 20 губерний России. Общая численность крестьян удельного ведомства, по данным 10-й ревизии, составляла 837 968 ревизских душ.

¹¹ II ПСЗ, т. XXXIII, отд. 1, № 33326.

¹² Там же, т. XXXIV, отд. 1, № 34831.

нием которых началась систематическая разработка реформы и в отношении крестьян удельного ведомства.

1 марта 1861 г. министр двора Адлерберг составил записку с целью «согласовать устройство удельных крестьян в хозяйственном и судебном отношениях с общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»¹³.

Записка эта легла в основу именного указа министру двора и уделов от 5 марта 1861 г. «О пересмотре существующих ныне постановлений о крестьянах удельного ведомства и о предоставлении им ныне же некоторых облегчений»¹⁴.

Указ 5 марта рекомендовал разработать проект закона о поземельном устройстве крестьян удельного ведомства, руководствуясь следующими принципами:

1. Сохранить за крестьянами в течение пяти лет все состоящие в их пользовании угодья за существующие повинности с последующим отводом в постоянное пользование наделов на основе правил, разработанных местными Положениями о крестьянах, водворенных на помещичьих землях.

2. Оброки и поземельные сборы за угодья, отводимые в постоянный надел, не должны были превышать платежей и норм, определенных Положениями 19 февраля для владельческих крестьян; повинности за пользование землей не подлежали изменению в течение 20 лет.

3. Предоставить крестьянам право как в составе целого общества, так и отдельно, выкупать усадьбную оседлость и полевые угодья (последние лишь по соглашению с удельным ведомством) по ценам, не превышающим норм, установленных Положением 19 февраля, посредством рассрочки в уплате выкупной суммы.

4. Организовать мирское управление крестьян согласно правилам, разработанным в Положениях 19 февраля.

Помимо формулировки основ предстоящей реформы, указом отменялись обязательные работы по общественной запашке и оброки с крестьян, живших на собственных или наемных землях и пользовавшихся наделом от удела.

Таким образом, принципы, изложенные в указе 5 марта 1861 г., были полностью основаны на Положениях 19 февраля.

21 июля 1861 г. министр двора составил записку «О пояснении начал устройства быта крестьян государевых, дворцовых и удельных имений»¹⁵. По содержанию она примыкает к указу 5 марта 1861 г., конкретизируя и изменяя изложенные в нем отдельные положения.

Указ 5 марта 1861 г., определяя принципы предстоявшего переустройства быта крестьян удельного ведомства, не касался частных вопросов, вставших при конкретном применении к этим крестьянам Положений 19 февраля.

Так, например, земля, находившаяся в пользовании удельных крестьян, делилась на тягловую и запасную. В указе не сказано, какие земли принимаются во внимание при определении величины надела — только ли тягловые или тягловые и запасные вместе, за счет каких земель будут произведены отрезки и т. д. Эти вопросы получили разрешение в последующих документах, связанных с подготовкой реформы, и, в част-

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1181 (Главного комитета об устройстве сельского состояния), оп. т. 15, 1861 г., д. 2, ч. 1, лл. 8—24.

¹⁴ II ПСЗ, т. XXXVI, отд. 1, № 36712.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 515 (Главного управления уделов), оп. 6, д. 4657, лл. 34—42.

ности, в записке от 21 июля 1861 г. В этой записке указывалось, что в надел крестьянам поступают лишь тягловые земли, при этом:

1) если существующий тягловый надел превышает размер нормального, определенного для данной местности Положениями 19 февраля, то он зачисляется в постоянный надел без уменьшения;

2) если существующий тягловый надел не достигает высшего размера, определенного Положением 19 февраля, то недостающее количество дополняется из запасных земель;

3) запасная земля остается во временном пользовании крестьян на 20 лет за существовавшие до реформы повинности;

4) повинности за пользование землей не подлежат изменению в течение 20 лет и распределяются равномерно на земли тягловые и запасные.

Признавая необходимым руководствоваться при разработке Положения указом 5 марта 1861 г., Адлерберг, как видно из записки от 21 июля, редомендовал в то же время и некоторые отступления от указа, касавшиеся срока пользования крестьянами запасной землей и распределения платежей на земли тягловые и запасные.

Необходимость этих отступлений, по мнению Адлерберга, изложеному в названной выше записке, вызывалась тем, что по указу 5 марта «только в течение первых 5 лет со дня обнародования означенного указа предоставлено крестьянам сохранить в своем пользовании за существующую повинность все находящиеся у них земли. Таким образом, с определением крестьянам государевых, дворцовых и удельных имений меньших наделов в постоянное пользование и с отнесением на эти уменьшенные наделы существующей денежной повинности крестьяне по истечении льготных 5 лет будут платить прежний оброк за меньшее количество земли, а за излишнюю сверх надела землю вносить еще новую плату на праве оброчном, следовательно, поземельный надел уменьшится, а денежная повинность увеличится», что «по истечении льготных 5 лет поставит крестьян в положение, более для них неблагоприятное»¹⁶. Столь несвойственный Адлербергу «гуманизм» был порожден не заботой об улучшении быта крестьян удельного ведомства, а стремлением предотвратить «опасные поводы к ропоту и волнениям...»¹⁷.

Именно этим следует объяснить то обстоятельство, что «дополнительные начала», изложенные в записке Адлерберга, представляли известную уступку в пользу крестьян удельного ведомства по сравнению с указом 5 марта 1861 г. Так, на основе «дополнительных начал» запасная земля оставалась в пользовании крестьян на 20 лет; по указу же излишки сверх высшей нормы надела поступали в распоряжение удела через пять лет со дня утверждения указа. Далее, распределение повинностей на тягловые и запасные земли, предусмотренное в записке от 21 июля, освобождало крестьян от платежей за пользование запасной землей до отхода ее в удел по истечении установленного 20-летнего срока; согласно же указу платежи по прошествии льготных пяти лет фактически возрастали (хотя формально оставались без изменения в течение 20 лет), так как за пользование меньшим количеством земли крестьяне должны были бы платить прежние оброки.

При всем этом крепостническая сущность обоих документов отчетливо выступает в стремлении сократить землепользование крестьян удельного ведомства до норм, установленных для помещичьих крестьян Положе-

ниями 19 февраля, а также отрезать безусловно необходимую для крестьян запасную землю.

Записка Адлерберга явилась предметом специального рассмотрения Главного комитета об устройстве сельского состояния¹⁸.

Основным вопросом, подвергшимся тщательному обсуждению, был вопрос об отрезках запасных земель. Необходимость их признавали и министр двора и все члены Главного комитета. Разногласия сводились лишь к установлению сроков проведения отрезков в натуре. Эти сроки были определены таким образом, чтобы отрезки прошли наиболее безболезненно для помещичьего государства, т. е. не привели бы к массовым выступлениям крестьян.

В этой связи точка зрения Адлерберга о сохранении запасной земли в пользовании крестьян в течение 20 лет была признана неприемлемой, значительно затрудняющей и осложняющей отрезки.

Если запасные земли, отмечалось в журнале Главного комитета об устройстве сельского состояния от 30 июля 1861 г., «будут оставлены у крестьян наравне с их тягловым наделом на такое продолжительное время, то по прошествии этого срока гораздо труднее будет отрезать их от крестьян, нежели по прошествии пяти лет...»¹⁹.

С остальными положениями, изложенными в записке от 21 июля 1861 г., члены Главного комитета согласились, рекомендуя положить в основу предстоящей реформы крестьян удельного ведомства следующее: 1) существующий тягловый надел, если он превышает высший размер, установленный Положением 19 февраля, уменьшению не подлежит и зачисляется в постоянный; 2) если тягловый надел не достигает высшего размера, определенного Положениями 19 февраля, недостающее количество пополняется из запасных земель, где они имеются; 3) излишнюю сверх постоянного надела запасную землю оставить в пользовании крестьян, согласно указу 5 марта 1861 г., на пять лет за существующие ныне повинности; 4) соответственно с распределением земель определить сумму денежных оброков за земли постоянного надела и за излишние; повинности за постоянный надел не изменятся в течение 20 лет, за запасную же землю повинности снимаются с крестьян вместе с передачей ее по истечении пяти лет в распоряжение удела.

Таким образом, согласно основам, утвержденным Главным комитетом, в надел крестьянам отводились тягловые земли, а запасные подлежали отрезке и лишь частично шли на дополнение надела до высшей или указанной норм.

В октябре 1861 г. за подписью Адлерберга и председателя Департамента уделов Муравьева, на основе проделанной в Департаменте уделов работы, были составлены и направлены в Главный комитет об устройстве сельского состояния три проекта правил. «Об устройстве крестьян государевых, дворцовых и удельных имений, применительно к началам Положения 19 февраля 1861 г.»²⁰.

Проекты эти, представлявшие собой первый вариант реформы крестьян удельного ведомства, полностью основывались на указе 5 марта 1861 г. и дополнений к нему, рекомендованных Главным комитетом. Со-

¹⁸ Там же, лл. 43—52.

¹⁹ Там же, л. 46 об.

²⁰ Там же, л. 54—147 об. Первый проект: «Положение о сельском устройстве и вообще управлении крестьянами, водворенными на землях государевых, дворцовых и удельных имений». Второй проект: «Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных». Третий проект: «Положение о приобретении в собственность крестьянами, водворенными в государевых, дворцовых и удельных имениях земель, предоставленных в их пользование».

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 6, д. 4657, лл. 35 об.—36 об.

¹⁷ Там же, л. 39.

гласно проектам в надел крестьянам предоставлялись лишь тягловые земли, а выкуп полевого надела разрешался только по добровольному соглашению с удельным ведомством, с рассрочкой выкупной суммы на 20 лет из 5% в год при условии непременного взноса вперед $\frac{1}{5}$ выкупной суммы.

Подготовка реформы крестьян удельного ведомства проходила в условиях мощного крестьянского движения, вспыхнувшего в связи с обнародованием Положений 19 февраля. Грабительский характер реформы не удовлетворил и не мог удовлетворить крестьян, продолжавших борьбу за полную ликвидацию феодальных отношений. Упорная борьба бывших владельческих крестьян, захватившая все категории крепостного населения, не могла не оказать влияния на разработку Положения о поземельном устройстве крестьян государевых, дворцовых и удельных. Именно под влиянием массового крестьянского движения 1861 г. первый вариант реформы не был утвержден Главным комитетом и был передан на пересмотр в общее присутствие Департамента уделов.

Царское правительство, напуганное крестьянскими волнениями, вынуждено было пойти на уступку в отношении принципов проведения реформы по ликвидации крепостного права для удельных крестьян. Именно в этом плане следует рассматривать новую записку Адлерберга, датированную 19 сентября 1862 г.²¹

В центре внимания этой записки, как и прежних материалов, связанных с подготовкой реформы, стоят такие кардинальные вопросы, как вопрос о земле, о крестьянских наделах, об их выкупе, но решаются они уже иначе.

В целях проведения реформы на «прочных основаниях» записка 19 сентября 1862 г. рекомендует передать крестьянам не только тягловые, но и запасные земли, аргументируя это следующим образом: «...Земли тягловые и запасные... не разграничены в натуре и потому самое значительное подобное разделение надельной земли мало понятно крестьянам. При существовании для крестьян права отказываться от пользования запасной землей, с сложением соответствующей части поземельного оброка, они пользуются ею ныне в таком лишь количестве, какое им действительно потребно в хозяйственном отношении; поэтому сокращение размера постоянных их наделов отрезкою части запасных земель, несомненно, должно сопровождаться некоторым потрясением существующего крестьянского хозяйства»²².

Останавливаясь на выкупной операции, Адлерберг считал целесообразным построить ее следующим образом:

1. Установить обязательный выкуп для всех крестьян одновременно по прошествии двух лет со дня утверждения Положения.
2. Погашать выкупную сумму, равную капитализированному из 5% оброку, в течение 49 лет путем взноса ежегодных платежей в размере 5 коп. на рубль.
3. С переводом крестьян на выкуп оброки по истечении двух лет со дня утверждения Положения получают значение выкупных платежей и выплачиваются в счет погашения выкупной суммы.

На этих основах автор и считал необходимым пересмотреть Положение о поземельном устройстве удельных крестьян.

В начале ноября 1862 г. записка была обсуждена и одобрена Общим присутствием Департамента уделов, а в конце этого месяца перерабо-

²¹ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 6, д. 4657, лл. 167—201 об.

²² Там же, л. 173—173 об.

танный проект Положения был вновь представлен в Главный комитет об устройстве сельского состояния²³.

При рассмотрении его в Главном комитете в январе 1863 г. в центре внимания стояли два вопроса: о наделении крестьян землей и о порядке выкупа крестьянами земельных наделов, т. е. вопросы, подвергшиеся изменению в новом проекте.

Первый вопрос возражений не вызвал. Главный комитет признал необходимым предоставить в надел крестьянам не только тягловые, но и запасные земли. Что касается второго вопроса, то, признавая необходимым перевести крестьян на обязательный выкуп, Главный комитет предлагал в то же время построить выкупную операцию несколько иначе, чем предусматривалось во втором варианте Положения, а именно: для определения выкупной суммы оброк должен был капитализироваться из 6%, а для уплаты капитала и процентов по выкупной сумме крестьяне обязаны были вносить в течение 49 лет выкупные платежи по 6 коп. на рубль.

Эти новые начала, изложенные в проекте заключения Главного комитета, и были утверждены Александром II, предписавшим рассмотреть и исправить на их основе составленный министром двора проект Положения об устройстве крестьян, водворенных в государевых, дворцовых и удельных имениях.

Таким образом, в ходе подготовки реформы правительство Александра II вынуждено было под влиянием крестьянского движения внести изменения в принципы «освобождения» удельных крестьян, изложенные в указе 5 марта 1861 г. Согласно новым началам, утвержденным в 1863 г., крестьяне переводились на обязательный выкуп, в состав их надела вместе с тягловыми землями включались и запасные. При всем этом реформа и в отношении крестьян удельного ведомства оставалась крепостнической, консервировавшей пережитки феодализма, грабившей крестьян путем отрезки находившейся в их пользовании земли.

Исправленный в Государственной канцелярии и Департаменте уделов проект Положения был одобрен Главным комитетом и Государственным советом, а 26 июня 1863 г. утвержден Александром II.

15 июля 1863 г. Положение 26 июня «О крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных» было опубликовано.

II

Ко времени опубликования Положения 26 июня 1863 г. наблюдался уже постепенный спад волны крестьянского движения. Однако рассчитывать на спокойствие удельных крестьян в период проведения реформы в жизнь было нельзя.

Содержание Положения 26 июня, особенно организация выкупной операции, отрезки, предоставление недостаточных и неполных наделов — все это создавало не менее широкие возможности для ограбления крестьян, чем Положения 19 февраля. В связи с этим условия «освобождения» не могли удовлетворить удельное крестьянство.

Брожение, имевшее место в удельной деревне в период подготовки Положения, после его опубликования приняло характер открытого проявления недовольства. Как сообщалось во всеподданнейшем отчете по удельному ведомству за 1863 г., волнения удельных крестьян «вследствие ложных толкований Положения» имели место уже в 1863 г.²⁴

²³ Там же, лл. 395—440 об.

²⁴ «История уделов за столетие их существования. 1797—1897», т. II, стр. 551.

Чтобы предотвратить волнения удельных крестьян, правительство тщательно подбирало чиновников, выделявшихся для разъяснения крестьянам Положения 26 июня. В циркуляре Департамента уделов, изданном вслед за утверждением Положения, на этот вопрос обращалось особое внимание управляющих конторами. Циркуляр требовал, чтобы чиновники, посылаемые ими на места, «хорошо изучили Положение и ясным толкованием статей старались распространить правильное понимание нового Положения как между сельскими должностными лицами, так и вообще между сельским населением»²⁵.

Однако этим путем успокоить крестьян было невозможно. Как бы ни старались чиновники приукрасить Положение и представить его в глазах крестьян актом монаршей милости и благодеяния, причины для недовольства продолжали существовать.

В начале 1864 г. волнения, вызванные нежеланием крестьян принимать Положение 26 июня, прокатились по ряду сел Костромской и Самарской губерний²⁶.

Удельные крестьяне, выступая подобно помещичьим против грабительского характера реформы, наивно верили слухам о подложности Положения, об извращении и подмене его министрами. Отказываясь принимать Положение, они охотно слушали толкователей, объяснявших статьи его в интересах крестьян.

Вера в царя, веками воспитанная у крестьян, приводила к тому, что, сомневаясь в истинности предъявленного им Положения, крестьяне ожидали «настоящей» царской воли.

Так, крестьяне села Хрящевки Нижнесанчелеевской волости Ставропольского уезда Самарской губ. при прочтении им Положения заявили, что оно «не есть царское, а ложное, и что до получения царского указа» ни на какие изменения они не согласятся²⁷.

«Чтение Положения и разъяснение статей оно не помогают делу», — сообщалось в секретном денесении костромского губернатора министру внутренних дел в связи с крестьянскими волнениями, вызванными представлением по Положению 26 июня неполных наделов, потому что «крестьяне глубоко убеждены, что существуют другие законы, по которым им непременно следует высший надел»²⁸.

Наибольшего размаха волнения бывших удельных крестьян достигли в период составления и введения уставных грамот в действие.

Сразу же за обнародованием Положения 26 июня было приступлено к разделению бывших удельных имений на мировые участки. При этом правительство особенно большое внимание обращало на подбор кандидатур в мировые посредники. В одном из циркуляров, направленном управляющим конторами, председатель Департамента уделов Стенбок писал, что выбор в мировые посредники «составляет предмет самой существенной важности и удачею выбора будет весьма значительно обуславливаться успешный ход предстоящей реформы»²⁹.

Если учесть, что в функции мировых посредников входило содействие в достижении соглашения между крестьянами и уделом при составлении, проверке, утверждении и введении в действие уставных грамот, т. е. при претворении Положения в жизнь, станет понятным, почему правительство придавало такое большое значение этому вопросу.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1291 (Земского отд.), оп. 66, 6-е дел-во, 1863 г., д. 7, ч. 1, лл. 13 об.—14.

²⁶ Там же, 1864 г., д. 26, л. 13.

²⁷ Там же, л. 13 об.

²⁸ Там же, д. 34, л. 3.

²⁹ Там же, 1863 г., д. 7, ч. 1, л. 17.

Назначение мировых посредников производилось в четырех губерниях: Архангельской, где до реформы 1863 г. их не было совсем, и Вологодской, Вятской, Пермской, в которых до издания Положения 25 июня обязанности мировых посредников исполняли выделенные губернаторами лица³⁰.

В остальных 16 губерниях мировые посредники были избраны значительно раньше — еще в 1861 г. в связи с обнародованием Положений 19 февраля. После издания Положения 26 июня функции их были распространены и на селения удельных крестьян.

Одновременно с организацией мировых учреждений в удельных имениях на основе правил, изложенных в Положениях 19 февраля, проходили выборы должностных лиц в органы «крестьянского управления». Несмотря на то, что выбор их Положениями 19 февраля предоставлялся сельским и волостным сходам, фактически он полностью зависел от мировых посредников, которые утверждали в должности волостных старшин и в любое время могли сменить сельских старост. Подобный порядок должен был обеспечить угодный для правительства состав сельских и волостных управлений.

Лишенные фактической власти и действовавшие по указке и под наблюдением мировых посредников, органы «крестьянского управления» представляли собой агентуру центральной власти на местах, призванную содействовать своевременному взносу платежей, отправлению повинностей и исполнять полицейские функции.

Несмотря, однако, на тщательный подбор кандидатур в 1864—1865 гг., в период сильных волнений бывших удельных крестьян, вызванных составлением и введением уставных грамот в действие, сельские старосты нередко становились на сторону крестьян. Были и случаи, когда крестьяне сменяли неугодных им должностных лиц и выбирали новых по своему усмотрению. Однако по мере подавления волнений отрешались от должности и предавались суду как избранные крестьянами лица, так и старосты, поддерживавшие их в период волнений.

После организации института мировых посредников было приступлено к составлению уставных грамот, т. е. к непосредственному проведению реформы в жизнь.

Составление, проверка и утверждение уставных грамот во всех губерниях, где находились бывшие удельные крестьяне, проходила в обстановке массовых отказов крестьян подписывать предъявленные им грамоты. Причин для этого было немало. Помимо грабительских принципов «освобождения», провозглашенных Положением 26 июня, большое количество злоупотреблений и отступлений от него в ущерб крестьянам допускалось со стороны чиновников удельного ведомства и мировых посредников как при составлении уставных грамот, так и при их проверке и утверждении.

По уставной грамоте, например, составленной на деревню Сакмыковку Каменской волости Николаевского уезда Самарской губ., в надел крестьянам отводилось по 1233 саж. земли (около полудесятины) на душу, в то время как высший надел для этой местности определялся Положениями 19 февраля в 8 дес.³¹ Но даже и эти полдесятины состояли в основном из солончаков. Что касается пахотной земли, то на все общество, насчитывавшее 276 душ, «единственный промысел которого, — как сообщалось в донесении самарского губернатора министру внутренних дел, — составляет хлебопашество, предоставляется по уставной грамоте 11 дес. пашни, т. е. менее 100 кв. саж. на душу»³².

³⁰ II ПСЗ, т. XXXVIII, отд. 1, № 39792. Назначение мировых посредников производилось на основе общих правил, изложенных в Положениях 19 февраля.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 226, лл. 13 об.—14.

³² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, 1864 г., д. 26, л. 97 об.

По уставным грамотам, составленным на Спасское Нижнее и Спасское Верхнее сельские общества Спасской волости Тотемского уезда Вологодской губ., в надел крестьянам отводилось 867 дес. 1110 саж. земли, занятой под дорогами, оврагами, озерами, песками, и 2618 дес. 48 саж. выпавших перелогов, поросших лесом³³, которые, по признанию губернатора, хотя «по закону не могут считаться неудобными, но в сущности не приносят никакой пользы»³⁴. Все эти грамоты были утверждены мировыми посредниками, хотя в статьях 35—37 Положения 26 июня указывалось, что в надел крестьянам должны отводиться лишь удобные земли; пески, болота, овраги и т. п. в счет тягловых наделов не включаются, а солончаки могут входить в них из расчета 3 дес. за 1 дес. удобной земли. При этом не только весь надел, но даже значительная часть его, по статье 37, не должна была состоять из солончаков.

Особенно много злоупотреблений допускалось чиновниками удельного ведомства и мировыми посредниками при отрезках крестьянской земли. В отрезки по уставным грамотам намечались самые плодородные и ценные угодья, занятые под пашнями, пастбищами, сенокосами и выгонами. Нередко к отрезке намечались и собственные земли крестьян, приобретенные ими до издания указа 20 июня 1858 г., согласно правилам крепостнического законодательства, на имя удела.

Крестьяне ряда сельских обществ Галановской и Мостовинской волостей Сарапульского уезда Вятской губ., например, сразу же после составления на их селения уставных грамот начали исковые дела в суде в связи с отрезками земли, оформленной при покупке на удел и, как сообщалось в донесении губернатора министру внутренних дел, «даже выиграли их в низших судебных инстанциях»³⁵.

Подобные отрезки производились нередко и в Пермской губ., что приводило к недовольству и неповиновению крестьян. Так, весной 1865 г. в Ершовской волости Осинского уезда проходили сильные волнения крестьян, вызванные отрезками их собственной земли³⁶. Были и такие случаи, когда купленная крестьянами земля, хотя и не отрезалась в распоряжение удела, но и не предоставлялась им по праву собственности. Крестьяне получали ее лишь по уставным грамотам, т. е. в счет тягловых наделов. В результате они должны были выкупать на общих основаниях свою собственную землю.

Крестьяне села Буярак Сенгилеевской волости Сенгилеевского уезда Симбирской губ., например, отказывались подписать уставную грамоту в связи с тем, что назначенная в надел земля, которую они должны были выкупать в течение 49 лет, в действительности была приобретена ими еще до реформы³⁷.

Уставные грамоты составлялись чиновниками удельного ведомства и утверждались мировыми посредниками. Крестьяне же от этого дела были полностью устранены. От них требовалось лишь беспрекословное и своевременное выполнение определенных в грамотах повинностей. Справедливые претензии, предъявлявшиеся крестьянами при проверке грамот, голословно отвергались мировыми посредниками, указывавшими в актах проверки, что никаких законных возражений со стороны крестьян не последовало, и утверждавшими их без крестьянских подписей. Все это вызвало жалобы и неповиновение крестьян.

³³ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 1850, ч. 2, л. 775.

³⁴ Там же, л. 382 об.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, 1864 г., д. 45, лл. 25—26 об.

³⁶ Там же, 1865 г., д. 6, л. 25.

³⁷ Там же, д. 18, л. 2 об.

Составление уставных грамот в удельных конторах началось сразу же после организации института мировых посредников. В августе 1863 г. к составлению уставных грамот было приступлено в Красносельской конторе, осенью того же года — в Алатырской, Костромской, Нижегородской, а в большинстве удельных контор (Владимирской, Вельской, Вятской, Московской, Новгородской, Оренбургской, Орловской, Самарской, Саратовской, Сарапульской, Сызранской, Симбирской, Тверской) — в начале 1864 г.

По статье 87 Положения 26 июня 1863 г. составление уставных грамот предлагалось закончить к 26 июня 1864 г. Однако, по имеющимся в нашем распоряжении данным, на сентябрь 1864 г. из 6258 намеченных первоначально к составлению уставных грамот было составлено лишь 3139³⁸, т. е. немногим более половины. К указанному в Положении сроку составление уставных грамот закончилось лишь по одной Нижегородской удельной конторе, где все 99 уставных грамот были готовы к 1 июня 1864 г.³⁹ По Алатырской, Московской, Оренбургской, Тверской грамоты были составлены к концу 1864 г.⁴⁰, а по остальным 12 конторам — только в 1865 г.⁴¹

Всего на селения бывших государевых, дворцовых и удельных крестьян было составлено 5718 уставных грамот. Затяжка объясняется прежде всего упорным сопротивлением крестьян, не желавших мириться с крепостническими условиями «освобождения». Именно в тех губерниях, где в 1864—1865 гг. происходили сильные волнения крестьян (Самарская, Симбирская, Архангельская, Вологодская и др.), составление уставных грамот шло значительно медленнее.

Отказываясь от подписания уставных грамот, возражая против указанных в них размеров надела, отрезков, оброчных и выкупных платежей, крестьяне боролись за полную ликвидацию феодальных отношений.

Отказ удельных крестьян подписывать уставные грамоты принял исключительно широкий размах. На основе обработки сведений уставных грамот и сводных таблиц по уставным грамотам нами получены следующие данные, говорящие о силе протеста крестьян против грабительского и крепостнического характера реформы⁴² (см. табл. 1).

Из таблицы 1 видно, что по ряду губерний процент не подписанных крестьянами грамот достигал значительных размеров. Так, по Саратовской губ. крестьянами не было подписано 57,4% уставных грамот; по Вятской, Вологодской, Петербургской, Пермской, Оренбургской и Уфимской губерниям — более 60%; по Самарской и Костромской — более 70%, а по Архангельской — 91,3%. Всего из 5711 уставных грамот, данными которых мы располагаем, не были подписаны крестьянами 2723 грамоты, т. е. 47,7%. И это несмотря на насилия и принуждения, применявшиеся нередко представителями местной власти. Так, крестьяне 14 селений Барсуковского сельского общества Михайловской волости Юрьевогского уезда Костромской губ. в течение длительного времени упорно отказывались подписывать акты проверки составленных на их общество устав-

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 1851, л. 122 об.

³⁹ Там же, л. 67.

⁴⁰ Там же, лл. 188, 216, 171, 148.

⁴¹ Там же, лл. 445, 429, 475, 505 об., 286, 509, 486, 319, 288, 473 об., 383; д. 1853, л. 39.

⁴² Там же, оп. 74, дд. 216, 115, 139, 190, 123, 226, 196, 100, 162, 70—74, 76—81, 83—84, 237, 257, 85, 171, 154, 252, 283—286, 279, 179; ГИАМО, ф. 66, оп. 3, св. 430, дд. 397—445; св. 426, дд. 160—177; св. 433, дд. 634—636; св. 478, дд. 3249—3250; св. 442, дд. 1089—1092; св. 464, дд. 2292—2355; св. 461, дд. 2098—2109; св. 471, дд. 2666—2708; св. 447, д. 1271а; св. 474, д. 2977.

Таблица 1
Сведения об отказах удельных крестьян подписывать уставные грамоты

Губернии	Количество крестьян, подавших дел по уставным грамотам	Общее число составленных грамот	Число грамот, подписанных крестьянами	%	Количество крестьян, подписавших уставные грамоты	%	Число грамот, не подписанных крестьянами	%	Количество крестьян, отказавшихся от подписания грамот	%
Архангельская	24 685	46	4	8,7	2 087	8,4	42	91,3	22 598	91,6
Астраханская	835	1	—	—	—	—	1	100,0	835	100,0
Владимирская	39 325	533	511	95,9	37 305	94,9	22	4,1	2 020	5,1
Вологодская	37 624	418	44	37,3	15 920	42,3	74	62,7	21 704	57,7
Вятская	72 476	739	279	37,7	27 991	38,6	460	62,3	44 485	61,4
Казанская	15 658	58	58	100,0	15 658	100,0	—	—	—	—
Костромская	63 292	1 695	415	24,5	15 782	24,9	1 280	75,5	47 510	75,1
Московская	34 709	197	172	87,3	28 644	82,5	25	12,7	6 065	17,5
Нижегородская	29 405	99	84	84,8	24 637	83,8	15	15,2	4 768	16,2
Новгородская	25 858	216	139	64,3	13 565	52,5	77	35,7	12 293	47,5
Олонецкая	1248	2	—	—	—	—	2	100,0	1 248	100,0
Оренбургская	25 815	118	36	30,5	4 134	16,1	82	69,5	1 681	83,9
Уфимская	36 653	148	85	57,4	18 111	49,4	63	42,6	18 542	50,6
Орловская	17 202	64	20	31,2	5823	33,8	44	68,8	11 374	66,2
Пермская	25 445	259	95	36,7	6553	25,7	164	63,3	18 892	74,3
Петербургская	118 237	243	64	26,3	19 796	16,7	179	73,7	98 441	83,3
Самарская	29 137	54	23	42,6	15 997	54,9	31	57,4	13 140	45,1
Саратовская	235 340	624	482	77,2	162 330	68,9	142	22,8	72 990	31,1
Симбирская	27 520	497	477	95,9	26 501	96,2	20	4,1	1 019	3,8
Тверская	860 444	5 711 ⁴³	2 988	52,3	440 839	51,2	2 723	47,7	419 605	48,8
Всего										

⁴³ Всего по удельным именным было составлено 5719 уставных грамот («История уделов за столетие их существования», т. II, стр. 560). Мы располагаем данными 5711 грамот, восьми грамот (по Московской удельной конторе) не сохранилось. При этом полученные нами данные о числе составленных уставных грамот по отдельным губерниям не совпадают с данными «Истории уделов». Так, по сведениям, приведенным в «Истории уделов», по Вятской губ. было составлено не 739, а 738 грамот, по Орловской — не 148, а 147, по Пермской — не 64, а 60, по Самарской — не 243, а 249 грамот (см. там же, стр. 560).

ных грамот. Только после введения в Барсуковское сельское общество военной команды в количестве 39 человек и наказания шести крестьян розгами они, как доносил костромской губернатор министру внутренних дел, «выразили истинное раскаяние в своих поступках. После сего поверка уставных грамот окончилась уже без всякого со стороны крестьян прекословия»⁴⁴.

Всего не подписали уставных грамот 419 605 бывших удельных крестьян, или почти половина (48,8%) получивших надел.

Введение грамот в действие также проходило в обстановке классовой борьбы, принявшей еще более острый характер.

В отличие от первого этапа реализации реформы, связанного с составлением уставных грамот, когда протест крестьян в основном выражался в нежелании подписывать их, сопротивление в период введения грамот в действие приняло характер массовых отказов крестьян принимать уставные грамоты, указанные в них наделы, обрабатывать предоставленную землю, вносить оброчные и выкупные платежи.

Введение в действие уставных грамот в значительной мере тормозилось наличием большого количества грамот, не подписанных в свое время крестьянами. Согласно Положению 26 июня 1863 г. решающего значения для признания правильности составления той или иной уставной грамоты подпись крестьян под поверочным актом не имела. Крестьяне же, не подписавшие грамот, наивно верили, что, выразив свое отрицательное отношение к ним, они вправе требовать их пересоставления на выдвинутых ими условиях, которые обычно квалифицировались мировыми посредниками как незаконные и к сведению не принимались. Полагая, что подпись их имеет решающее значение, крестьяне упорно отказывались принимать не подписанные ими грамоты.

В связи с этим, по распоряжению Департамента уделов, на бывших удельных крестьян был распространен указ от 18 января 1862 г. «О разрешении затруднений при поверке уставных грамот»⁴⁵. В указе подчеркивалось, что уклонение крестьян от подписания грамот при отсутствии «законных» возражений для этого не должно задерживать введения их в действие. Кроме того, разрешалось вводить грамоты не только при отказе крестьян подписывать поверочные акты, но при таком же отказе со стороны «добросовестных», выделявшихся для засвидетельствования правильности составления грамот.

Несмотря на это, затруднения по введению уставных грамот в действие не были устранены. Нередко принимать их отказывались и крестьяне сельских обществ, ранее подписавших поверочные акты.

Опираясь на созданный им институт мировых посредников и органы «крестьянского управления», используя различные полицейские меры наказания (розги, штраф, арест «подстрекателей» и др.), прибегая зачастую и к помощи воинских команд, правительство принуждало крестьян принимать уставные грамоты.

На основе обработки сведений, содержащихся в отчетах управляющих конторами, посылавшихся в Департамент уделов⁴⁶, нами получены следующие данные о количестве уставных грамот, введенных в действие на 26 июня 1865 г. (табл. 2).

Таким образом, с помощью мер насилия правительству удалось к 26 июня 1865 г. полностью завершить введение уставных грамот в дей-

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, д. 34, л. 37 об.

⁴⁵ «Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости», т. III, ч. 1, СПб., 1862, стр. 6—9.

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 1851, лл. 446 об., 503, 445, 509, 447, 512, 505 об., 484, 486, 489, 492, 497, 178, 521, 475, 534 об., 429, 225.

Таблица 2

Количество уставных грамот, введенных в действие на 26 июня 1865 г.

Удельные конторы	Число грамот, которые требовалось ввести в действие к 26 июня 1865 г.	Из них введено		Осталось не введенных	
		всего	%	всего	%
Алатырская	221	169	76,5	52	23,5
Вельская	164	7	4,3	157	95,7
Владимирская	533	532	99,8	1	0,2
Вятская	526	257	48,8	269	51,2
Костромская	1 695	1 551	91,5	144	8,5
Красносельская	265	93	35,1	172	64,9
Московская	205	178	86,8	27	13,2
Нижегородская	99	98	99,0	1	1,0
Новгородская	218	205	94,0	13	6,0
Оренбургская	141	141	100,0	—	—
Орловская	147	108	73,5	39	26,5
Самарская	195	191	97,9	4	2,1
Сарапульская	272	260	95,6	12	4,4
Саратовская	80	36	45,0	44	55,0
Симбирская	287	287	100,0	—	—
Сызранская	173	173	100,0	—	—
Тверская	497	497	100,0	—	—
Всего	5718	4783	83,7	935	16,3

ствие только по четырем удельным конторам: Оренбургской, Симбирской, Сызранской, Тверской. По остальным 13 конторам дело затянулось. Так, менее половины грамот было введено по Вятской (48,8%), Саратовской (45%), Красносельской (35,1%) конторам, а по Вельской конторе было введено в действие всего 4,3% уставных грамот. Всего же по 17 удельным конторам к 26 июня 1865 г. было введено в действие 4783 уставных грамоты, или 83,7%.

По сведениям на 1 января 1866 г. число введенных в действие грамот увеличилось до 5357⁴⁷, не введенной оставалась 361 уставная грамота, или 6,3% ко всему числу грамот.

По официальным данным Департамента уделов, на 1 сентября 1866 г. были введены в действие 5453 уставные грамоты (95,4%), не введенных оставалось 265, в том числе: по Вельской конторе — 127, по Костромской — 75, по Красносельской — 55, по Орловской — 6, по Новгородской — 1 и по Саратовской — 1⁴⁸.

По Орловской, Новгородской⁴⁹, Саратовской⁵⁰ конторам оставшиеся грамоты были введены в действие в начале 1867 г., по Костромской⁵¹ и Красносельской⁵² — в 1868 г. и, наконец, по Вельской конторе введение уставных грамот окончилось в 1869 г.⁵³

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 47, л. 112.⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, д. 22, л. 284.⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 47, л. 111 об.⁵⁰ Там же, д. 1853, л. 511.⁵¹ Там же, л. 647 об.⁵² ЦГИАЛ, ф. 518, оп. 1, д. 85, лл. 26 об., 27, 31.⁵³ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 798, лл. 4 об.—5.

III

Содержание реформы в отношении крестьян удельного ведомства отчетливо прослеживается при анализе уставных грамот, дающих возможность познакомиться с наделением крестьян земель по Положению 26 июня, с произведенными отрезками, размерами оброчных и выкупных платежей за надельную землю.

Для удобства исследования особенностей проведения реформы в раз-

Таблица 3

Земледеление удельных крестьян до и после реформы 1863 г.

Губернии	Количество земли в пользовании крестьян по инструментальному измерению, дес.	Из них отведено в надел по Положению от 26 июня 1863 г., дес.	Уменьшение (—) или увеличение (+) размеров крестьянского землепользования после реформы	
			дес.	%
I. Земледельческие				
Астраханская	6 495	6 495	—	—
Казанская	69 687	62 048	— 7 639	—10,9
Оренбургская }	114 954	106 234	— 8 717	— 7,6
Уфимская				
Орловская	153 098	140 438	— 12 654	— 8,2
Самарская	917 085	802 293	—114 786	—12,5
Саратовская	172 375	160 801	— 11 573	— 6,7
Симбирская	1 063 750	1 012 267	— 51 476	— 4,8
Всего по 8 губер- ниям	2 497 444	2 290 576	—206 845	— 8,3
II. Нечерноземные				
Владимирская	180 913	169 078	—11 837	— 6,6
Вятская	358 353	281 600	—76 765	—21,4
Московская	74 911	73 537	— 1 371	— 1,8
Нижегородская	129 560	116 581	—12 974	—10,0
Пермская	126 883	84 124	—42 767	—33,7
Петербургская	136 534	104 716	—31 797	—23,3
Тверская	161 538	151 026	—10 485	— 6,5
Всего по 7 губер- ниям	1 168 692	980 662	—187 996	—16,1
III. Нечерноземные с переложным и смолокурным лесным хозяйством				
Архангельская	57 155	98 271	+ 41 116	+ 71,9
Вологодская	124 235	262 038	+137 808	+110,9
Костромская	288 639	308 910	+ 20 288	+ 7,0
Новгородская	116 503	162 482	+ 45 982	+ 39,4
Олонецкая	7 165	8 736	+ 1 571	+ 21,9
Всего по 5 губер- ниям	593 697	840 437	+246 771	+ 41,6
Итого по 20 губерниям . . .	4 259 833	4 111 675	—148 070	3,5

личных в хозяйственном отношении удельных конторах все 20 губерний, в которых находились бывшие удельные крестьяне, разделены нами на следующие территориальные группы:

1-я группа — губернии земледельческие, черноземные и степные: Астраханская, Казанская, Оренбургская, Орловская, Самарская, Саратовская, Симбирская и Уфимская.

2-я группа — губернии нечерноземные: Владимирская, Вятская, Московская, Нижегородская, Петербургская, Пермская, Тверская.

3-я группа — губернии нечерноземные, с переложным и смолокурным лесным хозяйством по преимуществу: Архангельская, Вологодская, Костромская, Новгородская, Олонецкая.

В таблице 3 приводятся данные о распределении земли у крестьян удельного ведомства до и после реформы 26 июня 1863 г.⁵⁴

Как видно из таблицы 3, по всем имеющимся в нашем распоряжении 5711 уставным грамотам в надел крестьянам поступило 4 111 675 дес. из 4 259 833 дес., числившихся по инструментальному измерению. Таким образом, по 20 губерниям, в которых находились крестьяне удельного ведомства, землепользование их после реформы уменьшилось в среднем на 3,5%. Но это только средние цифры, которые мало о чем говорят. Важнее то обстоятельство, что по 14 черноземным и нечерноземным губерниям землепользование удельных крестьян сократилось после реформы на 394 841 дес., или на 10,7%, и только в пяти губерниях с переложным и смолокурным лесным хозяйством количество земли, предоставленной в пользование крестьянам, увеличилось на 246 771 дес., или на 41,6%.

Данные, приведенные в таблице, убедительно говорят о том, что «освобождение» крестьян удельного ведомства, как и владельческих, сопровождалось сокращением наделов в результате отрезков земли, находившейся в их пользовании до реформы. Данные таблицы не имеют ничего общего с цифрами о пореформенном землепользовании удельных крестьян, приводимыми либеральным экономистом Л. В. Ходским, который, основываясь на материалах Центрального статистического комитета, заключил, что размеры землепользования удельных крестьян возросли после реформы на 766 633 дес.⁵⁵

В действительности же обстояло иначе. Согласно произведенным нами подсчетам, количество земли, находившееся в пользовании крестьян до реформы, в результате реализации Положения 26 июня 1863 г. сократилось на 148 070 дес.

В статье 23, определявшей размеры поземельного владения удельных крестьян, указывалось, что в надел им отводится не вся земля, которой они пользовались до реформы, а количество ее, числившееся по табели поземельного сбора. Если принять во внимание, что показатели табели поземельного сбора и инструментального измерения, проведенного в удельных конторах в 50-х и начале 60-х годов XIX в., в большинстве случаев не совпадали и что нередко крестьяне пользовались значительно большим количеством земли, чем значилось по табели, то станет понятным, что оговорка эта была не случайной; она создавала возможность для отрезки крестьянской земли, обнаруженной сверх показаний табели поземельного сбора (при условии, как говорилось в статье 31, если количество земли,

⁵⁴ Таблица составлена на основе подсчета данных уставных грамот и сводных таблиц по уставным грамотам (ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, дд. 216, 215, 139, 190, 123, 226, 196, 100, 162, 70—74, 76—81, 83—84, 237, 257, 85, 171, 154, 252, 283—286, 279, 179); ГИАМО, ф. 66, оп. 3, св. 430, дд. 397—445; св. 426, дд. 160—177; св. 433, дд. 634—636; св. 478, дд. 3249—3250; св. 442, дд. 1089—1092; св. 464, дд. 2292—2355; св. 461, дд. 2098—2109; св. 471, дд. 2666—2708; св. 447, д. 1271а; св. 474, д. 2977.

⁵⁵ Л. В. Ходский. Земля и земледелец, т. II, стр. 123—124.

числившееся по табели, не было меньше норм наделов, определенных местными Положениями).

Подобные отрезки были произведены, например, по уставным грамотам Московской губ.⁵⁶, где в селе Тайнинском Московского уезда на указанном основании у крестьян отрезали более 15 дес., в селе Царицыно того же уезда — более 22 дес., в деревнях Грузиново, Юсупово и Валищево Домодедовской волости Подольского уезда — более 270 дес. и т. д. Надо, однако, отметить, что в селах удельного ведомства не наблюдалось такого резкого различия между величиной отрезков в губерниях земледельческих и нечерноземных, как это имело место в селениях бывших владельцев крестьян. Для удельных владений было характерно неравномерное распределение отрезанной земли между губерниями внутри выделенных нами групп. Объясняется это прежде всего и главным образом различным принципом проведения отрезков в бывших владельческих и бывших удельных селениях.

При проведении отрезков в бывших владельческих селениях большое значение Положениями 19 февраля придавалось разделению губерний на земледельческие и неземледельческие в связи с неодинаковой заинтересованностью в земле помещиков различных губерний. Так, в нечерноземных губерниях, где основной доход помещики получали от неземледельческих занятий крестьян, они были заинтересованы в выкупе последними высших наделов земли, не представлявшей для владельцев, вследствие малой доходности, большого интереса. Именно поэтому, согласно правилам, разработанным в Положениях 19 февраля, здесь широко практиковалась градация оброчных платежей, стимулировавшая крестьян приобретать полные наделы в связи с тем, что последующие десятины обходились им значительно дешевле первых.

Отсутствие у помещиков нечерноземной полосы заинтересованности в сохранении земли привело к тому, что отрезки здесь были значительно меньше, чем в губерниях земледельческих, а по некоторым губерниям землепользование крестьян после реформы даже увеличилось (Вятская, Пермская, Петербургская)⁵⁷.

В земледельческих губерниях, где земля представляла большую ценность, отрезки, в связи с разработанной Положениями 19 февраля системой сокращения наделов крестьян, достигли колоссальных размеров. Именно в губерниях этой полосы широко практиковались четвертные «дарственные» наделы. Сокращение землепользования крестьян, вопреки их желанию и несмотря на то, что предоставленные им наделы не достигали установленных местными Положениями норм, допускалось и тогда, когда в распоряжении помещика оставалась в черноземных губерниях треть, а в степных — менее половины всей удобной земли.

Привязывая крестьян к нищенским наделам, Положения 19 февраля обеспечивали помещиков латифундии и на пореформенное время рабочей силой крестьян, вынужденных идти в кабалу к прежним владельцам.

В отличие от Положений 19 февраля, в Положение 26 июня не вошли статьи о «четвертных» и подобных им наделах. Однако из этого нельзя еще делать вывод о том, что грабительский принцип проведенного царем и помещиками «освобождения» не отразился и в Положении 26 июня 1863 г. Отрезки земли достигли значительных размеров и в селениях крестьян удельного ведомства, хотя и проводились на иных основах, чем отрезки в селах бывших помещичьих крестьян.

⁵⁶ ГИАМО, ф. 66, оп. 3, св. 464, дд. 2335, 2314; св. 471, дд. 2675, 2684, 2690.

⁵⁷ П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России, стр. 206—207.

Крестьяне удельного ведомства являлись собственностью крупнейших крепостников России — Романовых, эксплуатировавших около миллиона душ путем получения прибавочного продукта в форме оброка. Отсутствие барщины и повсеместное распространение денежной ренты привело к тому, что деление губерний на земледельческие и черноземные при проведении отрезков в удельных селениях не имело никакого значения. При определении земли к отрезке принималось во внимание то обстоятельство, что удельные крестьяне черноземных, степных и нечерноземных губерний до реформы в большинстве случаев имели в фактическом пользовании гораздо больше земли, чем значилось по табели поземельного сбора. Исходя из этого, при разработке реформы «освобождения» удельных крестьян Департамент уделов прежде всего стремился изъять у них земли, обнаруженные сверх показаний табели. Стремление Департамента и было закреплено Положением 26 июня, предписавшим отрезать в распоряжение удела все земли, находившиеся в пользовании крестьян сверх табели поземельного сбора независимо от того, располагались ли они в черноземных, степных или нечерноземных губерниях.

Следует иметь в виду, что в различных губерниях разница между инструментальным измерением и данными табели поземельного сбора была неодинаковой. Вот почему количество отрезанной земли в губерниях, находившихся в примерно одинаковых хозяйственных условиях, было резко различным.

Приводимые в таблице 3 данные об отрезках земли по губерниям говорят о том, что отрезки были больше там, где при проведении инструментального измерения в фактическом пользовании крестьян было обнаружено больше земли сверх данных табели поземельного сбора.

При конкретном анализе данных уставных грамот прослеживается, что по отдельным сельским обществам отрезки достигали 50% и более количества земли, числившегося в пользовании крестьян по инструментальному измерению. Об этом убедительно говорят следующие 15 примеров из множества подобных (табл. 4).

Таким образом, по некоторым уставным грамотам у удельных крестьян отрезалось до 80% земли, что при сохранении прежних платежей не могло не привести к расстройству крестьянских хозяйств после реформы.

Отрезки имели место и в третьей группе выделенных нами нечерноземных губерний с переложным и смолокурным лесным хозяйством (табл. 5).

Как видно из приведенных данных, в четырех губерниях этой группы, где были произведены отрезки, в распоряжение удела отошло 24 936 дес., составлявших 4,6% дореформенного землепользования крестьян. Однако количество земли в пользовании крестьян во всех этих губерниях, как видно из таблицы 3, после реформы увеличилось. Объясняется это тем, что наделение земель производилось здесь с учетом статей 28—30 Положения 26 июня 1863 г., не исключавших общих правил, изложенных в статьях 23 и 31, а являвшихся дополнением к ним. На основе статей 23 и 31 Положения и в этих губерниях в надел крестьянам отводилось количество земли, числившееся по табели поземельного сбора, а земля, обнаруженная в их пользовании сверх показаний табели, отходила в распоряжение удела. В связи с этим и было отрезано 24 936 дес. К этому надо добавить, что землепользование крестьян в губерниях этой группы отличалось крайней недостаточностью. Дореформенные наделы в большинстве случаев были намного меньше норм, установленных Положениями 19 февраля для бывших владельческих крестьян. Наличие же в этих губерниях смолокурного и переложного хозяйств, специфика ведения которых требовала

Таблица 4

Выборочные данные об отрезках земли у удельных крестьян по уставным грамотам

Губернии, уезды, волости, села	Число душ, получивших надел	Количество земли в пользовании крестьян по инструментальному измерению, дес.	Количество земли, назначенное в надел по табели поземельного сбора, дес.	Отрезано		Отрезка на душу, дес.
				дес.	%	
Казанская губ.						
С. Осиново ⁵⁸ Сухорецкой вол. Казанского у.	287	3499	1148	2351	67,1	8,2
Самарская губ.						
Деревни Старая Юреева и Фейзулова ⁵⁹ Калмаюрской вол. Самарского у.	416	5414	2080	3334	61,6	8,0
Петербургская губ.						
Деревня Лангелево ⁶⁰ Кошелевской вол. Царскосельского у.	30	242	120	122	50,4	4,0
Гдовский у., Осьминская вол. ⁶¹ :						
Дер. Дубо	86	1739	535	1204	69,2	14,0
» Липо	164	2507	948	1559	62,1	9,7
» Мужичье	55	1311	339	972	74,1	17,7
» Мхи	28	660	172	487	73,9	14,4
Дер. Дубоем Ставропольской вол.	50	1362	275	1087	79,8	21,5
Вятская губ.						
Сарапульский у., Мостовинская вол. ⁶² :						
Дер. Коробейниково	89	779	374	404	51,8	4,5
Поч. Дуброво	120	995	494	501	50,3	4,2
Уржумский у., Лебяжская вол. ⁶³ :						
С. Косовка	82	1095	328	767	70,0	9,3
С. Антонково	199	2340	796	1544	68,5	7,7
Пермская губ.						
Осинский у., Ершовская вол. ⁶⁴ :						
Села Верхний и Нижний Тимбан	349	6021	1745	4276	71,0	12,2
Дер. Верхняя Ошья, с. Ошья	397	8567	1985	6582	76,8	16,6
Деревни Ревиза и Сава Шергина	418	7973	2090	5883	73,8	14,0

⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 252, лл. 10 об.—11.⁵⁹ Там же, д. 196, лл. 14 об.—15.⁶⁰ Там же, д. 139, лл. 12 об.—13.⁶¹ Там же, д. 190, лл. 26 об.—27, 28 об.—29, 24 об.—25.⁶² Там же, д. 216, лл. 20 об.—21, 24 об.—25.⁶³ Там же, д. 115, лл. 28—29.⁶⁴ Там же, д. 216, лл. 37 об.—38, 39 об.—40.

Таблица 5

Отрезки земли у удельных крестьян губерний третьей группы

Губернии	Количество земли в пользовании крестьян до реформы по инструментальному измерению, дес.	Из них отрезано по Положению 26 июня 1863 г.	
		дес.	%
Архангельская	57 155	—	—
Вологодская	124 235	1 403	1,1
Костромская	288 639	16 293	5,6
Новгородская	116 503	7 145	6,1
Олонецкая	7 165	95	1,3
Всего по 4 губерниям, в которых производилась отрезка (кроме Архангельской)	536 542	24 936	4,6

большого количества земли, поставили Департамент уделов перед необходимостью допустить в его же собственных интересах некоторое увеличение крестьянских наделов.

Это и нашло отражение в статьях 28—30. Согласно этим статьям наделы крестьян в селениях со смолокурным и переложным хозяйствами, если они не достигали высших установленных местными Положениями норм, подлежали увеличению за счет удельных дровяных и кустарных зарослей.

Так как отрезки из-за малоземелья крестьян были здесь сравнительно с губерниями земледельческими и нечерноземными незначительны, а прирезки в условиях преобладающего смолокурного и переложного хозяйств требовались по большинству сельских обществ, то количество земли в пользовании крестьян этих губерний возросло после реформы на 246 771 дес.

Наибольшая прирезка, как видно из таблицы 3, была в Вологодской губ. Следует, однако, учитывать, что 26 542 дес., составлявшие примерно около пятой части всей прирезки, крестьянам данной губернии были предоставлены по статье 29 за дополнительную, сверх оброчных и выкупных платежей, плату.

По Архангельской губ. удельным крестьянам было прирезано 71,9% земли. Однако до реформы земли у них было крайне недостаточно, и для предоставления крестьянам этой губернии полных 7-десятичных наделов им следовало прирезать не 41 116 дес., как это имело место, а 115 640 дес., т. е. примерно втрое больше.

На основе анализа грамот по Архангельской губ.⁶⁵ можно установить, что из всех 46 грамот, несмотря на прирезку, только по одной, на Верхотурское сельское общество Устьпаденской волости Шенкурского уезда⁶⁶, крестьяне получили полный, 7-десятичный надел, по остальным же 45 грамотам надел не достигал установленной нормы. При этом надел от 2 до 3 дес. был предоставлен крестьянам по 9 уставным грамотам, надел от 3 до 4 дес. — по 18 грамотам, от 4 до 5 дес. — по 10 грамотам,

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 85, лл. 21 об.—53.

⁶⁶ Там же, лл. 27 об.—28.

от 5 до 6 дес. — по 6 грамотам и от 6 до 7 (менее 7) дес. — по 2 грамотам. Таким образом, по 58,7% уставных грамот надел крестьян либо не достигал даже половины установленной Положениями 19 февраля нормы, либо немногим превышал ее. Поэтому сопротивление крестьян Архангельской губ. при составлении и введении уставных грамот в действие отличалось большим упорством, а реализация реформы проходила здесь особенно медленно.

По Костромской и Новгородской губерниям количество земли, предоставленное крестьянам в надел, несмотря на прирезку, также не достигало нормы, установленной Положениями 19 февраля.

Таким образом, хотя в итоге проведения реформы землепользование удельных крестьян по всем пяти губерниям с переложным и смолокурным хозяйством возросло на 41,6% вследствие прирезки угодий из удельных дровяных и кустарных зарослей, лишь по одной Олонецкой губ., по которой, кстати сказать, было составлено всего две уставные грамоты, количество предоставленной крестьянам земли увеличилось до определенной местным Положением нормы.

Помимо названных выше губерний, дополнение наделов по статье 28 проводилось частично и в следующих губерниях нечерноземной полосы: Вятской (Елабужский и Сарапульский уезды), Нижегородской (Балахнинский) и Петербургской (Шлиссельбургский) в селениях с переложным лесным хозяйством. Всего по этим трем губерниям в счет дополнения наделов крестьянам было предоставлено 11 464 дес. земли.

Рассматривая вопрос о дополнении наделов по статьям 28—30, следует отметить, что серьезных улучшений в положение крестьян прирезка не внесла. Не говоря уже о том, что количество земли в их пользовании по-прежнему оказывалось недостаточным, следует иметь в виду, что дополнение наделов производилось из неудобных угодий, занятых под лесными и кустарными зарослями, для приспособления которых под сельское хозяйство требовались большие трудоемкие работы.

Самый факт введения прирезки был вызван стремлением максимально обеспечить интересы удела. Согласно Положению 26 июня увеличение допускалось исключительно в неплодородных губерниях, с тем чтобы в условиях малой доходности земли обеспечить уделу своевременное поступление оброков.

В губерниях черноземных и нечерноземных (за исключением селений с переложным лесным хозяйством) прирезки земли из удельных угодий не было. Согласно Положению 26 июня 1863 г. увеличение наделов до установленных местными Положениями норм могло производиться здесь лишь при условии наличия излишних против табели поземельного сбора земель, обнаруженных в фактическом пользовании крестьян при проведении инструментального измерения (ст. 24). Что представляет собой эта так называемая прирезка, ясно обнаруживается при изучении уставных грамот.

Рассмотрим для примера «дополнение» наделов, произведенное на основе статьи 24 по ряду уставных грамот Московской губ.⁶⁷ (табл. 6).

Из приведенных в таблице 6 данных можно сделать следующий вывод. «Дополнение» наделов до установленных Положениями 19 февраля норм проводилось исключительно из земель, находившихся в пользовании крестьян до реформы. Если же и после этой так называемой прирезки количество земли не достигало установленной местными Положениями нор-

⁶⁷ ГИАМО, ф. 66, оп. 3, св. 430, дд. 408, 422, 432, 438; св. 433, д. 634; св. 478, д. 3249; св. 464, дд. 2300, 2320, 2305, 2310; св. 471, дд. 2671, 2686, 2708.

Таблица 6

Выборочные данные о прирезке удельным крестьянам земли по уставным грамотам
(в десятинах)

Уезды, волости, села	Полный крестьянский надел по Положениям 19 февраля	Количество земли по табелю поземельного сбора	Количество земли по инструментальному измерению	Количество земли против показаний табели	Из них		Количество земли, поступившей в надел крестьянам по уставной грамоте
					по ст. 24 в счет наделов	отрезано по ст. 31	
Бронницкий у.							
С. Нижнее Мячниково и дер. Щеголево Мячковской вол.	1155	431	525	+94	94	—	525
Гжельская вол.							
С. Речищи	2376	1132	1729	+597	597	—	1729
С. Гжели	1224	660	1471	+811	564	247	1224
Дер. Глебово							
Глебовской вол.	441	296	611	+315	145	170	441
Верейский у.							
Дер. Шаликово Борисовской вол.	273	247	299	+52	26	26	273
Серпуховский у.							
С. Игнатьево Коломенской вол.	442	172	223	+51	51	—	223
Московский у.							
Тайнинская вол.							
Дер. Малые Крутицы . .	144	122	181	+59	22	37	144
„ Ховрино	177	133	283	+150	44	106	177
Хорошевская вол. . . .							
Дер. Ромашково	939	532	1060	+528	407	121	939
„ Татарова	561	228	619	+391	333	58	561
Подольский у.							
Дер. Малое Брянцево Домодедовской вол. . .	461	317	356	+39	39	—	356
Мячковская вол.							
С. Колычево	370	305	284	—21	—	—	284
Дер. Навлянская	998	812	670	—142	—	—	670

мы (села Нижнее Мячниково, Речищи, Игнатьево, дер. Малое Брянцево) или в пользовании крестьян данного сельского общества не было совсем излишней, сверх показаний табели поземельного сбора земли (с. Колычево, дер. Навлянская), надел дополнению из удельных земель не подлежал. В этих случаях крестьянам предоставлялась вся земля, числившаяся по инструментальному измерению, т. е. размер их землепользования оставался тем же, что и до реформы.

Однако подобное «дополнение» наделов нередко приводило к сокращению дореформенного землепользования крестьян. Отрезая в свое распоряжение всю сверх показаний табели поземельного сбора землю,

удельное ведомство из этой крестьянской земли выделяло недостающее количество на дополнение наделов, а оставшуюся оставляло за собой (с. Гжели, деревни Глебово, Шаликово, Малые Крутицы, Ховрино, с. Ромашково, дер. Татарова).

Таким образом, в результате этой «прирезки» количество земли в пользовании крестьян зачастую значительно сокращалось по сравнению с дореформенным. Тем не менее Положение 26 июня 1863 г. квалифицировало эти отрезки как дополнение наделов до установленной нормы.

Все это говорит о том, что в губерниях черноземных и нечерноземных прирезки, как и отрезки, служили к ограблению крестьян. Единственное отличие их от открытых отрезков заключалось в том, что сокращение дореформенного землепользования крестьян производилось здесь в скрытой форме, в форме дополнения наделов из предварительно отрезанной у крестьян земли, количество которой нередко превышало размер этих «дополнений».

Подводя итоги обеспеченности удельных крестьян землей, необходимо отметить, что экономическое положение их после реформы ухудшилось, землепользование на душу в связи с большими отрезками сократилось, о чем красноречиво говорит таблица 7.

Согласно этой таблице, по имеющимся у нас данным 5711 уставных грамот, надел получило 860 444 ревизских души⁶⁸ бывших государевых, дворцовых и удельных крестьян. При этом по всем 20 губерниям надел на ревизскую душу сократился в среднем на 0,16 дес. (384 саж.) — с 4,94 до 4,78 дес.

Как видно из таблицы 7, по земледельческим губерниям надел на душу уменьшился в среднем на полдесятины с колебаниями по отдельным губерниям от 0,2 до 0,9 дес. По нечерноземным губерниям сокращение надела было еще значительнее. В Вятской губ., например, оно равнялось 1 дес. на душу, в Петербургской — 1,2 дес., в Пермской — 2,4 дес., а по всем семи нечерноземным губерниям — 0,8 дес.

Иная картина наблюдается в губерниях с переложным и смолокурным лесным хозяйством, где надел на ревизскую душу не уменьшился, а увеличился после реформы от 0,3 дес. в Костромской губ. до 3,6 дес. в Вологодской, а по группе в целом — на 1,6 дес.

Из изложенного следует, что из 20 губерний, в которых находились крестьяне удельного ведомства, только по одной Астраханской крестьяне получили дореформенные наделы, по 14 губерниям, как нечерноземным, так и земледельческим, средний размер надела на душу уменьшился, и лишь по пяти губерниям с переложным и смолокурным лесным хозяйством надел был увеличен.

Приведенные данные о средних по губерниям размерах наделов на ревизскую душу точного представления о наделении землей бывших удельных крестьян не дают. За этими средними данными скрывалось чрезвычайно неравномерное распределение земли даже в пределах одной, по величине надела, местности той или иной губернии.

Так, при высшем душевом наделе в 7 дес. крестьяне починка Чаплыгинского Верхотоемской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губ. получили по уставной грамоте 4 дес. 2078 саж. на душу, крестьяне соседнего с ним Вершинского сельского общества — 7 дес. 70 саж., Верхотоемского — 2 дес. 1933 саж.⁶⁹

⁶⁸ По данным, приводимым в т. II «Истории уделов за столетие существования» (стр. 560), — 863 148 душ.

⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 85, лл. 59 об.—61.

Таблица 7

Изменение землепользования на душу у удельных крестьян в результате реформы 1863 г.

Губернии	Число душ, получивших надел	Количество земли в пользовании крестьян по инструментальному измерению, дес.		Количество земли, поступившей в надел по Положению 26 июня, дес.		Надел по уставной грамоте против дореформенного, дес.
		всего	на душу	всего	на душу	
I. Земледельческие						
Астраханская	835	6 495	7,8	6 495	7,8	—
Казанская	15 658	69 687	4,4	62 048	3,9	—0,5
Оренбургская	25 815	114 954	4,4	106 234	4,1	—0,3
Уфимская						
Орловская	36 653	153 098	4,2	140 438	3,8	—0,4
Самарская	118 237	917 085	7,7	802 293	6,8	—0,9
Саратовская	29 137	172 375	5,9	160 801	5,5	—0,4
Симбирская	235 320	1 063 750	4,5	1 012 267	4,3	—0,2
Всего по 8 губерниям	461 655	2 497 444	5,4	2 290 576	4,9	—0,5
II. Нечерноземные						
Владимирская	39 325	180 913	4,6	169 078	4,3	—0,3
Вятская	72 476	358 353	4,9	281 600	3,9	—1,0
Московская	34 709	74 911	2,2	73 537	2,1	—0,1
Нижегородская	29 405	129 560	4,4	116 581	3,9	—0,5
Пермская	17 202	126 883	7,3	84 124	4,9	—2,4
Петербургская	25 445	136 534	5,3	104 716	4,1	—1,2
Тверская	27 520	161 538	5,9	151 026	5,5	—0,4
Всего 7 губерниям	246 082	1 168 692	4,7	980 662	3,9	—0,8
III. Нечерноземные с переложным и смолокурным лесным хозяйством						
Архангельская	24 685	57 155	2,3	98 271	3,9	+1,6
Вологодская	37 624	124 235	3,3	262 038	6,9	+3,6
Костромская	63 292	288 639	4,5	308 910	4,8	+0,3
Новгородская	25 858	116 503	4,5	162 482	6,3	+1,8
Олонецкая	1 248	7 165	5,7	8 736	7,0	+1,3
Всего по 5 губерниям	152 707	593 697	3,9	840 437	5,5	+1,6
Итого по 20 губерниям	860 444	4 259 833	4,94	4 111 675	4,78	—0,16

По Столбовской волости Тверской губ. при определенном местным Положением наделе в 4—4,5 дес. на душу по уставной грамоте на дер. Якимовскую Калязинского уезда душевой надел равнялся 1 дес. 225 саж., на дер. Подполицы Бежецкого уезда — 3 дес. 1411 саж., на дер. Терехово того же уезда — 9 дес. 758 саж., а на дер. Сырково Калязинского уезда — 2 дес. 480 саж.⁷⁰ По Горбунихинской волости Юрьевоцкого уезда Костромской губ. при высшем наделе в 4 дес. по уставной грамоте на с. Девкина Гора надел на душу составлял 2 дес. 129 саж., в дер. Озер-

⁷⁰ ЦИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 286.

ки — 5 дес. 715 саж., в дер. Дарьино — 1 дес. 552 саж., в дер. Шепелино — 3 дес. 393 саж., в дер. Борисово — 6 дес. 154 саж.⁷¹ По Ильинской вол. Яранского уезда Вятской губ. в дер. Пискарево душевой надел составил 5 дес. 875 саж., в дер. Крунинское — 1 дес. 1071 саж.⁷² и т. д.

Подобная картина наблюдается и в губерниях черноземных. В Симбирской губ. надел на душу по уставной грамоте на дер. Болтаевку Моргинской волости Алатырского уезда равнялся 1 дес. 1866 саж., на дер. Николаевку — 5 дес. 696 саж., на дер. Ардатово — 3 дес. 217 саж.⁷³ В Каменской волости Николаевского уезда Самарской губ. по уставной грамоте на с. Березово душевой надел составлял 6 дес. 1733 саж., на дер. Новая Сакмыковка — 1233 саж.⁷⁴ и т. д.

Такое же положение наблюдается почти во всех губерниях, где находились бывшие удельные крестьяне.

Предоставляя крестьянам недостаточные наделы, нередко значительно меньше установленных Положениями 19 февраля норм, реформа 26 июня 1863 г. ставила их перед необходимостью арендовать земли и тем самым обрекала их на новую кабалу.

Об обеспеченности земель крестьян удельного ведомства по Положению 26 июня 1863 г. можно судить по таблице 8, составленной на основе обработки данных уставных грамот.

Как видно из таблицы 8, по отдельным губерниям до половины и даже больше уставных грамот предусматривало отвод крестьянам неполных наделов. По Орловской губ., например, число таких грамот достигало 50%, по Оренбургской и Уфимской — 64,4%, по Московской — 77,2%, по Архангельской — 97,8%.

Интересно при этом отметить, что из трех выделенных групп губерний наибольший процент грамот, согласно которым крестьяне получали неполные наделы, приходится на губернии с переложным и смолокурным лесным хозяйством (41%). В этих губерниях отрезки земли, по сравнению с губерниями черноземными и нечерноземными, были незначительны, а наделы крестьян в большинстве случаев дополнялись из удельных угодий. Отсюда видно, что серьезных улучшений в положении крестьян прирезка по статьям 28—30 не внесла, что и после реформы крестьяне этих губерний продолжали страдать от малоземелья.

Из всех же 5711 составленных по удельным имениям уставных грамот по 1929 (33,8%) крестьяне получили неполные наделы, т. е. наделы, не достигавшие норм, определенных Положениями 19 февраля. Так как эти нормы едва давали возможность сводить концы с концами, то и после реформы землепользование большей части крестьян удельного ведомства оставалось недостаточным.

Чтобы представить себе, в какой мере предоставленные крестьянам наделы обеспечивали их существование, остановимся на данных статистики Ю. Э. Янсона. Согласно произведенным им подсчетам, минимальный надел, необходимый для содержания средней крестьянской семьи и обеспечения кормами скота, для губерний черноземной полосы устанавливался в 5 дес., для губерний нечерноземных — в 9—10 дес.⁷⁵

Сравнивая средние душевые наделы удельных крестьян с минимальными наделами, установленными Ю. Э. Янсоном, видим, что они, как

⁷¹ Там же, д. 123, лл. 51 об.—56.⁷² Там же, д. 115, лл. 2 об.—3, 6 об.—7.⁷³ Там же, д. 73.⁷⁴ Там же, д. 226, лл. 13 об.—14.⁷⁵ Ю. Э. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877, стр. 66—68.

Таблица 8

Обеспеченность земель удельных крестьян по реформе 1863 г.

Губернии	Число составленных уставных грамот	Из них число грамот, по которым надел:					
		равен наделу по Положениям 19 февраля	%	меньше надела по Положениям 19 февраля	%	больше надела по Положениям 19 февраля	%
I. Земледельческие							
Астраханская	1	—	—	1	100,0	—	—
Казанская	58	15	25,9	26	44,8	17	29,3
Оренбургская }	118	23	19,5	76	64,4	19	16,1
Уфимская							
Орловская	148	21	14,2	74	50,0	53	35,8
Самарская	243	33	13,7	21	8,6	189	77,7
Саратовская	54	7	12,9	14	25,9	33	61,2
Симбирская	624	50	8,1	118	18,9	456	73,0
Всего по 8 губерниям	1246	149	12,0	330	26,5	767	61,5
II. Нечерноземные							
Владимирская	535	72	13,5	169	31,7	292	54,8
Вятская	739	344	46,5	220	29,8	175	23,7
Московская	197	19	9,6	152	77,2	26	13,2
Нижегородская	99	49	49,5	31	31,3	19	19,2
Пермская	64	26	40,6	17	26,6	21	32,8
Петербургская	259	177	68,3	76	29,4	6	2,3
Тверская	497	73	14,7	84	17,1	340	68,2
Всего по 7 губерниям	2388	760	31,8	749	31,4	879	36,8
III. Нечерноземные с переложным и смолокурным лесным хозяйством							
Архангельская	46	1	2,2	45	97,8	—	—
Вологодская	118	68	57,6	33	28,0	17	14,4
Костромская	1695	582	34,3	685	40,4	428	25,3
Новгородская	216	115	53,2	87	40,3	14	6,5
Олонецкая	2	2	100,0	—	—	—	—
Всего по 5 губерниям	2077	768	37,0	850	41,0	459	22,0
Итого по 20 губерниям	5711	1677	29,3	1929	33,8	2105	36,9

правило, были намного меньше⁷⁶. Так, в губерниях земледельческих средние душевые наделы удельных крестьян были меньше 5-десятиной нормы (от 0,7 дес. в Симбирской губ. до 1,2 дес. — в Орловской). Только в трех губерниях (Астраханской, Самарской и Саратовской) средние душевые наделы превышали установленный минимум.

⁷⁶ Разница получается еще большей, если учесть, что полученные Янсоном нормы, несомненно, преуменьшены. В. И. Ленин считал, что «для сведения концов с концами в земельном хозяйстве нужны не менее 15 дес.» (В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 59).

В губерниях нечерноземных расхождение, как следует из таблицы об обеспеченности земель крестьян удельного ведомства после реформы, было еще более значительным. Однако за этими средними по губерниям данными душевых наделов скрывалось неравномерное распределение земли; наделы удельных крестьян нередко были намного меньше средних показателей, обеспеченность их землей намного отставала от необходимого минимума.

Значительная часть крестьян удельного ведомства не могла не только отправлять повинности с наделной земли, но и обеспечить себе прожиточный минимум, вследствие чего была обречена на кабалу и нищенское существование.

По сравнению с другими категориями бывших крепостных крестьян, помещичьими и государственными, обеспеченность земель удельных по данным на 1877 г. представляется в следующем виде (табл. 9)⁷⁷.

Таблица 9
Обеспеченность земель удельных крестьян по сравнению с владельческими и государственными на 1877 г.

Губернии	Средний надел на душу крестьянского населения, дес.		
	б. владельческие	б. удельные	б. государственные
Архангельская	—	3,3	2
Астраханская	11,1	7,7	16
Владимирская	3,8	4,3	5,1
Вологодская	5,3	6,9	9,0
Вятская	3,0	3,9	6,9
Казанская	2,6	3,9	5,2
Костромская	5,0	4,7	6,1
Московская	3,0	2,1	3,8
Нижегородская	3,3	4,2	5,1
Новгородская	5,8	6,1	7,2
Олонецкая	9,6	7,0	4,9
Оренбургская	3,3	6,2	13,4
Орловская	3,1	3,8	4,1
Пермская	3,9	6,1	6,6
Петербургская	4,8	4,2	7,0
Самарская	3,6	6,8	10,8
Саратовская	2,8	5,6	7,3
Симбирская	2,6	4,2	4,2
Тверская	4,1	5,3	4,5
Уфимская	3,0	5,7	8,8

Приведенные данные об обеспеченности земель крестьян различных категорий говорят о том, что при «освобождении» их от крепостной зави-

⁷⁷ Данные эти заимствованы нами из «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. I—VIII, СПб., 1880—1885. Из сравнения их с данными, приведенными в таблице 7, видно, что по ряду губерний они не совпадают с вычисленными нами средними размерами наделов на душу. Так, по Астраханской, Костромской, Симбирской губерниям средний надел по «Статистике поземельной собственности» меньше на 0,1 дес.; по Новгородской и Тверской — на 0,2 дес.; по Архангельской — на 0,6 дес.; по Саратовской и Петербургской — больше на 0,1 дес., по Нижегородской — на 0,3 дес., по Пермской — на 1,2 дес.

симости правительство закрепляло прежнее неравномерное пользование земель.

Как известно, до отмены крепостного права хуже всех обеспечены землей были помещичьи крестьяне, в наиболее благоприятном положении находились крестьяне государственные, удельные же занимали между этими двумя группами как бы промежуточное положение. Такая картина, как видно из таблицы 9, наблюдалась и в пореформенное время. Наделы бывших удельных крестьян по большинству губерний превышали душевые наделы бывших помещичьих от 0,3 дес. в Новгородской губ. до 3,2 дес. в Самарской. Только по пяти губерниям они были меньше наделов бывших владельческих крестьян, обеспеченность земель которых и после реформы оставалась наиболее недостаточной.

По сравнению с бывшими государственными крестьянами, экономическое положение которых и в пореформенный период было наиболее благоприятным, обеспеченность земель бывших удельных крестьян, за исключением губерний Архангельской, Олонецкой, Симбирской и Тверской, была намного хуже; средние наделы их, как правило, значительно уступали средним душевым наделям бывших государственных крестьян.

Таким образом, различие между разрядами крестьян, сложившееся исторически в течение веков, не уничтожалось, а сохранилось и с отменой крепостного права. Неодинаковая обеспеченность надельной землей крестьян различных категорий, как отмечал В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», свидетельствовала о том, «что надельное землевладение крестьян — чисто средневековое. Крепостное право до сих пор живет в той массе перегородок, которые остались между крестьянами. Разряды отличаются между собой не только количеством земли, но и размерами платежей, условиями выкупа, характером землевладения и т. д.»⁷⁸

Итак, в различной обеспеченности надельной землей названных выше категорий крестьян проявился крепостнический характер реформы «освобождения» крестьян.

Удельные крестьяне в результате отмены крепостного права лишились многих угодий. Леса, рыбные ловли, земли под бывшей общественной запашкой вообще не подлежали включению в тягловый надел. Остальные угодья — пашни, сенокосы, пастбища, выгоны и др., хотя и включались в надел (ст. 32), но значительная часть их отходила к уделу при отрезках.

Широкие возможности для ограбления крестьян представляло и разверстание угодий, которое могло производиться вопреки желанию крестьян, по усмотрению удельного ведомства. Заботясь о повышении своих доходов, удельное ведомство не стремилось покончить с чересполосным и общим расположением своих и крестьянских земель. Правда, для ликвидации такого положения вводилось разверстание, но оно проводилось лишь в том случае, когда можно было отрезать часть лучших крестьянских угодий или собрать воедино свои земли, разбросанные мелкими участками среди крестьянских полей. При этом содержащееся в Положении 26 июня 1863 г. пожелание о предоставлении крестьянам при разверстании земель, равнявшихся «по возможности достоинством тем участкам, которые от них отходят» (ст. 58), не соблюдалось. «По возможности» равноценный обмен сопровождался ущемлением интересов крестьян.

Так, например, в Самарской губ., по данным на 1864 г., по 141 уставной грамоте к отрезке по разверстанию подлежало 21 тыс. дес. пашни, взамен которых крестьянам отводилось такое же количество удельных

⁷⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 60.

угодий под кустарником и мелкими лесными зарослями⁷⁹. По Липецкому сельскому обществу Верховской волости Вельского уезда Вологодской губ. взамен 274 дес. 1390 саж. сенокосных расчисток и в счет дополнения на делов по статьям 28—30 крестьяне получили 2017 дес. 1805 саж. удельных дровяных и кустарных зарослей⁸⁰. Таких примеров можно привести много.

Иногда разверстание угодий принимало характер открытого грабежа крестьян, что выражалось не только в неравноценном обмене, но и в прямом обезземелении их. Так, архангельский губернатор в одном из отчетов писал: «Оценивая крестьянские земли от 18 до 88 коп. за десятину, а десятину оброчных статей от 3 до 25 руб., удел заменяет во многих обществах десятки крестьянских десятин одною или двумя десятинами оброчными...»⁸¹.

Действительно, по Верхосуланскому сельскому обществу Устьпаденской волости Шенкурского уезда, например, за 137 дес. 2270 саж. покоса крестьянам предлагалось 10 дес. 2300 саж. оброчной пахотной земли и 1 дес. 2193 саж. леса; по Суланскому обществу той же волости вместо 340 дес. 1720 саж. крестьянам было предложено 30 дес., по Устьпуйскому той же волости — за 31 дес. 1150 саж. отрезанной у крестьян земли, — 2 дес. 1338 саж. удельной земли и т. д.⁸²

Нередко разверстание проводилось и таким образом, что за отрезанные угодья крестьянам отводилось большее количество земли, но и в этом случае полного вознаграждения от удела они не получали. Так, по ряду селений Оренбургской губ. за 622 дес. 1156 саж. расчищенных угодий крестьянам было предоставлено 1035 дес. 2244 саж. земли, но неплодородной, занятой под лесом и кустарником по мокрому грунту⁸³. По Сарапульской удельной конторе к крестьянам отошли земли под лесом и кустарником в следующей пропорции: «по Частинской волости 3, а по Устиновской 2 десятины за одну чистых угодий и, кроме того, все овраги, мелкие болота и другие неудобности, прорезывающие крестьянские земли во всех направлениях и совершенно негодные для удела»⁸⁴.

Иногда удельному ведомству значительно выгоднее было сохранить чересполосность и даже искусственно создавать ее. Почти в каждой из уставных грамот указывалось, что в распоряжении удельного ведомства остаются внутри крестьянских наделов различные угодья и оброчные статьи. В результате чересполосность в удельных селениях достигала исключительно больших размеров. В Московской губ., например, 82,9% крестьянских общин владело надельной землей в двух и более участках, отделенных друг от друга удельными угодьями⁸⁵.

Из-за чересполосности с удельными угодьями крестьяне сразу же после реформы вынуждены были приступить к аренде вненадельной земли. При этом во многих случаях арендные платежи с десятины земли превышали размер выкупных. В качестве примера приведем данные расценки земли по Казанской удельной конторе (табл. 10)⁸⁶.

Как видно из приведенных данных, арендные цены по некоторым сельским обществам примерно вдвое превышали годовые платежи с десятины тягловой земли (деревни Кадышева, Юшково, Пичкасы, село Кузнецово).

⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, д. 26, л. 82 об.

⁸⁰ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 85, лл. 8 об.—9.

⁸¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, д. 22, л. 127.

⁸² ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 1854, л. 81.

⁸³ Там же, д. 47, л. 105 об.

⁸⁴ Там же, л. 102.

⁸⁵ «Московская губерния по местному обследованию 1898—1900 гг.», т. IV, вып. 1, М., 1907, стр. 8.

⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 74, лл. 164—165.

Таблица 10
Выборочные данные расценки земель по Казанской удельной конторе

Волости, села, деревни	Размер платежей с 1 дес. арендной земли, коп.	Размер платежей с 1 дес. наделной земли, коп.
Воскресенская вол.		
С. Царицыно	150	123
» Чебакса	150	106
Сухорецкая вол.		
Дер. Кадышева	120	65
С. Чепчуж	150	78 1/2
Анатышская вол.		
С. Пичкасы	180	83
Вараксинская вол.		
Дер. Юшково	180	95 1/4
С. Кузнецово	160	70 1/2
Дер. Савина	160	92

Разница между платежами, причитавшимися с десятины арендной и наделной земли, иногда была еще более разительной. Так, в Симбирской губ. по уставной грамоте на дер. Альшихово Шемаляковской волости Буинского уезда платежи с десятины выкупаемой земли составляли около 60 коп. в год⁸⁷, а арендная плата равнялась здесь 6 руб. за десятину⁸⁸. Крестьяне с. Ратова Ратовской волости Курмышского уезда снимали землю под бывшей общественной запашкой по 7—8 руб. за десятину⁸⁹, платежи же с десятины наделной земли составляли 1 рубль и т. д.

Все это говорит о том, что цены на сдававшиеся крестьянам угодья искусственно завышались.

Зачастую аренда вызывалась и чересполосным расположением угодий. О необходимости для крестьян аренды в подобных случаях можно судить по опубликованным схемам о расположении удельной и крестьянской земли в дер. Аринино Карповской волости Богородского уезда и с. Верхнее Мячково Мячковской волости Бронницкого уезда Московской губ.⁹⁰ Из этих схем видно, что в указанных местностях удельные угодья вклинивались в наделную землю, что приводило крестьян к неизбежной аренде их из-за возможных потрав. Кроме того, земля, предоставленная крестьянам дер. Аринино, состояла из девяти участков, расположенных обособленно друг от друга. Чтобы пользоваться ими, крестьяне вынуждены были арендовать у удела земельные пространства, разделявшие эти участки. Такая же картина наблюдалась и во многих других селениях бывших удельных крестьян.

Все это позволяло удельному ведомству сдавать крестьянам угодья по сильно завышенным ценам. Так, например, земля, предоставленная в

⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 237, лл. 15 об.—16.

⁸⁸ «Заметки симбирского губернатора при объезде губернии в конце апреля и начале мая 1866 г.», без м. и г.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ «Очерки по крестьянскому вопросу», сборник статей под ред. А. А. Мануйлова, вып. 2, М., 1905, стр. 106—107.

надел крестьянам с. Терехово Борщевской волости Московской губ., находилась в восьми отдельных участках, причем два из них из-за отсутствия не только проезда, но и прохода были совершенно недоступны для них и сдавались крестьянами в аренду за 140 руб. Сами же крестьяне арендовали у удела приблизительно такое же количество земли за 450 руб. и отработки⁹¹.

И без того высокие арендные платежи взвинчивались зачастую в связи с тем, что крестьяне снимали землю не непосредственно у удела, а у крупных оптовых арендаторов-купцов и представителей крестьянской верхушки. В Афанасьевской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губ., например, пахотные земли сдавались уделом крупным арендаторам по 2 рубля за десятину, а сенокосные — от 4 до 6 руб. Арендовавшие же их богатые крестьяне, раздавая мелкие участки бедноте, выручали с десятины по 15 руб. арендной платы⁹².

Крестьяне с. Красное Поселение Селитьбенской волости Самарской губ. и уезда арендовали землю по 15—20 руб. за десятину у купца Кочетова, снявшего у удела 554 дес.⁹³, в то время как удельным ведомством земля в Самарском уезде сдавалась от 2 р. 19 к. до 3 р. 16 к.⁹⁴ за десятину. Таких примеров можно привести немало.

Из приведенных данных видно, что аренда земли вызывалась грабительскими условиями «освобождения» крестьян, которых «освобождали» таким образом, что они выходили на свободу, не имея ни достаточного для ведения хозяйства количества земли, ни многих необходимых им угодий. В связи с этим аренда, несмотря на крайне тяжелые ее условия, получила наибольшее распространение среди малоземельных крестьян. По подсчетам земского статистика Красноперова, малоземельными крестьянскими обществами Самарской губ. в 80-х годах XIX в. арендовалось: в Ставропольском уезде 57,4% земли, а в Самарском — 68,7% от всего количества угодий, снимавшихся удельными крестьянами по этим уездам⁹⁵.

По статьям 3, 76—84 Положения 26 июня 1863 г. размер оброчных платежей за предоставленную крестьянам землю оставался прежним. Они не подлежали увеличению даже при условии дополнения наделов до норм, определенных Положениями 19 февраля; более того, оброчные платежи, если они оказывались выше установленных для бывших помещичьих крестьян высших оброков, понижались до их уровня.

В действительности дело обстояло иначе. Несмотря на то, что об увеличении оброчных платежей в Положении 26 июня 1863 г. не говорилось, величина их после реформы возросла. Это объясняется тем, что Положение не предусматривало и снижения их пропорционально количеству отрезанной земли. Землепользование удельных крестьян после реформы сократилось на 3,5%, а размер платежей за наделную землю остался на уровне дореформенных оброков. Таким образом, сумма платежей, причитавшихся с десятины наделной земли, после реформы возросла.

Выкупная операция удельных крестьян строилась по принципам, разработанным Положениями 19 февраля. Выкупная сумма за наделную землю, приобретающуюся в собственность, равнялась капитализированному из 6% дореформенному оброку. Оброчные платежи, являвшиеся одной из форм докапиталистической земельной ренты, и после отмены крепостного

⁹¹ «Московская губерния по местному обследованию 1898—1900 г.», т. IV, вып. 1, стр. 9.

⁹² «Отечественные записки», 1879, № 6, стр. 464.

⁹³ «Юридический вестник», 1888, т. 27, кн. 4, стр. 472.

⁹⁴ Там же, т. 28, стр. 475.

⁹⁵ Там же.

права сохранили в своей основе характер дореформенной феодальной повинности. С переводом удельных крестьян на выкуп оброчные платежи, не подвергаясь никакому изменению, принимали значение платежей выкупных, внесением которых в течение 49 лет крестьяне должны были погасить выкупную сумму. Вследствие этого удельные крестьяне, подобно помещичьим, под видом выкупных платежей за наделную землю выплачивали своему бывшему помещику — уделу и вознаграждение за потерю права на их личность. Таким образом, они выкупали не только землю, но и свои феодальные повинности. Подобная организация выкупной операции полностью подтверждает вывод В. И. Ленина о том, что выкуп наделной земли крестьянами представлял собой не что иное, как «прямое продолжение средневекового оброка...»⁹⁶.

Крестьяне удельного ведомства, подобно другим категориям крестьян, и после реформы оставались податным населением России. В результате, помимо оброчных и выкупных платежей, они должны были вносить государственные подати и выполнять различные повинности, как денежные, так и натуральные. Налоговый гнет крестьян был крайне обременителен. Сумма всех платежей, выплачивавшихся ежегодно крестьянами, составляла иногда более 50% от доходности наделной земли. Так, по Орловской губ. платежи с десятины земли составляли около 58%⁹⁷ ее доходности, по Симбирской — от 43 до 70%⁹⁸, а по некоторым губерниям они превышали даже доходность предоставленных крестьянам наделов; дохода, например, в Новгородской губ. до 161%⁹⁹.

По сравнению с платежами бывших помещичьих и государственных крестьян платежи бывших удельных превышали сумму повинностей государственных и были значительно ниже платежей, взимавшихся с бывших помещичьих крестьян (табл. 11)¹⁰⁰.

Таблица 11

Выборочные данные о платежах удельных крестьян после реформы 1863 г.

Губернии	Повинности с 1 дес. надела для крестьян, коп.			% к платежам б. государственных крестьян	
	б. государственных	б. удельных	б. помещичьих	б. удельных	б. помещичьих
Петербургская	154,8	209,8	257,3	135,0	160,0
Владимирская	185,1	206,2	304,4	111,4	164,3
Московская	210,7	268,4	296,7	127,4	141,0
Вятская	100,5	108,1	208,3	108,0	208,0

Данные таблицы 11 показывают, что по четырем названным губерниям платежи бывших удельных крестьян с десятины земли были на 8—35% больше, чем у бывших государственных, и меньше платежей бывших помещичьих крестьян от 13,6% по Московской губ. до 100% по Вятской. Такая же примерно картина наблюдается и по остальным губерниям как нечерноземной, так и черноземной полосы.

⁹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 89.

⁹⁷ «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», СПб., 1897, прилож. I, отд. 3, стр. 107.

⁹⁸ Там же, стр. 77.

⁹⁹ Там же, стр. 6.

¹⁰⁰ Ю. Э. Янсон. Указ. соч., стр. 31—33.

Все это говорит о том, что крестьяне удельного ведомства после реформы оказались в лучшем положении, чем бывшие владельческие. Они получили большие наделы и менее были обременены платежами. Однако из этого сравнения нельзя еще делать вывод о достаточной обеспеченности их землей и усиленном податном обложении.

Недостаточные наделы и налоговый гнет приводили к разорению крестьян, вследствие чего выкупные платежи поступали с крестьян неполностью, недоимка из года в год возрастала, составив к 1 января 1877 г. сумму в 491 984 руб., следующим образом распределявшуюся по отдельным губерниям (табл. 12)¹⁰¹.

Таблица 12

Недоимки удельных крестьян на 1 января 1877 г.

Губернии	Средняя сумма годового оклада в 1871—1876 гг., руб.	Недоимка по выкупным платежам, руб.	Губернии	Средняя сумма годового оклада в 1871—1876 гг., руб.	Недоимка по выкупным платежам, руб.
Архангельская	72 887	2 703	Олонекская	3 715	899
Астраханская	3 450	1 651	Оренбургская	3 022	5 075
Владимирская	147 896	352	Орловская	132 926	22 993
Вологодская	116 391	—	Пермская	48 712	359
Вятская	229 454	14 284	Петербургская	116 664	53 088
Казанская	50 334	3 896	Самарская	471 983	218 087
Костромская	229 259	14 119	Саратовская	134 640	19 046
Московская	128 704	39 507	Симбирская	829 627	22 359
Нижегородская	108 898	23 832	Тверская	97 954	1 423
Новгородская	72 186	46 019	Уфимская	69 931	2 291

Как видно из таблицы 12, по отдельным губерниям (Самарская, Петербургская, Новгородская) в недоимке значилось около 50% средней суммы годового обложения крестьян, а по Оренбургской размер недоимки даже превысил к 1877 г. размер ежегодного обложения крестьян по губернии.

IV

Составление уставных грамот и введение их в действие проходили в обстановке классовой борьбы. При этом наибольшего размаха волнения крестьян достигли в губерниях Архангельской, Вологодской, Вятской, Костромской, Пермской, Самарской и Симбирской.

Летом 1864 г. волнениями бывших удельных крестьян в связи с предоставлением им неполных наделов было охвачено большое количество сел Васильковского сельского общества и 22 селения Хмелеватовского общества Кандауровской волости Юрьевоцкого уезда Костромской губ. Наделы, предоставленные крестьянам этих обществ по уставным грамотам, были крайне недостаточны. Вместо 4-десятинного надела, определенного Положениями 19 февраля, средний надел по Васильковскому сельскому обществу составил 2 дес. 1096 саж.¹⁰², по Хмелеватовскому — 2 дес. 790 саж., причем по отдельным селам наделы колебались от 2028 саж., на душу до 4 дес. 1889 саж.¹⁰³ Несмотря на отказ крестьян принимать

¹⁰¹ И. Вильсон. Выкупные за землю платежи бывших удельных крестьян. СПб., 1878, прилож. VIII, стр. 116.

¹⁰² ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 123, лл. 52 об.—53.

¹⁰³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, д. 34, л. 24 об.

эти уставные грамоты, они были введены в действие по обоим сельским обществам за отсутствием, по сообщению управляющего Костромской удельной конторы, «основательных возражений» со стороны крестьян.

Большим упорством отличались волнения крестьян Самарской губ. В селениях Николаевского, Самарского, Ставропольского уездов движение бывших удельных крестьян не прекращалось на протяжении 1864—1865 гг. «...Одной из главных причин, волновавших сельское общество удельных крестьян,— сообщалось в отчете самарского губернатора за 1864 г.,— была предполагаемая отрезка от их дач земель, оказавшихся излишними против душевого надела... Предполагаемые отрезки так значительны, что в некоторых селениях достигают двух третей и во многих — половины прежнего крестьянского надела...»¹⁰⁴.

Действительно, сокращение крестьянских наделов путем отрезок земли, находившейся до реформы в их пользовании, достигло по Самарской губ. колоссальных размеров. Из составленных к середине 1864 г. 177 уставных грамот только по 36 не было отрезок. По 42 грамотам предполагалось отрезать от 1 до 5% земли, по 30 грамотам — от 5 до 10%, по 38 грамотам — от 10 до 20%, по 15 грамотам — от 20 до 30%, по 11 грамотам — от 30 до 50% и по 5 грамотам — более 50% земли. Всего же по 141 грамоте предусматривалось отрезать 69 тыс. дес.¹⁰⁵

За уменьшенные в результате отрезок наделы крестьяне должны были платить прежние оброки, вследствие чего надельная земля обходилась им слишком дорого. Наличие же большого количества казенных и частных земель в губернии (особенно в Николаевском уезде) давало возможность арендовать ее по ценам, значительно уступавшим ежегодным выкупным платежам. Это стимулировало крестьян получить четвертной надел в дар и освободиться таким путем от непосильных выкупных платежей.

На почве отрезок в 1864—1865 гг. происходили сильные волнения удельных крестьян в селах Каменке и Арбузовке. Эти села, как сообщалось в донесении самарского губернатора от 20 февраля 1865 г., были центрами, вокруг которых группировались окрестные селения в «требовании дарственного надела и несбыточных надеждах на освобождение от обязательного, в течение известного срока выкупа земли, доставшейся им по уставной грамоте»¹⁰⁶.

Были случаи, когда крестьяне отказывались от надельной земли полностью, не требуя даже «дарственного» надела. Так, крестьяне с. Новой Бенарадки Пискальской волости Ставропольского уезда в прошении на имя министра внутренних дел писали о нежелании принять следующую им в надел землю и просили разрешения пользоваться «не надельной землей, а какую они сами пожелают взять у частных лиц по покупке, или в содержание с торгов, или другим каким-либо образом»¹⁰⁷.

В некоторых селах волнения крестьян носили более активный характер. Так, крестьяне с. Сухая Вязовка Воздвиженской волости Николаевского уезда отказались принять уставную грамоту, по которой у них отрезались до 6 тыс. дес. земли, составлявших треть их дореформенного землепользования. В ответ на введение грамоты в действие без их согласия крестьяне арестовали сельского писаря государственного крестьянина Петрова.

¹⁰⁴ ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. т. 15, опись делам, не вошедшим в контрольные реестры, д. 18, л. 169—169 об.

¹⁰⁵ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, д. 26, л. 84—84 об.

¹⁰⁶ Там же, л. 102.

¹⁰⁷ Там же, л. 31 об.

подписавшего грамоту за неграмотных свидетелей, избили и сменили сельского старосту¹⁰⁸.

В 1865 г. вспыхнуло волнение в с. Крестовые Городищи Крестового-родищенской волости Ставропольского уезда.

В этом волнении интересно отметить некоторые элементы организованности и солидарности крестьян.

Крестьяне с. Крестовые Городищи, отмечалось в рапорте самарского губернатора министру внутренних дел от 15 ноября 1865 г., «действовали по заранее составленному плану», в селение это «постоянно приезжали для совещания крестьяне других селений удельного ведомства, не только Ставропольского уезда, но и Симбирского и Ардатовского Симбирской губ.»¹⁰⁹.

Совместные выступления крестьян значительно усилили движение. Обычные меры наказания — розги на этот раз не сломили сопротивления крестьян. В с. Крестовые Городищи, сообщал губернатору исправник, было наказано розгами 8 чел., однако «лица эти, хотя и внесли после наказания выкупную сумму, но не обнаружили ни малейшего признака раскаяния»¹¹⁰. Остальные крестьяне продолжали сопротивление, бурно реагируя на действия исправника. Была сделана попытка освободить «зачинщиков». Ко двору, где совершалось наказание, направились все крестьяне, но были остановлены казаками, обнажившими шашки. Волнение было подавлено лишь после отобрания крестьянского скота в счет уплаты выкупных платежей.

Широкий размах крестьянского движения заставил правительство распорядиться о передвижении частей Казанского военного округа в Самарскую губ. и командировать сюда свитского генерал-майора графа Бобринского для подавления крестьянских волнений и содействия мировым посредникам по введению уставных грамот в действие.

Сильными волнениями крестьян в связи с введением в действие уставных грамот была охвачена в 1865 г. и Симбирская губ. В с. Тушна Тушинской волости, например, крестьяне отказывались принимать наделы, выражая сомнение в законности Положения 26 июня 1863 г.¹¹¹ При введении в Тушну роты губернского батальона дело дошло до открытой схватки крестьян, вооруженных кольями и вилами, с солдатами. Лишь по прибытии в село дополнительно сотни казаков волнение было прекращено, уставная грамота введена в действие и около 100 крестьян предано суду.

Упорный характер носило и сопротивление крестьян дер. Бессоновой Кейсаровской волости. На самовольно собранном сходе крестьяне отстранили от должности старосту, избили двух односельчан за неподчинение миру, требовавшему отказа от подписания грамоты, и, по решению всего общества, категорически отказались от выкупа земли. Только после прибытия в деревню роты солдат и применения экзекуций грамота была введена в действие¹¹².

С большим трудом проходило введение в действие уставной грамоты и в Сенгилеевском сельском обществе Сенгилеевской волости, крестьяне которого упорно отказывались заслушивать ее и демонстративно покидали волостное правление, как только мировой посредник приступал к

¹⁰⁸ Там же, л. 15.

¹⁰⁹ Там же, л. 146 об.

¹¹⁰ Там же, л. 147—147 об.

¹¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, д. 27, лл. 3 об.—4.

¹¹² Там же, д. 26, лл. 1—2.

чению. Даже после прибытия исправника в сопровождении 20 казаков грамота не была принята крестьянами. Попытка казаков насильно удерживать крестьян в правлении, заставить их выслушать и принять грамоту не удалась, так как крестьяне заглушали текст криками; в результате уставная грамота была введена здесь лишь в конце 1865 г.¹¹³

В условиях упорного сопротивления крестьян проходило введение уставных грамот в Пермской губ.

Весной 1865 г. вся губерния была охвачена волнениями крестьян. «Возбужденное состояние умов бывших удельных крестьян, — сообщалось в секретном донесении губернатора министру внутренних дел в связи с волнениями в Частинской волости Оханского уезда, — не только в этой, но и в прочих двух волостях (Ершовской и Устиновской) Пермской губ. заставляет особенно внимательно следить за приведением в действие Положения об удельных крестьянах. Настроение крестьян прежде всего объясняется значительными отрезками земли от крестьянских наделов, которые предположено сделать по уставным грамотам. Если к этому прибавить убеждение крестьян одной волости (Ершовской), что земли, состоящие в их пользовании, — их собственные земли, приобретенные их предками от башкир..., и уменьшение надела в другой волости (Частинской) из 6 в 5-десятичную пропорцию, то становится понятным беспокойное состояние умов, которое господствует в том населении»¹¹⁴.

Действительно, помимо значительного сокращения дореформенных наделов крестьян Частинской волости (в с. Пьянчиха, например, с 5 дес. 486 саж. до 1 дес. 1514 саж.; в Змиевском сельском обществе — с 12 дес. 2009 саж. до 5 дес. 825 саж., в Западенском — с 8 дес. 105 саж. до 5 дес. 1631 саж. и т. д.)¹¹⁵, Губернское по крестьянским делам присутствие, по ходатайству Сарапульской удельной конторы, постановило отнести по величине надела 48 селений Частинской и 4 селения Устиновской волостей к селениям Осинского уезда (где была принята 5-десятичная пропорция), мотивируя это следующим образом: «...В случае наделения означенных крестьян 48 селений Частинской и Устиновской волостей, расположенных в Оханском уезде, 6-десятичной пропорцией с дополнением надела из дровяных лесов и кустарных зарослей естественно может произойти недоразумение в соседних Нечкинской и Устиновской волостях, по случаю несоразмерности платежей с наделом почти при одинаковых хозяйственных условиях»¹¹⁶. В результате вместо 6-десятичного надела, определенного местным Положением для Оханского уезда, на основе уставных грамот крестьяне получали не свыше 5 дес. Однако подобный произвол привел не к предотвращению крестьянских волнений, а к усилению их.

В апреле 1865 г. при введении в действие уставной грамоты в одном из сел Частинской волости дело дошло до открытой схватки крестьян с казаками. Крестьяне, вооруженные кольями, нескольких казаков убили и двух ранили, избили исправника и станowego пристава¹¹⁷. Лишь по прибытии в село военной команды в количестве 240 чел. уставную грамоту удалось ввести в действие.

Почти по всем селениям Частинской волости уставные грамоты вводились в присутствии военных команд, с помощью розг и ареста «зачинщиков». Но и после введения их в действие сопротивление крестьян, высту-

¹¹³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, д. 18, лл. 1—2.

¹¹⁴ Там же, д. 6, л. 25—25 об.

¹¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 74, д. 216, лл. 33 об.—36.

¹¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, д. 6, л. 4 об.

¹¹⁷ Там же, л. 42.

павших против грабительских условий «освобождения», не прекращалось. Пермский губернатор доносил 17 апреля 1865 г., что как только в Частинской волости уставные грамоты были введены и казаки из волости удалены, крестьяне вновь начали волнение: «... Большая часть сельских обществ отобрала казенные печати от сельских старост, сменила их с должности и многих избивала на сходках за содействие, которое эти служащие оказывали начальству при введении грамот и усмирении волнений»¹¹⁸. В результате в Частинскую волость вновь был введен усиленный отряд казаков и устроены военные суды для расправы с крестьянами, не желавшими подчиняться Положению 26 июня. Только при помощи этих чрезвычайных мер «спокойствие» снова было восстановлено¹¹⁹.

С помощью казаков Оренбургского войска и двух рот Царицынского пехотного полка, применявших массовые экзекуции, проходило введение уставных грамот и в селах Осинского уезда.

Положение в Пермской губ. весной 1865 г. осложнялось и тем, что одновременно с удельными крестьянами в волнениях принимали участие и бывшие казенные крестьяне Воткинского завода Камской волости Оханского уезда. Крестьяне эти, числом около 2500, сообщал в донесении в III отделение майор корпуса жандармов Самойлов, «отказались платить положенный оброк, объявив, что земля должна поступить в их владение даром за прежнюю службу на заводе, и, подражая частинским крестьянам, они также самовольно сменили своего волостного старшину»¹²⁰.

Наибольшим упорством в Камской волости отличались волнения крестьян дер. Неумойной. Даже после введения в нее двух рот батальона Царицынского пехотного полка крестьяне, по сообщению губернатора, «единодушно и дерзко» выражали права свои «на бесплатное пользование земель, дарованной будто бы им в награду за прежнюю службу при заводе»¹²¹.

Однако и здесь в результате широкого применения полицейских наказаний волнение крестьян было подавлено.

Не меньшим упорством отличались и волнения крестьян Вятской губ., особенно Елабужского и Сарапульского уездов.

Крестьяне Качкинской, Каракулинской, Козловской, Галановской, Мостовинской, Нечкинской волостей этих уездов отказывались принимать уставные грамоты в связи со значительным сокращением наделов за счет отрезки находившейся в их пользовании земли. Особенно большие отрезки предполагались по волостям Мостовинской (19 132 дес.), Галановской (11 498 дес.) и Козловской (10 809 дес.), всего же по названным волостям было намечено отрезать 55 287 дес., что составляло 25,6% дореформенного землепользования крестьян.

В ряде сельских обществ крестьяне не только отказывались принимать предъявленные им уставные грамоты, но и переходили к более активным формам протеста — отказывались от предоставления лошадей мировым посредникам и чиновникам удельного ведомства, насильственно захватывали удельные оброчные статьи (с. Малшаки Мостовинской волости Сарапульского уезда)¹²², отказывались от поставки рабочих для проведения межевых работ по отводу земли в надел (починок Чувашайка Козловской волости Елабужского уезда)¹²³, а «в некоторых селениях, —

¹¹⁸ Там же, л. 46 об.

¹¹⁹ Там же, л. 49 об.

¹²⁰ ЦГИАМ, ф. 109 (III отделение), IV эксп., оп. 205, д. 109, л. 18.

¹²¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, д. 6, л. 59.

¹²² Там же, д. 45, лл. 25 об.—26.

¹²³ Там же, л. 52.

как сообщалось в донесении вятского губернатора от 20 марта 1865 г., — крестьяне даже стесняют сельских старост и выбирают новых...»¹²⁴.

В мае 1865 г. по просьбе губернатора в Вятскую губернию прибыли батальоны 146-го Царицынского и 140-го Зарайского полков для проведения экзекуций в селах, крестьяне которых отказывались принимать уставные грамоты¹²⁵.

При этом наибольшее сопротивление было оказано крестьянами дер. Бисарка, не желавшими вносить выкупные платежи, объявляя, что они «земли своей никому не закладывали, а потому и выкупать не желают...»¹²⁶. Когда же по распоряжению мирового посредника волостной начальник приступил к оценке и продаже крестьянского имущества в счет покрытия выкупной суммы, крестьяне «оказали волостным начальникам такое сопротивление, что последние вынуждены были оставить это селение, опасаясь нападения...»¹²⁷. Только с введением в Бисарку воинской команды, поставленной на продовольствие крестьян, широкого применения наказания розгами и продажи имущества крестьян с торгов властям удалось сломить их сопротивление. Однако усмирение крестьян было настолько непрочным, что, как сообщалось в одном из донесений губернатора министру внутренних дел, «для понуждения их к платежу оставлена в Бисарке на экзекуции одна рота, впредь до окончательного взноса выкупных платежей»¹²⁸.

Около шести месяцев продолжалось волнение крестьян селений Альническое, Санчи, Валы, Возжайка, Верхне-Кокшанское Качкинской волости Елабужского уезда, крестьяне которых в декабре 1865 г. отказались вносить выкупные платежи. Несмотря на введение в названные селения военных команд, доносил в марте 1866 г. министру внутренних дел вятский губернатор, крестьяне «по настоящее время не обратились к повиновению, но, впрочем, — самоуверенно продолжал губернатор, — слишком долгого упорства ожидать нельзя, так как продовольствие экзекуционного отряда возложено на крестьян, что стеснительно для хозяйства их, и надо надеяться, что скоро заставит неповинующихся отказаться от своих заблуждений и исполнить беспрекословно законные повинности...»¹²⁹. Однако волнения крестьян Качкинской волости продолжались еще три месяца и были подавлены лишь в июне 1866 г. при помощи усиленного экзекуционного отряда.

Введение в действие уставных грамот приняло наиболее затяжной характер в Вельской удельной конторе, охватывавшей Архангельскую и Вологодскую губернии. Крестьяне этих губерний повсеместно выражали упорное нежелание принимать Положение, обрекавшее их на нищету и разорение.

Одной из форм протеста крестьян, получившей широкое распространение в селениях Вельской конторы, наряду с отказом подписывать и принимать уставные грамоты, явились жалобы и прошения, подававшиеся в Департамент уделов и Министерство внутренних дел. В октябре 1866 г., например, в Архангельском губернском по крестьянским делам присутствии рассматривалось прошение крестьян Пуйского сельского общества Благовещенской волости Шенкурского уезда. Крестьяне этого общества требовали пересоставления уставной грамоты в связи с тем, что вместо

¹²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 66, 6-е дел-во, д. 6, л. 46 об.

¹²⁵ Там же, лл. 42—43.

¹²⁶ Там же, лл. 62 об.—63.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же, л. 79—79 об.

¹²⁹ Там же, л. 59.

7-десятинного надела, определенного для данной местности Положениями 19 февраля, им назначалось по 5 дес. 1212 саж. Помимо предоставления крестьянам неполных наделов, состоявших к тому же частично из болот, в распоряжение удела отрезалось 304 дес. 331 саж. покосов в лесах, вместо которых крестьянам назначалось 101 дес. 910 саж. земли, занятой под удельными оброчными статьями, т. е. за 3 дес. отходивших от крестьянских наделов лесных покосов им отводилась 1 дес. оброчной земли, что, по заявлению крестьян, «не соответствует справедливости, ибо есть десятины в отходящих покосах, которые не только равносильны оброчным, но составляют стоимость одна трех»¹³⁰; наконец, по составленной на их общество уставной грамоте крестьяне совершенно утрачивали право пользоваться выгонами. Несмотря на справедливость крестьянской жалобы, Губернское присутствие нашло ее лишенной законного основания и не подлежащей удовлетворению¹³¹.

Затянувшееся по Архангельской и Вологодской губерниям введение уставных грамот в действие было предметом неоднократного обсуждения в Департаменте уделов. Обеспокоенный медленным ходом реформы в связи с категорическим отказом крестьян принимать уставные грамоты, Департамент уделов, стремясь ускорить это дело, 25 февраля 1865 г. предписал управляющему Вельской конторой сделать следующие уступки: 1) предоставлять с 5 марта 1866 г. в пользование сельских обществ отходящие от них угодья бесплатно, на срок от 1 года до 7 лет или за умеренную плату сроком до 24 лет; 2) в Шенкурском уезде удельные болотные расчистки, расположенные внутри крестьянского надела или смежно с ним и подлежащие разверстанию, обменивать на значащиеся в грамотах земли десятина за десятину; 3) чересполосные с крестьянскими наделами удельные оброчные земельные статьи обменивать на наделные земли десятина за десятину или по 2—3 дес. за 1 дес. оброчной земли¹³².

Однако меры эти, несколько пресекавшие произвол мировых посредников и чиновников удельного ведомства при обмене угодий и в какой-то мере смягчавшие Положение 26 июня 1863 г. сохранением за крестьянами на некоторое время отходивших от них земель, не меняли общей картины недостаточного наделения их землей по уставным грамотам.

Поэтому и после этих уступок трудности по введению уставных грамот в действие продолжались. В Вельском удельном имении, как и во всех других, уставные грамоты вводились в действие мерами насилия и принуждения.

Несмотря на широкий размах и разнообразные формы крестьянского движения в период реализации реформы, оно закончилось поражением.

Вера в царя, стихийный и локальный характер крестьянских выступлений, отсутствие революционного класса, способного объединить и возглавить борьбу крестьян за полную ликвидацию пережитков феодализма, явились основными причинами, обусловившими безуспешный исход крестьянской борьбы. Характеризуя крестьянские восстания 60-х годов XIX в., В. И. Ленин писал, что они «остались одиночками, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли»¹³³. Но вместе с тем они имели большое прогрессивное значение, так как являлись одним из факторов, расшатывавших основы самодержавного государства.

¹³⁰ ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 34, д. 1850, ч. 2, л. 194 об.

¹³¹ Там же, лл. 194—195 об.

¹³² Там же, д. 1854, лл. 37—38 об.

¹³³ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 65.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Реформа 26 июня 1863 г. была порождена теми же причинами, что и реформа 19 февраля 1861 г.

Подготовка Положения 26 июня проходила в условиях массовых волнений бывших помещичьих крестьян. Именно под влиянием классовой борьбы правительство Александра II вынуждено было внести изменения в принципы «освобождения» удельных крестьян, разработанные в 1861—1862 гг. Согласно новым началам, принятым в 1863 г., включению в крестьянский надел подлежали не только тягловые земли, как предполагалось сначала, но и запасные; крестьяне удельного ведомства переводились на обязательный выкуп, исключавший временно-обязанное состояние и ликвидировавший феодальную зависимость их от удела. Вследствие этого буржуазная сущность реформы 26 июня выступала сильнее, чем в Положениях 19 февраля.

Однако реформа 26 июня, как и реформа 19 февраля, являлась реформой, проводимой крепостниками. Наиболее ярко классовая сущность ее прослеживается при изучении реализации Положения 26 июня 1863 г.

При анализе уставных грамот обнаруживается, что в результате отмены крепостного права в удельной деревне только по одной Астраханской губ. крестьяне не сохранили дореформенные наделы. По 14 земледельческим и нечерноземным губерниям землепользование их в результате отрезок сократилось на 10,7%. В пяти губерниях с переложным и смолокурным лесным хозяйством по преимуществу количество земли в пользовании крестьян увеличилось на 41,6% в связи с дополнением наделов из удельных дровяных и кустарных зарослей. Однако эти прирезки не разрешили вопроса о малоземелье удельных крестьян. Наделы их и после дополнений оставались недостаточными. В итоге же проведения реформы по всем 20 губерниям, где находились крестьяне удельного ведомства, землепользование их сократилось на 3,5%.

Согласно уставным грамотам в надел крестьянам отводились земли худшего качества. Многие угодья вообще не подлежали включению в тягловый надел. Это ставило крестьян перед необходимостью аренды, вследствие чего экономическая зависимость их от удела и крупных собственников земли сохранялась и в пореформенный период.

Положение 26 июня 1863 г. закрепило чересполосное расположение крестьянской и удельной земли. Чересполосность не позволяла крестьянам пользоваться отдельными угодьями, приводила их к принудительной аренде. Это открывало перед удельным ведомством дополнительные возможности для обогащения за счет так называемой крестьянской реформы.

Сохранение прежних оброков за уменьшенные наделы в действительности означало увеличение их на десятину надельной земли.

Выкупные платежи, представлявшие собой, по выражению В. И. Ленина, «дань вчерашним рабовладельцам»¹³⁴, включали не только стоимость надельной земли, но и плату за личное освобождение крестьян.

Крепостническая сущность Положения 26 июня, как и реформы 19 февраля, способствовала развитию капитализма в России по прусскому пути с характерным для него максимальным сохранением пережитков феодализма, перерастанием «крепостничества в кабалу и в капиталисти-

¹³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 65.

ческую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков — юнкеров»¹³⁵.

Грабительский и крепостнический характер «освобождения» явился основной причиной волнений крестьян удельного ведомства, не прекращавшихся в течение всего периода реализации реформы. Борьба удельных крестьян, как и бывших владельческих, объективно являлась борьбой за так называемый американский путь развития капитализма в России, при котором пережитки феодализма полностью уничтожаются, а крестьянин является «исключительным агентом земледелия» и эволюционирует «в капиталистического фермера»¹³⁶.

Положение 26 июня, как и реформа 19 февраля, не разрешило аграрного вопроса в России. Полная ликвидация пережитков феодализма могла быть осуществлена только революционным путем.

¹³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 216.

¹³⁶ Там же.

Р. И. РЫЖОВА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(Дипломатическая борьба 1857—1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории)

I

Балканский полуостров уже с XVIII в. стал одним из важнейших объектов внешней политики европейских держав. Являясь подступами к Черноморским проливам, Балканы были основным участком борьбы царской России против Турции, власть которой распространялась на народы Балканского полуострова. 12 млн. славян, греков, румын и других народов испытывали жесточайший гнет султанской Турции. При этом 9/10 населения Европейской Турции были православными, т. е. исповедовали ту же религию, что и русские, 7 млн. турецких подданных принадлежали к славянам и разговаривали на языке, близком русскому. Если прибавить к этому то обстоятельство, что успехи русского оружия и русской дипломатии в борьбе против Турции объективно способствовали освобождению из-под турецкого ига балканских народов, то можно представить, как велики и естественны были симпатии последних к России. Нет оснований сомневаться в том, что в отношении Балкан царизм руководствовался прежде всего стремлением укрепить свое влияние и свои позиции на Ближнем Востоке. Освободительное движение поработанных Турцией народов служило лишь орудием в руках царского правительства для достижения его внешнеполитических целей. Но при всем своекорыстии и реакционности политики царизма на Балканах Россия объективно сыграла прогрессивную роль в судьбах балканских народов, способствуя своей борьбой против Турции расшатыванию прогнивших основ феодальной Турецкой империи и завоеванию балканскими народами национальной независимости. Примером тому служат отношения России с Черногорией.

События в Черногории во второй половине 50-х годов XIX в. явились важной вехой в истории черногорского народа. Это были годы ожесточенной борьбы, в результате которой черногорский народ сумел отстоять свою свободу. Борьба черногорцев за свою независимость привлекла к себе внимание всей Европы. Руководствуясь теми или иными целями, европейская дипломатия вмешалась в черногоро-турецкий конфликт.

Черногорские события конца 50-х годов XIX в. нашли отражение в ряде работ, посвященных как истории Черногории в целом, так и европейским дипломатическим отношениям середины XIX в. Однако все они неправильно оценивают значение черногорского вопроса в рассматриваемый период, неверно трактуя объективные результаты русской политики в Черногории и преувеличивая роль Франции Наполеона III в разрешении черногорского вопроса.

В работах по истории Черногории русских буржуазных историков П. Ровинского и А. Александрова¹ периоду 1856—1859 гг. уделено мало места вообще, а дипломатической стороне вопроса в особенности. Авторы ошибочно оценивают место каждой из европейских держав в разрешении черногоро-турецкого конфликта и при анализе русско-черногорских отношений этого периода. Так, Франции Наполеона III приписывается роль «защитницы христиан против насилия турок» и, в частности, заслуга в предотвращении закабаления Черногории Турцией в 1858 г. Причины ухудшения отношений Черногории с царским правительством оба автора ищут в субъективных чертах характера черногорского князя. Беспомощность такого подхода к историческим событиям очевидна.

Тенденциозное отношение характерно и для работ западноевропейских авторов по истории Черногории, затрагивающих период правления черногорского князя Даниила (1852—1860). В работах Ленормана, Матона, Фриллей и Влохити, Кокеля, Убичини, Деларю² при изложении черногоро-турецкого конфликта 1858 г. Россия или совсем не упоминается в числе держав, принимавших участие в его разрешении (Матон, Ленорман, Фриллей и Влохити), или даже противопоставляется Франции как держава, якобы отказавшая черногорскому народу в помощи в один из самых трудных моментов его истории (Кокель). В указанных работах правительство Наполеона III выступает в качестве бескорыстного посредника и защитника независимости Черногории. Последняя оказывается обязанной спасением своей независимости или французскому консулу в этом районе Балканского полуострова (Кокель), или же французскому послу в Константинополе (Убичини, Матон).

Что касается историков европейской дипломатии середины XIX в., то знакомство с дипломатическими документами должно было, казалось бы, помочь им разобраться в сложных перипетиях дипломатической борьбы великих держав вокруг черногорского вопроса и выяснить действительную роль, которую сыграла дипломатия той или иной европейской державы в разрешении черногоро-турецкого конфликта 1858 г. Однако С. С. Татищев, например, исследуя внешнюю политику правительства Александра II³, незаслуженно приписывает французской дипломатии то, что по праву принадлежит дипломатии русской. А. П. Заблоцкий-Десятовский, автор четырехтомной монографии о П. Д. Киселеве, обладая таким ценным источником, как парижский дневник Киселева, бывшего в 1856—1859 гг. послом во Франции, не останавливается на дипломатической борьбе русского и французского правительств вокруг черногорского вопроса⁴. Ограничиваясь лишь внешней стороной событий, автор инициативу в разрешении черногоро-турецкого конфликта приписывает Франции, не раскрывая тех причин и интересов, которые заставляли правительство Наполеона III подчас действительно брать на себя иници-

¹ П. А. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. III. Пг., 1915; А. Александров. Материал и некоторые исследования по истории Черногории. Казань, 1897.

² F. Lenormant. Turc et Monténégriens. Paris, 1866; E. Maton. Histoire du Monténégro ou Tsernogore. Paris, 1881; G. Frilley et J. Vlahovity. Le Monténégro contemporain. Paris, 1876 (русский перевод: Фриллей и Влохити. Современная Черногория. СПб., 1876); P. Coquelle. Histoire du Monténégro et de la Bosnie depuis les origines. Paris, 1895; A. Ubicini. Les serbes de Turquie. Paris, 1865; H. Delague. Le Monténégro. Paris, 1862.

³ С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I. СПб., 1911.

⁴ А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. III. СПб., 1882.

циативу в черногорском вопросе, и совершенно игнорирует роль России в этом вопросе.

Для Дебидура, автора «Дипломатической истории Европы», отправной точкой при упоминании о черногорском вопросе этого периода служит положение о сближении царской России и наполеоновской Франции после Крымской войны и о подготовке Наполеоном III почвы для войны против Австрии. Это позволило Дебидуру правильно указать, что Францией руководило «сильное желание угодить России, а также досадить Австрии, когда наполеоновское правительство поддерживало Черногорию и открыто поощряло ее борьбу против Турции»⁵. Однако подробнее на черногорском вопросе Дебидур не останавливается.

Более других авторов дипломатической стороны черногорского вопроса касается французский историк Франсуа Шарль-Ру, автор солидной монографии «Александр II, Горчаков и Наполеон III». Шарль-Ру подробно излагает фактическую сторону черногорских событий, изображая ее так, чтобы стал естественным вывод о защите правительством Наполеона III национальной независимости черногорского народа. Описывая франко-черногорские отношения этого периода, Шарль-Ру вынужден считаться с фактами и признать, например, что Наполеон III обещал в 1857 г. содействие Черногории только при условии признания ею верховенства турецкого султана. Однако автор спешит оправдать Францию, поясняя здесь же, что французское правительство, побуждая черногорского князя признать сюзеренитет Порты, твердо рассчитывало ценой только формальной уступки сохранить фактическую независимость Черногории⁶.

Обнаруженные в Архиве внешней политики России материалы позволяют установить действительную роль России и Франции в черногорском вопросе рассматриваемого периода, уточнить характер, цели и объективные результаты политики царского правительства в Черногории в 1856—1858 гг.

Говоря о внешней политике царизма в этот период, нельзя не вспомнить относящееся к 1860 г. указание К. Маркса на то, что после Крымской войны царская Россия не находила иного выхода из внутренних противоречий, «как только при помощи крупной войны»⁷. Невозможность продолжать традиционную политику в Турции в результате поражения в Крымской войне компенсировалась царизмом в ближайшие после войны годы военными успехами на Кавказе, на Амуре и победоносным продвижением в Средней Азии.

Ближневосточный вопрос оставался основным внешнеполитическим вопросом царской России после Крымской войны. Он сводился к двум задачам: добиться отмены Парижского трактата, особенно его статей о нейтрализации Черного моря, и вернуть утраченные позиции на Балканском полуострове. Все усилия царизма на Востоке в то время направлялись на ослабление Турции. «Еще более расшатать Турцию и установить свой протекторат над ее христианскими подданными — таковы были цели, к которым Россия стремилась в начале войны...», — писал Энгельс в 1858 г., касаясь вопроса о внешней политике царизма после Севастополя. Констатируя «крайнее обессилие Турции», Энгельс приходил к выводу, что в этом отношении Россия «по окончании войны все же осталась в очевидном барыше». «Положение «больного человека» стало значительно

⁵ А. Дебидур. Дипломатическая история Европы, т. II, М., 1947, стр. 172.

⁶ F. Charles-Roux. Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III. Paris, 1913, p. 189.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II, стр. 109.

хуже; христианское население Европейской Турции, как греческое, так и славянское, более чем когда-либо стремится сбросить с себя турецкое иго и взирает на Россию как на своего единственного покровителя»⁸.

Развивавшееся национально-освободительное движение среди балканских народов (Дунайские княжества, Сербия, Черногория), начавшиеся в 1858—1859 гг. волнения в Боснии и Герцеговине, в Болгарии и Македонии, в Фессалии и Эпире открывали перед царской Россией перспективу вновь завоевать покровительство над турецкими христианами как средство проникновения на Балканы, которое было утрачено ею в 1856 г.

Царское правительство немедленно откликнулось на события в Черногории. Руководствуясь двумя целями — ослабить влияние Турции на Балканах и не потерять престижа среди черногорского народа, царское правительство выступило против попыток Турции навязать Черногории свой сюзеренитет.

Нельзя при этом не учитывать того обстоятельства, что 1856—1858 гг. были временем, когда побежденная в Крымской войне царская Россия принимала все меры предосторожности, чтобы не вызвать нового преждевременного конфликта из-за восточного вопроса, который мог бы привести к возобновлению антирусской коалиции западноевропейских держав. Вместе с тем активизации политики царизма на Балканах в этот период способствовало сближение царского правительства с наполеоновской Францией.

Чтобы вернуть утраченные в результате Крымской войны позиции на Балканском полуострове, царизму предстояло проделать большую подготовительную работу: прежде чем начать укрепляться на Востоке, надо было поднять удельный вес России в Европе. Путь к этой цели открывало сближение с Францией. И действительно, в ближайшие после войны годы отмечается упорное стремление царской дипломатии к установлению прочного политического контакта с правительством Наполеона III. В свою очередь Франция также добивалась согласия с царской Россией в целом ряде внешнеполитических вопросов и, в частности, в ближневосточном. Это объяснялось заинтересованностью Франции в содействии царского правительства на Ближнем Востоке против чрезмерно усилившихся Англии и Австрии, а также и той ролью, которая отводилась России Наполеоном III в его внешнеполитических планах накануне франко-итало-австрийской войны.

Крымская война не дала Франции никаких территориальных приращений. Внутренняя обстановка в стране, неустойчивое положение династии не позволяли Наполеону III довольствоваться результатами Парижского мира. Уже во время Крымской войны французским императором была задумана новая война за «расширение границ империи», война против Австрии. В период с 1856 по 1859 г. Наполеон III добивался сближения с царской Россией, рассчитывая если не вовлечь ее в войну с Австрией, то по крайней мере обеспечить ее нейтралитет в будущей войне. Во французских правительственных сферах, учитывая франко-английское соперничество, полагали, что Балканы являлись районом, где Франция могла наиболее безболезненно для своих интересов идти навстречу желаниям царского правительства, чтобы получить его содействие в осуществлении французских планов в Европе.

«Франция оценила значение поддержки России в Европе, — писал по этому поводу Горчаков, — но поняла, что может рассчитывать на это только при условии помощи русскому правительству на Востоке. Наша

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 368.

восточная политика получила содействие Франции. Она брала на себя инициативу, которая с нашей стороны была бы в тех условиях неуместной»⁹.

Все это привело к тому, что в 1858 г. Франция выступила в черногорском вопросе на стороне царской России. Это обстоятельство, несколько не вызванное сочувствием к независимости черногорцев, породило в литературе преувеличенное представление об участии правительства Наполеона III в разрешении черногоро-турецкого конфликта 1858 г., а авторам некоторых упомянутых работ дало повод создать миф о защите наполеоновской Францией черногорского народа. Чтобы разоблачить этот миф, достаточно указать, что до момента, когда Наполеон III убедился в необходимости и возможности получения содействия русского царя в планируемой войне против Австрии, Франция не только не защищала права черногорского народа на независимость, но усиленно навязывала ему верховенство турецкого султана, видя в этом средство укрепления своих позиций в Турции. Анализируемые далее материалы обнаруживают, кроме того, непоследовательность и колебания французской политики в черногорском вопросе, а подчас и прямое предательство Францией в 1858 г. интересов Черногории.

Эти материалы позволяют показать, что черногорский народ обязан сохранением своей фактической независимости в 1858 г. победе, одержанной им в войне против Турции, а также тем результатам, к которым объективно привела политика России в Черногории в тот период. То обстоятельство, что русской дипломатии удалось добиться совместных действий с Францией и использовать их для предотвращения закабаления Черногории Турцией, помогло Черногории завоевать полную независимость.

II

С конца XV в., когда Турция захватила плодородные равнинные области Черногории, черногорский народ обитал в неприступных скалах, образующих узел гор между Далмацией, Албанией и Герцеговиной, и, отрезанный от Адриатического моря, был лишен подчас необходимейших средств существования, не имея также выхода для сбыта своих продуктов.

Естественны были стремления Черногории, единственной из славянских стран Балканского полуострова, сумевшей отстоять фактическую независимость, к овладению портом на Адриатическом море и прилегающими хлеботорными равнинами. На ходе истории Черногории отразилось также столкновение интересов держав, использовавших Черногорию в качестве плацдарма для проникновения на Балканы.

Установление связей Черногории с Россией относится еще ко времени Петра I. Начиная войну с Турцией в 1711 г., Петр I, видя в Черногории естественного союзника России на Балканах против Турции, призвал черногорцев заключить союз для совместных военных действий. С начала XVIII в. царское правительство постоянно предоставляло Черногории субсидии, заметно содействовавшие развитию хозяйства страны.

Повышенный интерес к Черногории проявляли также Австрия и Франция (последняя в связи с активизацией восточной политики при Наполеоне I), но русское влияние в Черногории всегда оставалось доминирующим. В начале XIX в. черногорцы вместе с русскими отрядами,

⁹ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярии МИД. Годовой отчет МИД за 1858 г., л. 21. Подчеркнуто нами. — Р. Р.

действовавшими в Далмации, сражались против наполеоновских войск и в 1806 г. завоевали у французов важный порт Бокку Которскую. Однако и эта попытка Черногории приобрести выход к морю окончилась неудачей: на Венском конгрессе порт был передан Австрии, и последняя, стремившаяся к полному господству на Адриатическом море, решительно противилась доступу Черногории к морю.

Чтобы укрепить свое влияние в Черногории, царская дипломатия поднимала такие жизненно важные для черногорского народа вопросы, как признание Турцией и европейскими державами независимости Черногории, которой последняя всегда фактически пользовалась, или предложение территориального обмена с Турцией, который открыл бы Черногории выход к морю через порт Антивари.

Выступления царской дипломатии в защиту Черногории побуждали черногорского владыку обращаться к России за помощью и искать ее покровительства. Особенно сильны были связи Черногории с Россией накануне Крымской войны. Даниил Петрович Негош, наследник черногорского владыки, соединявшего в своем лице духовную и светскую власть в государстве, облеченного одновременно саном епископа и титулом князя, с помощью России добился реформы — разделения духовной и светской властей, по смерти черногорского владыки с согласия русского царя в сентябре 1852 г. провозгласил себя князем с самодержавно-неограниченной властью.

Крымская война, существенно изменив позиции царской России на Балканах, оказала влияние и на русско-черногорские отношения, вызвав заметное их охлаждение.

Черногорский князь рассчитывал, что на Парижском конгрессе, завершившем Крымскую войну, будет поставлен черногорский вопрос с целью помочь Черногории уточнить взаимоотношения и территориальные границы с Турцией. Отсутствие согласованной пограничной черты между черногорскими и турецкими владениями служило причиной постоянных столкновений. Бесконечные пограничные распри дополнялись конфликтами, возникавшими между Черногорией, Турцией и отдельными племенами, не признававшими ни власти турок, ни зависимости от Черногории и управлявшимися своими воеводами. Эти конфликты, создававшие постоянную напряженность в стране, пагубно отражавшиеся на ее хозяйственном развитии и истощавшие ее внутренние и без того бедные ресурсы, могли быть предотвращены в результате установления между Турцией и Черногорией пограничной линии. Однако царская Россия при том положении, в котором она оказалась после поражения в Крымской войне, вопреки настояниям князя Даниила, отказалась взять на себя инициативу в постановке на мирном конгрессе черногорского вопроса.

Обстоятельствами, связанными с Крымской войной и ее последствиями, не замедлила воспользоваться Франция, чтобы оторвать Черногорию от русского влияния. К началу 1855 г. относятся первые связи князя Даниила с правительством Наполеона III. В Скутари, албанском городе, расположенном недалеко от черногорской границы, было учреждено французское вице-консульство, и вице-консул Геккарт развернул активную деятельность в черногорской столице Цетинье.

После заключения Парижского мира французский консул подсказал князю Даниилу мысль обратиться за содействием к западным державам и прежде всего к Франции. Русские дипломаты (и лично сам Горчаков, находившийся тогда в Вене) тщетно пытались убедить черногорского князя не предпринимать шагов в этом направлении.

В мае 1856 г. Даниил направил европейским кабинетам мемуар с изложением бедственного положения черногорского народа, его прав и требований. Требования Черногории сводились к следующему:

- 1) признание полной независимости Черногории дипломатическим путем;
- 2) увеличение территории на границах с Герцеговиной и Албанией;
- 3) окончательное определение границы с Турцией, как это сделано с Австрией;
- 4) присоединение к Черногории территории прибрежной полосы вплоть до Антивари¹⁰.

Поддерживать эти требования в Петербург был отправлен секретарь князя Милорад Медакович, а в Париж — адъютант князя полковник Вукович.

Миссия Медаковича была заранее обречена на неудачу: момент был самый неподходящий для того, чтобы получить помощь у побежденной России. Вукович, наоборот, вернулся с обещанием французского императора поддержать требования Черногории в Константинополе¹¹. Было ясно, что Франция добивается роли посредницы в делах Черногории. Как писал по этому поводу из Парижа временный поверенный царского правительства во Франции Бруннов, «французы считают полезным везде при случае оказывать хоть немного влияния. Их агенты хорошо обучены этому ремеслу»¹². Однако Черногория покупала помощь Франции дорогой ценой. Наполеон III обещал Вуковичу добиться от Порты, чтобы соседние с Черногорией Босния и Герцеговина были поставлены под управление князя, но Черногория в свою очередь должна была формально признать верховенство Порты¹³.

Расчет Франции был ясен: 1) путем достижения компромисса между Турцией и Черногорией закрепить Черногорию в составе Османской империи, способствуя тем самым усилению своего влияния в Турции и ослаблению влияния России в Черногории; 2) воспрепятствовать исключительно воздействию на Турцию со стороны Англии.

Попытки Наполеона III склонить Черногорию к признанию османского владычества встретили полное сочувствие не только у Турции, но и у Австрии, которая, сама обладая славянским населением, не была заинтересована в предоставлении независимости другим славянским народам.

Французский консул в Скутари начал действовать согласно полученным из Парижа инструкциям. Черногорского князя оказалось нетрудно настроить против России, тем более, что царское правительство в тех

¹⁰ АВПР, ф. «Посольство в Париже», 1856 г., д. 120, л. 157. Письмо кн. Даниила Горчакову от 19/31 мая 1856 г. Из брошюры М. Медаковича, бывшего в то время секретарем Даниила, узнаем, что в «наставлении», данном ему князем для составления мемуара, предусматривался также и другой вариант: если бы Турция пожелала, чтобы Черногория признала сюзеренитет султана, то князь согласился бы на это при условии присоединения к Черногории Герцеговины и Боснии, дань с которых он платил бы Турции, и выплаты Портой ежегодной денежной субсидии в 1 млн. флоринтов на содержание внутренних учреждений, общественное строительство и пр. (В. М. Г. Медакович и кн. Црна Гора и нека объяснявая о ней. Нови Сад, 1868, стр. 18—19).

¹¹ АВПР, ф. Канцелярии, 1856 г., д. 149, л. 128. Донесение Бруннова Толстому от 10/22 июня 1856 г.

¹² Там же, д. 148, л. 600.

¹³ Там же, д. 149, л. 143. Бруннов — Толстому, 14/26 июня 1856 г. Наполеон III начал переговоры с Вуковичем сразу же на основе 2-й части «наставления» кн. Даниила, исходя из чего можно предположить об участии Геккарта в разработке этого «наставления».

условиях ничего не могло противопоставить обещаниям, данным Черногории Наполеоном III. Русский консул в Рагузе Стремаухов жаловался, что не имеет никакой надежды на успех своего дела, хотя употребляет все возможные средства, чтобы убедить Даниила не признавать верховенства Порты: он, Стремаухов, мог лишь убеждать князя сохранять невыносимое для Черногории *status quo*, тогда как Геккарт и другие обещали ему формальное признание его княжеского достоинства, обеспечение спокойствия в Черногории, расширение ее границ, порт на Адриатическом море, и все это взамен признания лишь номинального, в чем они пытались его уверить, владычества турецкого султана¹⁴.

Царское правительство пыталось действовать во всех направлениях, чтобы побудить Даниила свернуть с пути, на который толкали его западные державы.

Бутеневу, русскому представителю в Турции, предписывали из Петербурга настаивать на формальном признании независимости Черногории Портой и европейскими державами и на предоставлении Черногории новых земель, за которые она платила бы султану арендную плату¹⁵. Однако в обстановке 1856 г. не было надежды на успех этих демаршей.

Когда в сентябре 1856 г. в Албании были сосредоточены турецкие войска для предполагавшихся военных действий против Черногории, царское правительство всеми мерами пыталось предотвратить вооруженное вторжение Порты в Черногорию. Даниилу, писавшему в Петербург, что Черногория не имеет сил для защиты от Турции, было сообщено, что посланник Османской империи в Петербурге заверил русское министерство в отказе Порты от мысли завоевать Черногорию¹⁶. Но Даниил (вероятно, не по собственной инициативе) объявил, что считает недостаточным заявление русского консула, и потребовал от России формального акта, обеспечивающего Черногорию от вторжения турок¹⁷. Дать подобную гарантию Россия в то время, разумеется, не могла.

Прибегало царское правительство и к угрозам и к обещаниям.

Ввиду плохого урожая в Черногории Даниилу был предложен русский хлеб, но Геккарт поспешил закупить для Черногории хлеб в Турции. Выплату ежегодной субсидии черногорскому князю Александру II обусловил прекращением со стороны Черногории всяких переговоров о принятии сюзеренитета султана. Но Даниил отозвался о денежной помощи России с полным пренебрежением, заявив, что сумма, выдаваемая царским правительством, не может уравновесить тех огромных выгод, которые Черногория получит от Турции с помощью западных держав, и что он, князь, никогда не забудет слов, сказанных в Вене его адъютанту Вуковичу русским министром Горчаковым: «Черногория не должна забывать, что существует милостыня России»¹⁸.

Действуя по внушению французского консула, Даниил в ожидании известия из Константинополя о том, как будут приняты там переданные им через французского и английского консулов в Скутари предложения, объезжал страну, готовя ее к одобрению своих планов. Для переговоров в Константинополе Даниил уже заранее назначил делегацию, равнодушно, по сообщению Стремаухова, выслушав заявление о том, что рус-

¹⁴ АВПР, ф. Главного архива, V-A₂, 1856 г., д. 714, л. 13. Стремаухов — Ковалевскому (директору Азиатского департамента МИД), 7/19 ноября 1856 г.

¹⁵ Там же, лл. 120—121. Горчаков — Бутеневу, 21 сентября (3 октября) 1856 г.

¹⁶ Там же, л. 124. Горчаков — Бутеневу, 22 сентября (4 октября) 1856 г.; л. 126. Ковалевский — Стремаухову, 28 сентября (10 октября) 1856 г.

¹⁷ Там же, л. 18. Стремаухов — Ковалевскому, 16/28 ноября 1856 г.

¹⁸ Там же.

ское посольство не примет участия в этих переговорах и что русское правительство не утвердит акта о признании султана сюзереном Черногории.

В конце 1856 г. в Цетинье распространился слух, что Даниил хочет возвести архимандрита цетинского Негоша в сан епископа черногорского не в Петербурге, где обычно происходило посвящение черногорских епископов, а через посредство константинопольского патриарха.

Наконец, ко всему этому присоединилось заявление Даниила о намерении совершить в начале 1857 г. поездку в Париж, чтобы лично ходатайствовать перед французским императором о черногорском деле. Французский посол в Петербурге Морни был свидетелем волнения, которое произвело это сообщение в русской столице¹⁹. «Это действительно достаточно серьезно,— комментировала этот факт парижская газета «Estafette»,— особенно, если подумать о роли, которую Россия и Австрия с давних пор играют в этих районах, и о глубоком убеждении черногорцев, болгар, сербов, боснийцев и албанцев, что естественный и возможный покровитель для них — только С.-Петербург или, в худшем случае, Вена»²⁰.

Стремаухов окончательно уверовал в то, что «надежд на спасение Черногории мало», и в одном из своих донесений пришел к выводу, что не стоит более ничего предпринимать, чтобы привлечь князя Даниила: «Он решительно отпал от России и к нам уже не вернется»²¹.

Русский посол в Вене Будберг, через руки которого проходили все донесения Стремаухова, полностью разделял настроение консула и в письмах в Петербург сетовал на медлительность и терпимость русского правительства по отношению к Черногории. Будберг торопил Министерство иностранных дел принять срочное решение, «а то мы,— жаловался он,— по обыкновению опять опоздаем». «Наши отношения со славянскими народами,— писал Будберг,— право же, важнее наших отношений с европейскими державами и стоят того, чтобы о них серьезно заботились»²².

Трудность положения петербургского кабинета заключалась не только в том обстоятельстве, что царское правительство в тех условиях не могло во всеуслышание заявить о признании им независимости Черногории²³, но и в необходимости учитывать международную обстановку, сложившуюся во второй половине 1856 г. Главным моментом, определившим эту обстановку, была борьба Англии и России за союз с Францией. Правительство Пальмерстона старалось удержать Францию в рамках союза военного времени. Усилия царской дипломатии были направлены на то, чтобы вбить клин между Англией и Францией, ослабить антирусскую коалицию и путем сближения с Францией выйти из

¹⁹ F. Charles-Roux. Указ. соч., стр. 189.

²⁰ АВПР, ф. Прессы, 1857 г., д. 16, л. 182.

²¹ АВПР, ф. Гл. архива, V-A₂, 1856 г., д. 714, л. 58. Будберг — Ковалевскому, 27 ноября (9 декабря) 1856 г.

²² Там же.

²³ В сентябре 1856 г. Геккерт заявил Стремаухову, что Франция, Англия и Австрия намереваются потребовать объяснений у России по поводу того, что Медакович во время путешествия в Петербург якобы добился от русского императора и его министров формального признания независимости Черногории. Стремаухову пришлось выворачиваться. Он ответил, что Россия всегда рассматривала Черногорию как фактически независимую страну, так как Порте никогда не удавалось установить над Черногорией свой сюзеренитет. Что же касалось утверждения Медаковича, то оно могло иметь силу только при опоре на документ, исходящий от русского правительства, а такого документа не существовало (там же, л. 5. Стремаухов — Ковалевскому, 18/30 сентября 1856 г.).

изоляции, в которой оказалась царская Россия в годы Крымской войны. Позиция России в основных вопросах, занимавших в этот период европейскую дипломатию (объединение Молдавии и Валахии в одно государство, разграничение Бессарабии, предусмотренное Парижским договором, эвакуация англо-французских войск из Греции, англо-французский конфликт с неаполитанским правительством), была подчинена политике сближения с Францией.

Направление внешней политики России, провозглашенное Горчаковым, предпринимавшиеся им в конце 1856 г. настойчивые попытки добиться соглашения с парижским кабинетом принуждали царскую дипломатию искать иных путей разрешения черногорского вопроса, избегая открытого конфликта с Францией.

Единственный выход из осложнений, возникших в черногорском вопросе, Горчаков видел в попытках русской дипломатии путем активного воздействия на Францию заставить ее изменить свою позицию. Горчаков считал ближайшей задачей «обрезать крылья» французскому вице-консулу в Скутари, пресечь его антирусскую деятельность в Черногории и внушить Франции, что не следует расходиться по второстепенным вопросам, когда обе державы проводили общую политику в более важных международных вопросах. Большие надежды Горчаков возлагал на содействие в этом направлении со стороны Морни²⁴.

Активно способствуя своей деятельностью, в период пребывания в Петербурге в качестве французского посла, сближению России и Франции, Морни и в черногорском вопросе принял сторону России и указывал французскому правительству на несовместимость занятой им позиции с общей политикой, проводимой Францией в отношении России после Парижского мира. «При наличии близости, добрых отношений и лояльного содействия между русским и французским правительствами во всех вопросах, представляющих хотя бы небольшую важность, нужно ли Франции вмешиваться в вопрос второстепенного значения, который никак нас не касается,— убеждал Морни министра иностранных дел Франции Валуевского,— и позволить сгуститься туче на безоблачном небе, в то время как вам может понадобиться Россия в самом недалеком будущем и в вопросах несравненно более серьезных, имеющих общеевропейское значение?»²⁵.

Русский посол в Париже П. Д. Киселев в свою очередь также неоднократно, по предписанию Петербурга, объяснялся с французским правительством по вопросу о Черногории, подчеркивая, что для России этот вопрос имеет первостепенное значение и царское правительство проявляет к нему особый интерес.

Россия добивалась содействия Франции в черногорском вопросе, но с самого начала дала понять, что не согласится ни на какие компромиссы ни в плане притязаний Франции на влияние в Черногории, ни в плане взаимоотношений Черногории и Турции. Интересна в этом отношении переписка Горчакова с Будбергом о приемлемости для России помощи Франции в черногорском вопросе. В поисках средств удержать Черногорию в сфере влияния России Будберг высказал предположение, что России выгодно было бы сговориться с Францией и обсуждать черногорский вопрос вместе. Посол запрашивал Горчакова, достаточно ли крепки отношения России с Францией, чтобы требовать от последней услуг и уступок в этом вопросе. «Наше влияние в Черногории только

²⁴ АВПР, ф. Канцелярии, 1857 г., д. 181, л. 347. Горчаков — Будбергу, 7(19) февраля 1857 г.

²⁵ F. Charles-Roux. Указ. соч., стр. 190.

выиграет от совместных действий двух держав,— писал Будберг,— и покровительство объединенных России и Франции над христианским населением наиболее благоприятным образом отразится на всех вопросах, которые мы призваны обсуждать»²⁶.

Горчаков ответил послу, что не соглашается с высказанной Будбергом идеей в отношении русско-французского покровительства над христианским населением Османской империи. Царская Россия не собиралась добровольно делить с Францией свое влияние среди славян и, в частности, в Черногории, связи которой с Россией носили традиционный характер²⁷.

Будберг поспешил разрешить недоразумение, объяснив, что он имел в виду не установление коллективного протектората России и Франции над Черногорией, а лишь достижение согласия между петербургским и парижским кабинетами с целью помешать принятию черногорским князем турецкого сюзеренитета²⁸.

Объясняясь в Париже по черногорскому вопросу, Киселев должен был дать понять французам, что, добиваясь их содействия в Черногории, царское правительство исключает всякую возможность уменьшения своего влияния в этой стране за счет увеличения французского, а тем более за счет установления протектората Франции над Черногорией, о котором помышлял князь Даниил.

Достигнуть общности действий в черногорском вопросе между Россией и Францией было сложно также и потому, что интересы правительств обеих стран диктовали им разный подход к основному вопросу о политическом статусе Черногории в отношении Турецкой империи. Правительство Наполеона III соглашалось требовать от Турции территориальных уступок в пользу Черногории только ценой пожертвования ее независимостью. Для царизма же установление турецкого верховенства над Черногорией означало ликвидацию последней из тех баз, на которые опиралась царская политика на Востоке в течение первой половины XIX в.

Россия категорически заявила, что не примет никакого участия в подобной сделке и будет протестовать в случае ее заключения. Специальной телеграммой из Петербурга Киселеву предписывалось не откладывать ознакомление Валуевского с точкой зрения русского правительства на черногорский вопрос, чтобы Франция преждевременно не вступала в переговоры с Даниилом²⁹.

Киселев настаивал в Париже на сохранении status quo в политических отношениях между Черногорией и Турцией и на необходимости принудить Порту к территориальным уступкам если не в полную собственность Черногории, то по крайней мере при условии признания Даниилом сюзеренитета Порты над уступленной территорией³⁰.

После объяснений Киселева с Наполеоном III и Валуевским французский кабинет предпринял ряд шагов, чтобы смягчить обстановку в

²⁶ АВПР, ф. Канцелярии, 1857 г., д. 179, лл. 382—383. Будберг — Горчакову, 26 января (7 февраля) 1857 г.

²⁷ Там же, д. 181, л. 347. Горчаков — Будбергу, 7 (19) февраля 1857 г.

²⁸ Там же, д. 179, лл. 395—396. Будберг — Горчакову, 19 февраля (3 марта) 1857 г.

²⁹ Там же, д. 145, л. 182. Горчаков — Киселеву, 6 (18) марта 1857 г.

³⁰ Последнее предложение было сделано Киселевым по его собственной инициативе. Горчаков не возражал против него. «Эту идею я уже выдвигал в Вене,— написал он на полях депеши Киселева.— Только вместо сюзеренитета, который я считаю неприемлемым, я говорил об арендной плате за уступленную часть» (там же, д. 142, лл. 335, 556 об.).

Черногории и сгладить напряженность отношений между Россией и Францией в черногорском вопросе.

Валуевский писал Морни, что русское правительство не должно усматривать ничего враждебного в советах, которые давала Франция черногорскому князю, так как они якобы были направлены только на достижение мира между Турцией и Черногорией, а инструкции, адресованные Валуевским Геккарту, якобы не преследовали иных целей. Морни должен был передать объяснения французского министра Горчакову³¹.

Одновременно французскому послу в Турции Тувенелю было приказано не ускорять принятие окончательного решения представителями держав в Константинополе по черногорскому вопросу, а в отношении французского вице-консула в Скутари было признано, что он допускал излишнее усердие в своей деятельности в Цетинье, и Тувенелю поручили руководить им.

В беседах с Киселевым Валуевский ссылался на то, что борьба за признание независимости Черногории будет безуспешной, так как Англия и Австрия не только не желают этого, но противятся даже всякому разграничению Черногории и Турции как осуществлению косвенного признания независимости Черногории. Тем не менее Валуевский выразил горячее желание быть полезным России. «Как бы там ни было,— излагал свое впечатление о беседах с Валуевским Киселев,— французский министр знает сегодня об интересе, который мы проявляем к Черногории, и безусловно сожалеет, что ввязался в это дело». Валуевский обещал Киселеву отсрочить обсуждение и решение вопроса, которое могло бы обнаружить перед всем миром несогласие России и Франции. Одно это было уже хорошим признаком, так как ожидать большей перемены в позиции Франции в черногорском вопросе на первых порах не приходилось. Выйти из этого, по определению Киселева, заколдованного круга можно было только отсрочкой его решения, выиграв время и положив конец переговорам, начатым в 1856 г. в Константинополе³².

Киселев заявил Валуевскому, что русское правительство оскорблено тем, что французский кабинет утаил от него факт переговоров, начатых Францией в Константинополе совместно с Англией и Австрией. Александр II в письме к великому князю Константину Николаевичу назвал «не совсем честными» «последние проделки Наполеона и переговоры в Константинополе о Черногории без ведома русского правительства»³³. «Проделки» были настолько явными, что Валуевский не нашел ничего другого, как объявить это обстоятельство недоразумением.

По приезде Даниила в Париж в марте 1857 г. Валуевский заявил, что нельзя отправлять князя назад, не дав никакого разрешения делу, которое привело его во Францию, и предложил собраться на конференцию сторонам, заинтересованным в урегулировании черногорского вопроса.

Киселев решительно отклонил эту идею, поскольку соотношение сил складывалось явно не в пользу России. Он продолжал настаивать на заключении соглашения между Турцией и Черногорией, предоставляющего последней на арендных условиях земли и порт, без уточнения вопроса о независимости Черногории или сюзеренитета Порты.

³¹ АВПР, ф. Гл. архива, V-A₂, 1857 г., д. 716, л. 100. Валуевский — Морни, 25 декабря 1856 г. (6 января 1857 г.).

³² АВПР, ф. Канцелярии, 1857 г., д. 142, лл. 328—336. Киселев — Горчакову, 11/23 марта 1857 г.; лл. 375—380. Киселев — Горчакову, 22 марта (3 апреля) 1857 г. л. 557. Киселев — Горчакову, 11/23 марта 1857 г.

³³ ЦГАВМФ, ф. 224, оп. 2, д. 1, л. 5. Александр II — вел. кн. Константину, 23 марта (4 апреля) 1857 г.

Из Петербурга Киселеву было предписано ни в коем случае не принимать Даниила. Но, как пишет Киселев, князь по недоразумению оказался у него во время одного из официальных приемов в русском посольстве. Беседа их была краткой. Даниил изложил свои планы, подчеркнув, что у Черногории имеются два выхода из положения: либо торжественное признание ее независимости Турцией и европейскими державами с предоставлением ей всякого рода субсидий, либо соглашение с Портой, сюзеренитет которой Черногория признала бы при условии территориальных уступок в ее пользу. Ввиду неосуществимости первого выхода Даниил добивался второго. Киселев только выразил недовольство своего правительства поведением черногорского князя, и на этом разговор прекратился³⁴.

Даниил был встречен в Париже императором и Валуевым очень сдержанно. Шарль-Ру, подчеркивая это как доказательство «горячего желания» Франции идти навстречу России в черногорском вопросе, остроумно отметил, что Даниил, уезжая из Парижа, понял, что вопрос о независимости его страны не столь безразличен Европе, как ему самому³⁵.

В Париже Даниилу заявили, что ему остается только самому непосредственно договориться с Портой, и посоветовали послать с этой целью в Константинополь брата, обещая содействие со стороны русского и французского представителей в Турции³⁶. Это обещание не было заранее согласовано с царским правительством. Только уже постфактум Валуевский начал ходатайствовать перед Петербургом, чтобы Бутеневу было предписано оказать поддержку переговорам в Константинополе.

В новом предложении французского правительства трудно было усмотреть его «горячее желание» содействовать России в черногорском вопросе, о котором пишет Шарль-Ру. Ни в одном из заявлений французского министра не было оговорено, что в Константинополе будут обсуждать только территориальный вопрос и что брат князя Даниила будет настойчивее и последовательнее в деле защиты независимости своей страны, чем черногорский князь.

В Петербурге не одобряли инициативу Валуевского и сомневались, что при переговорах в Константинополе Англия и Австрия согласятся обойти молчанием вопрос о признании верховенства Порты над Черногорией. Будберг, например, писал, что, по его мнению, в Париже еще можно было надеяться на отклонение притязаний Порты на Черногорию, с перенесением же вопроса в Константинополь не приходилось сомневаться, что признание сюзеренитета Турции будет отправной точкой переговоров³⁷.

При создавшейся неопределенности положения царское правительство не могло приказывать Бутеневу следовать инструкциям, полученным из Парижа Тувенелем, как того хотел Валуевский. Бутеневу предписали принять участие в переговорах только в том случае, если признание Черногорией сюзеренитета Порты не будет заранее оговорено как неперемное условие соглашения³⁸.

³⁴ АВПР, ф. Канцелярии, 1857 г., д. 142, л. 336. Киселев — Горчакову, 11/23 марта 1857 г.

³⁵ F. Charles-Roux. Указ. соч., стр. 192.

³⁶ АВПР, ф. Канцелярии, 1857 г., д. 142, л. 370. Киселев — Горчакову, 24 марта (5 апреля) 1857 г.

³⁷ Там же, д. 179, л. 224. Будберг — Горчакову, 27 марта (8 апреля) 1857 г.

³⁸ Там же, д. 41, лл. 45—46. Горчаков — Бутеневу, 26 марта (7 апреля) 1857 г.; д. 145, лл. 254—256. Горчаков — Киселеву, 3 (15) апреля 1857 г.

Таким образом, в результате переговоров в Париже России удалось несколько изменить отношение французского правительства к черногорскому вопросу. «Если позиция Франции еще не полностью отвечает взглядам России,— писал по этому поводу Горчаков,— она доказывает, по крайней мере, что французское правительство умерило свой пыл и будет избегать столкновений лбами с Россией»³⁹.

Но больших успехов царская дипломатия приписать себе не могла. Это объяснялось колебаниями Наполеона III в вопросе франко-русского сближения в 1856—1857 гг., когда осуществление новых завоевательных планов французского императора откладывалось и Франция, хотя всячески шла навстречу сближению с Россией, не испытывала необходимости в немедленном заключении франко-русского союза. Это позволяло ей при разрешении общеевропейских вопросов этого периода не выходить за рамки союза с Англией и преждевременно не отказываться от попыток установления своего влияния в Черногории. Не были лишены истины слова Будберга, который, ознакомившись с решением, принятым по черногорскому вопросу в Париже в марте 1857 г., писал в Петербург, что Франция более благожелательна к России на словах, чем на деле. «Если князь Даниил ничего не добился в Париже,— писал Будберг,— то он не был и обескуражен, и его намерение достигнуть компромисса с Портой, посягающей на независимость его страны, лишь окрепло»⁴⁰.

Французское предложение о возобновлении переговоров в Константинополе с участием черногорского представителя не меняло существа вопроса, так как, поддержанная Англией и Австрией, Порта по-прежнему соглашалась на разграничение территории Черногории и Турции только при условии признания ее сюзеренитета.

Царь и Горчаков не разделили оптимистического заключения Киселева, который писал, что увеличилась надежда разрешить черногорский вопрос в менее враждебном России духе в результате того факта, что Франция приблизилась к России и отдалась от Австрии в черногорском вопросе. Последние слова в депеше посла отчеркнуты, и на полях имеются пометы: Горчакова — «В чем?» и Александра II — «Я тоже этого не вижу»⁴¹.

В то время как черногорский вопрос обсуждался в Париже и Константинополе, царская дипломатия развернула активную деятельность в самой Черногории в отсутствие Даниила.

Политика черногорского князя, направленная на достижение компромисса с Портой за счет черногорской независимости, вызвала глубокое недовольство в стране. После отъезда Даниила в Париж в Цетинье возник заговор, чтобы воспрепятствовать его возвращению в Черногорию. Стремаухов писал из Рагузы о возможном восстании в Черногории с целью низложения князя Даниила и объявления его предателем. Консул запрашивал Петербург, должен ли он поощрять эти тенденции и может ли распоряжаться деньгами консульства. Александр II оставил по этому поводу на полях донесений следующие пометы: «Нужно, чтобы он оставался нейтральным» и «Если все население выступит против Даниила, оно может рассчитывать на нашу поддержку, так как мы не собираемся более заботиться об этом несчастном»⁴².

³⁹ Там же, д. 181, л. 92. Горчаков — Будбергу, 3(15) апреля 1857 г.

⁴⁰ Там же, д. 179, л. 226. Будберг — Горчакову, 27 марта (8 апреля) 1857 г.

⁴¹ Там же, д. 143, л. 100. Киселев — Горчакову, 22 мая (3 июня) 1857 г.

⁴² АВПР, ф. Гл. архива, V-A₂, 1857 г., д. 716, л. 18. Стремаухов — Будбергу, 8/20 февраля 1857 г.; л. 86. Будберг — Горчакову, 6/18 февраля 1857 г.

Горчаков резюмировал пометы царя в телеграмме в Вену, поручая Будбергу объяснить Стремаухову, что оставаться нейтральным не значило быть индифферентным. Стремаухов не должен был проявлять инициативу в изложении Даниила, но и не должен был противодействовать желаниям национальной партии. «Падение кн. Даниила было бы полезным фактором, который мог бы спасти независимость страны», — писал Горчаков⁴³.

Один из руководителей заговора, дядя князя Даниила Георгий Петрович, уехал в Вену, чтобы просить австрийское правительство назначить комиссию для расследования положения в стране и путем коллективного вмешательства изложить Даниила. В Петербурге расценили эту идею как практически неосуществимую и даже вредную, так как соглашение между державами, преследующими противоположные цели, едва ли было возможно, а назначение смешанной комиссии и постороннее вмешательство в дела Черногории могли иметь неблагоприятные для царского правительства последствия. Будберг должен был объяснить Георгию, что черногорский народ стонет от тирании кн. Даниила, он должен в себе самом найти средство излечиться от болезни, которая тяготеет над ним», сделав вывод, что «никогда одни только внешние силы не смогут освободить Черногорию»⁴⁴.

Будберг сообщил Георгию Петровичу, что из-за поведения князя Даниила правительство России задержало выплату денег, предназначенных для Черногории, но они регулярно высылались в адрес русского генерального консульства в Рагузе и сохраняли свое назначение; в случае, если скупщина провозгласит нового правителя, Стремаухов должен был передать Сенату треть ежегодной субсидии и объявить, что Россия по-прежнему будет ее выплачивать⁴⁵. Будберг убедил Георгия в бесплодности переговоров, предложенных им в Вене, и в необходимости прибегнуть к единственному, по его мнению, средству освобождения страны от угрозы закабаления Турцией — к восстанию, для чего важно было воспользоваться отсутствием князя Даниила.

Посол телеграфировал в Петербург, что Георгий готов возглавить восстание, если сможет рассчитывать на денежную помощь русского консульства в Рагузе, а в случае неудачи — на убежище в России для себя и своих сторонников⁴⁶. Горчаков тотчас же предписал Стремаухову оказать денежную помощь Георгию Петровичу и обещал последнему убежище в России⁴⁷.

Царское правительство, по-видимому, серьезно рассчитывало на изложение князя Даниила как на средство разрешить черногорский вопрос в своих интересах. Царь писал в эти дни великому князю Константину Николаевичу: «Узнал, что кн. Даниил успел всех восстановить против себя, и весьма вероятно, что черногорцы не впустят его обратно. Если Франция вмешается в это дело, то из этого опять может завариться каша, так как мы не оставим черногорцев на произвол западных держав и Турции»⁴⁸.

С другой стороны, царское правительство опасалось, что и после па-

⁴³ АВПР, ф. Канцелярии, 1857 г., д. 181, л. 18. Горчаков — Будбергу, 9/21 февраля 1857 г.

⁴⁴ Там же, д. 179, л. 175. Будберг — Горчакову, 17/29 марта 1857 г.

⁴⁵ Там же, л. 178. Будберг — Горчакову, 17/29 марта 1857 г., ф. Гл. архива, V-A₂, 1857 г., д. 716, л. 94. Горчаков — Будбергу, 4/16 марта 1857 г.

⁴⁶ АВПР, ф. Канцелярии, 1857 г., д. 179, л. 193. Будберг — Горчакову, 19/31 марта 1857 г.

⁴⁷ Там же, д. 181, л. 47. Горчаков — Будбергу, 20 марта (1 апреля) 1857 г.

⁴⁸ ЦГАВМФ, ф. 224, оп. 2, д. 1, л. 5.

дения князя Даниила может возникнуть конфликт между претендентами на его место, который с неизбежностью выльется в гражданскую войну и повлечет за собой иностранную оккупацию Черногории. Задачей Стремаухова было подготовить страну к избранию на княжеский престол Георгия Петровича или племянника его Керсто, любого из которых царская Россия немедленно признала бы черногорским владыкой⁴⁹.

Однако нерешительность руководителей заговора делала тщетными все усилия русского консула заменить черногорского князя ставленником царского правительства. Момент для восстания был упущен, князь Даниил возвратился из Парижа и подверг репрессиям всех заподозренных им в заговоре лиц.

Царское правительство снова перенесло центр тяжести на дипломатическую борьбу за Черногорию в Париж и Константинополь.

III

События лета 1857 г., связанные с объединением Дунайских княжеств Молдавии и Валахии в одно государство, когда Россия вслед за Францией порвала дипломатические отношения с Турцией, продемонстрировали перед лицом Европы франко-русское согласие и породили надежду у русской дипломатии на успех своих демаршей в Париже по черногорскому вопросу.

Свидание русского и французского императоров в Штутгарте в сентябре 1857 г. открыло новую фазу борьбы держав вокруг Черногории. Укрепив русско-французские отношения, выявив взаимные выгоды сближения России и Франции, штутгартские переговоры имели своим результатом изменение позиции Наполеона III в черногорском вопросе.

В Штутгарте Наполеон получил от русского царя обещание (хотя и косвенное) занять нейтральную позицию во франко-австрийской войне. Наполеон не терял надежды добиться также и участия России в войне против Австрии. В связи с этим парижский кабинет решил «служить «благодарность» царского правительства, содействуя в определенных, не чувствительных для своих интересов рамках, политике России на Ближнем Востоке. С этой целью и была использована Черногория.

Чтобы предупредить сближение России и Франции в черногорском вопросе, которое начало намечаться еще до Штутгарта, а после него грозило принять осязаемые формы, английское правительство в середине октября 1857 г. предложило Франции покончить с черногорским вопросом, обсудив разграничение Черногории и Турции одновременно с признанием черногорским князем сюзеренитета Порты. Присоединившись к этому предложению, Австрия со своей стороны высказала пожелание, чтобы вопрос обсуждался без участия России.

На этот раз Валуевский не принял англо-австрийского предложения, заявив, что действовать без России значило действовать против нее, и настаивал на обсуждении с участием России лишь вопроса о черногоро-турецком разграничении. Тувенелю было предписано ничего не предпринимать без договоренности с Бутеневым и обратиться к английскому послу и австрийскому интернунцию с предложением начать переговоры по урегулированию пограничного вопроса⁵⁰.

⁴⁹ АВПР, ф. Канцелярии, 1857 г., д. 181, л. 173. Горчаков — Будбергу, 29 мая (10 июня) 1857 г.

⁵⁰ Там же, д. 144, лл. 124—127. Киселев — Горчакову, 17/29 октября 1857 г.

В ответ на пожелание французского кабинета русскому представителю в Константинополе также было предписано согласовывать свои действия с Тувенелем. Россия соглашалась участвовать в переговорах, где обсуждалось бы только разграничение между Турцией и Черногорией⁵¹.

Произошло, однако, много событий, прежде чем Англия и Австрия признали необходимость таких переговоров и приняли в них участие.

В начале 1858 г. Турецкую империю охватил глубокий политический кризис: во многих европейских провинциях Турции вспыхнуло восстание поработенных народов. Первыми поднялись соседние с Черногорией племена, известные под названием «зубцы» и «крушевицы». Они свергли местного турецкого пашу и признали власть черногорского правителя. Восстание перекинулось в Боснию и Герцеговину.

Турция начала стягивать в эти районы войска. Державы также не оставались индифферентными наблюдателями событий. Опасаясь роста волнений в соседних провинциях, австрийское правительство поощряло Турцию к использованию военной силы для подавления восстания, однако не оставляло при этом попыток другого рода. Сообщали, например, что настоятель православного монастыря в одной из герцеговинских местностей после нескольких бесед с австрийскими чиновниками получил обещание помощи против турок, если его монастырь и прилегающие земли согласятся требовать покровительства Австрии⁵².

Царскую Россию беспокоила концентрация турецких войск на черногорской границе. Турция легко могла изменить назначение снаряженной ею военной экспедиции и использовать войска против Черногории. Она уже предъявила черногорскому князю обвинение в содействии восставшим, и князь ответил, что не может помешать тому, чтобы черногорские добровольцы приходили на помощь своим соотечественникам.

Царская дипломатия, руководимая желанием не дать Турции и Австрии закрепиться в Черногории, повела энергичную борьбу против попыток австро-турецкой оккупации Черногории, под какими бы предложениями они ни осуществлялись.

В середине марта 1858 г. австрийский посол в Париже барон Гюбнер в беседе с Валуевым намекнул на возможность австро-турецкой оккупации Черногории. Валуевский предупредил Гюбнера о серьезных осложнениях, которые может повлечь за собой столь неосторожный шаг со стороны Австрии, так как Россия запротестует первая, а к ней, возможно, присоединится и Франция. Передав содержание разговора с австрийским послом Киселеву, Валуевский заметил, что со дня последних их объяснений по черногорскому вопросу прошло много времени, и выразил пожелание, чтобы Россия снова изложила свои взгляды на Черногорию. «Я опять вам повторяю, — прибавил министр, — что император, как это он уже говорил вам сам, желает договориться с Россией по всем вопросам». «Мы сделаем все возможное, — продолжал Валуевский, — чтобы достигнуть цели, и я со своей стороны, я обещаю вам полное доброжелательство. Надеюсь, вы мне в этом верите?». В Петербурге на это реагировали следующим образом: «Я вижу во всем этом только слова со стороны Франции и никакого желания действовать в нашем духе, т. е. в духе, достойном любой христианской державы», — написал Александр II на депеше Киселева⁵³.

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярии, 1857 г., д. 41, лл. 229—231. Горчаков — Бутеневу, 26 октября (7 ноября) 1857 г.

⁵² Там же, 1858 г., д. 181, лл. 14—15. Будберг — Горчакову, 1/13 января 1858 г.

⁵³ Там же, д. 115, лл. 213, 218 об.—220. Киселев — Горчакову, 17/29 марта 1858 г.

Царской дипломатии пришлось, по словам Горчакова, «немало потрудиться», чтобы обеспечить себе на деле содействие французского правительства в черногорском вопросе.

В ответ на донесение Киселева о разговоре с Валуевым Горчаков писал, что русское правительство с удовлетворением приняло к сведению желание императора Наполеона III договориться с Россией по всем вопросам и, в частности, по черногорскому. Однако это была формальная дипломатическая фраза, предназначавшаяся для передачи Валуевскому. Строго конфиденциально Горчаков сообщал послу, что содержание беседы последнего с Валуевым произвело тяжелое впечатление на царя. Русское правительство, отмечал Горчаков, принимает во внимание внешние и внутренние трудности, влиявшие на политику Наполеона, но не может не признать, что взамен своего стремления к расширению согласия с Францией оно получало только туманные словесные уверения. Как только речь заходила о том, чтобы действовать в интересах России, французское правительство колебалось, оттягивало время и пряталось за доводами, парализовавшими его действия. Русская дипломатия, указывал Горчаков, не может использовать эти замечания для открытого обвинения французского правительства, но посол должен принять их во внимание.

В качестве первого шага к практическому осуществлению желания продемонстрировать свою добрую волю в отношении России, выраженного Валуевым, Горчаков предлагал Франции совместный демарш в Вене с целью предупредить изолированные военные действия Турции и Австрии в Черногории, на которые намекал Гюбнер. Инициатива этого демарша должна была принадлежать, по мнению Горчакова, Франции как единственной державе, получившей сообщение о намерениях Австрии⁵⁴.

На этот раз Валуевский ограничился тем, что в разговоре с Гюбнером вернулся к черногорскому вопросу, подчеркнул солидарность Франции с Россией в этом вопросе и категорически отказался принять предлагаемое австрийским послом соглашение между Францией, Англией и Австрией⁵⁵.

В конце апреля 1858 г. не без внушения Вены Турция продолжала концентрировать свои войска у черногорской границы и двинула их к спорной между Черногорией и Турцией области — Грахово⁵⁶. В Герцеговину приехал турецкий комиссар Кемаль-эффенди, объявивший, что Порты требует от черногорского князя прежде всего признания себя вассалом, только на этом условии соглашаясь начать переговоры об изменении границы. В случае принятия черногорским князем условий Порты султан сулил правителю деньги на содержание правительства, церквей, школ и т. п.⁵⁷

Несмотря на советы Австрии⁵⁸, Даниил отказался от переговоров

⁵⁴ Там же, д. 119, лл. 189—198, 231—232. Горчаков — Киселеву, 3(15) апреля 1858 г.

⁵⁵ Там же, д. 116, л. 12. Киселев — Горчакову, 5/17 апреля 1858 г.

⁵⁶ Черногория считала местность Грахово своей, так как занимала ее в момент, когда турецкий министр Али-паша декларировал на Парижском конгрессе 1856 г., что Турция признавала существовавшую в то время между Черногорией и Портой фактическую границу. Россия поддерживала в этом вопросе Черногорию.

⁵⁷ АВПР, ф. Гл. архива, V-A₂, 1858 г., д. 718, л. 8. Петкович (русский консул в Рагузе, сменивший Стремаухова) — Ковалевскому, 13/25 апреля 1858 г.

⁵⁸ Кн. Даниил обратился к венскому кабинету, прося его содействия в переговорах, которые должны были открыться в Константинополе. Из Вены ответили, что в глазах Австрии Черногория всегда была только составной частью Османской империи, и посоветовали князю признать прежде всего сюзеренитет Порты. Только на этом условии венский кабинет соглашался поддержать Даниила в Константинополе (АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 181, лл. 200—201. Кнорринг — Горчакову, 23 марта (4 апреля) 1858 г.).

о турецком сюзеренитете. «В первый раз можно его похвалить», — написал Александр II на депеше Кнорринга (временного поверенного в Вене), сообщавшего о решении князя⁵⁹.

Валевский поспешил сообщить Киселеву, что, поскольку Наполеон III обещал русскому царю свое содействие в черногорском вопросе, он, Валевский, кроме предупреждения, сделанного им Гюбнеру, поручил еще Тувенелю призвать Порту воздержаться от вооруженного вмешательства, которое неосторожно советовала ей Вена. «Это свидетельствует не только о лучших намерениях, но и о начале действия французского кабинета», — комментировал Киселев⁶⁰.

Порта, однако, отказывалась отвести свои войска от Грахова, настаивая на признании Черногорией турецкого сюзеренитета. Киселев и Валевский решили, продолжая оказывать давление на венский кабинет, произвести сообща демарш в Константинополе, к которому Валевский хотел присоединить также и Англию⁶¹.

За обедом в Тюильри Наполеон III заявил Киселеву, что не потерпит, чтобы Турция вошла в Черногорию, несмотря на его предупреждения, тем более, что султанское правительство не решилось бы на такую демонстрацию, не будучи поддержано Веной. «Во всем этом деле я не имею прямых интересов, — заявил Наполеон (хотя, готовясь к войне с Австрией, он явно стремился использовать черногорский вопрос в своей антиавстрийской политике. — Р. Р.), — но я обещал свое содействие желаниям, выраженным императором Александром, и я буду изо всех сил стараться осуществить это»⁶².

Горчаков указал послу, что если английское правительство откажется присоединиться к России и Франции, то нужно сделать так, чтобы протест в Константинополе все равно был заявлен⁶³. «Это нужно сделать, не теряя времени», — пометил Александр⁶⁴.

⁵⁹ Там же. К этому времени начали изменяться отношения черногорского князя с царским правительством. Даниил послал своего адъютанта Вуковича в Рагузу с письмами на имя русского императора, в которых писал об отказе от прежних намерений и сожалел о поступках, вызвавших охлаждение к нему правительства России. Черногорский правитель выражал желание отправить в Россию цетинского архимандрита для посвящения его в Петербурге в сан епископа черногорского (там же, д. 181, л. 113. Бундберг — Горчакову, 13/25 февраля 1858 г.). Геккарт и секретарь князя француз Деларю ходатайствовали перед Сученковым, русским консулом в Скутари, о возвращении князю «благорасположения русского императора», утраченного черногорским владыкой, по уверению французского консула, «вопреки желанию французского правительства и советам его агентов» (в чем Сученков позволил себе откровенно усомниться в беседе со своим французским коллегой). При этом Деларю заявил, что в последнюю свою поездку в Париж убедился из слов Валевского, что обращение князя будет милостиво принято русским правительством (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1858 г., д. 2391, лл. 63 об., 65. Сученков — Бутеневу, 8(20) марта 1858 г.). Видимо, в Париже «раскаяние» кн. Даниила было предметом разговора Валевского с Киселевым. Теперь черногорский князь окончательно отказался от мысли расширить границы Черногории за счет признания верховенства Порты, выразив надежду, что при покровительстве России и Франции Черногория сможет увеличить свои владения иным путем. Деларю заявил по этому поводу: «Нынешнее положение черногорского князя в отношении России обязует его не признавать никакой зависимости Черногории от Турции (там же, л. 93. Сученков — Бутеневу, 5(17) апреля 1858 г.). Эти слова, независимо от содержания, вложенного в них французским агентом, подчеркивают положительную роль, которую объективно сыграла Россия в судьбе черногорского народа в тот период.

⁶⁰ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 116, л. 88. Киселев — Горчакову, 20 апреля (2 мая) 1858 г.

⁶¹ Там же, д. 119, л. 251. Горчаков — Киселеву, 18/30 апреля 1858 г.; д. 116, л. 58. Киселев — Горчакову, 18/30 апреля 1858 г.

⁶² Там же, д. 115, лл. 380—381. Киселев — Горчакову, 21 апреля (3 мая) 1858 г.

⁶³ Там же, д. 119, л. 254. Горчаков — Киселеву, 19 апреля (1 мая) 1858 г.

⁶⁴ Там же, д. 115, л. 406. Киселев — Горчакову, 25 апреля (7 мая) 1858 г.

Тувенель и Бутенев сообщали, что Порта по-прежнему претендует на Грахово, решила не уступать и отказалась принять во внимание предупреждения русского и французского послов. «Мы должны протестовать самым энергичным образом, — написал царь на письме Бутенева, — и в случае отказа отозвать нашего представителя»⁶⁵.

Киселев и Валевский составили идентичные телеграммы с инструкциями Бутеневу и Тувенелю, а Буркенею, французскому послу в Австрии, было поручено сообщить австрийскому правительству о достигнутом между Россией и Францией соглашении.

«Constitutionnel» опубликовала статью о Черногории, стараясь, как писал Киселев, «доказать, что хотя Парижский договор и гарантировал целостность Османской империи, но не ценою жертвования христианским элементом и населением, которое могло веками сохранять независимость»⁶⁶.

Наконец, последовало новое, почти неожиданное для царского правительства событие.

Английский посол в Петербурге Вудхауз объявил Горчакову, что английский представитель в Константинополе получил приказ присоединиться к протесту России и Франции с целью немедленного прекращения военных действий против Грахова. Одновременно английский кабинет предлагал созвать комиссию из представителей пяти держав с участием турецкого и черногорского комиссаров для обсуждения вопросов разграничения Турции и Черногории и установления демаркационной линии⁶⁷.

Присоединение Англии к франко-русскому демаршу в Константинополе проишло, видимо, благодаря известному давлению Франции.

За несколько дней до официального предложения английского кабинета лорд Мальмсбери (министр иностранных дел в торийском правительстве лорда Дерби) интересовался мнением русского посла в Лондоне Бруннова о возможности отправления в Черногорию комиссаров, назначенных великими державами для проведения демаркационной линии. Бруннов писал в Петербург, что не настолько рассчитывает на твердость и бескорыстие намерений Англии, чтобы верить в возможность присоединения ее к позиции русского правительства. «И я тоже», — заметил по этому поводу Александр II. Но Бруннов предполагал, что Англия выжидает решения черногорского вопроса в Париже, и, если мнение Франции будет отличаться от мнения Австрии, британский кабинет разделит взгляды Наполеона «не по убеждению, но из боязни вызвать раздор с Тюильри»⁶⁸. «Осторожность лондонского кабинета опрокинула расчеты Турции, — писал Горчаков, — Англия боялась вызвать конфликт на Востоке, где Франция солидаризировалась с Россией»⁶⁹.

Царское правительство без колебаний приняло предложение британского кабинета, но с условием, что ни Вена, ни Константинополь не будут выбраны местом работы комиссии.

Присоединение Англии к русско-французскому демаршу увеличивало надежду на приостановление турецкого похода в Черногорию. В противном случае, заявил Киселеву Валевский, Франция согласится формально

⁶⁵ Там же, д. 45, л. 479. Бутенев — Горчакову, 12(24) апреля 1858 г.

⁶⁶ Там же, д. 116, л. 83. Киселев — Горчакову, 27 апреля (9 мая) 1858 г.

⁶⁷ Там же, д. 120, л. 49. Горчаков — Киселеву, 26 апреля (8 мая) 1858 г.

⁶⁸ Там же, д. 95, л. 381. Бруннов — Горчакову, 19 апреля (1 мая) 1858 г.

⁶⁹ АВПР, ф. Канцелярии, годовой отчет МИД за 1858 г., л. 32. Позднее Бруннов писал, что черногорское дело доказало, что политика Франции, когда она того желает, берет верх в Англии над политикой Австрии. «Кажется, однако, что это случайно», — отметил Александр II (там же, д. 96, л. 38. Бруннов — Горчакову, 8/20 мая 1858 г.).

признать независимость Черногории и защищать ее⁷⁰. В случае недействительности этой угрозы Валевский предлагал прибегнуть к военно-морской демонстрации в Адриатическом море и послать с этой целью в порт Антивари тулонскую эскадру из восьми кораблей. Французский министр переговоров об этом также с прусским послом в Париже Гатцфельдом, ища поддержки Пруссии.

Царское правительство одобрило план дальнейших действий, предложенный Валевским. «Нужно было бы поблагодарить Киселева от моего имени за энергию, с которой он действует в этом вопросе,— написал Александр II на депеше посла,— и поручить ему одновременно выразить Наполеону мое глубокое удовлетворение позицией Франции»⁷¹.

Горчаков по-прежнему оставался осторожным и телеграфировал Бутеневу и Кноррингу, чтобы они консультировались со своими французскими коллегами, поддерживали их демарши, но «вперед не забежали»⁷².

Предъявленное Порте требование британского кабинета воздержаться от военных действий против Грахова произвело, как писал Бутенев, «ошеломляющее» впечатление на оттоманское правительство, после чего великий визирь «перестал пренебрегать» требованиями Тувенеля и Бутенева⁷³.

Тем не менее 30 апреля (12 мая) 1858 г. турецкие войска вошли в Грахово. На следующий день произошла знаменитая в истории Черногории Граховская битва, в которой черногорцы, защищая свою национальную свободу, одержали полную победу и разбили турецкие войска, несмотря на их численный перевес.

3/15 мая 1858 г. Порта издала приказ приостановить военные действия⁷⁴ и сделала представителям держав следующие предложения: разграничение с Черногорией на основе status quo 1856 г., место работы комиссии — Константинополь, включение в переговоры вопроса о политическом статусе Черногории, «возобновление» со стороны держав признания того, что Черногория составляет часть Оттоманской империи.

Царское правительство категорически отклонило программу Турции. Подчеркнув последние слова в депеше Бутенева, царь написал: «Как

⁷⁰ По-видимому, это заявление Валевского специально предназначалось для Киселева и русского правительства. Геккерт в Скутари по-прежнему не оставлял попыток убедить черногорского князя признать верховную власть султана. Теперь французский консул советовал князю за расширение пределов Черногории, что расположило бы черногорцев в пользу турецкого правительства и постепенно приучило бы их к мысли зависимости от него, письменно поручиться признать верховенство султана через 3—4 года официально от имени своего народа, признавая его лично уже теперь (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1858 г., д. 2391, л. 94. Сученков — Бутеневу, 5(17) апреля 1858 г.).

⁷¹ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 116, л. 86. Киселев — Горчакову, 30 апреля (12 мая) 1858 г.

⁷² Там же, д. 184, лл. 113—114. Горчаков — Кноррингу, 27 апреля (9 мая) 1858 г.

⁷³ Горчаков обращал внимание Киселева на это обстоятельство, чтобы посол в беседе с Валевским использовал его, показав, насколько важно для Франции восстановление ее влияния в Константинополе, которое она уступила своей союзнице по Крымской войне. Киселев должен был подчеркнуть, что инцидент с Черногорией повысит акции Франции на Востоке и Россия и Франция окажут тем самым друг другу взаимную услугу (там же, д. 119, л. 315. Горчаков — Киселеву, 9(21) мая 1858 г.).

⁷⁴ В ответ на это царское правительство согласилось с предложением Наполеона III рекомендовать Даниилу также прекратить военные действия. Ввиду благоприятной позиции, создавшейся для Черногории после поражения турок под Граховом, прекращение военных действий было не в интересах Черногории. Это сознавало царское правительство, но боялось, что успешное продвижение черногорцев в Герцеговину будет сопровождаться восстанием герцеговинцев, могущим вызвать дополнительные осложнения на Балканах (там же, лл. 292—293. Горчаков — Киселеву, 6(18) мая 1858 г.).

можно возобновить признание того, что мы не признавали никогда. Это опять австрийские происки!!!»⁷⁵

Французское правительство также отказалось от подобного соглашения. «Браво, Наполеон!» — написал по этому поводу Александр II на депеше Киселева⁷⁶.

3/15 мая Горчаков телеграфировал в Париж: «Ввиду настойчивости, с которой Порты противятся нашим общим требованиям, мы считаем, что морская демонстрация при Антивари неизбежна, чтобы спасти достоинство обеих империй»⁷⁷. В черновике телеграммы после слова «морская» зачеркнуто слово «французская». Горчаков не мог еще написать «франко-русская», но, ожидая из Парижа предложения присоединить русские корабли к французской эскадре, решил пока не уточнять, с чьей стороны будет произведена демонстрация.

В ночь с 3/15 на 4/16 мая два французских линейных корабля «Алжесирас» и «Эйлау» отплыли в Адриатическое море. При встрече с турецкими судами, перевозившими войска, французы должны были помешать им высадиться.

Накануне австрийский посол Гюбнер заявил Наполеону, что появление французской эскадры в Адриатическом море не облегчит разрешения вопроса и, конечно, не изменит отношения к нему Австрии. «Это не эскадра,— ответил Наполеон,— это только два корабля, и я надеюсь, что дело будет улажено раньше, чем они прибудут на место»⁷⁸.

Эти слова французского императора заставляют думать, что с самого начала военно-морская экспедиция в Адриатику было обречена на неэффективность и бесполезность, хотя преподносилась Францией как многозначительный акт, заслуживающий признательности со стороны России.

Именно об этом и подобных ему актах Мальмсбери в беседе с Брунновым сказал, что Валевский делает так всегда — «начинает, замахнувшись палкой». «Для того, чтобы потом ее спрятать», — закончил Александр II, подчеркнув слова английского министра в депеше Бруннова⁷⁹.

Царское правительство готово было приказать находившимся в Средиземном море русскому фрегату «Полкан» и бригу «Филоктет» присоединиться к французским кораблям в Адриатическом море, «чтобы русский флаг развевался рядом с французским, как символ согласия двух держав»⁸⁰. Это было тем более необходимо, что поездка прибывшего к адриатическим берегам французского адмирала Гравьера в Цетинье служила предметом разных толков и разговоров в пользу Франции и ее агентов. Появление русского флага в Адриатическом

⁷⁵ Там же, д. 184, л. 143. Горчаков — Кноррингу, 11/23 мая 1858 г.; д. 120, л. 82. Горчаков — Киселеву, 4/16 мая 1858 г.; д. 45, л. 494. Бутенев — Горчакову, 3/15 мая 1858 г.

⁷⁶ Там же, д. 115, л. 427. Киселев — Горчакову, 4/16 мая 1858 г.

⁷⁷ Там же, д. 120, л. 75. Горчаков — Киселеву, 3(15) мая 1858 г.

⁷⁸ Hübner. Neuf ans de souvenirs d'un ambassadeur d'Autriche à Paris sous le second Empire. 1851—1859, v. II. Paris. 1905, p. 166. Парижские корреспонденты венских газет сообщали, что Гюбнер почти каждый день виделся с Валевским и получил самые утешительные для Австрии сведения по черногорскому вопросу (АВПР, ф. Прессы, 1858 г., д. 119, л. 456).

⁷⁹ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 96, л. 26. Бруннов — Горчакову, 8/20 мая 1858 г.

⁸⁰ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1822, л. 1.

море должно было нейтрализовать впечатление, произведенное визитом французского адмирала черногорскому правителю⁸¹.

Но царь выжидал, чтобы французский император заговорил о русских кораблях первым. Эта и подобные ей формальности имели для царского правительства то значение, что подчеркивали в глазах Европы степень участия Франции в разрешении черногорского вопроса соответственно желаниям России и, кроме того, налагали на французское правительство несколько большие обязательства, чем в том случае, если бы инициативу в выступлениях против Турции брала на себя Россия.

В случае если бы Наполеон пожелал участия русских кораблей в Адриатической экспедиции, Киселеву поручалось снабдить инструкциями командира «Полкана» капитана 2-го ранга Юшкова и рекомендовать ему прежде всего поддерживать наилучшие отношения с командующим французской эскадрой. «Полкан» должен был принять участие вместе с французами в военных операциях, по примеру Наваринской битвы, пояснял Горчаков.

Однако самым интересным местом в проекте письма Горчакова Киселеву является абзац, перечеркнутый, вероятнее всего, Александром II и не включенный в окончательный вариант депеш. Горчаков писал, что «Полкан» должен воздержаться стрелять по чужому флагу и особенно по австрийскому. Если в планы Франции входило спровоцировать из-за этого инцидента войну с Австрией, Россия не хотела и не должна была быть в нее преждевременно втянутой. Горчаков не верил в возможность такой войны, так как Австрия была изолирована и достаточно осторожна, чтобы избежать ее. Но намерения Франции русскому правительству не были известны. «Хочет ли она разорвать с Австрией?.. Мы ее к этому во всяком случае не толкаем,— писал министр.— Но если война между обеими державами разразится в Италии, русский император не откажет императору Наполеону в действенной моральной помощи»⁸².

Очевидно, это должно было служить ответом на дипломатическое зондирование Францией отношений царской России к франко-австрийской войне. План войны к этому времени уже окончательно созрел в голове Наполеона: дело происходило накануне Пломбьерского свидания французского императора с сардинским премьер-министром.

Действительно, из письма Горчакова к Киселеву от 15/27 мая 1858 г. с ремарками «для вас одного» и «весьма секретно» узнаем, что Наполеон под предлогом того, что его позиция в черногорском вопросе, вопреки его желаниям, якобы может породить военный конфликт Франции с Австрией, требовал от царского правительства письменного изложения позиции, которую займет Россия в случае франко-австрийской войны. Горчаков подробно останавливался на этом вопросе, написав, что не откажет французскому императору в удовлетворении его желания обладать соответствующим письменным документом.

Горчаков считал, что существуют две возможности возникновения войны Франции с Австрией. Первая — в результате осложнений, вызванных черногорским вопросом. В этом случае царское правительство, как намеревался Горчаков написать Киселеву еще 6/18 мая, готово было

⁸¹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1858 г., д. 2120, лл. 64—65. Петкович — Бутеневу, 19/31 мая 1858 г.; АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 182, л. 111. Кнорринг — Горчакову, 4/16 июня 1858 г.

⁸² АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 119, лл. 290—291. Горчаков — Киселеву, 6/18 мая 1858 г. (проект депеши); ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1822, л. 8. Горчаков — Киселеву, 6/18 мая 1858 г. (копия с окончательного варианта).

оказать Франции действенную моральную помощь, которая должна была выразиться в стягивании русских войск, расквартированных в южных губерниях России, к русско-австрийской границе для отвлечения части австрийской армии. Вторая возможность заключалась в том, что война Франции с Австрией могла быть развязана в Италии. Горчаков допускал этот вариант скорее, чем первый, и признавал, что парижский кабинет блестяще использовал повод, представившийся ему в связи с черногорским делом, для укрепления отношений с Россией в интересах своей будущей политики в Европе. И в случае войны в Италии царское правительство не отказывало Франции в содействии, соглашаясь содержать на границе с Австрией наблюдательный корпус, который заставил бы Австрию значительно увеличить свои войска на русской границе⁸³. Так были начаты переговоры между Наполеоном и царским правительством о позиции России в войне Франции против Австрии, закончившиеся подписанием тайного русско-французского договора 3 марта 1859 г.

Таким образом, французское правительство связывало черногорский вопрос со своей европейской политикой. События в Черногории не могли послужить поводом к франко-австрийской войне. Наполеон ссылаясь на эти события только с целью узнать намерения России, а в дальнейшем оказалось, что он избегал столкновений с Австрией в районе Адриатического моря⁸⁴. Война с Австрией, по расчетам Наполеона, должна была стать средством для отторжения от Италии Савойи и Ниццы. Это могло быть достигнуто только при условии развязывания войны под лозунгом освобождения Италии. Но разрешение черногорского вопроса, отвечавшее желаниям России, сулило Франции возможность добиться содействия русского царя против Австрии.

Все чаще французский император и его министр стали афишировать солидарность Франции с Россией в черногорском вопросе. Однако это не мешало стремлению наполеоновского правительства ограничивать рамки проявления этой солидарности.

7/19 мая Наполеон заявил Киселеву, что желал бы присоединения России к морской демонстрации в Адриатическом море и что, по его мнению, достаточно было бы одного русского корабля, так как речь шла только о демонстрации объединенного флага⁸⁵. «Полкан» стал готовиться к отплытию из Тулона. А 10/22 мая Киселев телеграфировал в Петербург: «Французские корабли отозваны». Потом последовала поправка: «Будут, но еще не отозваны»⁸⁶.

Однако поправка в телеграмме посла не меняла сути дела. Приказ помешать высадке турецких войск остался мертвой буквой. Несмотря на присутствие в Адриатическом море двух французских кораблей,

⁸³ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 119, лл. 325—326. Горчаков — Киселеву, 15/27 мая 1858 г. Австрийская печать усиленно распространяла слухи, что русская армия, расквартированная в Польше, предназначена для открытого военного вмешательства в черногорские дела с целью парализовать действия Австрии, что явилось якобы результатом соглашения с Францией. Писали, что герцеговинцы с нетерпением ожидают прибытия русской армии. «В России открыто высказываются против Австрии,— писала «Аугсбургская газета»,— и представляют ее настолько ослабленной, что не верят в ее способности удержаться в Италии. Англичан считают слишком истощенной Крымской войной и войной в Индии и надеются на ее невмешательство в новую борьбу против России, тем более без Франции» (АВПР, ф. Прессы, 1858 г., д. 19, лл. 491, 521).

⁸⁴ Так же как и Австрия, которая, принимая французские корабли в своем порту, устранила все ограничения, обычно предусматривавшиеся береговым законодательством империи при входе иностранных судов в австрийские порты.

⁸⁵ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1822, л. 12. Киселев — Горчакову, 7/19 мая 1858 г.

⁸⁶ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 115, л. 447. Киселев — Горчакову, 10/22 мая 1858 г.

турки пополняли свою армию в Герцеговине, на границе Черногории. Два австрийских фрегата прибыли в Клек, место высадки турецких войск, чтобы охранять их⁸⁷. Не с ними ли боялись встречи французские корабли? «Возможно ли, чтобы в этих обстоятельствах Франция, вместо увеличения эскадры, отзывала свои два корабля?.. Почему Франция останавливается на полдороге?» — просил Горчаков Киселева выяснить у французского правительства⁸⁸.

Парижская пресса давала этому самые различные объяснения. «Patrie», например, писала, что адмиралу Гравьеру будет отправлен контрприказ изменить цель экспедиции, для того чтобы появление французского флага у берегов Далмации не усилило волнения восставшего населения Балкан. Ссылались также на то, что Россия и Англия якобы не расположены присоединиться к морской демонстрации Франции⁸⁹.

Валевский объяснял Киселеву, что, по мнению Франции, прекращение военных действий, объявленное Турцией, делало бесполезным присутствие французских кораблей в Адриатическом море, а главной мотивировкой попятного движения Франции было принятие Портой предложения относительно разграничения с Черногорией на базе status quo 1856 г., без обсуждения вопроса о политическом статусе Черногории.

Принимая это предложение, Порта потребовала, чтобы вопрос обсуждался не европейской комиссией, а представителями держав в Константинополе. Валевский считал турецкое требование приемлемым при условии участия в переговорах черногорского делегата и 11/23 мая телеграфировал Тувенелю, что Россия и Англия согласны урегулировать вопрос черногоро-турецкого разграничения в Константинополе. «Я не понимаю, откуда он это взял?» — написал Александр II на депеше Бутенева, сообщавшего о телеграмме Валевского⁹⁰. Горчаков только накануне писал в Париж, что Россия продолжает настаивать на таком разграничении, которое будет предусмотрено соглашением комиссии, работавшей на местах, отклоняя обсуждение вопроса в Константинополе⁹¹.

В секретном письме от 14/26 мая 1858 г. Бутенев писал в Петербург, что за последнее время добился совместно с Тувенелем больших успехов. «Русский кабинет ловко утер нос Парижу черногорским вопросом, вынуждая Францию принять в нем горячее участие, почти что равное нашему, вплоть до взятия на себя инициативы», — писал Бутенев. Победа Черногории при Грахове пришла весьма кстати на помощь действиям русского и французского представителей в Порте. Турция согласилась обсуждать вопрос о разграничении и созвать комиссию пяти. «Мы думали, — писал Бутенев, — что добились удовлетворения своих желаний, когда телеграмма Валевского от 11/23 мая свалилась как снег на голову, опрокинула все наши планы и все надежды». Александр II резюмировал: «Это письмо доказывает, что, если бы Франция была настойчивее, Порта, смирившись, должна была бы уступить по всем пунктам, и мы смогли бы блестяще достигнуть нашей цели. А жалко!»⁹².

⁸⁷ Петкович, русский консул в Рагузе, сообщал, что турецкие войска высаживались в Клеке с небольших судов, предложенных туркам австрийским правительством (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1858 г., д. 2120, л. 19. Петкович — Бутеневу, 24 марта (5 апреля) 1858 г.).

⁸⁸ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 120, лл. 218 (Горчаков — Киселеву, 11 (23) мая 1858 г.), 224 (Горчаков — Киселеву, 14 (26) мая 1858 г.).

⁸⁹ АВПР, ф. Прессы, 1858 г., д. 19, лл. 450, 456.

⁹⁰ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 45, л. 573. Бутенев — Горчакову, 12 (24) мая 1858 г.

⁹¹ Там же, д. 120, л. 214. Горчаков — Киселеву, 10 (22) мая 1858 г.

⁹² Там же, д. 45, л. 517. Бутенев — Горчакову, 14/26 мая 1858 г.

Наполеон III отступил, видимо, не желая заходить в черногорском вопросе так далеко, как того бы хотело царское правительство. Объяснения этому надо искать в отношениях Франции с Англией. Накануне франко-австрийской войны Наполеон предпочитал не осложнять отношений с Англией, которая после своего предложения о комиссии пяти изменила отношение к черногорскому вопросу, видя, что он явился почвой для франко-русского сближения. Необходимость сохранять союз с Англией диктовалась для Франции как политическими, так и экономическими соображениями: Англия продолжала оставаться первой морской державой мира и, главное, кредитором Второй империи. Что же касалось царской России, то Наполеон не без оснований рассчитывал, что его отступление не повлечет за собой серьезных последствий в отношениях с Петербургом.

16/28 мая Валевский написал Горчакову, что после согласия Порты на разграничение с Черногорией на базе status quo 1856 г. Франция считает работу комиссии по разграничению бесполезной и полагает, что можно ограничиться поручением миссиям в Константинополе урегулировать дело с Турцией. Английское правительство присоединилось к этому мнению, и Валевский заранее выражал сожаление, если Россия будет настаивать на требовании, чтобы комиссия обязательно собралась на местах.

Письмо Валевского не содержало ни одного серьезного аргумента в пользу новой комбинации в сравнении с ранее принятым предложением Англии об отправлении на места комиссии пяти держав. И тем не менее царское правительство не отказалось от участия в переговорах в Константинополе, не видя иного средства для исправления создавшегося положения, и просило Францию взвесить предварительно следующие предложения: 1) Порта и представители держав отправят на места комиссию, состав которой они выберут сами, чтобы изучить вместе с черногорским комиссаром детали трассы, которая должна быть установлена на базе status quo 1856 г.; 2) черногорскому князю должно быть объявлено, что державы гарантируют выполнение взятого на себя Портой обязательства не возобновлять военных действий против Черногории; 3) когда комиссия, делегированная представителями держав, привезет свой протокол в Константинополь, ее должен сопровождать черногорский комиссар, который примет участие в финальных переговорах, предназначенных урегулировать пограничный вопрос⁹³.

Франция согласилась со всем этим, но усомнилась в возможности принятия третьего предложения Австрией и Турцией. В глазах Порты присутствие черногорского комиссара в Константинополе означало бы навязанное ей признание независимости Черногории. Франция просила Россию не выдвигать третий пункт в столь категорической форме, как неперемное условие своего участия в переговорах.

Позднее русские условия приняла также и Англия.

В ожидании открытия переговоров, «из почтительности к императору Александру и принимая во внимание впечатление петербургского кабинета от приказа возвратиться французской эскадре», как заявил Валевский Киселеву, в Париже решили, что французские корабли не покинут берега Далмации вплоть до того или иного решения вопроса⁹⁴.

Более того, Наполеон и Валевский снова заговорили о «своевременности продемонстрировать согласие, установившееся в черногорском вопросе между двумя державами, появлением перед Рагузой кораблей

⁹³ Там же, д. 119, лл. 357—362. Горчаков — Киселеву, 16 (28) мая 1858 г.

⁹⁴ Там же, л. 48, лл. 365—366. Горчаков — Бутеневу, 26 мая (7 июня) 1858 г.

под русским и французским флагами». «Не для того, чтобы сражаться,— оговорился Наполеон,— а чтобы увидели наши объединенные флаги»⁹⁵.

22 мая (3 июня) 1858 г. Юшков получил от Киселева приказ сниматься с якоря, и 26 мая (7 июня) «Полкан» отплыл в Адриатическое море.

Присоединение русского корабля к французской эскадре произвело большое впечатление в Европе. Бельгийская газета «Indépendance» увидела в этом подтверждение существования согласия, «весьма интимного и очень энергичного», по вопросу о Черногории между Россией и Францией. «Франко-русский союз, о котором говорят уже давно,— писала газета,— теперь обнаружил себя совместными действиями России и Франции и в том, что касается прекращения блокады Черногории и отправления турецких войск в Боснию и Герцеговину, уже увенчался полным успехом»⁹⁶.

Особенно взволновалась по этому поводу Вена. Венские газеты называли французскую экспедицию в Адриатическое море «театральной», но это не мешало австрийскому правительству опасаться появления французской и русской флотилий у берегов Австрии. Венские газеты первыми закричали с возможности существования между Россией и Францией соглашения о разделе Турции⁹⁷.

В конце июня австрийская газета «Ost-Deutsche Post» опубликовала передовую статью под названием «Франция и Россия». В статье анализировались русско-французские отношения и читателям навязывался вывод, что союз между Россией и Францией невозможен; если же он существует, о чем писала европейская пресса, то он будет таким же эфемерным, как в свое время Тильзитский союз. Газета доказывала, что в настоящее время только восточный вопрос мог бы служить базой для франко-русского союза. Очевидно было, что австрийское правительство умышленно замалчивало возможность сближения царской России и наполеоновской Франции на базе итальянского вопроса⁹⁸.

Серьезные опасения внушала Австрии также позиция английского кабинета. Австрийские газеты утешались тем, что «согласие Англии и Франции по черногорскому вопросу неполное, и Англия поддерживает наилучшие отношения с венским кабинетом». Однако лондонская газета «Times» считала, что австрийский кабинет ведет опасную игру и напрасно дает повод Франции для вражды в момент, когда последняя ищет ссоры с Австрией. Подобными заявлениями своей прессы английское правительство заранее освобождало себя от обязанности принимать сторону Австрии в возможном между Австрией и Францией конфликте⁹⁹.

В Петербурге предчувствовали, что пребывание русского фрегата в Адриатическом море в лучшем случае будет бесцельным, если не на-

⁹⁵ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 116, лл. 233—234. Киселев — Горчакову, 28 мая (9 июня) 1858 г.

⁹⁶ АВПР, ф. Прессы, 1858 г., д. 20, л. 76.

⁹⁷ Там же, л. 4 об.

⁹⁸ Там же, лл. 81—82, 87, 93—95. «Nord», орган царского правительства в Европе, поместила статью, опровергающую аргументы «Ost-Deutsche Post» по поводу русско-французского союза. «Венская газета», — писала «Nord», — хотела бы посеять раздор между Францией и Россией и поэтому вооружается всякого рода доводами, чтобы доказать обоим нациям невозможность существования между ними союзнических отношений. «Nord» писала, что усилия «Ost-Deutsche Post» тщетны, так как ничто в настоящий момент не разделяет Россию и Францию, и если Франция считает долгом бороться против исключительного влияния России на Востоке, то во всяком случае не для того, чтобы в этом районе было установлено преобладание Англии и Австрии (там же, л. 234).

⁹⁹ Там же, л. 19, лл. 450 и 529.

вредит престижу России, так как «Полкан» будет безучастным свидетелем высадки турецких войск и продвижения их к границам Черногории.

Вообще в Петербурге трезвее оценивали обстановку и позицию Франции в черногорском вопросе, чем Киселев в Париже, который ежедневно выслушивал щедро расточаемые Наполеоном и Валуевским уверения в том, что Франция делает все, что в ее силах, для содействия России в Черногории.

Между тем Турция не переставала беспокоить черногорцев внезапными набегами и атаками. Командующий турецкими войсками в Албании Кемаль-эффенди заявил в Рагузе в присутствии русского и французского консулов, что не получал никакого приказа о прекращении военных действий. Турецкие транспорты с подкреплением прибывали к берегам Далмации, австрийские власти всеми мерами облегчали высадку турецких войск, а французские корабли накануне прибытия турецких судов в порт Гравозу покинули его.

Сообщая Киселеву эти и другие сведения, поступавшие из Константинополя и Вены, Горчаков указывал на несоответствие действительной обстановки в Черногории представлению, сложившемуся о ней в Париже¹⁰⁰.

В ответ Наполеон заявил Киселеву, что не скрывает от себя серьезности положения, но не считает возможным рассматривать концентрацию турецких войск в этом районе противоречащей формальным обязательствам Порты не возобновлять военных действий, так как трудно воспрепятствовать передвижению ее войск на ее собственной территории¹⁰¹. В Париже, однако, обещали предупредить Порту, что она возьмет на себя большую ответственность перед Европой и, в частности, перед Россией и Францией, если нарушит свои обязательства, прибегнув к насилию в отношении христиан¹⁰².

После объяснений с Наполеоном и Валуевским Киселев придерживался мнения, что переговоры по черногорскому вопросу вновь вступили на путь «настолько удовлетворительный, насколько то позволяли обстоятельства»¹⁰³. «Так,— продолжал Киселев,— французские корабли, которые должны были быть отозваны, остаются в Адриатическом море, где наш фрегат вскоре присоединится к ним соответственно выраженному императором Наполеоном желанию видеть оба флага объединенными в одном общем деле»¹⁰⁴. Французский посол в Константинополе получил приказ действовать в духе инструкций, которые будут посланы Бутеневу¹⁰⁵.

«Французское правительство,— доносил в тот же день Киселев,— думало, что своевременная уступка¹⁰⁶ ускорит ход событий и приблизит результаты».

По мнению посла, Наполеон III руководствовался во всех своих

¹⁰⁰ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 182, л. 108. Кнорринг — Горчакову, 16/28 мая 1858 г.; д. 120, л. 256. Горчаков — Киселеву, 23 мая (4 июня) 1858 г.

¹⁰¹ Там же, д. 116, л. 229. Киселев — Горчакову, 28 мая (9 июня) 1858 г.

¹⁰² Там же, л. 361. Киселев — Горчакову, 3/15 июня 1858 г.

¹⁰³ Слова Киселева отмечены Александром II, и на полях депеши имеется его помета: «Т. е. ничуть неудовлетворительный».

¹⁰⁴ Подчеркнуто Александром II с пометой: «Но ничуть не моему (желанию)».

¹⁰⁵ Подчеркнуто Александром II с пометой: «Чтобы их не придерживать» (АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 116, лл. 219—226. Киселев — Горчакову, 28 мая (9 июня) 1858 г.).

¹⁰⁶ Подчеркнуто Александром II с пометой: «Мы не считаем ее своевременной».

действиях только желанием быть полезным России, ибо Франция не греследовала никакого интереса в черногорском вопросе и не собиралась им заниматься. Киселев верил, что черногорский вопрос являлся для Франции второстепенным, в чем не переставали убеждать его французские дипломаты¹⁰⁷. Киселев уверял, что давно ничего не слышал о страхе Наполеона перед Англией¹⁰⁸, несмотря на то, что его разделяет с ней множество разногласий и Англия усиленно вооружается. Одним словом, Киселев считал результаты в черногорском вопросе еще неполными, но удовлетворительными¹⁰⁹.

«Я с горечью замечая,— резюмировал царь,— что он (Киселев. — Р. Р.), кажется, ничего не понимает, ни смысла, ни серьезности позиции, которую Франция первоначально заняла в черногорском вопросе, ни наших сожалений при виде столь резкой ее перемены. Все, что он говорит, по-моему, не имеет никакого значения, и печально видеть, что наш посол довольствуется и даже поддерживает столь неудовлетворительные объяснения, которые ему рсточают»¹¹⁰.

Однако необходимо было форсировать открытие переговоров по черногорскому вопросу, и вне зависимости от характера позиции Франции России нужно было добиться удовлетворения некоторых своих требований. Максимум, чего в этот момент желала достигнуть Россия в черногорском вопросе,— это признания независимости Черногории Портой и европейскими державами; минимум — сохранения status quo, проведения новой пограничной линии с некоторыми территориальными уступками в пользу Черногории, за которые последняя платила бы Порте арендную плату.

Чтобы достигнуть разграничения Турции и Черногории, царское правительство соглашалось отказаться от некоторых ранее выдвинутых им условий участия в константинопольских переговорах. Так, «идя навстречу желаниям Наполеона», писал Горчаков в Париж, царское правительство не настаивало на своей первоначальной редакции второго условия, сформулированного Горчаковым в письме к Киселеву от 16 (28) мая 1858 г., и отказывалось от термина «гарантии», «который, кажется, не понравился Валуевскому». В отношении третьего условия — участия черногорского комиссара в константинопольских переговорах на равной ноге с представителями держав — русское правительство соглашалось не ставить его более как предварительное условие, если оно встретит со стороны других держав непреодолимое препятствие, и ограничивалось предложением вызвать в Константинополь черногорского комиссара, если в ходе переговоров это сочтено будет необходимым. «Русский император,— писал Горчаков,— полагает, что трудно дать

¹⁰⁷ Однако Петкович по-прежнему сообщал в Петербург, что Даниил, уже вернувший себе к тому времени «милость» русского императора и снова «заслуживший» денежную субсидию России, все еще имел «паклонность предпочтительно к Франции», возросшую со времени появления в Адриатическом море французских кораблей и посещения Цетинье адмиралом Гравьером. Французам незамедлительно стало известно, что Петкович передал князю 4600 австрийских червонцев, составлявших 2/3 ежегодной субсидии Черногории. Геккарт тотчас же предложил такую же сумму от имени Франции, и черногорский князь ее принял (АВПР, ф. Гл. архива V-A₂, 1858 г., д. 717, л. 112. Петкович — Ковалевскому, 8/20 июля 1858 г.). В конце 1858 г. русский посол сообщал из Вены, что французские агенты беспрерывно посещают Цетинье. Во избежание усиления французского влияния на славянские народы посол считал необходимым «присматривать» за действиями этих агентов (там же, л. 307. Балабин — Ковалевскому, 29 декабря 1858 г. (10 января) 1859 г.).

¹⁰⁸ Помета Александра II: «Факты, однако, об этом говорят».

¹⁰⁹ Подчеркнуто Александром II с пометой: «Мы этого еще не видим».

¹¹⁰ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 115, лл. 471—474. Киселев — Горчакову, 28 мая (9 июня) 1858 г.

большее доказательство желанию действовать в согласии с императором Наполеоном»¹¹¹. Последняя уступка царской дипломатии действительно была существенной и лишала французское правительство основания для дальнейшего отступления в черногорском вопросе.

Накануне получения письма Горчакова в Париже английский кабинет предложил доверить демаркацию черногоро-турецкой границы английскому, французскому и турецкому инженерам-специалистам, которые заменили бы комиссаров пяти держав. Когда Бруннов поинтересовался причинами, заставившими Англию выдвинуть это новое предложение, Мальмсбери ответил, что эта идея принадлежит не ему, а что она внушена ему Валуевским. «Я не могу этому поверить!!!» — написал Александр II на полях депеши Бруннова¹¹².

Как бы там ни было, но после письма Горчакова от 6 (18) июня о посылке на границу инженеров-специалистов больше не говорили. Валуевский заявил Киселеву, что он отклонил это предложение, которое сделал ему Каулей (английский посол в Париже) и которое приняла Австрия. Александр II, доверчивость которого в данном случае не соответствовала характеру его прежних замечаний, сделал на полях депеши Киселева против подчеркнутых им слов помету: «И англичане имеют дерзость утверждать, что это предложение исходит от Валуевского»¹¹³.

Тувенелю, который сообщал в Париж, что ему не удастся заставить Порту принять в Константинополе черногорского комиссара, Валуевский предписал использовать все возможные средства и добиться от Порты согласия на участие в переговорах черногорского делегата, что ни с какой стороны не затрагивало вопроса о независимости Черногории и отвечало желанию России¹¹⁴.

Буркеней заявил по этому поводу Кноррингу, что в черногорском деле Россия всегда идет немного «вперед Франции», но последняя старается не отставать и добивается результатов, близких желаниям России. Сохранение согласия, по мнению Буркеней, становилось делом нетрудным¹¹⁵.

В середине июня английский кабинет выдвинул третье, наиболее конкретное предложение. Вообще Англия брала инициативу в черногорском вопросе всякий раз, когда могла закрепить путем официальных предложений уступки России и Франции. В свое время речь шла о том, что демаркационную линию обсудит и установит на местах комиссия из представителей пяти держав с участием турецкого и черногорского комиссаров. Потом согласились с тем, чтобы вопрос обсуждался не европейской комиссией, а представителями держав в Константинополе, при условии участия в переговорах черногорского комиссара. Наконец, после долгих дебатов по вопросу об участии в переговорах черногорского комиссара, после уступки царского правительства в этом вопросе Англия сформулировала следующее предложение: собрать 3/15 июля в Рагузе комиссаров России, Англии, Франции, Австрии и Пруссии, которые, произведя обследование на местах при содействии комиссаров Турции и Черногории¹¹⁶, передадут результаты своей работы на обсуж-

¹¹¹ Там же, д. 120, лл. 275—281. Горчаков — Киселеву, 6(18) июня 1858 г.

¹¹² Там же, д. 96, л. 201. Бруннов — Горчакову, 10/22 июня 1858 г.

¹¹³ Там же, д. 116, л. 332. Киселев — Горчакову, 18/30 июня 1858 г.

¹¹⁴ Там же, лл. 291—292. Киселев — Горчакову, 4/16 июня 1858 г.

¹¹⁵ Там же, д. 182, л. 115. Кнорринг — Горчакову, 4/16 июня 1858 г.

¹¹⁶ Валуевский писал в Петербург, что это Франция настояла, чтобы Черногория была представлена в комиссии (АВПР, ф. Гл. архива, V-A₂, 1858 г., д. 717, л. 301. Валуевский — Монтебелло (французскому послу в Петербурге), 17/29 июня 1858 г.).

дение представителей держав в Константинополе; последние сговорятся с Портой о финальном соглашении с приложением к дипломатическому документу составленной комиссией карты¹¹⁷.

Державы согласились с предложенным Англией планом демаркации. Однако наступило 3/15 июля, а комиссары по разграничению Турции и Черногории еще не начинали своей работы: Австрия и Порта возражали против допущения в комиссию делегата, назначенного князем Даниилом.

В результате объяснений между великим визирем и представителями России, Франции и Англии Али-паша, наконец, согласился на присутствие в комиссии черногорца, и соответствующий приказ был отдан только 24 июля (5 августа) 1858 г., когда комиссия смогла в конце концов начать работу.

Но работа комиссии не проходила спокойно. Турция продолжала концентрировать войска вокруг Черногории. По предписанию своих правительств, Бутенев и Тувенель добились формального обязательства Порты полностью прекратить дальнейшую отставку войск в Герцеговину и обещания отозвать войска, «когда там будет восстановлен порядок». Горчаков и Валуевский сделали предупреждение Порте о том, что невыполнение этих обязательств повлечет за собой осуществление «первоначальных намерений» России и Франции, т. е. признание независимости Черногории и защиту ее¹¹⁸. Турецкому министру Фуаду-паше даже якобы намекнули, что оттоманской миссии в Париже будут отпущены паспорта¹¹⁹. При этом, по инициативе Франции, Порте было объявлено, что ей не следует не только атаковать, но и блокировать Черногорию. «Мы отдаем должное проницательности Валуевского, — писал Горчаков, — который установил, что не существует разницы между этими способами в смысле практических результатов, из них вытекающих»¹²⁰.

Тувенель заявил в Константинополе, что туркам предстоит решить вопрос, хотят ли они вместо двух французских кораблей видеть в Рагузе десять, к которым присоединилась бы русская эскадра из Балтики¹²¹.

Когда же в середине июля три тысячи турок все же перешли черногорскую границу¹²², Тувенель получил приказ немедленно потребовать отступления турок, а в случае отказа — покинуть Константинополь. «Это блестяще!» — написал царь, не ожидая такой реакции со стороны Франции¹²³. Порта в тот же день пообещала немедленно отозвать часть регулярных войск из этого района. «Вот уже результаты французских демаршей», — выразил свое удовлетворение Александр II¹²⁴.

12/24 августа между черногорцами и турками было заключено перемирие, а комиссия по разграничению, окончив работу на местах, воз-

¹¹⁷ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 96, лл. 202—203. Бруннов — Горчакову, 10/22 июня 1858 г.

¹¹⁸ Там же, д. 117, л. 7. Киселев — Горчакову, 24 июня (6 июля) 1858 г.

¹¹⁹ АВПР, ф. Прессы, 1858 г., д. 20, л. 212.

¹²⁰ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 48, л. 409. Горчаков — Бутеневу, 25 июня (7 июля) 1858 г.

¹²¹ Там же, д. 45, л. 562. Тувенель — Бутеневу, 29 июня (11 июля) 1858 г. (копия).

¹²² Александр II написал по этому поводу: «Это подло после данных обещаний! Вот случай для Франции приступить к обещанным мероприятиям. Понадеемся, что на этот раз по крайней мере она не отступит!» (там же, д. 181, л. 460. Кнорринг — Горчакову, 14/26 июля 1858 г.).

¹²³ Там же, д. 47, л. 6 (Валуевский — Тувенелю, 16(28) июля 1858 г., копия); д. 116, л. 428 (Киселев — Горчакову, 16/28 июля 1858 г.).

¹²⁴ Там же, д. 45, л. 572. Бутенев — Горчакову, 16/28 июля 1858 г.

вратилась в Рагузу. 25 августа (6 сентября) 1858 г. комиссары выехали в Константинополь, чтобы доложить представителям держав результаты своей работы. 27 октября (8 ноября) состоялось пятое и последнее заседание конференции по разграничению Турции и Черногории и подписание соответствующего протокола представителями держав и оттоманским правительством. «Это доказывает только, — написал царь при известии об окончании работы конференции в Константинополе, — что соглашение между нами и Францией во всех серьезных вопросах сможет привести к результату, которого мы пожелаем, и Англия, несмотря на свое недоброжелательство, должна будет ему подчиниться»¹²⁵.

Накануне подписания протокола о разграничении лорд Редклиф (английский посол в Турции) якобы признался султану, что согласие между Россией и Францией, которое он предвидел сразу же по заключении Парижского мира, наибольшим образом проявилось в политике, которой обе державы следовали в вопросе о Черногории¹²⁶.

Выгода от конференции для Черногории была невелика. Кроме Грахова, Черногория получала некоторые земли с лесом и пастбищами со стороны Герцеговины и небольшие спорные районы со стороны Албании, что фактически издавна ей принадлежало. Черногория по-прежнему оставалась отрезанной от моря. Горчаков заметил по поводу разграничения, что это печальное и временное примирение¹²⁷. Но России удалось заставить Порту не заявить своих претензий на сюзеренитет над Черногорией. Участие держав в конференции по разграничению означало моральное признание Турции и Черногории воюющими сторонами, независимыми друг от друга. В этом состояло положительное значение конвенции, подписанной в Константинополе 27 октября (8 ноября) 1858 г.

* * *

Так закончился один из этапов истории русско-черногорских отношений, который с очевидностью доказывает, что независимо от целей политики царского правительства на Балканском полуострове, объективным результатом действий русской дипломатии в черногорском вопросе в рассматриваемый период было предотвращение закабаления Черногории Турцией. В 1858 г. ослабленной России, утратившей на время политическое влияние в Европе после поражения в Крымской войне, не удалось еще добиться признания независимости Черногории Портой и европейскими державами. Но Россия не допустила установления над Черногорией сюзеренитета Турции, поощряемого западноевропейскими державами. Используя заинтересованность Наполеона III в содействии России французским планам войны против Австрии, царское правительство добилось в черногорском вопросе дипломатического контакта с Францией, который даже при всей непоследовательности и колебаниях, обнаруженных Францией, объективно сыграл положительную роль в судьбе черногорского народа.

Независимым государством Черногория, как известно, была провозглашена на Берлинском конгрессе 1878 г. в результате побед, одержанных русской армией во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Территория Черногории была увеличена более чем вдвое, и черногорский народ вновь обрел плодородные равнинные земли и порт на Адриатическом море.

¹²⁵ Там же, д. 97, л. 330. Бруннов — Горчакову, 12/24 ноября 1858 г.

¹²⁶ АВПР, ф. Прессы, 1858 г., д. 21, л. 239.

¹²⁷ АВПР, ф. Канцелярии, 1858 г., д. 118, л. 478. Киселев — Горчакову, 24 сентября (6 октября) 1858 г.

А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ЧАСТНЫХ ЗАВОДОВ НА УРАЛЕ
В НАЧАЛЕ XVIII В.

В изучении проблемы генезиса капитализма в России важная роль принадлежит выяснению первых шагов частного промышленного предпринимательства. С этой точки зрения представляет определенный интерес история частных металлургических заводов, позволяющая конкретно показать ростки новых буржуазных отношений в экономике России и обстановку деятельности основанных на частном капитале крупных промышленных предприятий.

Данная статья является попыткой осветить один из аспектов этой большой темы на примере предприятий Ф. И. Молодого.

Из литературы известно, что в самом начале XVIII в. на Урале возникают и действуют металлургические заводы двух частных промышленников — Н. Демидова и Ф. Молодого. О Демидовых и их заводах на Урале в советской историографии мы имеем большое, богато документированное исследование Б. Б. Кафенгауза¹. След, оставленный в истории металлургии Урала «рудным промышленником» Федором Ивановичем Молодым, разумеется, менее заметен, чем след его современника Никиты Демидова, родоначальника фамилии крупнейших заводчиков Урала и всей России. Куда более скромны и заводы Молодого (к тому же недолговечные) в сравнении с демидовскими. Тем не менее Ф. Молодой и его деятельность заслуживают внимания не только потому, что он является одним из пионеров частной металлургии на Урале (он всего на два года позже Н. Демидова стал владельцем собственного завода). Привлеченный нами архивный материал, в большей своей части не использовавшийся ранее, раскрывает перед исследователем, как на практике осуществлялись начинания первых промышленников на Урале и в какие отношения вступали эти заводчики с мелким товарным производством крестьян-металлургов. Если Н. Демидов был поставлен правительством в особо привилегированное положение, то Ф. Молодой принадлежал к тем частным предпринимателям, которые больше действовали на свой риск и страх, чем рассчитывали на поддержку

¹ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.—Л., 1949. Правда, имеется еще указание источников на факт постройки в 1704 г. «московитином» Ларионом Игнатьевым Шувакинского «ручного» завода. В 1706 г. Игнатьев уже лишился своего завода, который за долги у него отобрали и передали гостинной сотни Степану Болотову за 300 руб. (по оценке). В течение 1704—1709 гг. на заводе было 4 молота больших, 2 молота малых и 4 мехов ручных. В 1710 г. во время нападения башкир завод подвергся полному разгрому и, по-видимому, прекратил свое существование (см. В. Н. Шишонко. Пермская летопись с 1263—1881 гг., период пятый, ч. 3, Пермь, 1889, стр. 305; ср. также: Гос. архив Свердловской обл. (ГАСО), ф. Н. К. Чупина, д. 155, л. 13). Других сведений об этом предприятии пока не удалось обнаружить.

государства. Все это заставляет признать правомерность сделанного нами выбора, тем более, что специальных работ на данную тему нет, а в существующей историографии по интересующему нас вопросу содержатся лишь краткие упоминания².

Очень скупы биографические данные о Молодом. Было известно, что он «уфимец», «уфимский житель», построивший в 1704 г. завод на Урале, а позже некоторое время состоявший управителем казенного медеплавильного завода. Вот в сущности и все, что на этот счет сообщалось в литературе. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы позволяют добавить несколько небезынтересных данных об этом человеке, прожившем бурную, со многими превратностями судьбы жизнь. В ходе следствия 1707 г. (о котором речь будет ниже) Ф. Молодой показал, что он лет за десять до этого был в Астрахани, где общался с «гулящими людьми». Возможно, что Молодой имел какое-то отношение к работе на Астраханских селитренных заводах, так как в «расспросных речах» упоминает о них, полагая, что на Урале можно развернуть промысел селитры «против Астраханского селитренного заводу», а выработанный из нее порох «ценою меньше астраханского станет»³. При осмотре Молодого в Сибирском приказе в том же году было обнаружено, что «он, Федор, питан и запятнан в левую щоку»⁴. Молодой был грамотным человеком. Сохранились челобитные, писанные его рукой. У него при обыске нашли «тетрати» и столбцы, которые были исписаны им разного рода «приворотными» словами, назначение которых было, по его объяснению, в том, чтобы «люди к нему добры были» и женщины отвечали взаимностью в любви. Вероятно, для обучения своих детей (а может быть, и кого-нибудь из управителей созданного им завода — грамотные люди были очень нужны заводчику) у Молодого находились «псалтирь учебная», «доска каменная учебная» и «счетная доска».

Молодой оказался довольно восприимчивым к новым веяниям в области культуры и быта петровского времени. Став заводчиком, он обзавелся одеждой заграничного покроя и некоторыми предметами западноевропейского обихода. В гардеробе Молодого имелись кафтаны французские суконные, зеленого и василькового цвета, кафтан венгерский, «кунтуши» польские, атласный камзол «вишневый, пуговицы обшиты серебром пряченым», штаны атласные немецкие, «чулки гарусные гвоздичные немецкие», немецкие сапоги и т. п. Из Москвы на Урал он привез также зрительную трубу, шведскую шпагу и даже «органы пятиголосные с мехами». У Молодого нашли такой деликатес того времени, как сахар⁵.

² Н. К. Чупин. Сборник статей, касающихся Пермской губернии, вып. 1. Пермь, 1882, стр. 155; В. Н. Шишонко. Указ. соч., пятый период, ч. 3. Пермь, 1889, стр. 305—307; П. Г. Любимов. Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX века. М., 1947, стр. 340, 344; М. Ф. Злотников. Первое описание уральских и сибирских заводов.— В кн.: В. де Геннин. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937, стр. 23 (автор ошибочно относит к числу казенных построенный в 1704 г. Молодым завод); Д. А. Кашинцев. История металлургии Урала, т. I. М.—Л., 1939, стр. 24 (речь идет о заводе Молодого, но имя заводчика не упоминается); Е. И. Зазерская. Список мануфактур, возникших при Петре I.— «Исторические записки», т. 19, стр. 263 (краткие сведения о судьбе завода Молодого до 1725 г.); М. Н. Мартынов. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948, стр. 23—24, 28; Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 155; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 146, 296 (о Молодом как управителе медеплавильного завода).

³ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, лл. 37 об.—38.

⁴ Там же, л. 39 об. По некоторым, весьма глухим намекам источников можно предполагать, что Ф. Молодой имел какие-то связи с фальшивомонетчиками.

⁵ Там же, лл. 17—18.

Точно нельзя сказать, из какой именно среды происходил Молодой. Его называют «уфимцем», «уфимским жителем». Вероятнее всего, он был выходцем из посадских людей. Не исключено также, что Ф. Молодой имел какие-то родственные связи с павловскими кузнецами Молодыми, один из которых (Дмитрий) упоминается в документах XVII в. Не имеем мы данных и о том, каким образом ему удалось накопить средства, чтобы стать предпринимателем, которым его видим уже с первого знакомства.

В 1704 г. Ф. И. Молодому были даны именным указ Петра I и распоряжение Приказа рудокопных дел о разрешении вести поиски полезных ископаемых — золота, серебра, меди, железа и др. — в Галицком, Вятском, Кунгурском уездах и в сибирских городах. В случае находки «рудных мест» Молодой получал право «заводы заводить и из руд товары делать своими проторями и работными людьми», поставив обо всем в известность названный приказ⁶. Из челобитных Ф. Молодого узнаем некоторые более подробные сведения относительно условий, на которых промышленник должен был строить заводы. «А те руды и рудные места, — писал Молодой в августе 1707 г., — отданы мне с 704-го [году] впредь на 30 лет, а в тех урочных годах владеть мне, какой завод ни заведу..., безоборочно и безпошлинно 4 года, а железной 6 лет»⁷.

Острая потребность в отечественном металле, которая особенно стала ощущаться в первые годы Северной войны, заставила правительство более внимательно отнестись к инициативе частных лиц, предлагавших свои услуги в этом важном деле. По-видимому, Ф. Молодой уже имел на примете определенные «рудные места», так как довольно быстро (в том же 1704 г.) сумел построить железоделательный завод на р. Мазуевке, в Кунгурском уезде, в 45 верстах от г. Кунгура. Как он сам указывал в одном из челобитий, там ему удалось «обыскать» «место с рудными угодьями, а руда в тех местах есть железная, а иных медных, свинцовых, серных признаки самые добрые»⁸. При помощи местных «рудознатцев», которых Молодой всячески привлекал на свою сторону, промышленник «обискал» признаки меди и даже, как он уверял, серебра в вотчинах Г. Д. Строганова. Но «приказные люди» прикамского магната не позволили проводить разработки руды в его вотчинах, применив силу. Молодой вынужден был уступить, невзирая на то, что правительственным указом ему разрешалось искать руды и на частновладельческих землях, — противостоять могущественному вельможе он, разумеется, не мог.

Принимаясь за постройку завода, Молодой встретился с не менее серьезными затруднениями. Местное население отнеслось к нему весьма недоброжелательно, а в ряде случаев и прямо враждебно. В представлении крестьян и посадских людей постройка завода связывалась с увеличением повинностей, тяжесть которых они уже испытали незадолго перед тем

⁶ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, лл. 5, 42 об. и др. Царский указ был датирован 23 января 1704 г. (см. ГАСО, ф. Н. К. Чупина, д. 193, л. 43).

⁷ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, л. 42 об. Встречается указание, что Ф. Молодой, как и ряд других промышленников, получил разрешение на откуп руды из «десятого пуда», т. е. с обязательством поставлять государству 10% продукции своих заводов («Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого», т. I, СПб., 1880, стр. 125). Согласно другому свидетельству, Молодому было поставлено также условие «как урочные годы его владения выдут, и у него те заводы взяты на нас, великого государя, по оценке». (ГАСО, ф. Н. К. Чупина, д. 193, л. 46).

⁸ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, л. 5. Еще в феврале 1703 г. Молодой получил в Москве у «горных дел надзорщика» И. Ф. Патрушева 100 руб. задатка, обязавшись «сделать в нынешнем году в Тобольском или в Курганском уездах к железных заводов припасы железного запаса» (ЦГАДА, ф. Юстиц-коллегии, записная книга № 1032, л. 447. Документ любезно указан нам Г. Д. Капустиной).

и против которых столь энергично восстали в 1703 г.⁹ Подобная реакция жителей на промышленное строительство начала XVIII в. наблюдалась почти повсеместно в России¹⁰. Местные власти также нередко намеренно чинили препятствия постройке заводов, ибо это было связано с большими хлопотами и серьезной ответственностью. К тому же местная администрация прекрасно знала отрицательное отношение населения к данному вопросу и потому вольно или невольно «норовила» саботажу правительственных мероприятий.

Когда Молодой обратился к кунгурским земским бурмистрам с просьбой отвести земельный участок под завод, они, вопреки указу из Москвы, всячески затягивали исполнение распоряжения. Убедившись, что официального отвода он может и не дожидаться, Ф. Молодой решил действовать иным путем. Воспользовавшись известной свободой отчуждения земельных угодий, которая наблюдалась во всех черносозных уездах, он купил участок земли с мельницей на берегу р. Мазуевки, недалеко от рудных месторождений, и начал строительство. В июле 1705 г. Ф. Молодой не без гордости заявил приехавшему в Кунгур подьячему Приказа рудных дел: «И с прошлого 704 году августа с 1-го числа около реки Мазуевки на заводы лесов почал промышлять на лари, брусье, тес, бревна, на хоромное строение и на угольное зжение дрова и уголье и железная руда в припасе есть»¹¹. Из частного письма промышленника узнаем, что осень помешала полностью завершить возведение плотины в 1704 г. Однако к тому времени успели построить довольно большую кузницу (5 на 5 сажен) «и в ней 6 печек каменных на железную руду и 3 горна ковальные каменные зделали». Срубили также избу работным людям, заложили «покой» владельцу завода, «хоромы» столярам и мастеровым людям¹².

Несмотря на незавершенность строительных работ, Ф. Молодой спешил с пуском завода, и с 30 декабря 1704 г. ему удалось наладить производство железа и уклада. Судя по собственному признанию заводчика, на первых порах деятельности предприятия особенно ощущалась острая нехватка рабочих рук. «А железо худо делаетца для того, что мы угольными мастерами скудны зело, только делают 20 человек», — сообщал Молодой. Но не только недостаток угольных мастеров тормозил работу завода. «Скудость людьми» сказала и в том, что «некому наряжать и розряду чинить», т. е. не доставало и опытных администраторов, знакомых с организацией производства¹³. Эти затруднения усугублялись сложным финансовым положением завода. Нам неизвестно, каков был первоначальный капитал Молодого, вложенный им в дело. По его собственным словам, завод ему встал «во многие деньги»¹⁴. Заводчик изрядно пострадался. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что какие-то пожитки Молодого, находившиеся в Москве, были им заложены, а выкупить их он смог только в 1706 г., когда более или менее пошли на лад его дела с заводом.

⁹ См. мою статью в «Исторических записках», т. 58, стр. 246—259.

¹⁰ Ю. И. Гессен. История горнорабочих СССР, т. I. М.—Л., 1926, стр. 11—13 и сл.

¹¹ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, лл. 5, 10.

¹² Там же, л. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ По данным тульских заводчиков, постройка одного ручного горна в первой половине XVIII в. обходилась в 67—125 руб. (С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I. М., 1954, стр. 42). Завод о восьми ручных горнах, расположенный около Торжка, стоил в 1725 г. около 5 тыс. руб. (там же, стр. 43). На заводе Молодого были, как известно, большие кирпичные горны, которые стоили, разумеется, намного дороже ручных. Из этих данных можно приблизительно заключить, что Молодой должен был нести значительные расходы (не менее, надо полагать, 2 тыс. руб.), строя свой завод.

Чтобы не погубить задуманного предприятия, Молодой был вынужден искать себе компаньонов. Несколько позднее, в 1707 г., Молодой в челобитной, поданной в Сибирский приказ, указывал, что «от того рудного прииску и от железного заводу одолжал я многими долгами... И к тому вышеписанному железному заводу и к ыным промыслам принял я к себе ради скудости в таварыщи для таких заводов гостиней сотни Петра Федорова сына Мялицына да устюжской полусотни Алексея Родионова сына Пороховщикова»¹⁵. Уже в 1705 г. между Молодым и его «товарищами» завязывается деловая переписка, свидетельствующая, что соглашение о заводе было в основном достигнуто.

Самый факт привлечения к участию в создании промышленного предприятия крупных торговых людей является знаменательным. Он лишний раз свидетельствует, что денежные средства, накопленные в торговле, начинают все активнее перемещаться в сферу производства. Что касается А. Р. Пороховщикова, то он не был новичком в промышленном предпринимательстве. В Москве он имел пороховые заводы, о чем не раз упоминается в источниках¹⁶. Судя по письму, адресованному А. Р. Пороховщикову гостиней сотни Андреем Ростовцевым, этот последний также имел какое-то отношение к делу Ф. Молодого и вместе с тем был связан с производством пороха¹⁷. Важно подчеркнуть и другое. Стремление обладателей торгового капитала и промышленных предпринимателей центральной России расширить свою деятельность и распространить ее на окраины страны — характерный симптом времени. Нет сомнений в том, что, например, А. Р. Пороховщиков, отправившись в 1707 г. лично на Урал, надеялся заняться там добычей селитры, известия о которой он получил от Ф. Молодого. Эксплуатация сырьевых ресурсов Урала манила частных промышленников. Пороховщиков и Ростовцев хорошо понимали, что если «подале в сибирския города ехать, там ценою продают больши»¹⁸. Поэтому постройка селитренного или порохового завода на Урале обеспечила бы повышение доходов этих промышленников, в значительной мере избавив их от больших транспортных издержек.

Правда, компаньоны Молодого не без опаски приняли его предложение. Они очень боялись понести убытки. Для большей надежности один из «товарищей» Молодого, А. Р. Пороховщиков, послал на Мазуевский завод своего двоюродного брата Сидора Семенова, который должен был познакомиться с состоянием завода и определить, какие выгоды от него можно ожидать «и есть ли путь в том деле». Молодой согласился назначить Сидора Семенова приказчиком завода и все заботы по организации работ фактически возложил на него, так как сам он часто находился в отлучках, добывая различные «снасти» для завода и подбирая мастеровых людей. Другой компаньон, П. Ф. Мялицын, также счел необходимым иметь на Мазуевском заводе своего человека. С этой целью он отправил в качестве помощника Молодого своего подручного Никифора Ильина

¹⁵ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, л. 42 об.

¹⁶ Там же, лл. 12 об., 27, 30. Кроме «малого завода» на Б. Дмитровке, он владел большим пороховым заводом, «что на Черной грязи», совместно с А. Ростовцевым и Герасимом Игнатьевым. О размерах этого предприятия говорит хотя бы тот факт, что в 1706 г. компаньоны купили для порохового завода 6800 пудов селитры у казашевца Андрея Турки и «черкашенина» Захара Якимова. «Большой завод» работал на «великого государя», поставляя порох в казну. Но малый завод (или, как его называет Пороховщиков, «двор») производил продукцию на рынок. По словам его владельца, порох продавался на Макарьевской и других ярмарках.

¹⁷ Там же, л. 2 об.; ср. лл. 22—22 об., 28 об.

¹⁸ Там же, л. 2 об. Недаром Пороховщиков привез с собой на Урал три больших медных котла для варки селитры (там же, л. 15).

(Огнева). Поставленную перед ним задачу сам Н. Огнев определил в следующих словах: «Послан де он с Москвы от хозяина своего Петра Мялицына меньшево на Кунгур, в деревню Мазуевку с Федором Молодым для досмотру заводов и промыслу рудных дел, буде те иво, Федоровы, заводы годны..., и велено де ему от хозяина промышлять с Федором Молодым на заводах вместе»¹⁹.

Мазуевский завод вырабатывал железо и сталь («уклад»). Железо производилось как кричное, так и «обжатое», когда крицы подвергались расковке с целью удаления шлака. Готовая продукция продавалась на месте, а также поступала на более отдаленные рынки. Значительные партии железа шли, например, на Макарьевскую ярмарку. В 1705 г. А. Р. Пороховщиков писал С. Семенову на Мазуевский завод: «Привези тысецю или другую пуд, а стали привези колько-нибудь пудов, а ценою спроси, по чему железо пуд такожде и стали. А с тем железом и сталью приезжай сам к Макарью». В другом письме он вновь напоминает: «И ты к Макарьевской ярмонке приезжай с товаром, колько выделаете, а без товару не езд»²⁰. Одновременно Молодой не отказывался от поставок железа по подрядам, особенно в тех случаях, когда ощущалась острая нужда в деньгах. Так, вскоре после пуска завода он сообщил какому-то Федору Давыдовичу (вероятно, своему кредитору), что «подрядился, нужды ради денежной, в 1 тысецю пуд, взял 100 рублей, и у людей в долг набрали 50 рублей и боле, а за пуд взяли по 2 гривны, и теми деньгами снабдеваемся»²¹.

Завод обслуживался целиком наемным трудом²². Надо полагать, количество работных людей достигало нескольких десятков. Кроме «угольных мастеров», которых было не менее 20 чел., в источниках упоминаются меховой мастер, которому надлежало «мехи...делать скоро»²³, плотинные мастера, ученик «рудных дел». На заводе работало также несколько кузнецов. Одного из них Молодой завербовал из с. Павлова Нижегородского уезда. По аналогии с небольшими металлургическими предприятиями других районов («ручными» заводами) можно заключить, что на заводе Молодого было занято не менее 50 наемных работников. В качестве рудокопов и заготовщиков леса на дрова и уголь выступали чаще всего местные крестьяне. В 1706 г., например, С. Семенов порядил крестьян Кунгурского уезда Мокея Чердынца, Артемия Кобелева, Григория Казанцева и Ивана Константинова «копать железную руду в оброчных местах на Советинской горе, а рядили де они с пуда по 2 деньги»²⁴. Молодой использовал также на заводе своего «человека», находившегося у него «в работе». В январе 1707 г. заводчик привез с собой из Москвы «для прекормления» сироту Максима Стригина. Молодой привлек еще к себе на работу известного в тех местах «рудозная» татарина Боляка Русаева. Всех сколько-нибудь сведущих в поисках руд жителей Молодой приглашал приносить ему на завод образцы и указывать расположение новых месторождений. За оказанные услуги он наделял табакон, который специально для этой цели покупал. Одним словом, Молодой пытался всеми доступными ему средствами вербовать людей для завода. Интересно отметить, что ближайшим помощником заводчика по части опробования руд являлась его жена Федора Ильина, причем она выполняла эту работу вполне самостоятельно.

¹⁹ Там же, л. 15 об.

²⁰ Там же, лл. 7, 8.

²¹ Там же, л. 6 об.

²² Там же, л. 25 об.; д. 1355, л. 1 об.

²³ Там же, д. 1065, л. 7.

²⁴ ЦГАДА, ф. Кунгурской земской избы, д. 4, лл. 569 об.—570 об. Это была установившаяся уже на заводе расценка (ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, л. 29).

Когда она «чинила опыт» селитры, найденной в Кунгурском уезде, то воевода потребовал у нее сказку за ее рукой о результатах опыта²⁵.

Мы не имеем достаточных данных, чтобы судить об объеме продукции, выпускавшейся Мазуевским заводом. (Вообще сохранившиеся источники говорят преимущественно о судьбе заводчика, а не о самом предприятии). Разумеется, завод Молодого значительно уступал в этом отношении предприятиям Демидова или казенным заводам Урала начала XVIII в. Тем не менее предприятие Молодого было довольно крупным для того времени и по количеству занятых на нем людей, и по своим размерам, и по объему продукции. С заводом трудно было соперничать мелким крестьянским предприятиям, имевшим обычно всего по одному горну.

В первые дни работы завода, жалуясь на нехватку угля, Молодой утверждал, что «если б довольны было уголья, и нашим заводом мочно в сутки делать по 50 пуд железа, а укладу в прибавку делать мочно»²⁶. На допросе в Сибирском приказе в апреле 1707 г. Молодой сказал, что «если де воевода Михайло Трусов припасов, которые у него на тех заводах были изготовлены, не отписал на государя, и он бы де в сутки теми припасы поставил пуд по 50 тульского, которое каракульное продают на Москве ценою против прошлого 706-го году пуд по 8 гривен за готовым угольем и рудою»²⁷. Таким образом, Молодой определял возможную годовую производительность завода примерно в 15 тыс. пудов.

В нашем распоряжении нет сколько-нибудь полных сведений, чтобы проверить, достигал ли Мазуевский завод названной Молодым возможной годовой выработки. Если учесть, что по целому ряду причин условия для работы завода складывались весьма неблагоприятно, то вряд ли можно говорить о достижении названного выше уровня. В какой-то мере о производительности завода можно составить представление по «расспросным речам» приказчика С. Семенова. Давая показания перед воеводой М. С. Трусовым 8 марта 1707 г., он так охарактеризовал работу завода: «А в сутки де в печках железо плавил он (Семенов.— А. П.) по дважды, а руды де клал в печку по 4 пуда, а железа де выходило ис тех печек необжато из печки пуда по полтора и по пуду с четью и по пуду, а в обжимке — по пуду с четью и по пуду, и без чети по пуду»²⁸.

По расчетам С. Семенова получается, что в два приема в течение суток должно было выходить из одной печки от 2 до 3 пудов кричного железа или соответственно 1,5—2,5 пуда «обжато». За неделю, следовательно, можно было выплавить по 12—18 пудов кричного железа на печь. Если же учесть, что завод Молодого к 1707 г. располагал 10 плавильными печами, то недельная продукция предприятия при благоприятных условиях в среднем должна определяться примерно в 150 пудов полуфабриката (кричного железа). Данный расчет подтверждается и другими сведениями, сообщенными тем же С. Семеновым. Приказчик указал, что за две недели он выплавил на Мазуевском заводе 100 пудов кричного железа в пяти печах²⁹. При условии своевременной и достаточной заготовки руды и угля, при должной обеспеченности рабочей силой Мазуевский завод мог работать круглый год, тем более, что на первых порах он не имел вододействующих устройств и являлся «ручным заводом». Приняв рабочий год примерно в 40 недель, получим годовую продукцию завода в 4—6 тыс. пудов кричного железа.

²⁵ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, л. 37 об.

²⁶ Там же, л. 47 об.

²⁷ Там же, л. 37.

²⁸ Там же, л. 29.

²⁹ Там же, л. 29 об.

Оборудование завода было несложным и не имело существенных отличий от оборудования других металлургических предприятий подобного типа. Основу предприятия составляла на первых порах кузница площадью около 100 м², в которой располагалось 10 плавильных печей (напомним, что их первоначально было шесть), три горна «кирпичных» и один ручной, восемь пар мехов кузнечных и в отдельной избе — большой мех «в дереве». Значительно позже, в 1722 г., в одном из челобитий Ф. Молодой утверждал даже, что на его заводе было «готовых трои мехи деревянные»³⁰. Имелось также три наковальни, в том числе две малых «со стулами» и одна большая «чюгунная», восемь ручных молотов, больших и малых, а также еще один большой молот у названной выше чугуновой наковальни (возможно, его предполагали превратить в механический, действующий при помощи воды). При кузнице имелся «прируб» для хранения руды и угля. На берегу р. Мазуевки стоял мельничный амбар³¹. Кроме хозяйской горницы о четырех «жилых», при заводе стояли две жилые избы для мастеровых и рабочих людей. Не вдаваясь в перечисление более мелких предметов оборудования, отметим, что набор их был довольно разнообразен. Здесь мы видим различного рода клещи, тиски, буравы, резцы, большое количество топоров, пил и т. д. Предприняв в 1706 г. длительную поездку в Москву, Вятский уезд и другие места, Ф. Молодой надеялся не только найти нужных ему людей, но и приобрести кое-что из инструментов и материалов, необходимых для работы завода. Ему очень хотелось расширить предприятие, пристроить к нему дополнительно молотовый цех с вододействующим двигателем.

Заводчик не мог не знать, что в Кунгурском уезде и близлежащих к нему районах достигла значительного развития мелкая крестьянская железодельная промышленность, которую можно было бы заставить работать на себя, если бы удалось поставить завод вне конкуренции крестьянских сыродутных горнов. Но для этого требовалось как усовершенствование оборудования завода, так и расширение самого производства. Для Молодого важно было настолько обогнать крестьян по выработке железа, чтобы вытеснить их с местного рынка и заставить продавать крицы на переработку на его завод. Другого выхода он не имел. Необходимо особо учесть, что себестоимость продукции на заводе Молодого была высокой и, по свидетельству С. Семенова, достигала 6 алтын 2 денег за пуд обжато железа, тогда как на рынке можно было его купить не дороже 6 алтын 4 денег за пуд. Вот почему Молодой предпринимал лихорадочные попытки улучшить свое производство и расширить его. Так, чтобы повысить эффективность добычи руды, он решил прибегнуть к подрыву породы порохом (в мелком крестьянском промысле порох не мог применяться из-за его дороговизны).

Как можно заключить из перечня привезенных Молодым в январе 1707 г. «припасов», значительная их часть имела определенное производственное назначение. Основной груз обоза, состоявшего из 18 подвод, составлял порох (30 бочонков общим весом не менее 160 пудов). Даже если принять во внимание, что часть этого пороха должна была пойти на продажу (это, в частности, имел в виду его владелец и компаньон Молодого А. Р. Пороховщиков), то и в данном случае следует признать, что завод получал серьезное облегчение в добыче руды. Кроме того, в возах находилось 11 кузнечных мехов, 11 клещей (в том числе двое «полукричных»), большое количество канатов и бечевы, котлы и тигли для опробования руд и выварки селитры и т. п.

³⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 627, л. 191—191 об.

³¹ Краткие описания завода см. ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, лл. 14—14 об., 19—20.

О том, что владелец завода и его компаньоны считали первоочередным делом расширить и усовершенствовать предприятие, с полной очевидностью свидетельствуют как их собственные заявления, так и значительная сумма денег (1050 руб.), которую вез Н. Огнев «на достройку завода»³². Наконец, возведение плотины (правда, затянувшееся на длительное время) имело целью обеспечить расширяющийся завод водяным двигателем и превратить его из «ручного» в механический. Большие надежды возлагал Молодой на молотовый цех, который он намеревался строить в 1707 г.

Однако в силу ряда обстоятельств планам заводчика не суждено было сбыться, в чем немалая роль принадлежала местным крестьянам, занимавшимся промыслом руды и выработкой железа, представителям власти, косо смотревшим на мероприятия Молодого; чувствовалась, наконец, рука новоявленных магнатов Урала Демидовых, не желавших иметь по соседству какие-либо чужие частные заводы.

* * *

В нашей литературе отмечалось, что развитие заводской металлопромышленности в начале XVIII в. влекло за собой проведение запретительной политики правительства в отношении мелкого металлургического производства в тех районах, где возникали заводы. Данное положение выводилось обычно из анализа деятельности казенных предприятий. Что же касается первых частных заводов, то взаимоотношения их с мелкими товаропроизводителями-металлургами того или иного района требуют еще дополнительного исследования. Некоторый материал для суждения по этому вопросу имеется применительно к предприятию Ф. Молодого.

Известно, что на Западном Урале к началу XVIII в. сложился значительный район мелкого товарного железоделательного производства с центром в Кунгуре. Возникновение здесь Мазуевского завода Ф. Молодого не могло не отразиться на крестьянской промышленности. Для многих крестьян плавка железной руды и выработка железа были очень важным источником существования и превратились даже в основную их профессию. Появление завода Ф. Молодого грозило лишить мелких производителей их промысла, тем более, что Мазуевский завод находился неподалеку от железорудных месторождений знаменитой в тех местах Советинской горы. Не удивительно, что крестьяне весьма недоброжелательно встретили известие о постройке Молодым завода. Предприниматель вскоре должен был убедиться, что сила, с которой он вступал в борьбу, являлась очень серьезной. К тому же, как указывалось выше, он не мог рассчитывать на поддержку местной администрации. Большое значение имело и то, что деятельность Молодого в Кунгурском уезде развертывалась непосредственно после крупного крестьянского восстания 1703 г., вызванного введением повинностей по транспортировке продукции первых уральских заводов и по добыче медной руды на территории уезда. Бегство стольника А. И. Калитина с крупным отрядом служилых людей от восставших крестьян ободряюще действовало на жителей уезда, и они не раз высказывались за то, чтобы расправиться и с Молодым. Уже в январе 1705 г. он был вынужден обратиться к земским бурмистрам с челобитием, в котором сообщал о намерении некоторых крестьян «не дать берега» его плотинщикам. Прося вызвать на допрос крестьянина Ерофея Сарапулова, Молодой заключал свое челобитие опасением, чтобы «от тех крестьян в похвальных словах не пострадать, вконец не разоритца и заводов

³² ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, л. 15 об.

не отстать»³³. В одном частном письме примерно того же времени Молодой жаловался, что до него доходят такие разговоры: «Алексей де Калитин и со многими людьми приезжал, и тот де насилу ушел, а ево де (Федора Молодого.— А. П.) должно убить»³⁴. И действительно, почти на каждом шагу заводчик встречал скрытое или явное противодействие. Молодой в челобитной писал, что с его рудника увозят заготовленную там руду, «многие воры выжигают рубленные угольные дрова и угольные ямы», жгут бруссы, тес, бревна и другие материалы, «угольной лес рубят бездельно для траты, чтоб тот завод отнюдь не был»³⁵. Недовольство населения деятельностью Молодого было на руку выделявшейся из среды крестьян-рудопромышленников группе наиболее состоятельных «граждан», которые держали на оброке этот промысел и тем самым подчиняли своему влиянию всех занимавшихся данным промыслом. Превращаясь в местных эксплуататоров, «лучшие люди» видели в Молодом противника, посягавшего на их почти безраздельное господство над местными рудоплавильщиками и кузнецами и подрывавшего столь важный для них источник дохода.

Разумеется, нельзя представлять дело таким образом, будто Молодой был лишь страдающей стороной. В ноябре 1706 г. крестьянин дер. Мазуевки Иван Немтиных, сам занимавшийся промыслом железной руды и выплавкой железа и принадлежавший к состоятельным людям, пожаловался на людей Ф. Молодого, которые, угрожая оружием, прогнали работников Немтиных с заготовок дров для выжигания угля. Через несколько дней у Немтиных «неведомыми воровскими людьми» была разломана мельница на р. Мазуевке и спущена «спрудная вода», в чем он не без основания подозревал козни приказчика Мазуевского завода С. Семенова³⁶. В том же году на Советинской горе произошло столкновение заводских рудокопов с И. Немтиных, который приехал «с боем» и стал прогонять их, заявив, что те места являются «нашим» оброчным промыслом, имея, вероятно, в виду местных плательщиков оброка с «железной руды». Немтиных схватили и привезли к С. Семенову. Несмотря на это, он продолжал кричать, ругал «государев указ», данный Молодому, и самого С. Семенова. Последний приказал избить Немтиных батогами.

Хотя это дело кончилось мировой, вражда между заводчиком и крестьянами-рудоплавильщиками не уменьшалась, тем более, что Молодой питал надежду монополизировать в своих руках добычу руды и производство железа в районе. С этой целью он просил местные власти отдать ему на оброк железорудные промыслы Кунгурского уезда. Владея этой оброчной статьёй, Молодой поставил бы в зависимость от себя мелкое металлургическое производство крестьян. Однако эта попытка не удалась. В письме к некому Федору Давыдовичу заводчик сетовал: «А которые иные железные руды в Кунгурском уезде до нас промышляли, и с тое железные руды платили оброку по полтора рубли с гривною. И я оброк с них сымал, и они отказали: опричь де граждан (т. е. местных жителей.— А. П.) на оброк отдавать не будем»³⁷. Обращаясь к своему корреспонденту, Молодой уговаривал его: «Пожалуй, посоветав, будет мочно, хоть возьми на оброк железную руду в Сибирском приказе, чтоб нам одним промышлять». Заводчик подчеркивал, что идти следует именно

³³ Там же, д. 842, лл. 1—2 об.

³⁴ Там же, д. 1065, л. 6.

³⁵ Там же, лл. 7—8.

³⁶ ЦГАДА, ф. Кунгурской земской избы, д. 4, лл. 615 об.—616.

³⁷ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, л. 6 об. Отметим, что притязание Молодого позволило местным властям повысить оброчную сумму местных держателей до 2 руб. в год. К 1708 г. она возросла до 5 руб.

в Сибирский приказ, так как в Приказе рудных дел может встретиться серьезный соперник в лице промышленника Данилы Воронова, который «на железную руду zelo охотник»³⁸. Вызывало тревогу у Молодого и то, что «Миките Демидову туляку дан указ, чтоб железной завод на Кунгуре делать»³⁹.

Со своей стороны Демидов столь же неодобрительно смотрел на мероприятия Молодого, так как сам рассчитывал со временем и здесь стать хозяином положения. В январе 1705 г. он обратился к правительству с челобитной, в которой просил разрешить вести разработку месторождений меди в Кунгурском уезде и строить здесь заводы с условием поставки меди в казну по 4 рубля за пуд. Демидову было хорошо известно, что незадолго перед тем царскую грамоту на право разведки и разработки разных руд в этом уезде получил Ф. Молодой. Но это нимало не смутило спорившего «туленина», который просил правительство: «А Федору бы Молодому в близости тех урочищ, отколе мне возможно руды возить и где места медной руды вновь приищу никаких своих заводов не заводить и помешки ни в чем мне не чинить»⁴⁰. В Москве благожелательно отнеслись к челобитью Демидова и послали на место соответствующий указ⁴¹. Но, как известно, Демидовы лишь в конце 1720-х годов построили свой первый завод в Кунгурском уезде⁴². Борьба за рудные места и монопольное право их эксплуатации в среде частных предпринимателей на Урале в первой четверти XVIII в. не ограничивается указанными фактами.

Примеру Молодого последовали другие претенденты на устройство металлургических заводов в этом районе. В 1708 г. «гороховлянин» посадский человек Петр Расторгуев, который вел торговлю на Урале, обратился в Сибирский приказ с просьбой об отдаче ему сроком на пять лет в оброчное содержание добычу железной руды в Кунгурском уезде. Челобитная Расторгуева и резолюция по ней Сибирского приказа заслуживают того, чтобы на них специально остановиться, так как эти документы очень характерны для выяснения промышленной политики правительства в те годы. «Есть, государь, в Кунгурском уезде железная руда,— писал Расторгуев,— и тою рудою владеют кунгурцы и Кунгурского уезду крестьяня пять человек из малого оброку многие годы, а оброку они платят по пяти рублей на год. А они збирают з железных усолонов с человека по полтине и больши и тем пожитки свои пополняют. Да в Кунгурском же уезде делал железо Федор Молодой с товарищи безоброчно, а от того иво дела твоей государеве казне пополнения не было». Представив в глазах правительства своих предшественников в столь невыгодном свете, П. Расторгуев просил царя «вышеозначенную руду отдать мне, рабу твоему, на оброк семьсот девятого [года] генваря с первого числа впредь на пять лет, а иным, государь, никому руды рыть и железо делать, кроме

³⁸ Данила Воронов представляет любопытную фигуру из мира предпринимателей начала XVIII в. Он являлся владельцем ряда заводов («Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого», т. I, СПб., 1880, стр. 125; Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 92, 98 и сл.). О широком размахе его деятельности как промышленника говорит крупная сумма денег, помещенных им в различные предприятия и достигавшая, по его словам, к 1720 г. свыше 12 тыс. руб. (ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 614, лл. 297—298).

³⁹ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, л. 6 об. Проезжая через Кунгурский уезд, Н. Демидов обратил внимание на железорудное месторождение Советинской горы, которым пользовались местные крестьяне. Это послужило ему основанием для возбуждения ходатайства перед правительством о разрешении строить тут «железный» завод, чего и опасался Молодой.

⁴⁰ Там же, д. 816, л. 1.

⁴¹ Там же, лл. 1 об.—2. Этот указ неоднократно подтверждался и позже.

⁴² Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 157.

меня.... в Кунгурском уезде и вышеписанному Федору Молодому не вели, государь, делать с 709 году генваря с 1-го числа. А оброку стану я, раб твой, платить по вся годы без доимки... по 30 рублей в год сверх старого оброку пяти рублей». Челобитчик одновременно испрашивал разрешения на отвод ему земельного участка для всякого «строенья», «что к тому промыслу какое строенье прилично», а также ходатайствовал о позволении «железному делу на уголья и на всякое хоромное строенье... в Кунгурском уезде лес рубить, где погодитца, своими наемными работными людьми и у крестьян покупать повольною ценою»⁴³. Расторгуев предусматривал в своем челобитье и тот случай, когда ему по тем или иным причинам будет невозможно держать эту оброчную статью после условленного срока, если не окажется перекупщиков. При такой ситуации он смиренно выражал пожелание, чтобы царь «в неволю» не заставил его впредь содержать на оброке это предприятие.

Резолюция Сибирского приказа во всем пошла навстречу Расторгуеву. В ней было предусмотрено, что «тот завод (имеется в виду промысел железной руды.— А. П.), которой отдаван кунгурским крестьяном на откуп по 5 рублей, отдать ему на 5 лет, а платить ему на год по 35 рублей, и о том послать великого государя грамота к воеводе и чтоб под тот завод дал место из порозжих мест. А леса на уголья к тому заводу велеть ему купить повольною ценою». В резолюции выражалось согласие не принуждать Расторгуева владеть промыслом сверх пяти лет. По причинам, о которых скажем ниже, администрация Сибирского приказа весьма круто отнеслась к Федору Молодому, которому предписывалось «в Кунгурском уезде промышлять отнюдь не велеть». Более того, было предусмотрено, что «если за чем явитца в Кунгурском уезде, велеть его изловить и держать скована в тюрьме, и о том писать к Москве»⁴⁴.

Решение Сибирского приказа наносило удар мелкой железоделательной промышленности местных крестьян, которые лишались возможности промышлять руду на давно знакомых им местах. Им предписывалось, если они «похотят в иных местах приискывать руду, и им, приислав место, где руда, о том бить челом великому государю, и промышлять по указу, а без указу промышлять никому не велеть»⁴⁵. Вряд ли можно сомневаться в том, что запретительная политика по отношению к традиционному местному железоделательному промыслу крестьян в данном случае была продиктована чисто фискальными соображениями. На это и бил П. Расторгуев. Характерно, что для достижения своей цели он не остановился перед семикратным увеличением первоначальной суммы оброка.

Таким образом, курс на ограничение и даже ликвидацию мелкого производства в области железоделательной промышленности там, где на арену выступает более крупный частный предприниматель или казна, наметился значительно ранее начала 20-х годов XVIII в. Правда, подобная правительственная политика при ее осуществлении на практике подчас оказывалась бессильной воспрепятствовать мелкой крестьянской промышленности, которая продолжала развиваться вопреки всяким запретительным указам. Расторгуев, в частности, так и не смог воспользоваться предоставленным ему правом в такой мере, чтобы оттеснить крестьян от промысла железной руды.

Спустя 10 лет в несколько ином плане попытку Расторгуева повторил гостинной сотни торговый человек Сергей Яковлев (Бабушкин). В отличие от Расторгуева, он не имел намерения добиться запрещения крестьян-

⁴³ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 682, л. 43.

⁴⁴ Там же, л. 43 об.

⁴⁵ Там же.

ской железоделательной промышленности. Яковлев стал хлопотать о разрешении взять откуп на сбор оброка с мелких товаропроизводителей «железного дела». Однако его расчеты на доходность этого предприятия не оправдались. Получив соответствующее разрешение властей, С. Яковлев убедился, что мало кто из предпринимателей-крестьян признал себя обязательным вносить ему оброчные деньги; большинство же их уклонялось от платежа. Откупщик в поданных им челобитных был вынужден расписаться в своей беспомощности перед массой мелких товаропроизводителей, боровшихся против увеличения поборов с их промыслов. По его словам, крестьяне «тою железною рудою и укладом промышляют, а оброку мне не платят неведомо для чего»⁴⁶.

В начале 1720-х годов, с организацией Берг-коллегии, правительством были приняты более радикальные меры по запрещению крестьянской промышленности на Урале в связи со строительством здесь новых казенных заводов. Что же касается частных предпринимателей, то им в общем не посчастливилось взять верх над крестьянским «железным промыслом» в первые два десятилетия XVIII в., а со стороны правительства они не встретили действенной поддержки. Предприниматели сами нередко попадали под пресс бюрократической машины формировавшегося абсолютистского государства, их собственность не имела прочных гарантий и постоянно была подвержена угрозе конфискации по тому или иному поводу. При царившем в стране произволе помещиков, воевод и чиновников очень немного нужно было, чтобы состояние купца или заводчика оказалось пущенным по ветру. Поэтому в известной степени политика абсолютистского правительства приходила в противоречие со складывавшейся на почве торгового или промышленного предпринимательства собственностью, которая уже в ряде случаев развивалась в сторону буржуазной собственности. Судьба предприятий Ф. Молодого, к которым мы сейчас вновь возвращаемся, является тому наглядным подтверждением.

Мы оставили Молодого в тот момент, когда он строил планы расширения своего завода и добивался ведущего положения в железоделательной промышленности на Западном Урале. Из длительной деловой поездки в Москву, на Вятку и другие места он возвращался в январе 1707 г. Опередив свой обоз, состоявший из 18 саней, груженных разными инструментами, порохом и другим добром, он торопился на завод, куда несколькими днями раньше приехал его компаньон А. Р. Пороховщиков. Но тут-то и произошли события, которые оказались губительными как для самого Ф. Молодого, так и для его предприятия.

15 января 1707 г. откупщик таможенных сборов Сергей Губин, известный среди местного населения как чрезвычайно придирчивый и строгий блюститель взятой им на себя должности, подал воеводе М. С. Трусову сказку, где извещал, что по дороге в город он обратил внимание, как, минуя Кунгур, «неведомо какие люди в покрытых санях проехали». Губину показалось подозрительным, что путники «не явились» в таможене. Воевода тотчас распорядился послать погоню. Ходоки, вернувшись, сообщили, что «в проезде явился рудной промышленник Федор Молодой», причем он от них «отбил». Трусов отправил для задержания Молодого подьячего таможи, целовальника и стрельцов. 17 января Молодой и его спутники, «рудный ученик» Перфилий Семенов, тяглец Овчинной слободы Максим Стрингин, кузнец с. Павлова Яков Васильев и уфимский житель Василий Лутохин были задержаны. Из допросов выяснилось, что за Молодым следует обоз из 18 подвод, оставленный им «в Вятских

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Кунгурской комендантской канцелярии, д. 35, л. 142; ср. лл. 143—147.

уездах в чепчинских вотях». Среди грузов Молодой назвал порох («пуд со сто в вопче с товарищем иво с Алексеем Родионовым»), припасы «к рудному заводу» (кузнечные мехи, «верви» и пр.), а также «домовную рухлядь». Во время допросов выяснилось, что у Молодого и его «товарищей» не было таможенной выписи на порох, считавшийся «заповедным» товаром. Этого оказалось достаточно, чтобы засадить «рудного промышленника» в тюрьму вместе со спутниками и нарядить следствие.

По приказанию воеводы М. С. Трусова, навстречу обозу Молодого выехали воеводские посланцы для ареста и описания всех товаров. Кроме названных ранее заводских «снастей», в возах находились ткани (300 аршин холста «средней руки», 188 аршин сукна белого «абинского»), табак (1 пуд «немецкого» и бадья «черкасского»), различные предметы одежды и домашнего обихода и пр. Молодой вез с собой и оружие: две фузеи со штыками, одну турку и одну шпагу. Кроме того, у Молодого дома на заводе были обнаружены «полторы пары pistols, 3 фузеи, одна турка с замками, лук косной, да сайдак со стрелами», а также «сабля булатная старинного дела, оправа серебряная золоченая» и «полоса сабельная булатная, насечена золотом». Наличие кубов, труб и прочих принадлежностей свидетельствовало о намерении Молодого наладить винокурное производство, чего он и не скрывал во время допросов. Мы не говорим уже о больших медных котлах, предназначенных для «селитренного дела» (кстати, у Молодого находилось три кулька «соли селитренной», привезенной им, видимо, из Москвы в качестве образца). Все это подтверждает мысль о серьезных планах Молодого и его «товарищей» укрепить свои позиции на Урале организацией, если так можно выразиться, «многоотраслевого» хозяйства, поставленного на широкую ногу. Мазуевский завод и все его имущество также были описаны (правда, менее подробно). Над головой заводчика нависла опасность полного разорения. С таким трудом налаженное дело оказалось на волосок от гибели. Завод, где было заготовлено достаточное количество руды, угля и дров, в силу сложившихся обстоятельств был обречен на длительное бездействие.

Следствие продолжалось до конца марта 1707 г.⁴⁷, после чего Моло-

⁴⁷ Материалы следствия (см. ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, лл. 50—72) дали правительству ряд сведений о наличии полезных ископаемых. Молодой показал, что в Кунгурском уезде, кроме железа и меди, есть «селитренная земля», которой «по Сылве и по Ирине рекам по разным чюцким местам много» (там же, д. 1064, л. 1 об.). Срочным порядком воевода извещал об этом правительство. Со своей стороны он также принял некоторые меры к устройству селитренного и медеплавильного заводов в Кунгурском уезде. В поисках специалистов медеплавильного дела Трусов обращался через нарочных в Казань, где тогда подобными делами ведал Лаврентий Нейдгардт. Однако местные власти не отпустили мастеров — котельников и плавильщиков в Кунгур, хотя последние изъявляли согласие поехать на Урал. В Симбирске, где посланец Трусова пытался «приговорить» мастеров селитренного дела, его также постигла неудача: симбирский воевода Никита Кудрявцев, сославшись на то, что «селитренных мастеров оне сами промыслили у черкасских городов», отказал в помощи. У Трусова, желавшего отличиться в глазах правительства своим усердием, особенно после получения похвальной грамоты и денежной награды за поимку Молодого с «заповедным» товаром, не оставалось другого выхода, как обратиться за содействием непосредственно к центральным властям. По его отпискам в Кунгур были направлены из Сибирского приказа селитренный мастер Михайло Петров с тремя учениками, но селитры они в Кунгурском уезде «не сказали» (там же, лл. 1 об.—10 об.). В августе того же 1707 г. «рудоплавные медных дел мастера» — романовцы посадские люди Иван Захаров и Федор Андреев, а также «ученик» Алексей Захаров получили приказ правительства «на Кунгуре быть у рудного медного дела для сплавки медных и для прииску иных руд» (там же, д. 1063, лл. 1—2). Кроме того, Молодой в допросах указал на наличие в бассейне р. Сылвы соляных источников, пригодных для промышленной эксплуатации. И действительно, позже здесь были построены «соляные заводы», отмеченные в академическом атласе 1745 г.

дого под конвоем отправили в Москву «для подлинного розыска» в Сибирский приказ. 20 апреля его уже подвергли допросу. Особый интерес в Сибирском приказе проявили к показаниям Ф. Молодого о полезных ископаемых, обнаруженных им в Кунгурском уезде и вотчинах Г. Д. Строганова. По поводу провоза «безвыписного» товара обвиняемый утверждал, что порох предназначался «для опасения воровских людей и для розрыву в рудной горе каменных мест и для сыску медной руды, а достальной хотели продавать на Конгуре и в Верхотурском, и Тобольском уездах, и на Ирбицкой ярмонке». При этом он сослался на С. Губина, который, по его словам, сам торговал в Сибири порохом и разъяснял Молодому, что в Сибирь разрешается провозить безвыписной порох при условии уплаты пошлины.

История с порохом, хотя и повлекла за собой много неприятностей для Молодого, не явилась главным мотивом обвинения со стороны Сибирского приказа — это был не единственный в то время случай⁴⁸. Хуже оказалось то, что в описании «животов» заводчика обнаружили «воровские заговорные письма», которые вместе с другими личными бумагами Молодого и следственным делом были отправлены из Кунгура в Москву. Расценив «заговорные письма» как «еретические», в Сибирском приказе на этом основании вынесли приговор Молодому. Еще находясь в тюрьме Сибирского приказа, Молодой подал в августе 1707 г. челобитье с просьбой вернуть ему конфискованный завод и все пожитки. Он отдавал на волю судей решение вопроса о «заговорных письмах», признавая себя виновным и выражая готовность принять соответствующее наказание. Со своей стороны Молодой клялся ревностно «чинить прибыль» в рудном деле «без народного отягощения» и упрекал воеводу М. С. Трусова в противодействии поискам селитры и других ископаемых⁴⁹.

Почти восемь месяцев держали рудного промышленника в Сибирском приказе, прежде чем он узнал, что его ждет. 13 декабря 1707 г. князь М. П. Гагарин, впоследствии первый сибирский губернатор, распорядился «Федору Молодову за воровские заговорные письма учинить наказание, велеть ево вместо кнута бить батоги нещадно и те письма у него на спине сжечь, и его ис приказу свободить и собрать по нем поручную запись, что ему впредь так не делать»; в противном случае ему угрожала смертная казнь⁵⁰.

На следующий день приговор привели в исполнение: Молодой «вместо кнута бит батоги нагой и волшебные письма сожжены на его, Федора, на спине»⁵¹.

В решении по делу Молодого был обойден вопрос о его заводе и имуществе, поднятый им в августовской челобитной. Вполне понятно, что Молодой вновь стал ходатайствовать о возвращении конфискованного завода и изъятого имущества. В марте 1708 г. повторная челобитная заводчика поступила в Сибирский приказ. К своей просьбе о возвращении завода и «животов» челобитчик присовокупил пожелание, чтобы схваченных вместе с ним людей, которые уже более года содержались за поручками в Кунгуре, «всех с порук свободить и промыслить мне с ними». Для Молодого не было секретом, что по возвращении в Кунгур он опять встретит всевозможные рогатки местных властей. Поэтому он осмелился обратиться к правительству и с другой просьбой — изъять его

вместе с «товарищами» из подсудности местного воеводы и ведать их «во всем» непосредственно в Сибирском приказе⁵².

Рассмотрение челобитья Молодого и составление докладной выписи затянулось на много месяцев. Только 7 сентября 1708 г. М. П. Гагарин распорядился, чтобы Молодому вернули завод и пожитки за исключением пороха, табака, а также котлов и других принадлежностей для винокурения. Соответствующие распоряжения (в декабре 1708 г.) последовали воеводе в Кунгур с предложением подробно информировать Сибирский приказ о выполнении данного указания⁵³. Однако просьба Молодого об изъятии его из ведения местных властей осталась без последствий.

Казалось бы, Молодой довольно удачно выпутался из всей этой истории, хотя и понес большие убытки. Заводчик возвратился на Урал (в июле 1709 г. мы его уже видим в Кунгуре) и начал вновь налаживать свое пошатнувшееся предприятие. Насколько это ему удалось, трудно сказать с достаточной определенностью из-за отсутствия документальных данных. Вполне очевидно лишь одно: «рудный промышленник» ревностно старался по части разведки месторождений селитры, чтобы снискать милость правительства и выполнить обещание «искать во всем прибыли» государю. Однако проявленная им при этом поспешность не пошла ему на пользу.

29 июля 1709 г. он «объявил» кунгурскому воеводе Ионе Новосильцеву «мелкого белого камня, а ...видом, что селитра, весом золотника з два или с три, а сказал, что то де самородная селитра». Нетерпение Молодого показать свою находку было столь велико, что он не стал дожидаться окончания богослужения в церкви и побеспокоил воеводу «во время литургии»⁵⁴. Затем последовала обычная в таких случаях процедура. Воевода нарядил на место находки подъячего с понятыми из окрестных селений и предписал представить подробный «доезд». Осмотр горы над речкой Кишертью близ дер. Седы, где, по словам Молодого, он обнаружил признаки селитры, оказался не особенно утешительным. В горе участники осмотра (в том числе 23 местных крестьянина) нашли «тех признаков самое малое число», причем там, где были эти селитренные признаки, они «прорастали самыми малыми крапинами, а не жилюю». Так как гора была «вельми крута и высока», не удалось произвести ее детального обследования. Добытые «признаки» селитры вместе с образцами породы, в которой они были найдены, воевода в октябре 1709 г. отправил в Москву⁵⁵.

В Сибирском приказе дело приняло очень неприятный для Ф. Молодого оборот, ибо там решили, что вместо селитры из Кунгура прислали простой «белой камень». «Сибирских провинцей судия» князь М. П. Гагарин «с товарищи», выслушав отписку Новосильцева и осмотрев присланные образцы, высказались резко неодобрительно в адрес самого Ф. Молодого и воеводы. Гагарин приказал послать в Кунгур к воеводе грамоту «с осудом», а Федора Молодого «за такое ево неправое доношение, знатно, что воровским своим вымыслом хотел учинить в сыску той названной неправой селитры великому государю убыток, а себе прибыль», выслать из Кунгура «за крепким караулом и за провожатыми з женою ево и з детьми в Сибирь в Мангазею... А в каком ему чине

⁴⁸ См., например, Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 96.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1065, лл. 42 об.— 43.

⁵⁰ Там же, л. 41.

⁵¹ Там же, л. 41 об.

⁵² Там же, д. 1355, лл. 1—2 об.

⁵³ Там же, лл. 10—13.

⁵⁴ Там же, д. 1666, л. 1 об.

⁵⁵ Там же, лл. 1 об.— 2 об.

быть, прислан будет в Мангазею... указ»⁵⁶. Воеводы Кунгура, Мангазеи и Тобольска были оповещены о принятом решении специальными грамотами⁵⁷.

Сам по себе проступок Молодого был совершенно незначителен. В Приказ рудных дел и Сибирский приказ поступало множество негодных образцов руд и минералов, и это, как правило, не влекло за собой сколько-нибудь серьезного наказания. Жестокость приговора в данном случае была вызвана тем, что Молодому припомнили его прежние «воровства» — провоз «заповедных» и «неявленных» товаров, а также хранение «заговорных» и «приворотных» писем.

После этого в документах на некоторое время исчезают сведения о злополучном «рудном промышленнике», в связи с чем не представляется возможным проследить исполнение названного выше решения Сибирского приказа. Заметим, что в Приказе рудных дел, с благословения которого Молодой начал свою карьеру частного заводчика на Урале, к 1711 г. ничего не было известно ни о состоянии завода Молодого, ни о самом хозяине, так как «по многим посылкам он, Федор, не сыскан»⁵⁸.

Но след Молодого не потерялся, как об этом думали в Приказе рудных дел. Не далее как в том же 1711 г. мы вновь встречаемся с Молодым в весьма неожиданной обстановке. Вместо опального ссыльного, прозябающего где-то в Мангазее (что можно было предполагать по ходу предыдущих событий), мы видим человека, облеченного большими полномочиями по строительству заводов на Урале и готовящегося к отъезду из Москвы. Остается только гадать, каким образом Молодому удалось избежать наказания. Вполне правдоподобно, что крутая перемена в отношении к Молодому была вызвана особым оживлением интереса государства к разведке полезных ископаемых и строительству металлургических и горнодобывающих предприятий в связи с обострением внешнеполитической обстановки, вызванной войной с Турцией. Потребность в опытных или мало-мальски знающих специалистах «рудного дела» была исключительно велика, и правительство не могло не считаться с этим положением. Немалым козырем в руках Молодого было знание им новых месторождений меди на Урале. А это в глазах правительства приобретало исключительное значение, поскольку медь считалась тогда крайне редким и дефицитным металлом, в котором государство всегда остро нуждалось. Видимо, данным обстоятельством и объясняется такой резкий поворот в судьбе Молодого, происшедший в 1711 г.

Подтверждением данного положения может служить позднейшее заявление Молодого, относящееся уже к 1746 г., в котором он вспоминает, что «прошлого 710 года пробовал я руду (медную.—А. П.) при его императорском величестве», причем Петр I «раздроблял... своими десницами» сосуд для опытной плавки и «увеселился зело», убедившись в хороших результатах опробования. Молодой даже упоминал, что царь его «обещал пожаловать и написал в памятную свою книгу имя наше»⁵⁹.

8 марта 1711 г., по приказу князя М. П. Гагарина, Федора Молодого обязали «искать руд золотых, и серебряных, медных, оловянных и иных всяких руд» в Кунгурском, Соликамском, Верхотурском и Тобольском уездах и строить в «пристойных местах» заводы. В отличие от указа 1704 г., на сей раз Молодой рассматривается в качестве уполномоченно-

⁵⁶ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 1666, л. 1.

⁵⁷ Там же, лл. 3—8 об.

⁵⁸ «Доклады и приговоры Сената...», т. I, стр. 125.

⁵⁹ Н. К. Чупин. Указ. соч., стр. 156—157. Ср. также: В. Н. Шишонко. Указ. соч., пятый период, ч. 2, стр. 145; ч. 3, стр. 474—475.

го правительства по строительству казенных заводов («промышлять ему те руды и плавить на великого государя»), что подтверждается и назначением ему довольно высокого денежного жалованья — 200 руб. в год. Наряду с этим Молодой получил и более конкретное задание: к моменту приезда Гагарина в Кунгур «на ево, Федорове, заводе сплавить ему сутошною плавильною печью меди, которую он сыскал в Кунгурском уезде..., 10 пуд.» Разумеется, возник вопрос и о рабочей силе для вновь организуемого казенного медеплавильного завода. Этот вопрос был решен в том духе, что «у той работы при нем, Федоре, быть кунгурским крестьяном и зарабатывать за всякую доимку по договору, повольною ценою всякому человеку». Следовательно, это распоряжение можно рассматривать как попытку обеспечить новый медеплавильный завод трудом приписных крестьян. Дело не терпело отлагательства, и Молодому было предписано «заводы те заводить нынешней весною без всякого медленья»⁶⁰. Тут же были заготовлены наказ Молодому и послушные памяти местным властям⁶¹.

Перед отъездом из Москвы воспрянувший духом промышленник подал «роспись, что надобно к рудокопному и к пробирному и к плавильному делам», в которой перечислил нужных ему специалистов (кузнеца «мастера доброго», плотника «искусного», мехового мастера), указав на предпочтительность нанять «российских» людей, а не местных жителей. В перечне инструментов и материалов (предназначенных преимущественно для «пробирного» дела), который Молодой составлял по памяти, насчитывалось свыше 50 наименований — от извести, кирпича, гончарной глины и смольчуга до антимония, мышьяка, «аурипурменту» и «глац-галя» включительно, всего на 241 р. 26 алт. 4 д.⁶² Молодой тем самым показал известное знание дела, которое ему поручило правительство, и обнаружил себя далеко не новичком по части организации производства и знакомства с ценами на весьма редкие предметы. Это заставляет более осторожно отнестись к той оценке Молодого, которая с легкой руки В. Н. Татищева стала встречаться в нашей литературе⁶³. Смета, составленная Молодым, была утверждена Сибирским приказом; часть требуемой суммы (100 руб.) ему выдали из средств приказа, а остальные деньги должен был выдать по приезде Молодого в Кунгур воевода из местных средств.

Наделив Молодого немалыми полномочиями, власти Сибирского приказа не отрешились, однако, от недоверчивого отношения к нему. В наказе содержалось недвусмысленное распоряжение, чтобы «до указа плавить ему всякие руды на Кунгуре, а ис Кунгурского уезду до указа не выез-

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа, оп. 18, д. 2157, л. 1.

⁶¹ Там же, лл. 1 об.—2, 3—4, 5—6.

⁶² Там же, лл. 7 об.—10 об.

⁶³ Татищев со слов кунгурских подъячих сообщил в Берг-коллегию в 1720 г., что Молодой на вновь построенный казенный медеплавильный завод, который обошелся не менее 4 тыс. руб., «навозил вместо руды песку несколько сот тысяч [пудов] на крестьянских подводах, ис которой руды, чаю, ни одного фунта из центнера не выйдет» (ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 611, л. 175). Следует, однако, усомниться в том, что Молодой не мог отличить песок от медной руды. Факты говорят обратное. Присланная из Кунгурского уезда медная руда двух образцов с месторождений, которые раньше не эксплуатировал Молодой, на Монетном дворе дала удовлетворительные показатели: в одном случае из фунта руды получился 31 золотник меди с небольшой примесью серебра, в другом — 15 золотников (ЦГАДА, ф. Кунгурской комендантской канцелярии, д. 9, лл. 76 об.—77). Разумеется, нельзя и преувеличивать познаний Молодого в области металлургии. Его попытка плавить медную руду в домне на Уктусском заводе в 1720 г. привела к тому, что домна, по словам Татищева, оказалась выведенной из строя, «стоит пуста» (М. Ф. Золотников. Указ. статья, стр. 60).

жать»⁶⁴. «Прикрепляя» Молодого к намечаемому медеплавильному казенному заводу, правительство ставило деятельность управителя под контроль местного воеводы. Прямые сношения с центром, минуя воеводу, для Молодого фактически были запрещены.

Документы о новом назначении Молодого прямо не касаются вопроса о судьбе Мазуевского железоделательного завода, но, судя по упоминанию в цитированной выше резолюции М. П. Гагарина, можно заключить, что завод возвращался владельцу и последнему как будто бы не возбранялось осуществлять производство на прежних основаниях. Во всяком случае именно так истолковал полученные им инструкции сам. Ф. Молодой. Двойственное положение частного предпринимателя и управителя казенного завода оказалось для Молодого чреватым самыми серьезными последствиями.

«Рудный промышленник» (или «рудных дел промышленник»), как его официально именовали, не терял времени даром. Водворившись опять в Кунгуре, Молодой воспользовался предоставленным ему правом привлечения даровых работников из числа местных крестьян и построил плавильные печи для медной руды, возвел производственные и вспомогательные помещения, заготовил сырье и уголь. В этом же году начались опытные плавки меди на вновь построенном заводе, который располагался в непосредственном соседстве с железоделательным заводом Ф. Молодого на р. Мазуевке.

Неугомонный заводчик не оставил своего давнего намерения расширить Мазуевский завод и счел сложившуюся в 1711 г. ситуацию наиболее благоприятной для постройки молотового цеха. В его распоряжении находились рабочие руки, которых так ему не хватало несколько лет назад, притом это были бесплатные рабочие руки, и Молодой не устоял перед соблазном. Параллельно с устройством медеплавильного завода он спешно стал строить молотовые. В том же году они были введены в строй. По описанию несколько более позднего времени (1715 г.), молотовый цех представлял собой амбар, забранный «заплотом в столбы бревнами», «мерою по 7 сажень» (т. е. 49 саж.²); в нем были установлены молот «большой железной в дереве», «которым водяным колесом тянут железо». Системой передаточных валов с «обручами», «обоймами» и «шипам» молот соединялся с водяным колесом. У молотового амбара находилась плотина через р. Мазуевку, «засыпана землею и хрящем с хворостом», поблизости располагались караульная изба и другие постройки⁶⁵. По оценке 1712 г. (вероятно, значительно заниженной, так как она производилась на предмет конфискации завода Молодого), стоимость молотового цеха определялась в 151 р. 23 алт. 3 д.⁶⁶ Став владельцем «молотового завода», Молодой занялся скупкой у местных крестьян кричного железа, которое направлял на переделку. По-видимому, такая организация работы (по принципу рассеянной мануфактуры) казалась ему выгоднее, чем выполнение у себя на заводе всех этапов производственного процесса от добычи руды до получения готовой продукции в виде полосового железа. В связи с развитием мелкого крестьянского промысла увеличивалось предложение на рынке кричного железа, что приводило к понижению цен на

⁶⁴ ЦГАДА, ф. Сиб. приказа оп. 18, д. 2157, л. 3 об. Впрочем, в такие же условия были поставлены и другие специалисты этого завода, которые работали на нем несколько позже. Местные власти получили указ «воли не давать» мастерам, во всем их ведать, никуда не отпускать.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Кунгурской комендантской канцелярии, д. 4, л. 8 об.

⁶⁶ Там же, л. 1 об.

предметы железоделательного производства. Этим воспользовались скупщики и предприниматели вроде Молодого⁶⁷.

Однако недолго заводчик пожинал плоды своего обмана. Уже в следующем 1712 г. сначала местным властям, а затем и Сибирскому приказу стало известно, что Федор Молодой «кроме рудного промыслу (имеется в виду казенный медеплавильный завод — А. П.) построил же собою без указа ...анбар молотовой з большим молотом, в котором делал на себя водяным колесом, покупая, ис кричного полосное железо»⁶⁸. Из Сибирского приказа был отряжен для специального розыска по этому делу стольник Петр Коноплин. В задачу Коноплина входило установить, «по какому указу излишнее заводское [строение] государевыми людьми теми кунгурскими жителями кроме своих всяких проторей строил». На месте Коноплин убедился в том, что «особливой завод, тот молотовой анбар» Молодой построил без указа, «для своих прихотей». Молотовый завод был отнят у Молодого и «отписан на государя», причем было дано распоряжение не прекращать работу на заводе и «велено на том заводе, покупая из казны на Кунгуре кричное железо, делать полосное на великого государя». Это распоряжение было подтверждено и в 1713 г.⁶⁹ Для управления заводом стали выбирать целовальников из местных жителей. На таком положении новоявленный казенный Мазуевский молотовый завод работал до 3 декабря 1714 г. На нем, между прочим, изготавливались «снасти» для медеплавильного и вновь созданного крупного Мечкинского винокурного заводов. Насколько можно судить по упоминанию о том, что мастерам и работникам деньги выдавались из казны по 6 д. с пуда готового полосного железа, рабочая сила была наемной. К концу 1714 г. работа на заводе прекратилась, в чем немалую роль, надо полагать, сыграли высокие издержки производства⁷⁰. Молотовой амбар, как значилось в справке по делу, «стоит впусе».

Это обстоятельство встревожило кунгурскую администрацию, и она решила отдать молотовой амбар в оброчное содержание, тем более, что находились охотники. Одним из них был Сергей Яковлев (Бабушкин), который в марте 1715 г. подал челобитье, чтобы ему разрешили «в том молотовом амбаре своим наймом и мастера и работники тем молотом делать про себя ис кричного моего железа в полосное». Соглашаясь уплачивать оброк за пользование молотовым амбаром «со снастями» по 6 алт. 4 д. с каждых 100 пудов «передельного» железа, С. Яковлев действовал осторожно и просил установить срок оброчного договора до 1 июля 1715 г., т. е. всего на три месяца⁷¹.

При решении этого вопроса местные власти проявили колебания: отдать ли молотовой завод опять Ф. Молодому на оброк с приценком, или объявить торги и по их результатам сделать окончательный выбор. Одна-

⁶⁷ Укажем, что за 15 с небольшим лет (с 1704 по 1720—1722 гг.) цена пуда кричного железа уменьшилась вдвое. В 1714 г., например, пуд кричного железа можно было купить за 2 алт. 2 д. — 2 алт. 3 д., а в самом начале 1720-х годов местные крестьяне продавали продукцию своего «железного» промысла на 30% дешевле, если получали деньги вперед (М. Ф. Золотников в. Указ. статья, стр. 43).

⁶⁸ ЦГАДА, ф. Кунгурской комендантской канцелярии, д. 4, л. 1 об.

⁶⁹ Там же, лл. 1 об. — 2.

⁷⁰ В нашем распоряжении имеется расчет целовальника завода Андрея Суханова от 1714 г., согласно которому он на получение 184,5 пудов полосного железа израсходовал 43 р. 30 алт. 4 д., в том числе на покупку кричного железа (448 пудов) — 30 руб., на уголь (420 четвертей) — 8 р. 13 алт. 3 д., на жалованье мастеру с работниками — 5 р. 17 алт. 2 д. (по 6 д. за пуд полосного железа). Таким образом, себестоимость пуда полосного железа составила почти 8 алт., тогда как на рынке его цена не превышала 2 гривен.

⁷¹ ЦГАДА, ф. Кунгурской комендантской канцелярии, д. 4, л. 1.

ко Ф. Молодого в те дни уже не было в Кунгуре, и кунгурский комендант склонился на сторону С. Яковлева. Последний получил молотовой завод до «указного срока», но оброчная плата была несколько повышена (8 алт. 2 д. со 100 пудов «передельного» железа). Яковлеву был также продан заготовленный при заводе уголь. Не теряя времени, он пустил молотовые в ход, и с 2 апреля по 1 июля 1715 г. из 900 пудов кричного железа завод выдал 400 пудов полосного, за которое откупщик уплатил 1 рубль оброка⁷².

Опыт, предпринятый Яковлевым, казался ему довольно удачным, и он по истечении договорного срока вновь обратился с челобитьем в комендантскую канцелярию. На этот раз Яковлев заявил, что если ему отдадут молотовой завод вместе с плотиной и «снастями» на пять лет, то он будет уплачивать оброчных денег по 7 руб. в год. Из этого можно заключить, что годовую производительность завода он определял не менее чем в 3 тыс. пудов полосного железа. Но здесь в дело вмешался другой претендент, разбогатевший на торговле крестьянин из вотчин Г. Д. Строганова Сидор Белоусов, который обязался платить «против Сергея Бабушкина с прибавкою и дает на год 10 рублей». К этому Белоусов выдвинул условие, чтобы ему «в те урочные годы для того железного промыслу уголье промышлять ис тутошних лесов и жечь, и подрывать повольною ценою было б свободно». Яковлев надбавил еще 2 рубля, повторив условие Белоусова относительно использования местных лесов. В свою очередь строгановский крестьянин повысил сумму оброка до 15 руб. Гостиной сотни торговый человек не захотел отстать от крестьянина и «наддал» еще 5 руб., но Белоусов был готов и к этому, подняв оброчную сумму до 25 руб. Сославшись на то, что «стал быть с торгу оброк немалое число», Белоусов внес дополнительное условие о возмещении ему расходов на ремонт оборудования завода после окончания оброчного договора и о беспрепятственной покупке кричного железа и леса по своему усмотрению. Яковлев не выдержал торга и заявил, что больше надать не может. Однако дело на этом не закончилось. Присутствовавшие при торге местные администраторы, наблюдавшие всю эту картину, понадеялись, что если более широко оповестить население, то, возможно, появятся желающие взять молотовой завод на оброк за более высокую сумму. Но их надежды не оправдались. Несмотря на неоднократные объявления, конкурентов Белоусову не нашлось. Сделали предложение находившимся в Кунгуре «рудным промышленникам» Никифору Огневу и Федору Инютину, но они к торгу не явились. Тогда С. Белоусов, повторив все прежние свои условия, назвал свою последнюю цифру — 30 руб., добавив, что больше он дать не может, так как плотина и оборудование завода нуждаются в дорогой починке. Строгановский крестьянин выиграл торг и стал обладателем завода, но не на пять лет, как ранее предполагалось, а только на три года. Ему разрешили взять завод со всеми снастями и плотиной, два амбара под складские помещения и две избы для житья работным людям. Удовлетворили и его пожелания насчет покупки «повольной ценою» кричного и «розсечного» железа и расширения завода, если владелец сочтет это необходимым. Оброчный договор должен был вступить в силу после санкции губернатора Сибири⁷³. Последняя была получена и С. Белоусов с 1715 по 1718 г. владел заводом, на котором вырабатывалось полосное железо из покупного кричного. После трехлетнего срока Белоусов не возобновил попыток продлить оброчный договор.

⁷² ЦГАДА, ф. Кунгурской комендантской канцелярии, д. 4, лл. 3—4 об.

⁷³ Сведения о торге см. там же, лл. 5 об.—8.

Других охотников не нашлось, и Мазуевский железоделательный завод оказался заброшенным⁷⁴.

Что же произошло с злополучным промышленником Федором Молодым после конфискации его завода? Об этом мы можем судить только на основании весьма отрывочных сведений. По словам одного из «товарищей» Молодого по Мазуевскому заводу, Никифора Огнева, который так и остался на Урале, Ф. Молодой в 1712 г. «взят в Тобольск скован за караулом и был сослан в ссылку на Березов»⁷⁵, причем Огнев не мог указать причины ссылки Молодого. Несколько подробнее поведал о судьбе Молодого допрошенный в 1720 г. пробирный мастер Уктусского завода Галактион Беляев. Оказывается, «з год и больше» Молодого держали в Тобольске скованного и под караулом, прежде чем отправить в Березов⁷⁶. Долго ли Молодой был в ссылке, — неизвестно. Через некоторое время его перевели в Тобольск, где использовали на работах в качестве рудоплавного мастера. В марте 1718 г. его перемещают на Уктусские заводы. Здесь он состоял до 1720 г. «у рудоплавного медного дела» наряду с другими мастерами. Комиссар Уктусских заводов Бурцев пытался уверить правительство, что Молодому была дана во всем «свободная воля». Однако у правительства были другие сведения, из которых можно усмотреть, что Молодой и некоторые другие мастера на Уктусских заводах какое-то время содержались под караулом. Именным указом Петра I от 23 февраля 1720 г. было отдано распоряжение немедленно выслать в Петербург в Мануфактур-коллегию содержащихся под караулом в Верхотурье и на Уктусских заводах мастеров Ф. Молодого, Г. Беляева и др., что и было исполнено губернской канцелярией в Тобольске⁷⁷.

Вновь мы встречаемся с Ф. Молодым в 1722 г., когда он подает в Берг-коллегию челобитье с просьбой вернуть ему конфискованный Мазуевский завод. В своих злоключениях Молодой обвинил первого губернатора Сибири князя М. П. Гагарина, к тому времени казненного за многочисленные преступления по должности. Аналогичное челобитье Молодой (повидимому, совместно с Н. Огневым) подавал в 1720 г., но в связи с отстранением Татищева от горного ведомства продвижение дела затормозилось, хотя Молодой уверял, что он уже тогда выхлопотал указ о возвращении завода. Жалуясь на Гагарина, который его «мучил... многие годы и разорил без остатку», Молодой указывал: «И тем заводом и поныне я не владею, а скитаюсь меж двор»⁷⁸.

Берг-коллегия не сразу пошла на удовлетворение ходатайства Ф. Молодого. Справки, наведенные по материалам делопроизводства Берг-коллегии, подтвердили, что действительно указ о передаче Мазуевского завода Ф. Молодому и его «товарищу» Н. Огневу состоялся по прежде поданной челобитной. Но возвращение завода предусматривалось при соблюдении ряда условий. А они состояли, в том, чтобы: 1) удостоверить факт постройки Мазуевского завода именно Молодым и его компаньонами; 2) подтвердить убедительными доказательствами, что завод был изъят у владельцев незаконно; 3) выяснить, не стесняет ли Мазуевский завод Молодого работы расположенного тут же казенного медеплавильного завода (по части лесов и «в прочем»). Только при положительном ответе на эти три вопроса Берг-коллегия соглашалась выполнить просьбу

⁷⁴ Н. К. Чупин. Указ. соч., стр. 156—157.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 611, л. 168 об.

⁷⁶ Там же, л. 164 об.

⁷⁷ Там же, лл. 162—163, 165—165 об.

⁷⁸ Там же, кн. 627, л. 191—191 об.

Молодого. Свое предыдущее решение по этому делу Берг-коллегия повторила и на сей раз⁷⁹.

Легко заметить, что выдвинутые Берг-колlegией условия, при которых могла состояться отдача завода Молодому, открывали перед чиновниками — исполнителями указа самое безбрежное поле своеволия и самоуправства. Без преувеличения можно сказать, что Молодой со своим заводом буквально увяз в сетях бюрократического аппарата тогдашней России. Некоторые гарантии частного предпринимательства, содержащиеся в законодательстве петровского времени, в частности, известная Берг-привилегия, были еще недостаточны, чтобы создать вполне безопасные условия для удовлетворения жажды наживы у нарождающихся заводчиков и мануфактуристов.

Небезынтересно посмотреть, что собой представлял Мазуевский завод к началу 20-х годов XVIII в., когда Молодой обивал пороги коллегий и канцелярий, чтобы восстановить свои владельческие права. До известной степени в этом нам помогает сохранившийся чертеж завода, составленный в июне 1722 г.⁸⁰ На этом чертеже изображены два комплекса основных заводских сооружений⁸¹. Один из них — принадлежавший казне, медеплавильный завод, на котором мы здесь останавливаться не будем. Другой комплекс — интересующий нас частный завод Молодого. Если при самом начале работы (1704—1705 гг.) завод выглядел скорее как большая мастерская, а его оборудование составляли небольшие плавильные печи, ручные молоты и пр., то к рассматриваемому моменту он сильно изменился. Перед нами предприятие, хотя и небольшое по размерам, но уже имеющее почти все основные атрибуты металлургического вододействующего завода той поры. Кроме плотины, перегораживавшей р. Мазуевку, на плане указаны молотовой и доменный цехи, две кузницы, меховая мастерская, амбары для «припасов»; две караульные избы, «работничья изба», дома, где жили Молодой, его приказчик и кузнецы (три строения), а также другие постройки (скотный двор, бани и пр.). О молотовом цехе мы говорили ранее. Но вот появление на заводе домны представляется большой новостью. Наши источники ни словом не обмолвились о времени и обстоятельствах постройки домны на Мазуевском заводе. По-видимому, когда составлялся план завода, домна еще не действовала. Недаром Н. Огнев в челобитной, поступившей в Берг-коллегию 12 сентября 1722 г., просил отдать ему Мазуевский завод, «пока домны устроены или все управления того завода пока произведены будут»⁸².

Что сталося с заводом и владельцем в дальнейшем, — нам неизвестно. Известно только, что Молодой пережил свой завод, который к концу 20-х годов XVIII в. уже не числился среди действующих предприятий, а через полстолетия на плане 1773 г. был отмечен как «старой завод Федора Молодова»⁸³.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 627, лл. 191 об., 201—206.

⁸⁰ Там же, оп. 6 (планы и чертежи), д. 9.

⁸¹ Есть еще один чертеж Мазуевского завода того времени, но на нем заводские постройки воспроизведены слишком схематично. Зато неплохо показана окружающая завод местность. Любопытно, что на обоих берегах Мазуевки этот чертеж указывает по караульной башне, а на расстоянии 1—2 верст от завода помечены рудники («железная руда»). На притоке Мазуевки — р. Пиличевке обозначено, то «на оной реке камень семент» (там же, д. 365).

⁸² Там же, кн. 627, л. 203. Огнев упоминает о домнах, но на чертеже изображена только одна доменная печь (ср. также «Жизнеописание В. де Геннина». — «Горный журнал», 1826, кн. 4, стр. 105).

⁸³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, оп. 6, д. 2556. Судя по записи В. Геннина в его дневнике, можно полагать, что Огнев какое-то время являлся обладателем завода. Общее состояние этого предприятия в 1722 г. Геннин охарактеризовал довольно мрачно: завод «весь прогнил и провалился» (М. Ф. Злотников. Указ. статья, стр. 23).

* * *

Итак, мы познакомились с некоторыми сторонами деятельности частных промышленников Урала в начале XVIII в., в первую очередь с судьбой предприятий Федора Молодого. Привлеченный нами материал с достаточной очевидностью свидетельствует о появлении на окраинах страны частного капитала, который ищет производственного применения, организует крупные промышленные предприятия с эксплуатацией наемного труда. Эти частные непривилегированные заводы вступают в борьбу с мелким товарным производством уральских крестьян-металлургов. Но на данном этапе они не могут еще одолеть его. Правительственная политика и законодательство явно отстают от запросов и требований промышленников, по крайней мере мелких. Несмотря на некоторые поощрительные меры, государство помещиков-крепостников не в состоянии обеспечить благоприятные условия для формирующейся частной капиталистической собственности. Пример с заводчиком Молодым говорит о шатком, неустойчивом положении предпринимателя тех лет. История предприятий Молодого служит также показателем значительных трудностей, связанных с освоением горнорудных богатств Урала частным капиталом в начале XVIII в. Хроническая нехватка оборотных средств, высокие издержки производства, отсутствие сколько-нибудь удовлетворительного кредитования промышленников из государственной казны — все это отрицательно сказывалось на первых шагах частного предпринимательства.

Опыт частных железозаводчиков тех лет, во многом неудачный, содействовал выработке новых законодательных норм и более четкому определению правительственной политики по отношению к заводчикам и мануфактуристам, что нашло отражение в Берг-привилегии и последующих государственных актах.

А. А. З И М И Н

О СОСТАВЕ ДВОРЦОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА КОНЦА XV и XVI в.

До сих пор в исторической литературе уделялось явно недостаточное внимание изучению тех форм централизованного управления страной, которые складывались во время образования на Руси централизованного государства. Между тем только анализ этих форм управления может дать ответ на многие сложные вопросы дальнейшей истории государственного аппарата и, в частности, приказной системы.

Задачей настоящей работы является изучение состава дворцовых учреждений конца XV и XVI в.

Автор отнюдь не претендует на окончательное решение многих спорных вопросов, касающихся роли дворцовых учреждений в создании централизованного аппарата власти. Это будет возможно только после того, как появятся специальные исследования о Боярской думе, о компетенции великокняжеской власти, государевой казне и органах местного управления. Однако и в настоящее время можно уже поставить вопрос о функциях дворцового аппарата.

I

Корни дворцовой системы управления уходят в глубокую древность. В период феодальной раздробленности существенных различий между управлением собственно княжескими (домениальными) землями и самим княжеством не было. До 60-х годов XV в. дворцовые земли не достигали сколько-нибудь значительного размера и управление ими еще не обособилось в особую отрасль, ведавшуюся специальными лицами. По мере создания централизованного аппарата власти и присоединения новых земель к Москве объем великокняжеского хозяйства и размеры великокняжеских земель настолько расширились, что потребовалось централизовать руководство ими. Создание в Москве аппарата управления этими землями было настоятельно необходимо еще и потому, что во второй половине XV в. происходило постепенное размежевание между «черными» (государственными) землями и «дворцовыми», обслуживавшими нужды великокняжеского двора. Если управление первыми осуществлялось наместниками и волостелями под контролем великого князя и Боярской думы, то управление последними было в 60-х годах XV в. поручено дворецким¹. Вместе с тем дворецкие долгое время активно участвовали в

¹ Дворецкие, например, судили великокняжеских бортников и, очевидно, других людей дворцовых земель (см. грамоту 1535 г. — Гос. архив Владимирской обл., ф. 575, д. 1, л. 2 об.). Они отдавали распоряжения, касавшиеся дворцовых крестьян (грамота 1547 г. — Гос. исторический музей (ГИМ), собр. Симонова монастыря, кн. 58, лл. 183—184 об.). О функциях дворцового по организации великокняжеского хозяйства в конце XV в. см. С. А. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. IV. — «Чтения ОИДР», 1917, кн. III, стр. 498.

решении ряда общегосударственных дел. В их распоряжении находился специальный штат дьяков, постепенно специализировавшихся по выполнению различных государевых «служб»². Наряду с казначеями дворецкие осуществляли контроль над деятельностью кормленщиков³. Дворецкие выдавали и скрепляли своей подписью жалованные грамоты феодалам⁴. Они же судили самого имуниста или население его владений по спорным делам с другими феодалами, черносотными крестьянами или посадскими людьми⁵. Суд по наиболее важным уголовным делам (разбое и татьбе с поличным) также входил в компетенцию дворецких⁶. Суд дворцового был вообще последней инстанцией; ему, как и «введенным» боярам, докладывались все дела, не решенные судом низшей инстанции⁷. Н. Е. Носов считает, что до реформ 50—60-х годов XVI в. дворцовые ведомства и казна сосредоточивали все основные отрасли государственного управления⁸. Если даже признать, что Н. Е. Носов несколько преувеличивает значение дворцовых ведомств, то даже учитывая это обстоятельство, дворец останется одним из основных правительственных учреждений конца XV — первой половины XVI в.

Выделение дворцовых земель из состава великокняжеских С. Б. Веселовский относил к последней четверти XV в.⁹ Следовательно, возникновение института дворецких тесно связано с процессом создания Русского централизованного государства. Великокняжеские дворецкие в большинстве вербовались из состава старинного нетитулованного боярства, с давних пор тесно связанного с Москвой. Конечно, при назначении на эту должность играли большую роль и другие не менее важные обстоятельства (служба при великокняжеском дворе, родственные связи с московским государем и др.).

Первым дворецким, известным нам по достоверным источникам, был Иван Борисович Морозов-Тучков (январь 1467 г.)¹⁰. Позднее он, очевид-

² Дворцовые дьяки упоминаются уже под 1502 г. (Сб. РИО, т. 35, стр. 340), под 1504 г. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (ДДГ), М. — Л., 1950, стр. 363) и под 1510 г. (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV и XVI вв. (АФЗХ), ч. 1, М., 1951, № 167), под 1512 г. (ААЭ, т. I, № 155). Есть сведения 1501 г. о дворцовом дьяке Ермоле, но оно читается только в одном из поздних списков разрядных книг (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 33). О роли дьячьего аппарата двора и казны в сложении приказов см. в нашей статье «О сложении приказной системы на Руси». — «Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР», вып. 3, М., 1954.

³ П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины. М. — Л., 1950, стр. 215—216.

⁴ Акты, относящиеся до гражданской расправы древней Руси, собрал и изд. А. Федотов-Чеховский (АГР), т. I, Киев, 1860.

⁵ Там же, № 52, 53; С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 1391.

⁶ С. А. Шумаков. Новые губные и земские грамоты. — ЖМНП, 1909, № 10, стр. 339.

⁷ АГР, т. I, № 54, 55 и др.

⁸ Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М. — Л., 1957, стр. 322.

⁹ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., т. I. М. — Л., 1947, стр. 138.

¹⁰ АФЗХ, ч. I, № 152; ср. в грамоте 1462—1484 гг. — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — нач. XVI в. М., 1952 (АСЭИ), т. I, № 330. Шереметевский список («Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2, ч. XX, далее — Ш) указывает, что в 1461—1468 гг. были дворецкими М. И. Сабуров (по Ш умер в 1463/64 г.) и Г. В. Заболоцкий (по Ш умер в 1472/73 г.). С этих же лиц начинается Роспись дворцовых чинов (ГБЛ, Музейное собр., № 1588, далее — Б), в которой сказано, что М. И. Сабуров был дворецким с 1462/63 г. в течение года. Г. В. Заболоцкий помещен после Сабурова; был дворецким также в течение года. Шереметевский список в части думных чинов целиком зависит от Росписи, указания которой не всегда точно в нем осмыслены и изложены. Впрочем и в сведениях Росписи при всей их полноте имеются пропуски. Например, в ней не упоминается об И. Б. Морозове. См. грамоту

но, стал боярином, оставив должность дворецкого¹¹. Думные и дворцовые чины в этот период резко различались. Должность дворецкого в дальнейшем была обычно не только пожизненной, но и часто закреплялась за определенными фамилиями. В октябре 1479 г., например, дворецким был Михаил Яковлевич Русалка, происходивший, как и его предшественник, из семьи Морозовых¹² (к 1495 г., а может быть, еще и в 1490 г. М. Я. Морозов был уже боярином). В дальнейшем дворецким стал Петр Васильевич Великий-Шестунов¹³. Впоследствии он получил думный чин окольничего (не позднее сентября 1509 г.) и поэтому перестал исполнять обязанности дворецкого.

Расширение великокняжеской канцелярии и новые задачи, вставшие перед нею в результате образования Русского централизованного государства, привели к выделению в особую дворцовую должность функций казначея. Казначейми назначались не представители княжеско-боярской знати, а лица, близкие великим князьям и хорошо знавшие финансовые вопросы и вопросы внешнеполитических сношений Русского государства. Именно поэтому первыми казначеями были Ховрины — потомки греков, вышедших из Сурожа¹⁴, и Траханиоты — из семьи греков, прибывших на Русь в свите Софьи Палеолог. Так, с осени 1491 г. по сентябрь 1509 г. казначеем был Дмитрий Владимирович Овца¹⁵, сын боярина Ивана III — Владимира Григорьевича Ховрина¹⁶. Возможно, что уже в 1495 г. и сам Овца стал боярином.

Следующими на иерархической лестнице дворцовых чинов были ясельничий, сокольничий и постельничий. Они вербовались из дворянской мелкоты, часто вышедшей из состава несвободных слуг. Ясельничие ведали не только государевой конюшней, но и принимали деятельное участие

1424 г., подписанную Михаилом Федоровичем Сабуровым. — Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ, собрал и издал А. А. Юшков, ч. I. М., 1898 (далее — Акты Юшкова), № 4. Подлинность этой грамоты вызывает сомнения (С. Б. Веселовский. Из истории древнерусского землевладения. — Исторические записки, т. 18, стр. 81). Роспись дворцовых чинов помещена в приложении к настоящей работе.

¹¹ В акте 1462—1484 гг. после бояр упомянут «Иван Борисович, дворецкий» (АСЭИ, ч. I, № 330). Очевидно, он тогда еще боярином не был. Однако летопись, сообщая о «поимании» Василия и Ивана Борисовичей Тучковых осенью 1485 г., называет обоих боярами (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 162).

¹² П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901 (ДРК), стр. 13. По Ш он стал дворецким в 1464/65 г. и умер в 1500/01 г. По Б он был дворецким спустя 27 лет после Г. В. Заболоцкого.

¹³ В мае 1498 г. — декабре 1499 г. (АФЗХ, ч. I, № 32, 140; АСЭИ, ч. I, № 624; АИ, т. I, № 107). В 1489/90 г. он упоминается в связи с Дворцом (АСЭИ, ч. I, № 541). Две грамоты с упоминанием Шестунова как дворецкого И. А. Голубцов датирует временем около 1502—1504 гг. (АСЭИ, ч. I, № 641—642), но он считает возможным и более раннюю датировку. Очевидно, Шестунов был дворецким и в марте 1506 г. (ААЭ, т. I, № 142). По Ш он был дворецким с 1500/01, умер в 1512/13 г. П. Шестунов был жив еще в январе 1510—1514 г. (Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1941, стр. 97). С 1510 г. он был псковским наместником.

¹⁴ Купцы-сурожане были знатоками финансово-торговых операций и вопросов внешней торговли Русского государства. О них подробнее см. В. Г. Сыроечковский. Гости-сурожане. М., 1934.

¹⁵ Д. Овца упоминается в августе 1491 г. как работавший в Казне и в ноябре того же года в качестве казначея («Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», [т. I], СПб., 1851, стр. 82). Под 1504 г. он упоминается в духовной грамоте Ивана III (ДДГ, стр. 363). Дату сентябрь 1509 г. см. ДРК, стр. 44; Сб. РИО, т. 35, стр. 489. В 1507 г. Овца «приказал» жалованную грамоту Устюжского собора (П. Румовский. Описание Великоустюжского собора. Вологда, 1862, стр. 63—65). По Ш он был казначеем с 1494/95 г., умер в 1509/10 г. По Б он был казначеем с 1494/95 г. в течение 16 лет.

¹⁶ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 154.

в организации дипломатических сношений с ногаями, доставлявшими в Россию ценных коней, и Крымом¹⁷.

В сентябре 1495 г. ясельничими были Федор Михайлович Викентьев и Давыд Лихарев¹⁸.

Одним из лиц, наиболее приближенных к великому князю, был постельничий, который распоряжался его «постелью» и личной канцелярией, а в походах — великокняжескими «походной палатой» и обозом¹⁹. Г. Котошихин в XVII в. писал, что «постельничего чин таков: ведает его царскую постелью. А чество постельничей противу околничего»²⁰. В 1495 г. постельничими были Иван Федорович Ерш-Отяев и Василий Иванович Сатин²¹. В ноябре 1474 г. ловчим был Григорий Перхушков²², а сокольничим в 1503—1511 гг. — Михаил Степанович Кляпик-Еропкин²³. В конце XV — начале XVI в., в годы, когда известны сокольничие или ловчие, обычно не упоминаются постельничие. Возможно, что лицо, исполнявшее функции ловчего, совмещало тогда и обязанности постельничего. В конце XVI в. постельничему (бывшему одновременно наместником московской трети) докладывались грамоты о полных (докладных) холопах²⁴.

Дворцовые чины в этот период обычно присваивались пожизненно.

Первые упоминания в источниках под тем или иным годом сокольничего и других лиц администрации не означают еще, что их ведомства тогда именно и были созданы. Некоторые из дворцовых должностей (сокольничий, конюший, ловчий) и их «пути» упоминаются еще в докончании детей Ивана Калиты (середина XIV в.)²⁵. Еще в середине XV в. (до

¹⁷ См., например, Сб. РИО, т. 95, стр. 151 и др.

¹⁸ ДРК, стр. 20. Викентьев был ясельничим еще в июне 1496 г. (АФЗХ, ч. I, № 40), а Д. Лихарев — еще в 1502 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 241). По Б. Ф. Викентьев был ясельничим с 1494/95 г. четыре года, за ним помещен Д. Лихарев (также четыре года). По Ш первый был ясельничим с 1498/99 г., умер в 1501/02 г. Следующим ясельничим в Б помещен Г. А. Дровнин (шесть лет); по Ш Дровнин исполнял эту должность с 1502/03 г., а умер в 1507/08 г.

¹⁹ Подробнее о функциях постельничего см. С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. — Ученые записки МГУ, вып. 167, М., 1954, стр. 38—39, 46.

²⁰ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 29.

²¹ ДРК, стр. 20 (по Ш «Юрш»). Ерш был постельничим с 1494/95 г., умер в 1499/1500 г. По Б с 1501/02 г. шесть лет постельничим был Семен Иванович Брюхо, за ним М. С. Еропкин — семь лет. По Ш С. Брюхо окольничий с 1501/02 г. умер в 1506/07 г. Еропкин — с 1507/08 г., умер в 1512/13 г. Последний был, однако, не постельничим, а сокольничим. В разрядах С. И. Брюхов последний раз упоминается в апреле 1501 г., но без звания постельничего (ДРК, стр. 28). Женат он на одной из дочерей И. И. Заболоцкого (Родословная книга..., ч. 2, стр. 43). По Б с 1501/02 г. шесть лет постельничим был Семен Иванович Брюхов, за ним М. С. Еропкин — семь лет. Брюхов в сентябре 1507 г. постригся в Троицком монастыре; умер в сентябре-октябре 1515 г. (Троицкая вкладная книга; л. 129 об., по копии С. Б. Веселовского).

²² ПСРЛ, т. XII, стр. 156.

²³ С. А. Белокуров. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 100—101; ДРК, стр. 44; Сб. РИО, т. 35, стр. 403, 494. О суде сокольничего над сокольниками см. в грамоте 1548 г. (АИ, т. I, № 301).

²⁴ См. грамоту 1588 г. (Акты Юшкова, № 234) и указ 1 февраля 1597 г. о служилом холопстве («Памятники русского права», вып. IV, М., 1956, стр. 374).

²⁵ ДДГ, стр. 11; ср. грамоту ок. 1558 (там же, стр. 15). В литературе слово «путь» трактуется ошибочно как ведомство (С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. I. М., 1950, стр. 73—74; Материалы для терминологического словаря древней России, составил Г. Е. Кочин. М.—Л., 1937 и др.). «Путь» — это определенная административно-территориальная единица, население которой судится и облагается поборами феодалом, исполняющим те или иные служебные обязанности по дворцовому ведомству (сокольнику и др.); ср., например, грамоты «в путь», по формуляру совпадающие с грамотами «в кормление» (Акты Юшкова, № 17, 18, 22, 24). В духовной Ивана III 1504 г. указан Бежецкий Верх «с волостми и путми и з селы, и со всеми пошлинами» (ДДГ, стр. 360). Кроме того, «путь» — это кормление в дворцовом ведом-

1462 г.) упоминается «чашнич путь»²⁶. Имеются также сведения о «стольничем пути»²⁷.

В конце XV в., в связи с созданием Русского централизованного государства, управление великокняжеским хозяйством все более и более обособливалось от государственного управления и стало занимать по сравнению с ним подчиненное место. Вместе с тем если ранее дворцовым хозяйством могли ведать лица из дворцовой челяди великого князя, то теперь оно возглавляется представителями старомосковского боярства, преданного великим князьям, или выходцами из растущего дворянства. Этим объясняется появление первых упоминаний в источниках о дворецких, конюших и других дворцовых чинах, которые относятся к концу XV — началу XVI в. Вместе с тем великокняжеская власть использовала дворцовый аппарат в борьбе с боярской знатю. Наиболее преданные великокняжеской власти представители господствующего класса назначались именно на дворцовые должности, которые в это время обычно были пожизненными. Только смерть или опала могла лишить боярина звания конюшего, дворецкого или какого-либо иного.

В исторической литературе до сих пор почти не упоминалось о так называемых «областных дворцах», об их роли в управлении страной и о причинах их появления. Только К. А. Неволин, знавший областные приказы конца XVI в., высказал предположение, что они первоначально «заведовали всеми или почти всеми предметами управления по известной области»²⁸. В настоящее время, несмотря на скудость сохранившихся источников, на этот вопрос можно уже дать более или менее определенный ответ.

По мере присоединения к Москве последних самостоятельных и полусамостоятельных феодальных княжеств, по мере ликвидации уделов в конце XV — первой половине XVI в. появилась необходимость в организации центрального управления этими территориями. Включенные в состав единого Русского государства, уделы перестали быть источником для создания новых княжеств ближайших родичей московского государя, а постепенно становились неотъемлемой частью общегосударственной территории. Вместе с тем в изучаемый период еще была не изжита экономическая раздробленность страны, поэтому о полном слиянии новоприосоединенных территорий с основными не могло быть и речи. Этим и объясняется тот факт, что управление удельными землями в Москве сосре-

стве. Так, за Ив. Дм. Бобровым, постельничим Василия III «по постельничему пути» была «волость Ухта с мыты в путь» (Н. П. Лихачев. Государев родословец и род Адашевых. СПб., 1897, стр. 58). В 1555 г. Ф. В. Крюков пожалован «ясельничим» в кормление, т. е. по существу в путь (ДАИ, т. I, № 53). В дозорной книге 1588/89 гг. говорится об одном владении, которое «приписано к конюшенному пути к Домодедовской волости» (А. Н. Сперанский. Очерки по истории приказа каменных дел. М., 1930, стр. 36). См. грамоту 1547—1584 гг. о пожаловании «соколыничим путем» «з кормление», где называются «пути или волости» (Акты Юшкова, № 162); ср. грамоту 1556 г. о конюшнем пути (ДАИ, т. I, № 108). Пути можно сопоставить с татарскими даругами («дорогами»).

²⁶ И. М. Катаев и А. К. Кабанов. Описание актов собрания гр. Уварова. М., 1905 (Акты Уварова), стр. 6. Здесь упомянута Талицкая пустошь, как «чашнич путь»; ср. землю великокняжеских бортников чашничьего пути на Костроме в грамоте 1550 г. (С. А. Шумаков. Обзор..., вып. I, М., 1899, № 530). О чашничем пути на Костроме упоминается также в грамотах 1505—1533 гг. (Акты Юшкова, № 63) и 1538 г. (ЦГАДА, ф. 1260, оп. I, № 603).

²⁷ В «стольнич путь» входили переяславские рыболовы (Уставная грамота 1506 г. — ААЭ, т. I, № 143). См. также грамоту 1538 г. (С. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 1391). В 1462—1486 гг. В. Ознобишин был пожалован «санничим в путь»; ему были подведомственны «бояре и слуги и все люди того пути» (ДРВ, кн. XV, стр. 12).

²⁸ К. А. Неволин. Полное собр. соч., т. VI. СПб., 1859, стр. 181. Несколько интересных соображений об участии дьячего аппарата областных дворцов в проведении губной реформы в последнее время высказал Н. Е. Носов (указ. соч., стр. 320 и сл.).

доточивалось в руках особых дворецких, ведомство которых было устроено по образцу московского дворецкого.

Присоединяя те или иные княжества к Москве, великие князья забирали в фонд дворцовых и черносошных земель значительную часть владений местных феодалов, как это было, например, в Новгороде. Система дворецких обеспечивала на первых порах управление этими землями на новоприосоединенных территориях.

Таким образом, история создания областных дворцов конца XV — начала XVI в. связана с ликвидацией отдельных феодальных княжеств. Присоединение Новгорода и появление там значительного фонда великокняжеских земель вызвали необходимость создания ведомства новгородского дворецкого²⁹. Тверской дворец образовался после присоединения Твери к Москве в 1485 г. и смерти сына Ивана III — князя Ивана Ивановича, которому Тверь досталась в качестве удела. Некоторое время (до 1504 г.) тверские земли были подведомственны наследнику Ивана III — кн. Василию Ивановичу (будущему Василию III). В завещании Ивана III 1504 г. упоминается уже тверской дворецкий³⁰.

Есть сведения о том, что около 1497—1503 гг. в течение пяти лет калужским и старицким дворецким был Иван Иванович Ощерин, которого великий князь даже «в думу пустил»³¹. Однако, в связи с созданием Калужского удела кн. Семена Ивановича, по завещанию Ивана III (1504 г.), Старицкий и Калужский дворец как часть великокняжеского аппарата перестал существовать.

На должности дворецких назначались представители княжеско-боярской знати из числа «введенных бояр»³². Функции областных дворецких были близки к компетенции дворецких Большого дворца. В их руках находился надзор над судебно-административной властью наместников, волостелей и городовых приказчиков³³. Они осуществляли высшие судебные функции в отношении местных феодалов, черносошного и дворцового населения³⁴. Дворецкие контролировали выдачу иммунитетных грамот местным феодалам³⁵. В казне дворецких хранилась документация на отписанные великому князю земли светских феодалов. В 1534 г. по приказу тверского дворецкого И. Ю. Поджогиной была выдана память с духовной П. М. Малечкина 1523/24 г. его вдове на земли, которые в 1531/32 г. были взяты в казну, а теперь возвращались Малечкиной³⁶. Как показывают наблюдения Н. Е. Носова, из канцелярий областных дворцов выходили уставные губные грамоты. Так, Вятская грамота дана была из:

²⁹ В ноябре 1475 г. упомянутый дворецкий Роман Алексеев (ПСРЛ, т. XXV, стр. 304). В мае 1493 г.—1501 г. дворецким был М. М. Волинский (Сб. РИО, т. 35, стр. 94; ПСРЛ, т. III, стр. 144; ДРК, стр. 29).

³⁰ ДДГ, стр. 363.

³¹ Н. П. Лихачев. Государев родословец и род Адашевых — «Летопись занятий археографической комиссии», вып. XI, СПб., 1903, стр. 57—58.

³² В грамоте 1543 г. Ивана IV упоминается введенный боярин, у которого «будет матери моей великой княгини дворец в приказе» (С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 1329, стр. 481—482).

³³ ЦГАДА, ГКЭ, Переяславль-Рязанский, № 4/9824.

³⁴ См. в подписи 1551 г. на пожалованной грамоте: «Сужу яз, царь и великий князь, сам или мой дворецкий Рязанского дворца» (Амвросий. История Российской иерархии, ч. III. М., 1811, стр. 719); ср. грамоту 1560 г. Нижегородского дворца (А. К. Кабанов. Материалы по истории Нижегородского края, вып. 3.— Действия Нижегородской архивной комиссии, т. XIV, Нижний Новгород, 1913, стр. 15). В нижнем Новгороде были дворцовые села (там же, стр. 42). В 1551 г. в одной переяславской грамоте Троицкого монастыря установлен срок явки «тех горолов людем, которые города у которых бояр и у дворецких в приказе будут» (АИ, т. I, № 157).

³⁵ АФЗХ, ч. 2, № 184.

³⁶ Там же, № 91.

Большого дворца, грамота троицким селам Тверского и других уездов — из Тверского дворца, а новгородские дворцовые дьяки подписывали грамоты Бежецкого и Белозерского уездов³⁷.

Исполнение должности дворецкого несло с собой много выгод. Будучи тверским дворецким, И. Ю. Поджогин, например, прикупил в Тверском уезде пять деревень, которые он позднее передал Волоколамскому монастырю «на помин души»³⁸.

Когда мы говорим о круге дел, на которые распространялась компетенция областных дворцов, нужно иметь в виду, что в ряде случаев областные дворецкие делили свою власть с другими правительственными органами того времени (например, в губных делах большую роль с 1539 г. играла боярская комиссия по разбойным делам; с судом дворецкого сосуществовал боярский суд и т. п.).

Итак, создание областных дворцов было одним из этапов преодоления феодальной раздробленности в правлении, замены удельно-княжеского управления великокняжеской администрацией.

II

Во время княжения Василия III состав дворцовых чинов расширился, что объяснялось ростом дворцового аппарата в условиях укрепления Русского централизованного аппарата. Вместе с тем все более намечалось отстранение боярской аристократии от управления дворцовыми ведомствами, в которых все большую роль начинали играть видные дворянские деятели.

О характере внутривластных мероприятий в первые годы княжения Василия III сказать что-нибудь определенное трудно. Около 1510 г., когда при дворе обосновался новый любимец великого князя Вассиан Патрикеев, в политике Василия III произошел перелом.

В апреле 1511 г., Василий III пошел на примирение с опальным архиепископом Серапионом. В августе 1511 г. митрополитом сделался близкий к нестяжателям Варлаам. В это время произошли перемены и в правительственном аппарате, характер и размах которых в достаточной степени еще не выяснен.

Дворецким стал около 1507 г. фаворит великого князя Василий Андреевич Челяднин³⁹. В 1513 г. Челяднин, продолжая оставаться дворецким, стал боярином. Вообще в Боярскую думу все чаще стали попадать лица из дворцового аппарата, наиболее преданные великокняжеской власти. Сведения о дворецких во второй половине княжения Василия III не-

³⁷ Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 315—320.

³⁸ АФЗХ, ч. 2, № 169.

³⁹ Определенные сведения о нем как о дворецком датируются августом 1509 — декабрем 1515 гг. (А. Н. Пискарев. Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854, № 13; Акты Уварова, № 20; ДРК, стр. 44, 49, 50, 52; АФЗХ, ч. 2, № 62, 63; С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 626; РИБ, т. XXXII, № 87; АГР, т. I, № 52, 53; И. И. Кузнецов. Жалованная грамота вел. кн. Василия Ивановича. М., 1909, стр. 7). Был женат на дочери Ф. В. Тепленева-Оболенского. Умер незадолго до 1 февраля 1516 г. (АФЗХ, ч. 2, № 70). По Ш был дворецким с 1512/13 г., умер в 1517/18 г. По Б был дворецким семь лет (после М. Я. Морозова). Возможно, был дворецким уже в феврале 1507 г. (АГР, т. I, № 57). На грамоте 2 февраля 1508 г. на Вологду (правда, с подтверждениями 1534 и 1551 гг.) есть запись о «приказе» ее дворецким (вероятно Большого дворца) кн. Сем. Дм. Оболенским (ГПБ, Ф. I, 788). То же самое в грамоте 18 мая 1508 г. (ЦГАДА, ГКЭ, Переяславль-Залесский, № 8771). Есть сведение, что в апреле 1508 г. дворецким был сын М. Я. Русалки Андрей Михайлович Морозов (А. К. Кабанов. Указ. соч., стр. 5; ЦГАДА, ГКЭ, Нижний Новгород, № 7943).

ясны⁴⁰. Не исключено, что обязанности большого дворецкого исполняли тверские дворецкие Михаил Юрьевич Захарьин и Иван Юрьевич Шигона-Поджогин⁴¹. С февраля 1524 г. по 1543 г. дворецким был князь Иван Иванович Кубенский⁴². Однако известий о нем как о дворецком за 1527—1531 г. в источниках не обнаружено⁴³.

В сентябре 1509 г. вместе со старым казначеем Д. В. Овцой упоминается новый — Юрий Дмитриевич Траханиот⁴⁴. Траханиоты были близки к Софии Палеолог, матери Василия III, и появление Ю. Д. Траханиота на ответственном посту казначея нужно связывать с особым доверием, которое питал к нему Василий III. Ю. Д. Траханиот пробыл казначеем до начала 20-х годов XVI в. (последний раз упоминается в мае 1522 г.)⁴⁵.

Помощником казначея уже в конце XV в. был печатник, ведавший государственной печатью. Печатник прикладывал печать к правам грамотам, приставным и др. (см. Судебник 1497 г., ст. ст. 22—23). Первые конкретные сведения о печатниках относятся к началу XVI в. В 1504 и 1505 гг. печатником был упомянутый выше Ю. Д. Траханиот⁴⁶. Его преемником к 1509 г. сделался Михаил Иванович Ангелов⁴⁷. Еще до смерти Траханиота казначеем стал Петр Иванович Головин (из семьи Ховриных)⁴⁸. Печатником при нем был его дальний родственник Иван Иванович Третьяков (1523 г.)⁴⁹.

Ко времени княжения Василия III относятся первые упоминания ряда важнейших думных чинов. В их числе следует назвать прежде всего конюшего. Конюшими назначались видные представители старомосков-

⁴⁰ По Ш с 1518/19 г. кн. Федор Васильевич Лопата-Оболенский, убитый летом 1530 г. под Казанью (ПСРЛ, т. VI, стр. 265), а с 1530/31 г. — Михаил Васильевич Тучков, умерший в 1534/35 г. В Б после Челяднина помещены В. Ф. Оболенский (был дворецким 12 лет) и М. В. Тучков (пять лет). В марте 1525 г. дворецким называется Иван Федорович Палецкий (ГИМ, Отд. писм. источников, собр. Барсова, № 4897/2). Грамота имеет подтверждение 5 февраля 1534 г.

⁴¹ См. грамоту дворецкого Михаила Юрьевича от декабря 1519 г. на суздальские земли (ЦГАДА, ф. Спасо-Ефимова м-ря, д. 1, лл. 708 об.—720). О Захарьине и Поджогине см. ниже.

⁴² Сборник Муханова, СПб., 1866, № 319; см. также в июле 1524 г. (там же, № 286); в марте 1524 г. (Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 136—144); ср. в грамоте от июля 1525 г. — С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 1298. Последние две грамоты, впрочем, имеют подтверждения 1534/35 гг.; ср. в декабре 1526 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 265).

⁴³ О Кубенском как о дворецком в 1532—1542 гг. см. АГР, т. I, № 38, 48, 56, 57; РИБ, т. XXXII, № 131; АИ, т. I, № 134; Сб. РИО, т. 35, стр. 509—514, 432, 533, 540; т. 53, стр. 7, 11, 13, 237—240 и др.; т. 59, стр. 67; А. И. Кабанов. Указ. соч., стр. 16; «Труды Вятской ученой архивной комиссии», вып. III, 1905, стр. 84; РИБ, т. II, № 30. Последнее сведение о нем как о дворецком относится к июню 1543 г. (ДРК, стр. 117). В апреле 1546 г. он просто боярин (там же, стр. 122). По Ш он был дворецким с 1534/35 г., выбыл в 1545/46 г.; по Б был дворецким 11 лет. Если считать, что Кубенский был дворецким до 1543 г., то сведение списка Б нужно признать весьма точным.

⁴⁴ ДРК, стр. 44.

⁴⁵ Б. Дунаев. Максим Грек. М., 1916, стр. 33; ср. упоминание летом 1520 г. (Сб. РИО, т. 59, стр. 279; ср. АИ, т. I, № 124; АФЗХ, ч. I, № 295; ЛОИИ, собр. Головина, № 48). В 1527 г. его вдова дала вклад в Чудов монастырь (неопубликованные материалы Веселовского). По Ш был дворецким 1510/11 г., умер в 1512/13 г., по Б был дворецким три года.

⁴⁶ ДДГ, стр. 363; ДРК, стр. 9.

⁴⁷ Сб. РИО, т. 35, стр. 489; ДРК, стр. 44. Сведения о Сатине, Картамазове, Боброве и Кучинском как о печатниках (С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 47) ошибочны: в годы, когда они будто бы состояли печатниками, они были постельничими.

⁴⁸ См. Сб. РИО, т. 95, стр. 632 (март 1519 г.); ср. С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 16 (1526—1529 гг.) и ПСРЛ, т. VI, стр. 263—270 (конец 1533 г.). По Ш Головин был казначеем с 1513/14 г., умер в 1524/25 г. По Б был казначеем 12 лет; женат на Марии Васильевне Одоевской («Село Новоспасское», стр. 116).

⁴⁹ ДДГ, стр. 415.

ской аристократии; как правило, пост конюшего занимали бояре. Конюший являлся одним из важнейших лиц в государственном аппарате⁵⁰. После появления чина конюшего дворецкий стал «честью» вторым (если при этом имел боярский титул), или «под конюшним первой»⁵¹. В 1508 (ноябрь) — 1514 гг. конюшим был один из фаворитов Василия III — брат дворецкого Иван Андреевич Челяднин⁵². Челяднины были близки к осифлянским кругам духовенства, поддерживавшим централизаторскую политику великокняжеской власти⁵³. Сведений о конюших второй половины княжения Василия III нет⁵⁴.

Новый чин оружничего появился в начале XVI в. в связи с ростом применения огнестрельного оружия. Оружничему были подведомственны «доспех», т. е. вооружение, и «мастеры» (оружейники)⁵⁵. Первое сведение об оружничем относится к 1508 г., когда в источниках впервые упоминаются пищальники — отряды пеших воинов, вооруженных огнестрельным оружием⁵⁶. В сентябре 1508 — декабре 1512 г. оружничим был Андрей Михайлович Салтыков⁵⁷, а с лета 1513 г. — Никита Иванович Карпов⁵⁸.

Постельничими при Василии III были: Андрей Картамазов и Иван Дмитриевич Бобров в 1509 г.⁵⁹; Яков Мансуров и Федор Кучежкой в декабре 1512 г.⁶⁰ Последний ходил «за постелью» в 1521/22 г., но на этот раз вместе с Казарином Алексеевичем Буруновым⁶¹ (из того же рода Глебовых, что и Бобров)⁶². Среди сокольничих и ловчих в это время были: упомянутый выше сокольничий М. С. Кляпик-Еропкин до 1510/11 г., ловчий Михаил Иванович Нагой (в сентябре 1509 — декабре 1512 г.)⁶³; ловчий Давыд Григорьевич Проестов (сентябрь 1509 г.)⁶⁴; ловчий Михаил Васильевич Дятлов (декабрь 1512 г.)⁶⁵.

⁵⁰ Г. Котошихин, вспоминая старину, писал: «кто бывает конюшим, и тот первый боярин чином и честью» (Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 81).

⁵¹ Там же, стр. 88.

⁵² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 100—101; Сб. РИО, т. 35, стр. 487; ПСРЛ, т. XIII, стр. 10, 21; т. VI, стр. 252, 256. По Ш с 1495/96 г. конюшим был А. Ф. Челяднин, умерший в 1502/03 г.; с 1510/11 г. — И. А. Челяднин, умерший в 1514 г. В действительности И. А. Челяднин в 1514 г. попал в плен, где и умер в 1516 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 258). На его дочери был женат Дмитрий Федорович Бельский (Троицкое собр., кн. 532, Ростов, № 10; ГБЛ, собр. Беляева, № 6/1520, л. 481—481 об.).

⁵³ Новгородские летописи, стр. 66, ср. послание 1511/12 г. Иосифа Волоцкого В. А. Челяднину (И. П. Хрущев. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868, стр. 260).

⁵⁴ Есть только сообщение, что в мае 1514 г. конюшим был Замятня Константинович Беззубцев (ДРК, стр. 55).

⁵⁵ Сб. РИО, т. 59, стр. 65.

⁵⁶ О пищальниках см. А. А. Зимин. К истории военных реформ 50-х годов XVI в. — «Исторические записки», т. 55, стр. 355 и сл.

⁵⁷ Сб. РИО, т. 95, стр. 17, ДРК, стр. 44, 49, 50. По Ш он был оружничим с 1510/11 г., умер в 1521/22 г.

⁵⁸ ДРК, стр. 52. Последний раз упоминается в октябре 1526 г. (ДРК, стр. 73; Сб. РИО, т. 35, стр. 718; ПСРЛ, т. VI, стр. 758). По Ш Карпов был оружничим с 1522/23 г., умер в 1531/32 г. На самом деле умер, очевидно, незадолго до января 1537 г. (Сб. РИО, т. 59, стр. 65).

⁵⁹ ДРК, стр. 44. Бобров как постельничий упоминается в сентябре 1509 г. (Н. П. Лихачев. Государев родословец, стр. 77).

⁶⁰ ДРК, стр. 49. По Ш Мансуров был постельничим с 1513/14 г., умер в 1519/20 г. По Б Мансуров был постельничим семь лет.

⁶¹ ДРК, стр. 73. По Ш Бурунов был постельничим с 1520/21 г., умер 1531/32 г. По Б был постельничим 13 лет.

⁶² Родословная книга, ч. 2, М., 1787, стр. 181—183.

⁶³ ДРК, стр. 44, 49. По Ш был ловчим с 1508/09 г., умер в 1524/25 г. По Б — также с 1508/09 г., а всего был ловчим 17 лет.

⁶⁴ ДРК, стр. 44. По Ш был ловчим с 1525/26 г., умер в 1533/34 г. По Б был ловчим девять лет.

⁶⁵ ДРК, стр. 49.

Дворцовые должности постепенно становятся наследственными. Так, в 1533 г. ловчими были Федор Михайлович Нагой и Б. В. Дятлов, отцы которых занимали ту же должность⁶⁶.

Ясельничими во время княжения Василия III были Иван Иванович Суков и Федор Семенович Хлопов (сентябрь 1509 г.)⁶⁷; последний был ясельничим еще в 1521/22 г.⁶⁸ В сентябре 1525 г. ясельничими были Суков, Хлопов и Василий Иванович Ларионов⁶⁹. В конце 20-х и в 30-х годах источники ясельничих не называют.

Весьма сложен вопрос с чином кравчего. Кравчий во время празднеств стоял перед великим князем с чашей в руках и подносил ему питье⁷⁰. В Шереметевском и Беляевском списке сообщается, что с 1513/14 г. кравчим был Иван Юрьевич Сабуров⁷¹ (его сестра с 1505 г. была женой Василия III). В других источниках нет никаких сведений о Сабурове или о других лицах как кравчих⁷². В обоих списках называются далее кравчие кн. Юрий Михайлович Голицын-Булгаков⁷³ и кн. И. И. Кубенский⁷⁴. Исполнение должности кравчего позднее предшествовало получению боярского чина.

При Василии III расширился состав областных дворцов. После смерти кн. Федора Борисовича Волоцкого волоколамские земли вошли в состав Тверского дворца⁷⁵.

Тверским дворецким в 1510—1522 гг. был Михаил Юрьевич Захарьин⁷⁶, с 1532 г. дворецким уже именуется Иван Юрьевич Шигона-Поджогин⁷⁷. В 1512—1517 гг. дворецким новгородским называется Иван Андреевич Жулебин⁷⁸, а в 1517—1525 гг. — Иван Константинович Сабуров⁷⁹. В 1526 г. дворецким был Иван Семенович Морозов⁸⁰. После окончатель-

⁶⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 410. По Б Ф. Нагой был ловчим пять лет. По Ш он был ловчим с 1534/35 г., в 1538/39 г. стал окольничим. В разрядах как окольничий упоминается с 1547 г.

⁶⁷ ДРК, стр. 44. Суков упоминается в качестве ясельничего в 1515 и 1518 гг., а Хлопов — в 1519 г. (Сб. РИО, т. 95, стр. 151, 153, 631).

⁶⁸ ДРК, стр. 73. По Б И. С. Суков был ясельничим девять лет, а за ним помещен Ф. С. Хлопов (12 лет). По Ш Суков был ясельничим с 1508/09 г., умер в 1516/17 г., Хлопов — с 1517/18 г., умер в 1528/29.

⁶⁹ М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения, вып. 2. Юрьев, 1897, № 4.

⁷⁰ См. В. Любич-Романович. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. СПб., 1843, стр. 30—31. Котошихин писал, что кравчий ставит «на стол яству... пред царя» (Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 25). В начале XVII в. кравчий ведал аптекарским делом и Оружейной палатой (С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М. — Л., 1946, стр. 13, 35).

⁷¹ По Б — в течение 11 лет, по Ш — с 1513/14 гг., отставлен в 1523/24 г.

⁷² О Сабурове есть упоминание в разрядах под 1521/22 г. и под 1543 г. как о стряпчем (ДРК, стр. 73, 117). Отставлен, судя по Ш, в связи с разводом Василия III с Соломониной Сабуровой.

⁷³ По Ш — с 1524/25 г. до 1529/30 г., когда он был отставлен. По Б был кравчим шесть лет.

⁷⁴ По Ш — с 1524/25 г. до 1529/30 г., когда был сделан дворецким. По Б был кравчим пять лет. Сохранился серебряный ковш кн. И. И. Кубенского с надписью 1535 г., сделанный, очевидно, в память его пребывания кравчим (Сб. «Оружейная палата», М., 1955, стр. 168—169).

⁷⁵ В 1534 г. И. Ю. Шигона-Поджогин назывался тверским и волоцким дворецким. ПСРЛ, т. XIII, стр. 409; ср. грамоту 1538 г. — АФЗХ, ч. 2, № 272.

⁷⁶ ДРК, стр. 71; Сб. РИО, т. 35, стр. 504; ААЭ, т. I, № 169; ПСРЛ, т. VIII, стр. 266; АФЗХ, ч. 2, № 86.

⁷⁷ См. о нем ниже.

⁷⁸ О нем как о дворецком в 1515—1517 гг. см. ГБЛ Троиц. II, № 15, л. 62. Он был дворецким еще в июне 1512 г. (РИБ, т. XV, № 6).

⁷⁹ О нем как о дворецком в 1517—1519 гг. см. ГБЛ Троиц. II, № 15, л. 62. Был дворецким еще в мае 1523 г. и в 1525 г. (РИБ, т. XV, № 16, 24).

⁸⁰ РИБ, т. XV, № 25; ср. Сб. РИО, т. 59, стр. 535—536.

ного присоединения Рязани (в 1522 г.) был образован Рязанский дворец⁸¹. В марте 1525 г. кн. Иван Федорович Палецкий как дворецкий (очевидно, рязанский) скрепляет вологодскую грамоту⁸².

Уже издавна в Нижнем Новгороде были значительные земли, являвшиеся достоянием великого князя и управлявшиеся особым дворецким⁸³. В связи с задачами обороны от нападения казанских татар управление этими делами было вероятно, также передано особому дворецкому. В ноябре 1522 — мае 1523 г. нижегородским дворецким был Андрей Николаевич Бутурлин⁸⁴. Впрочем, сведения о нижегородском дворце настолько неясны, что существование особого нижегородского дворца все же остается под сомнением.

III

Годы малолетства Ивана Грозного характеризуются ожесточенной борьбой за власть между различными боярскими группировками. Особенно обострилась эта борьба после смерти Елены Глинской (1538 г.), правительство которой еще пыталось продолжать твердый курс политики Василия III. Думские звания и дворцовые должности в «несовершенные лета» Ивана IV были разменной монетой, которой расплачивались побеждавшие боярские временщики со своими сторонниками.

Н. Е. Носов полагает, что в конце 30-х — начале 40-х годов XVI в. правительственный (и в особенности дворцовый) аппарат находился в руках сторонников политики дальнейшего укрепления централизации, ибо этот аппарат был скомплектован еще при Василии III и Елене Глинской⁸⁵. Если полностью принять соображение Н. Е. Носова, то получается, что боярские распри фактически не касались правительственного аппарата, тогда как в действительности борьба шла за власть, за проведение определенной политической линии при помощи всей системы центральных и местных учреждений⁸⁶. Это наглядно проявляется уже на истории дворцового аппарата в 30—40-годах XVI в.

Во время боярского правления дворецким был И. И. Кубенский, казенный в 1546 г. Последний раз как дворецкий он упоминается летом 1543 г. Возможно, что с этого года он уже перестал быть дворецким⁸⁷. Это связано было, очевидно, с тем, что в конце 1543 г. пало правительство Шуйских, к которым И. И. Кубенский был близок. Вслед за Кубенским дворецким около 1543/44 г. мог быть некоторое время Иван Иванович Хабаров (в 1547 г. уже боярин), близкий к группировке князей Бельских.

⁸¹ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси, стр. 138. В феврале 1533 г. Рязань была подведомственна дворецкому И. И. Кубенскому (АИ, т. I, № 134), а в 1509 г. — дворецкому В. А. Челяднину (А. Н. Пискарев. Указ. соч., № 13).

⁸² ГИМ, собр. Барсова, № 48987/2 (сообщено С. М. Каштановым). В мае 1551 г. Вологда была подведомственна рязанскому дворецкому (Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 719). Отсюда полагаем, что Палецкий был рязанским дворецким.

⁸³ В 1519 г. таким дворецким был Алферий Жедринский (АГР, т. I, № 75).

⁸⁴ Сб. РИО, т. 35, стр. 643, 670.

⁸⁵ Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 315—326.

⁸⁶ Н. Е. Носов допускает и ряд фактических неточностей, доказывая свой тезис. Он, например, считает, что И. И. Третьяков стал казначеем в 1526 г. (принимая дату списка Ш), тогда как первые сведения о казначействе Третьякова относятся к 1538 г. Д. Ф. Палецкий не мог в 1538—1541 гг. быть нижегородским дворецким, ибо он в это время возглавлял Дмитровский дворец. Тверской дворецкий М. Ю. Шигона-Поджогин уже вскоре после падения Елены Глинской сходит со сцены и т. д.

⁸⁷ По Ш в 1546/47 г. боярство было сказано дворецкому Хабарову. По Б был дворецким три года после Кубенского. На грамоте 1545/46 г. есть помета боярина-дворецкого Д. Р. Юрьева (С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 1281). Однако она сделана, очевидно, в момент подтверждения грамоты, т. е. в 1551 г.

Вскоре после смерти Елены Глинской казначеем стал И. И. Третьяков (из печатников)⁸⁸. В борьбе боярских группировок за власть Третьяков поддерживал Шуйских⁸⁹. Отставка его от казначейства (и, возможно, пострижение в монахи) находится в связи с приходом к власти правительства компромисса в 1549 г. Некоторое время наряду с ним в 1541 г. казначеем был родственник Третьяковых Михаил Петрович Головин Большой, получивший назначение, очевидно, в связи с победой Шуйских, к которым он был близок⁹⁰.

Конюшим в первые годы боярского правления был фаворит Елены Глинской кн. Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский (январь 1534—1538 г.)⁹¹. После его смерти конюшим, возможно, стал в феврале 1539 г. Иван Иванович Челяднин, умерший около 1541 г.⁹² Очевидно, некоторое время спустя после смерти последнего конюшим сделался Иван Петрович Федоров-Челяднин⁹³. Сохранились сведения о том, что в январе 1547 г. конюшим был дядя Ивана Грозного кн. Михаил Васильевич Глинский⁹⁴.

Оружничим в годы боярского правления был брат Никиты Ивановича Карпова, известный писатель и дипломат Федор Карпов⁹⁵, а позднее — князь Юрий Иванович Щетинин⁹⁶.

Есть неясные сведения о том, что кравчим после И. И. Кубенского был кн. Юрий Васильевич Глинский (дядя царя), убитый во время февральского восстания 1547 г.⁹⁷ После него кравчим стал кн. Иван Федорович Мстиславский⁹⁸.

О печатниках, ловчих, ясельничих и постельничих в годы боярского правления определенных сведений не сохранилось. Известно только, что в сентябре 1547 г. постельничим был Матвей Федорович Монастырев-

⁸⁸ С июля 1538 г. (ЦГАДА, ГКЭ, Переяславль-Залесский, № 101/8825) по январь 1549 г. (Сборник грамот коллегии экономии, т. II, Л., 1929, № 86-а; ААЭ, т. I, № 196, 211; Акты Юшкова, № 163; ДРК, стр. 125; АИ, т. I, № 140, 147; АГР, т. I, № 57; ДАИ, т. I, № 44; С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 534, 1303 и 1354). По Ш был казначеем с 1525/26 г., умер в 1542/43 г. По Б был казначеем 19 лет. (В. Савва. О посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917, стр. 274).

⁸⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 439. Его родная сестра (Евдокия) была замужем за кн. Василием Ивановичем Горбатым (Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 321).

⁹⁰ Архив ЛОИИ, ф. 174, № 140; ср. «Родословная книга», ч. II, стр. 271 (сообщено нам А. К. Леонтьевым).

⁹¹ ДРК, стр. 92, 94, 100, 104; ПСРЛ, т. XIII, стр. 102. По Ш с 1538/39 г. (АЗР, т. II, № 175, стр. 235).

⁹² ААЭ, т. I, № 184; ср. под 1541 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 197), а также под 1540/41 г. (С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 1001). В 1533 г. И. И. Челяднин еще стряпчий (ПСРЛ, т. VI, стр. 272). В январе 1536 г. он был кравчим у великой княгини Елены (ПСРЛ, т. XIII, стр. 105). Его шурином был Ю. Глинский.

⁹³ Постниковский летописец сообщает, что в 1546 г. «боярина и конюшего» Федорова Иван IV отправил в ссылку. (М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской. — «Исторические записки», т. 46, стр. 281).

⁹⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 451. По Ш он был конюшим с 1540/41 г., отставлен в 1546/47 г.

⁹⁵ Это известие относится к январю 1537 г., причем сказано, что Ф. И. Карпов «был не пошлой оружничей», а стал «после брата его Никиты» (Сб. РИО, т. 59, стр. 65). Умер Ф. И. Карпов после октября 1539 г., но до 1545.

⁹⁶ По Ш он был оружничим с 1532/33 г., умер в 1548/49 г. Единственное сведение о нем как об оружничим в разрядах относится к июлю 1547 г. (ДРК, стр. 124). Впрочем, еще в 1513 и 1521/22 гг. он с братом Василием «стряпал у доспеху» (ДРК, стр. 52, 73), т. е. был помощником оружничего Н. И. Карпова. Щетинин упоминается как оружничим в декабре 1547 г. в рукописных разрядах (ГБЛ, Музейное собр., № 1585, л. 210).

⁹⁷ По Ш он был кравчим с 1535/36 г., в 1539/40 г. стал боярином. По Б он был кравчим пять лет.

⁹⁸ По Ш он был кравчим с 1540/41 г., по Б был кравчим девять лет.

Бурухин⁹⁹, ловчим в первые годы после смерти Василия III — упоминавшийся выше Ф. М. Нагой, а постельничим в августе 1538 — апреле 1539 г. — Иван Ильич Челищев¹⁰⁰.

30-е годы XVI в. были временем расширения состава областных дворцов. Вместе с тем увеличивалась руководящая роль московского дворецкого, который начал именоваться «большим»¹⁰¹, а великокняжеский дворец стал отныне называться Большим дворцом в отличие от областных¹⁰².

Напряженная внутриклассовая борьба периода боярского правления сказалась и на истории областных дворцов. В марте 1532 — марте 1539 г. тверским дворецким был М. Ю. Шигона-Поджогин, крупный политический деятель последних лет жизни Василия III и регентства Елены Глинской¹⁰³. Поджогин по смерти Глинской, очевидно, попал в опалу и вскоре умер¹⁰⁴. В сентябре 1542 г. дворецким был уже Ю. Д. Шеин¹⁰⁵. После возвышения Воронцовых к 1545 г. тверским дворецким сделался Иван Семенович Воронцов¹⁰⁶. Опала Воронцовых привела к смене дворецких в Твери. Новый дворецкий В. М. Юрьев (февраль 1546 — январь 1552 г.) после женитьбы Ивана IV на Анастасии Романовой (1547 г.) сделался царским свойственником¹⁰⁷. Тверскому дворецкому в это время были подведомственны земли Твери, Волоколамска, Ржева и Клина¹⁰⁸.

После ликвидации Дмитровского удела кн. Юрия Ивановича (1533 г.) образуется Дмитровский дворец. В 1537 — декабре 1541 г. дмитровским дворецким был, очевидно, кн. Дмитрий Федорович Палецкий¹⁰⁹, близкий к Шуйским. Поражение Шуйских привело к опале Палецкого; около 1543/44 г. дворецким стал Василий Дмитриевич Шеин¹¹⁰. Временное укрепление у власти Воронцовых сопровождалось раздачей должностей отдельным представителям этой фамилии. В 1545/46 г. дмитровским дворецким был Василий Михайлович Воронцов¹¹¹. После его казни дво-

⁹⁹ ДРК, стр. 4. В 1552 г. постригся в Троицком монастыре (неопубликованные материалы С. Б. Веселовского).

¹⁰⁰ ЦГАДА, Крымские дела, кн. 8, лл. 527, 582.

¹⁰¹ В январе 1537 г. упоминается большой дворецкий И. И. Кубенский (Сб. РИО, т. 59, стр. 67).

¹⁰² Большой дворец впервые упоминается в грамотах от декабря 1527 г. (Сб. Муханова, № 319), декабрь 1535 г. (Влад. обл. архив, ф. 575, № 2, л. 20 об.). Большой дворец упоминается в 1544 г. (С. Шумаков. Сотницы, вып. I, М., 1902, стр. 58) и в декабре 1540 г. (А. К. Кабанов. Указ. соч., № 12).

¹⁰³ Сб. РИО, т. 35, стр. 850; т. 59, стр. 76; АГР, т. I, № 49; С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 104; «Чтения ОИДР», 1876, кн. IV, отд. V, стр. 14; ПСРЛ, т. XX, стр. 437; СГГД, ч. I, № 31; «Сборник князя Хилкова», № 1; ПСРЛ, т. VI, стр. 270; АФЗХ, ч. 2, № 91.

¹⁰⁴ Умер он до 15 июня 1542 г. (АФЗХ, ч. 2, № 126). Могила его была в с. Иванишках Старицкого уезда («Труды II Областного археологического съезда в Твери», Тверь, 1906).

¹⁰⁵ ГБЛ, Троицкое собр., кн. 532, Ростов, № 10. Умер до 18 мая 1514 г. (Троицкая вкл. кн., л. 344 об.).

¹⁰⁶ АФЗХ, ч. 2, № 184; С. А. Шумаков. Тверские акты, вып. I. Тверь, 1896, стр. 57.

¹⁰⁷ СГГД, ч. II, № 16; ДРК, стр. 123; ГИМ, собр. Шукина, № 242/467, л. 111 об. В 1550 г. В. М. Юрьеву был подведомственен Радонеж, очевидно, входивший тогда в Тверской дворец. (М. А. Дьяконов. Акты..., вып. 2, № 16). Н. Е. Носов по недоразумению говорит наряду с Тверским о Волоцком и Ростовском дворцах (Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 325).

¹⁰⁸ АФЗХ, ч. 2, № 184.

¹⁰⁹ ГИМ, собр. Шукина, № 242/467, л. 111 об.; по ДРК — в августе 1538 — декабре 1541 г. (ДРК, стр. 104, 115).

¹¹⁰ ЦГАДА, ГКЭ, Кашин, № 39/6754; ААЭ, т. I, № 201.

¹¹¹ ГИМ, собр. Шукина, № 242/467, л. 111 об.; ДРК, стр. 122; М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 286.

рецким сделался Долмат Федорович Карпов (1547 — январь 1550 г.)¹¹². Дмитровскому дворцу в это время был подведомственен, кроме Дмитрова, Звенигород¹¹³.

В январе 1535 — августе 1538 г. углицким и калужским дворецким был боярин кн. Иван Васильевич Шуйский¹¹⁴, а в 1538—1542 гг. — Федор Семенович Воронцов¹¹⁵. В марте 1543 г. эту должность, очевидно, исполнял кн. Петр Иванович Репнин¹¹⁶, а в феврале 1546 г. — окольничий Иван Иванович Беззубцев¹¹⁷.

Углицкий дворец образовался, вероятно, после ликвидации Углицкого удела кн. Дмитрия Ивановича (1521 г.) и передачи его по завещанию Василия III слабоумному брату Ивана IV — Юрию Васильевичу¹¹⁸. Углицкому дворцу подведомственны были территории Галича, Углича, Калуги, Зубцова¹¹⁹, Бежецкого Верха¹²⁰, а также, очевидно, Переяславля Залесского¹²¹.

Рязанским дворецким был в 1539/40 г. Иван Михайлович Юрьев¹²², а вслед за ним — Василий Михайлович Тучков (с 1541 до августа 1545 г.)¹²³. Затем эту должность выполнял Петр Васильевич Морозов (июль 1548 — январь 1550 г.)¹²⁴. Рязанскому дворцу была подведомственна Вологда (во всяком случае в 1541—1548 гг.)¹²⁵.

В Новгородском дворце в 1536/37 г. сидел Иван Никитич Бутурлин¹²⁶, а в 1541—1543 гг. — Иван Дмитриевич Владимиров¹²⁷, в сентяб-

¹¹² ДРК, стр. 3, 7, 123, 128, 138; ГИМ, собр. Шукина, № 242/467, л. 111 об.; С. А. Шумаков. Обзор..., вып. III, № 427; ГБЛ, акты Беляева, № 78.

¹¹³ ААЭ, т. I, № 201.

¹¹⁴ С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 1328; Акты Уварова, № 25. Пребывание Шуйского дворецким выводится из факта подтверждения им грамот на территории, очевидно, входившие в Углицкий дворец.

¹¹⁵ В 1538/39 г. — ГИМ, собр. Шукина, № 242/467, л. 111 об. («галицкий»), в декабре 1539 г. — ДРК, стр. 111 («углицкий»), 1540 г. — АГР, т. I, № 58, в начале 1542 г. — Сб. РИО, т. 59, стр. 152 («углицкий и калужский»), в 1541/42 г. — М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 285 («углицкий»), в июне 1542 г. — ПСРЛ, т. XIII, стр. 111.

¹¹⁶ С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 1329. Пребывание Репнина определяется на тех же основаниях, что и для Шуйского (см. выше).

¹¹⁷ АФЗХ, ч. 2, № 189.

¹¹⁸ В состав этого удела входили Углич, Калуга, Бежецкий Верх, Малый Ярославль и другие города (ДДГ, № 104).

¹¹⁹ АФЗХ, ч. 2, № 149, 189.

¹²⁰ С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 1328.

¹²¹ АГР, т. I, № 53.

¹²² ГИМ, собр. Шукина, № 242/467, л. 111 об. (1539/40 г.); ДРК, стр. 112 (декабрь 1539 г.); Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 283—286 (июль 1539 г.); С. А. Шумаков. Материалы по истории Рязанского края, вып. 1, Рязань, 1898, стр. 11 (август 1539 г.).

¹²³ В декабре 1541 г. — Сб. Новг. об-ва любителей древностей, вып. 1, Новгород, 1908, стр. 85; в 1542/43 г. — ГИМ, собр. Шукина, № 242/467, л. 111 об.; с января 1543 г. до 1545 г. — РИБ, т. 32, № 150—155; ГИБ, ф. I, № 788, грамота № 14; ср. ГИМ, собр. Шукина, № 242/467, л. 111 об. (1547/48 г.). Умер 13 февраля 1548 г. (неопубликованные материалы С. Б. Веселовского).

¹²⁴ Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 714—723; ДРК, стр. 7, 138; Сб. РИО, т. 59, стр. 269; ср. ГИМ, собр. Шукина, № 242/467, л. 111 об. (1547/48 г.); «Исторический архив», т. VII, М., 1951, стр. 296.

¹²⁵ Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 283—286, 714—723; Архив ЛОИИ, собр. Лихачева, № 102/1, лл. 9—10.

¹²⁶ ДРК, стр. 99; Новгородские летописи, СПб., 1879, стр. 69; возможно, что до него, т. е. около 1534/35 г. (при наместнике Б. И. Горбатом), дворецким был Семен Никитич Бутурлин (Сб. РИО, т. 59, стр. 536).

¹²⁷ ГБЛ, Троицк. II, № 15, л. 62; ср. РИБ, т. XV, № 57; ГИМ, Синод. собр., № 791, лл. 9 об.—10.

ре-июне 1545 г. — некто Дмитрий Юрьевич¹²⁸, а в апреле 1546 г. — апреле 1548 г. — Семен Александрович Упин¹²⁹.

Нижний Новгород в 40-х годах XVI в. был подведомственен дворецкому Большого дворца¹³⁰.

Как видим, областные дворцы в период боярского правления находились в руках видных политических деятелей и каждая из враждующих боярских группировок стремилась сделать дворецкими своих ставленников.

IV

Дворцовые чины в середине XVI в. постепенно закрепляются за сторонниками централизаторской политики Ивана IV. Восстание 1547 г. и приход к власти правительства компромисса в 1549 г. привели к серьезным переменам в составе этих учреждений.

Дворецким накануне реформ сделался один из прямых ставленников Ивана Грозного — Данила Романович Юрьев, близкий родственник царя (по жене его Анастасии Романовне)¹³¹.

Особенно большую роль в проведении реформ государственного аппарата играла Казна — канцелярия Ивана IV. В 50-х годах XVI в. постепенно складываются «избы» — приказы, ставшие вскоре важнейшими центральными правительственными учреждениями¹³². В сложении приказов принимали участие как дьяческий аппарат Казны, так и специальные комиссии Боярской думы (по посольским и разбойным делам). Укрепление централизованного аппарата потребовало расширения круга деятельности казначеев и увеличения их численности. Теперь уже нельзя было оставлять должность казначеев в семье одних Головиных или Траханиотов. Нельзя забывать и того, что Головины-Третьяковы, тесно связанные семейными узами с крупнейшими боярскими фамилиями, являлись активными участниками боярских усобиц в малолетство Грозного, выступая на стороне группировки Шуйских.

В октябре 1546 г. казначеем был уже Федор Иванович Сукин, пробывший в этой должности до 1560 г.¹³³ Вместе с ним до начала 1549 г. казначеем был И. И. Третьяков. Вместо последнего уже в июле 1549 г. упоминается казначей Иван Фома Петрович Головин, исполнявший эту

¹²⁸ Новгородские летописи, стр. 74.

¹²⁹ Там же, стр. 75, 76, 78; «Известия археологического общества», т. III, СПб., 1861, стр. 48, 51.

¹³⁰ А. К. Кабанов. Указ. соч., стр. 16, 25. В апреле 1537 г. звание дворецкого нижегородского носил ин. Дм. Фед. Палецкий (Сб. РИО, т. 59, стр. 107). На этом основании Н. Е. Носов считает, что в 30—40-х годах XVI в. существовал особый нижегородский дворец (Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 325). Однако звание «нижегородский дворецкий» было простым посольским титулом, не связанным с исполнением определенных обязанностей по управлению Нижним Новгородом.

¹³¹ Определенные сведения о нем как о дворецком см. ДРК, стр. 123 (с июня 1547 г.); ср. С. А. Шумаков. Обзор..., вып. III, № 449 (в мае 1548 г. и в ноябре 1547 г.); АГР, т. I, № 63, 67 (в 1548/49 г.). В последний раз упоминается под 1564 г. (ДРК, стр. 249). По Ш ему как дворецкому сказано боярство в 1548/49 г., умер в 1565/66 г. По Б был дворецком 16 лет.

¹³² Подробнее см. А. А. Зимин. О сложении приказной системы управления на Руси, стр. 164 и сл.

¹³³ С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 584; ААЭ, т. I, № 211, 230; Акты Юшкова, № 163; «Исторический архив», М., 1953, т. VIII, стр. 19; АИ, т. I, № 147; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, М., 1937, прилож. 2; ЦГАДА, Турецкие дела, кн. I, лл. 386 об., 389, 392; П. А. Садилов. Очерки..., прилож. 11; Сб. РИО, т. 59, стр. 390, 594; ДРК, стр. 2, 4, 7, 8, 126, 163, 173, 189, 212; ПСРЛ, т. XIII, стр. 323; ДАИ, т. I, № 74. По Ш был казначеем с 1543/44 г. По Б был казначеем 23 года. Упоминается как казначей в апреле 1560 г. (ЛЗАК, вып. 34, опись актов, № 323). В августе 1560 г. уже окольничий (Сб. РИО, т. 71, стр. 1—11).

должность во всяком случае до февраля 1554 г.¹³⁴ Не будучи формально казначеем, решающее значение на деятельность Казны в 50-х годах XVI в. приобрел Алексей Федорович Адашев¹³⁵. Кроме двух названных выше, во всяком случае с 1551 г. казначеем был грек Хозяин Юрьевич Тютин (до 1568 г.)¹³⁶.

Выполнение обязанностей казначея было несовместимо с несением думного чина. Поэтому перевод из казначеев в состав Думы часто являлся «почетной отставкой». С другой стороны, это назначение укрепляло позиции сторонников Ивана IV в самой Думе. Около 1554/55 г. окольничество получил казначей И. П. Головин. В начале 50-х годов боярином сделался В. Ю. Траханиот, сын казначея Ю. Траханиота.

Падение правительства Адашева в 1560 г. привело к изменению в составе казначеев. Головин и Сукин в 1560 г. перешли в состав окольничих; казначеем окончательно сделался Никита Афанасьевич Фуников-Курцев¹³⁷. Фуникова царь позднее считал пострадавшим от деятельности «избранной рады»¹³⁸. С января 1549 г. до 1561 г. Фуников выполнял обязанности печатника, которые иногда сочетались в 1550-х годах у него с обязанностями казначея¹³⁹. В 1554 г. он входил в состав комиссии по расследованию дела о заговоре И. С. Лобанова-Ростовского¹⁴⁰. Фуников долгое время был близок к царю. Он был родич крестного отца царя и женат на сестре царского любимца кн. Афанасия Вяземского¹⁴¹. После Фуникова печатником с февраля 1561 г. был глава Посольской избы И. М. Висковатый (до самой казни в 1570 г.)¹⁴² — личный враг прото-

¹³⁴ Архив ЛОИИ, Акты до 1613 г., № 156; ЦГАДА, Турецкие дела, кн. I, л. 401; ДРК, стр. 7, 138, 145, 157, 158; ААЭ, т. I, № 230; АГР, т. I, № 74; «Исторический архив», т. VIII, стр. 19.

¹³⁵ В июне 1550 г. он именуется казначеем (ДРК, стр. 145), то же 26 декабря 1553 г. (Уставные грамоты Московского государства, под ред. А. И. Яковлева, М., 1909, стр. 37). Однако это название неточно: формально казначеем Адашев не был. См. С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 46—47.

¹³⁶ ААЭ, т. I, стр. 218. Упоминается как казначей еще в июле 1566 г. (СГГД, т. I, № 192); см. также сведения о казначействе Тютина с 1555 по апрель 1560 г. (АЮБ, № 41/II; П. А. Садилов. Очерки..., прилож. 11; ДРК, стр. 8, 175, 184, 189, 213; ДАИ, т. I, № 74; ЛЗАК, вып. 34, опись актов, № 323; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, прилож. 2). Казнен, очевидно, в 1568 г. (А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934, стр. 23; ср. РИБ, т. 31, стб. 297; С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана. — «Проблемы источниковедения», сб. III. М.—Л., 1940, стр. 252).

¹³⁷ ГБЛ, Троицкое собр., кн. 520, лл. 134—140; «Витебская старина», т. IV, Витебск, 1885, стр. 38; ДАИ, т. I, стр. 63. Впрочем, обязанности казначея он исполнял еще в мае 1553 г. (Продолжение ДРВ, ч. IX, стр. 79), в феврале и сентябре 1558 г. (там же, ч. X, стр. 25; ЦГАДА, Турецкие дела, кн. I, л. 407 об.) и в 1554 г., когда был еще печатником (ПСРЛ, т. XIII, стр. 238). По Ш он был казначеем с 1566/67 г., выбыл в 1571/72 г. По Б был казначеем шесть лет. Упоминается как казначей еще в декабре 1568 г. (В. И. Савва. Указ. соч., стр. 395). См. его завещание 1569/70 г. (ГБЛ, Троицкое собр., кн. 536, № 111). Казнен (С. Б. Веселовский. Синодик..., стр. 303—304). О его казни см. «Материалы по истории СССР», т. II, М., 1955, стр. 79 и ГИМ, собр. Уварова, № 1374.

¹³⁸ «Послания Ивана Грозного», М.—Л., 1951, стр. 52.

¹³⁹ ДРК, стр. 138, 145, 161; ДАИ, т. I, стр. 63; Сб. РИО, т. 71, стр. 26 (сведения о печатничестве, впрочем, только до 1554 г.). С. О. Шмидт полагает, что печатником с 1553 г. стал И. М. Висковатый.

¹⁴⁰ ПСРЛ, т. XIII, стр. 238.

¹⁴¹ П. А. Садилов. Очерки..., стр. 287.

¹⁴² С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 106. Возможно, что некоторое время, около 1561/62 г. или позднее, печатником был У. Львов (см. П. А. Садилов. Очерки..., стр. 283—285). В челобитной М. И. Татищева 1598 г. говорилось, что печатники У. Л. Пивов и И. М. Висковатый сидели у ясельничих П. Зайцева и В. Дровнина (Н. В. Мятлев. Челобитная Михаила Татищева. — «Летопись историко-родословного общества в Москве», вып. I, М., 1907, стр. 4).

попа Сильвестра и противник внешнеполитической программы Алексея Адашева.

Конюшим уже в январе 1550 г. снова был один из видных деятелей правительства компромисса, боярин Иван Петрович Федоров, казненный в 1568 г.¹⁴³

Кравчими, возможно, были в конце 40-х — начале 50-х годов кн. Юрий Иванович Пронский¹⁴⁴, кн. Иван Дмитриевич Бельский¹⁴⁵ и любимец царя кн. Петр Иванович Горенский¹⁴⁶.

С марта 1549 г. до конца 1564 г. оружничим был Лев Андреевич Салтыков (сын оружничего А. М. Салтыкова)¹⁴⁷. Одновременно с исполнением этой должности он был окольничим (с 1553 г.) и боярином (с 1561 г.).

В марте 1548 г. постельничими были М. Ф. Бурухин и Андрей Владимирович Мансуров¹⁴⁸. Последний выполнял эту должность еще в январе 1550 г.¹⁴⁹ Около 1553—1559 гг. постельничим был Игнатий Михайлович Вишняков¹⁵⁰, а вслед за ним — Яков Васильевич Волынский¹⁵¹. Около 1553 г. постельничим («ложничим»), возможно, был вместе с Вишняковым Алексей Адашев¹⁵². Сокольничим в 1553—1556 гг. был Иван Федорович Наумов¹⁵³. Ясельничим с января 1550 г. и во всяком случае по

¹⁴³ ДРК, стр. 138, 144, 149, 162; ср. СГГД, ч. II, № 39 (октябрь 1551 г.). По Ш он был конюшим с 1549/50 г., выбыл в 1566/67 г., казнен в 1568 г. (А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI вв. — «Археографический ежегодник за 1957 год», М., 1958). Федоров получил обратно свой чин, очевидно, после майского восстания 1547 г. В разрядах после 1556 г. (ДРК, стр. 184) он упоминается без чина конюшего. По Ш в 1548/49 г. умер конюший кн. Василий Васильевич Чулок-Ушатый. Когда он получил это звание — остается неясным.

¹⁴⁴ По Ш он был кравчим с 1548/49 г.; с 1552/53 г. — боярин. Умер в 1553/54 г. По Б он был кравчим шесть лет.

¹⁴⁵ По Ш он был кравчим с 1553/54 г.; с 1558/59 г. — боярин. По Б он был кравчим шесть лет.

¹⁴⁶ По Ш он был кравчим с 1559/60 г.; выбыл в 1564/65 г. По Б он был кравчим семь лет. Царь «держал его близко себя» (Сб. РИО, т. 71, стр. 322). В марте 1564 г. — феврале 1565 г. Горенский — думный дворянин. Казнен в начале опричнины, между 29 февраля и 14 марта 1565 г. (С. Б. Веселовский. Синодик..., стр. 278).

¹⁴⁷ ДРК, стр. 132, 145, 161, 165, 172, 180, 212; ААЭ, т. I, № 249; Архив Строева, т. I, № 211; АГР, т. I, № 58, 67; Акты Уварова, № 38. Казнен (С. Б. Веселовский. Синодик..., стр. 335). По Ш он был оружничим с 1549/50 г., отставлен от оружничих в 1563/64 г.; умер в 1572/73 г. В 50—60-х годах оружничий, судя по пометам на жалованных и других грамотах, принимал непосредственное участие в руководстве делами государева Дворца (Грамота 1561 г. — ГПБ, Опись Андреева, № 74; грамоты 1564 г. — С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 1305, 1454).

¹⁴⁸ «Известия археологического общества», т. III, стр. 49.

¹⁴⁹ ДРК, стр. 138; «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», М.—Л., 1950, стр. 115. Поскольку А. В. Мансуров помещен в основном тексте Дворовой тетради, составленной в 1551/52 г., то очевидно, что в этом году он уже исполнял свою должность. По Б он был постельничим 10 лет, по Ш — с 1541/42 г.; умер в 1550/51 г. На самом деле постригся в монахи, очевидно, около 1551/52 г., когда дал вклад в Симонов монастырь («Описание Симонова монастыря», М., 1843, стр. 76).

¹⁵⁰ ДРК, стр. 5, 8, 208. По Ш он был постельничим с 1551/52 г., умер в 1560/61 г. По Б он был постельничим 10 лет.

¹⁵¹ Упомянут в конце 1562 г. («Витебская старина», кн. IV, стр. 38). По Ш он был постельничим с 1561/62 г.; умер в 1567/68 г. По Б он был постельничим семь лет. Умер в 1568 г. (Н. П. Лихачев. Сборник актов. СПб., 1895, стр. 70).

¹⁵² А. М. Курбский. Соч., т. I. (РИБ, т. 31), стб. 210. Оба они упоминаются как дворяне, жившие в Думе во время событий 1553 г. Курбский говорит об Адашове как о постельничем при царе до 1553 г. (см. С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 38). Впрочем, Адашев мог быть не «постельничим», а «спальником» (см. в отношении 1547 г. — ДРВ, ч. XIII, стр. 33—34).

¹⁵³ ДРК, стр. 161, 181. По Ш он был сокольничим с 1549/50 г.; умер в 1561/62 г. По Б он был сокольничим и ловчим 13 лет.

1558/59 г. являлся Василий Григорьевич Афанасьев-Дровнин¹⁵⁴. С ним в «товарищах» были Иван Васильевич Тургенев (лето 1550 — лето 1556 г.)¹⁵⁵, а с 1558/59 г. до конца 1562 г. — Петр Васильевич Зайцев¹⁵⁶.

Приход к власти правительства компромисса привел к полному обновлению состава областных дворецких, причем старые дворецкие получали обычно повышение, входя в состав Думы. Только В. М. Юрьев, в силу его связи с Иваном IV, удержал звание тверского дворецкого до 1552 г. В этом же году дворецким был назначен Никита Афанасьевич Курцев¹⁵⁷. Около 1553 г. тверским дворецким стал Иван Васильевич Шереметев¹⁵⁸. В дальнейшем сведения о тверских дворецких исчезают. Очевидно, этот дворец был упразднен.

Дмитровский дворецкий Д. Ф. Карпов к августу 1550 г. сделался уже окольничим. Его место в Дмитровском дворце занял Василий Юрьевич Траханиотов (1550/51 г.)¹⁵⁹, получивший в августе 1550 г. звание боярина. Около 1551/52 г. дмитровским дворецким был Иван Иванович Жулебин¹⁶⁰, а в ноябре 1553 г. — кн. Дмитрий Иванович Оболенский¹⁶¹. Затем некоторое время в Дмитровском дворце сидел Иван Иванович Головин¹⁶². В 1550-х годах одно время дворецким был кн. Дмитрий Иванович Хилков¹⁶³.

Еще в ноябре 1548 г. углицким дворецким был окольничий Федор Григорьевич Адашев¹⁶⁴; в конце 1549 г. Углицкий дворец получил кн. Василий Семенович Серебряный¹⁶⁵, в октябре уже бывший боярином¹⁶⁶. В 1551/52 г. и во всяком случае до 1558 г. дворецким был Иван Григорьевич Выродков¹⁶⁷. Рязанский дворецкий П. В. Морозов к августу 1550 г. стал окольничим; с 1551/52 г. до 1559 г. дворецким был кн. Василий Андреевич Сидкий¹⁶⁸.

В Новгороде в ноябре 1555 — августе 1556 г. дворецким состоял Семен Васильевич Шереметев¹⁶⁹. В октябре 1556 г. эту должность исполнял Семен Никитич Бутурлин¹⁷⁰. Позднее долгое время в Новгороде дворецких вовсе не было¹⁷¹, а все дела вели дьяки¹⁷². Очевидно, сходная карти-

¹⁵⁴ ДРК, стр. 138, 145, 161, 173, 181, 212. По Ш он был ясельничим с 1539/40 г., умер в 1555/56 г. По Б он был ясельничим 14 лет. В 1549/50 г. он выдавал льготные грамоты (А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924, стр. 88—89).

¹⁵⁵ ДРК, стр. 145, 181.

¹⁵⁶ ДРК, стр. 212; Сб. РИО, т. 71, стр. 92. По Ш он был окольничим с 1562/63 г., выбыл в 1574/75 г. О нем см. П. А. Садилов. Очерки..., стр. 283 и сл.

¹⁵⁷ Дворовая тетрадь, стр. 114.

¹⁵⁸ Неопубликованные материалы С. Б. Веселовского.

¹⁵⁹ С. А. Шумаков. Обзор..., вып. III, стр. 4, 10, 77.

¹⁶⁰ Дворовая тетрадь, стр. 114.

¹⁶¹ ЦГАДА, ф. Калязина м-ря, копияная книга 1-я, № 144.

¹⁶² «Село Новоспасское», стр. 116.

¹⁶³ Дворовая тетрадь, стр. 114 (до марта 1559 г., когда он стал боярином; помета «боярин» стоит уже после записи о том, что он был дворецким).

¹⁶⁴ АГР, т. I, № 62. Он подписал грамоту, адресованную на «Углич» (ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, № 43/1221). Ф. Адашев хорошо знал Кострому, где у него были родовые земли.

¹⁶⁵ ДРК, стр. 136.

¹⁶⁶ ДРК, стр. 7.

¹⁶⁷ Дворовая тетрадь, стр. 114. «Продолжение ДРВ», ч. X, стр. 2. Выродков, долгое время находившийся на службе в Астрахани, осенью 1561 г. подвергся опале и заключению («Продолжение ДРВ», ч. X, стр. 143).

¹⁶⁸ ГИМ, собр. Шукина, № 242/467, л. 111 об.; Дворовая тетрадь, стр. 114; В. Сергеевич. Русские юридические древности. СПб., 1902, т. I, стр. 339.

¹⁶⁹ ДРК, стр. 176; ДАИ, т. I, № 67; ГИМ, собр. Шукина, № 242/467, л. 111.

¹⁷⁰ Сб. РИО, т. 59, стр. 536.

¹⁷¹ ГБЛ, Троицк. II, № 15, л. 62 об.

¹⁷² В дальнейшем (например, в 1570/71 г.) в Новгороде были наместники и воеводы. В приходо-расходной книге Николаевского Корельского монастыря за 1551 г.

на наблюдалась и в других дворцах: к 60-м годам XVI в. они ликвидируются. Исчезновение дворцов связано с постепенным преодолением пережитков феодальной раздробленности в стране и отражением этого процесса на административном управлении. Все функции областных дворцов перенимают приказы¹⁷³.

В это же время сокращается компетенция дворецкого Большого дворца; уже в годы малолетства Ивана IV появились губные учреждения, которые были подведомственны боярской комиссии по разбойным делам. Впрочем, долгое время вопрос о том, будет ли этот контроль над губными органами осуществлять боярская комиссия (зародыш Разбойного приказа) или дворецкий, оставался открытым¹⁷⁴. Только с 1549 г. разбойные дела были окончательно изъяты из компетенции дворецких.

Некоторые дворцы превратились в областные приказы. Так, после ликвидации Казанского ханства управление Казанским краем сосредоточивалось в воссозданном на новой основе Нижегородском дворце. Казанским и нижегородским дворецким с 1557 г. был Михаил Иванович Вороной-Волынский¹⁷⁵, который ведал тем же дворцом и в 1560—1562 гг.¹⁷⁶ Очевидно, в 1556—1566 гг. нижегородским дворецким был боярин С. В. Яковлев¹⁷⁷.

С 1570 по 1587 гг. Казанский, Нижегородский и Мещерский дворцы возглавлял думный дьяк А. Я. Щелкалов¹⁷⁸.

V

Введение опричнины привело к разделению территории государства на две части — опричную и земскую. В каждой из них существовала специальная администрация при сохранении ряда общегосударственных правительственных учреждений.

В истории опричнины дворец сыграл особенно важную роль. П. А. Садиков считал, что опричнина первоначально строилась по удельному образцу¹⁷⁹. Однако у нас имеется больше оснований рассматривать государев дворец тем прообразом, который был использован для всей системы управления в опричнине. Функции опричного аппарата отнюдь не заключались в управлении одним «государевым уделом», как иногда называлась опричнина в актах XVI в. В целом ряде вопросов опричные учреждения, как и дворцовые органы, имели общегосударственный характер. Не случайно В. М. Юрьев, близкий родич дворецких Д. Р. и Н. Р. Юрьевых, был, по сведениям очевидцев, одним из инициаторов опричнины¹⁸⁰, а

упоминается дворецкий П. Серебряный (Архив ЛОИИ, собр. Николаевского Корельского м-ря, № 936, л. 3 об.). В каком дворце он находился — сказать трудно; возможно, что в Новгородском.

¹⁷³ Рязанская и Дмитровская «избы» упоминаются в 1591 гг., но в 1591 и 1595 гг. упоминаются также Рязанский и Дмитровский судные приказы. Вместе с тем «треть Рязанская» в финансовом отношении была подведомственна Большому дворцу еще в 1556 г. (Боярская книга 1556 г., л. 67). Неожиданным является упоминание в феврале 1567 г. волоцкого дворецкого Г. И. Нагово (Сб. РИО, т. 71, стр. 18). Возможно, что это только титул, не связанный с руководством реальным учреждением.

¹⁷⁴ Так, в 1548 г. дворецкий все еще ведал разбойными делами (П. А. Садиков. Очерки..., прилож. 19; ЦГАДА, ГКЭ, № 5014).

¹⁷⁵ Дворовая тетрадь, стр. 114. О Нижегородском дворце см. под 1561 г. — С. А. Шумаков. Сопинцы, вып. 1, стр. 75.

¹⁷⁶ А. К. Кабанов. Указ. соч., № 15, 19, 21.

¹⁷⁷ Там же, № 25, 26, 28.

¹⁷⁸ П. А. Садиков. Очерки..., стр. 368.

¹⁷⁹ Там же, стр. 44.

¹⁸⁰ Пискаревский летописец. — «Материалы по истории СССР», вып. 2, М., 1955, стр. 76.

виднейшие опричники — кн. Аф. Вяземский, Ф. Басманов, Б. Бельский и другие — занимали важные места в дворцовом аппарате.

После смерти Д. Р. Юрьева в ноябре 1564 г. дворецким некоторое время был его брат Никита Романович Юрьев¹⁸¹. Новгородский летописец, рассказывая о январских событиях 1570 г., называет дворецким Л. А. Салтыкова¹⁸², который уже вскоре после этого (в конце 1571 г.) был казнен. Около 1576 г. дворецким сделался опричник кн. Федор Иванович Хворостинин¹⁸³. Юрьев был дворецким в земщине (см. в грамоте 1567 г. «на Большой земский дворец») ¹⁸⁴. Сведений об опричном дворецком у нас нет¹⁸⁵. П. А. Садиков предполагает, что в 1572—1574 гг. опричным дворецким был окольный кн. Ю. И. Токмаков-Звенигородский, ведавший рядом дворцовых дел¹⁸⁶ (умер в конце 1575 г.). Однако Токмаков мог быть обычным дворецким.

Казначейми в период опричнины были: Н. А. Фуников-Курцев и Хозяин Тютин. После их казни в декабре 1570 г. казначеем был кн. Василий Васильевич Масальский¹⁸⁷. Летом 1569 г. упоминается казначей Угрім Львов¹⁸⁸; с января 1576 г. до смерти Ивана Грозного казначеем был Петр Иванович Головин¹⁸⁹, заменивший, очевидно, Хозяина Тютин. В марте 1582 г. казначеем был Игнатий Петрович Татищев¹⁹⁰.

После казни И. П. Федорова (1568 г.) конюшие больше при Иване Грозном не назначались. Следующим конюшим стал в 1584 г. только Борис Годунов. Это был последний известный нам русский конюший. Котошихин в XVII в. писал, что «ныне в такой чин допускати опасаются»¹⁹¹, памятуя, что конюший Борис Годунов был избран в свое время на царский престол.

Кравчим в годы опричнины был царский любимец Федор Алексеевич Басманов, погибший в 1570 г.¹⁹²; затем некоторое время был кравчим Федор Игнатьевич Салтыков¹⁹³, после него — Калист Васильевич Соба-

¹⁸¹ Упоминается как дворецкий уже в мае 1565 г. (ДРК, стр. 261) и в июле 1566 г. (ГБЛ, собр. Беляева, № 131). По Ш был дворецким с 1565/66 г. По Б был дворецким 11 лет.

¹⁸² ПСРЛ, т. III, стр. 257, 259.

¹⁸³ АГР, т. I, № 82 (в октябре 1576 г.); Архив ЛОИИ, акты до 1600 г., № 355 (1576/77 г.); АФЗХ, ч. 2, № 369; П. А. Садиков. Очерки..., стр. 83 (1579 г.). По Ш он был дворецким с 1576/77 по 1584 г. По Б он был дворецким восемь лет. В декабре 1576 г. он был «в слободе», т. е. принадлежал к числу опричников (Синбирский сборник, М., 1844, стр. 34; далее — Синб. сб.).

¹⁸⁴ С. А. Шумаков. Обзор..., вып. IV, № 1455.

¹⁸⁵ Есть неясное сведение, что около 1571 г. был казнен «гофмейстер» кн. Иван Гвоздев-Ростовский (М. Г. Рогинский. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. — «Русский исторический журнал», № 8, Пг., 1922, стр. 54). Вероятно, что Гвоздев, который «занимал должность начальника двора», умер от моровой язвы около 1570 г. (А. Шлихтинг. Указ. соч., стр. 42).

¹⁸⁶ П. А. Садиков. Очерки..., стр. 82. «Приказ Большого дворца» в апреле 1572 г. прямо связывается с Ю. И. Токмаковым (Акты Уварова, № 45).

¹⁸⁷ В. И. Савва. Указ. соч., стр. 277. См. также ДРВ, ч. XIII, стр. 431 (конец 1571 г.). По Ш он был казначеем с 1572/73 г.; умер в 1576/77 г. По Б он был казначеем пять лет.

¹⁸⁸ П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. — «Исторический архив», т. III, М.—Л., 1940, № 37.

¹⁸⁹ Акты Московского государства (АМГ), т. I, № 26; В. И. Савва. Указ. соч., стр. 396. По Ш он был казначеем с 1577/78 г. По Б он был казначеем шесть лет.

¹⁹⁰ АИ, т. I, № 221.

¹⁹¹ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 82.

¹⁹² По Ш он был кравчим с 1565/66 г., выбыл в 1568/69 г. По Б он был кравчим шесть лет. О его казни см. С. Б. Веселовский. Синодик..., стр. 324. Упоминается в сентябре 1567 — январе 1568 г. (Синб. сб., стр. 20, 21, 23).

¹⁹³ О заключении в тюрьму кравчего Федора Салтыкова сообщают Таубе и Крузе (М. Г. Рогинский. Указ. соч., стр. 54; ср. С. Б. Веселовский. Синодик..., стр. 334—335).

кин, двоюродный брат жены царя Марфы Собакиной¹⁹⁴. После Собакина кравчим последовательно были кн. Федор Иванович Мстиславский¹⁹⁵ и Борис Федорович Годунов¹⁹⁶.

Оружничим был видный опричник кн. Афанасий Иванович Вяземский¹⁹⁷. Во второй период опричнины оружничими были кн. Иван Деветелевич Тевзекелев¹⁹⁸ и Богдан Яковлевич Бельский¹⁹⁹.

Печатником после казни Висковатого в 1570 г. являлся Роман Васильевич Алферьев (во всяком случае с 1571/72 г. по 1580/81 г.)²⁰⁰. Алферьев был опричником²⁰¹. Одновременно с ним печатником был в ноябре-декабре 1570 г.—июне 1573 г. Борис Иванович Сукин²⁰². В 1576/77 г. печатником был Петр Иванович Шетнев²⁰³.

Ловчим в первые годы опричнины был опричник Григорий Дмитриевич Ловчиков, казненный в 1570 г.²⁰⁴ Позднее сокольничим и ловчим был Иван Иванович Бобрищев-Пушкин²⁰⁵, входивший в состав опричнины²⁰⁶, и ловчим — Иван Михайлович Пушкин²⁰⁷.

После Я. В. Волынского постельничими были Семен Степанович Ярцев²⁰⁸, Дмитрий Иванович Годунов²⁰⁹ и Иван Дмитриевич Овцын²¹⁰.

¹⁹⁴ По Ш он был кравчим с 1571/72 г., выбыл в 1573/74 г. По Б он был кравчим четыре года. Упоминается в разрядах 1572/73 г. (Синб. сб., стр. 37). Казнен, очевидно, в том же году (С. Б. Веселовский. Синодик..., стр. 339).

¹⁹⁵ По Ш он был кравчим с 1574/75 г. По Б он был кравчим шесть лет. Упоминается в 1576/77 г. (АМГ, т. I, № 26).

¹⁹⁶ По Ш он был кравчим с 1577/78 г., с 1580/81 г.— боярин. По Б он был кравчим четыре года. Упомянут в декабре 1578 г. и июне 1579 г. (Синб. сб., стр. 67; «Военный журнал», 1853, кн. II, стр. 100).

¹⁹⁷ Упоминается в марте 1566—сентябре 1567 г. (Сб. РИО, т. 71, стр. 354—421; Синб. сб., стр. 20). По Ш он был оружничим с 1563/64 г., отставлен в 1571/72 г. Казнен в 1570 г. (С. Б. Веселовский. Синодик..., стр. 275).

¹⁹⁸ По Ш он был оружничим с 1572/73 г., выбыл в 1576/77 г. Сохранилось сведение, что Иван IV заточил в тюрьму Василису Мелентьеву, «чтя ю зрящу яро на оружничего Ивана Деветелева князя, коего и казни» (ГПБ, О XVII, № 17, л. 157 об.). О том, что он в 1570 г. ходил «с шелоном» и «доспехом», см. Синб. сб., стр. 29.

¹⁹⁹ Синб. сб., стр. 31, 32, 37; ДРВ, ч. XIII, стр. 112.

²⁰⁰ По Ш он был печатником с 1577/78 г., с 1580/81 г.— боярин. По Б он был печатником четыре года. Упомянут в декабре 1578 г. и июне 1579 г. (Синб. сб., стр. 67; «Военный журнал», 1853, кн. II, стр. 100).

²⁰¹ Синб. сб., стр. 31.

²⁰² См. С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 29; В. И. Савва. Указ. соч., стр. 39, 61; П. А. Садиков. Из истории опричнины, № 270. В 1574 г. он уже постригся в монахи (неопубликованные материалы С. Б. Веселовского).

²⁰³ АМГ, т. I, № 26.

²⁰⁴ По Ш он был ловчим с 1562/63 г., умер в 1566/67 г. По Б он был ловчим пять лет. Упом. в сентябре 1567 г. (Синб. сб., стр. 21). Сделан по нем вклад 31 марта 1569 г. (Г. Шмелев. Из истории Московского Успенского собора.— «Чтения ОИДР», 1908, кн. I, отд. III, стр. 32). О его казни см. С. Б. Веселовский. Синодик..., стр. 306; ГБЛ, Троицкое собр., кн. 536, № 140. Был жив еще накануне похода на Новгород 1569/70 г. (А. Шлихтин. Указ., соч., стр. 33). См. о нем в грамоте 12 июля 1570 г. (ААЭ, т. I, № 290, 355).

²⁰⁵ По Ш он был сокольничим и ловчим с 1567/68 г., умер в 1581/82 г. По Б он был семь лет сокольничим и ловчим, а затем только сокольничим 14 лет. В 1571/72, 1576/77 и июне 1579 гг. он был сокольничим (Синб. сб., стр. 20, 31; АМГ, т. I, № 26; «Военный журнал», 1853, кн. II, стр. 100); летом 1582 г. он упоминается как ловчий (Синб. сб., стр. 80).

²⁰⁶ Синб. сб., стр. 31.

²⁰⁷ По Ш он был ловчим с 1573/74 г., отставлен в 1582/83 г. По Б он был ловчим 10 лет. В 1576/77 г. и летом 1579 г. упоминается как ловчий (АМГ, т. I, № 26; «Военный журнал», 1853, кн. II, стр. 100).

²⁰⁸ По Ш он был постельничим с 1568/69 г. По Б он был постельничим два года.

²⁰⁹ По Ш он был постельничим с 1570/71 г., с 1572/73 г.— окольничий. По Б он был постельничим три года. Ходил «за постелью» в 1571/72 г. (Синб. сб., стр. 32). Постельничим упоминается и в марте 1572 г. («Исторические записки», т. 18, стр. 68).

²¹⁰ По Ш он был постельничим с 1573/74 г., умер в 1580/81 г. По Б он был постельничим семь лет. Ходил «за постелью» еще в 1571/72 г. (Синб. сб., стр. 32).

В 1576/77 г. постельничими были Василий Александрович Белой, Иван Петрович Новосильцев²¹¹ и Нехороший Александров сын Хлопова²¹².

Кто исполнял обязанности ясельничего в первые годы опричнины,— неизвестно. В 1570/71 г. ясельничим, очевидно, стал Василий Федорович Ошанин²¹³. Ясельничие ведали царскими конюшнями и после ликвидации чина конюшего стали во главе Конюшенного приказа²¹⁴.

Если попытаться продумать состав дворцовых чинов в годы опричнины, то прежде всего напрашивается вывод о том, что в нем деление на опричные и земские чины в этот период четко не проявлялось. Все дворцовые чины по существу были включены в состав опричнины, ибо были тесно связаны с государевым двором — зародышем аппарата опричнины и основной опричной ячейкой.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Дворцовая система управления, сложившаяся еще в период становления Русского централизованного государства, сыграла значительную роль в формировании централизованного государственного аппарата. В первый период его истории (конец XV—первая половина XVI в.) дворцовые учреждения обеспечивали не только управление нуждами собственно великокняжеского хозяйства, но и новоприисоединенными удельными землями (так называемые областные дворцы). В силу неизжитости экономической и отчасти политической раздробленности в стране управление в первой половине XVI в. строилось в значительной степени по территориальному принципу и осуществлялось дворцами, наряду с Боярской думой и казной. В обстановке роста экономических связей, однако, Большой дворец и областные дворцы, в силу административно-территориального профиля деятельности, оказались уже неспособными справиться с растущими потребностями господствующего класса феодалов. Поэтому с середины XVI в. центральное управление начинает сосредоточиваться в приказах с ведомственным, а не территориальным принципом ведения дел. Удельный вес дворцовых учреждений в централизованном аппарате постепенно падает, и некоторые из областных дворцов становятся обычными приказами (сохраняя свой территориальный профиль).

Дворцовые ведомства сосуществовали параллельно с Боярской думой и являлись зачастую средством воздействия великокняжеской власти на этот орган власти, где руководящую роль играла боярская аристократия. В годы опричнины дворцовые учреждения сделались тем ядром, по образцу которого формировался аппарат опричного двора.

Основные дворцовые чины были, как правило, пожизненными²¹⁵. При

²¹¹ АМГ, т. I, стр. № 26.

²¹² «Летопись историко-родословного общества в Москве», 1910, вып. 2—3, стр. 15; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царевичах и царях, ч. II. СПб., 1864, стр. 42.

²¹³ По Ш он был ясельничим с 1570/71 г., умер в 1581/82 г. По Б он был ясельничим 11 лет. С 1580 г. находился в опале (С. Б. Веселовский. Синодик..., стр. 320). П. А. Садиков пишет, что Ошанин подвергся опале еще в 1573 г. (П. Садиков. Царь и опричник.— Сб. «Века», т. I, Пг., 1924, стр. 49; ср. ГПБ, Эрмитаж, собр. № 390, л. 472).

²¹⁴ Г. Котошихин. Указ. соч., стр. 82.

²¹⁵ Исключение составляет окольничество; окольничие часто становились боярами Чин кравчего, судя по Шереметевскому списку, также был ступенью к получению боярства или окольничества. В XVI в. казначей иногда переводились в состав бояр или окольничих. То же самое относится и к оружничим, хотя последние сохраняли свой дворцовый чин.

этом наблюдалась тенденция превратить эти чины в наследственные²¹⁶. Некоторые из дворцовых чинов совмещались с думными. Например, дворецкими могли быть бояре и окольные; конюшим был виднейший из бояр. Обычно же дворцовые чины не были связаны с Думой и давались родовитым представителям дворянства, показавшим свою преданность великокняжеской (царской) власти (ловчие, ясельничие, постельничие). Впрочем, даже на важнейшие дворцовые должности, как, например, дворецкого, конюшего, оружничего, назначались важнейшие представители класса феодалов, главным образом из числа старинных нетитулованных фамилий, издавна связанных с Москвой и проявлявших служебное рвение. Занятие видных должностей в дворцовом аппарате часто было ступенью к получению думных чинов. Этот путь великокняжеская власть (позднее царская) использовала для создания в Боярской думе сильной, группировки преданных ей представителей нетитулованного боярства.

Таким образом, в XVI в. дворцовые должности постепенно изымались из рук феодальной аристократии. Изменение в личном составе дворцовых учреждений показывает постепенный рост политического влияния дворянства, определявшегося укреплением его социально-экономических позиций. Дворец был своеобразным резервом кадров для важнейших учреждений централизованного аппарата власти и сыграл важную роль в формировании системы управления в опричнине.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РОСПИСЬ ДВОРЦОВЫХ ЧИНОВ XV—XVII ВВ.

Роспись думных чинов XV—XVII вв. является одним из основных источников, которым пользовался составитель так называемого Шереметевского списка бояр и думных чинов, опубликованного в ч. XX «Древней Российской Вивлиофики». Сравнение обоих источников показывает, что составитель Шереметевского списка не всегда верно осмысливал данные Росписи, и потому список изобилует серьезными ошибками, на которые исследователи уже давно обратили внимание. Так, например, в XVI в. часто одновременно должность казначея исполняли два лица. Это не учтено в Шереметевском списке, составитель которого считал, что каждый из казначеев, дворецких и т. п. должен был обязательно вступать в исполнение должности, когда умирал или отстранялся его предшественник. Отсюда при вычислении даты получения дворцовой должности и «выбытия» из дворцовых чинов составитель допускал серьезные хронологические просчеты.

Таким образом, Роспись дворцовых чинов, до сих пор не издававшаяся, представляет двойной интерес: во-первых, она позволяет уточнить данные о дворцовых чинах XV—XVII вв. и, во-вторых, помогает выяснить происхождение Шереметевского списка, который до настоящего времени оставался основным источником по составу дворцовых чинов Русского государства.

Печатаемый ниже Беляевский список Росписи дворцовых чинов (ГБЛ, Музейное собр., № 1588, лл. 1—7, скоропись конца XVII в.) составлен в самом конце 70-х годов XVII в. (после 1676 г.). Он заканчивается упоминанием об оружничем Б. М. Хитрово (с 1667/68 г.), кравчем В. Ф. Одоевском (с 1676 г.), казначее И. Б. Камынине (с 1676 г.), постельничих Ф. А. Полтеве (с 1668/69 г.) и И. М. Языкове (с 1676 г.), ясельничих И. А. Желябужском (с 1663/64 г.), Ф. Я. Вышеславцеве (с 1669/70 г.) и И. Т. Кондыреве (с 1676 г.), ловчих А. И. Матюшкине (с 1671/72 г.) и В. И. Филосове (с 1676 г.), причем в самом списке отсутствуют точные сроки пребывания на дворцовых должностях, так как в момент составления списка все они еще служили по дворцовому ведомству¹. Следовательно, список составлен вскоре после 1676 г.

²¹⁶ Например, Челядпины — конюшие, Салтыковы — оружничие, Головины — казначеи и др.

¹ За исключением Полтева, умершего в 1676 г., и Желябужского, отставленного еще в 1667/68 г.

Однако протограф Беляевского списка писался несколько ранее. В нем названных выше лиц не было, ибо в Румянцевском списке они также отсутствуют.

Румянцевский список (в вариантах — Р) Росписи (ГБЛ, собр. Румянцева, № 340, лл. 383—386, скоропись второй половины XVII в.) составлен в начале 60-х годов XVII в. В нем список дворецких оканчивается Ф. М. Ртищевым, причем сказано, что последний был дворецким восемь лет два месяца (окольничество получил в 1655/56 г., а умер в 1673 г.). Последним кравчим назван П. С. Урусов (с 1658/59 г.), казначеем — А. С. Нарбеков (с 1662/63 г.), постельничим — Г. И. Ртищев (с 1655/56 г., но в 1667/68 г. он уже стал думным дворянином), ясельничим — А. И. Матюшкин (с 1653/54 г., причем сказано, что он был «на конюшне» девять лет). При этом для Урусова, Нарбекова и Ртищева не дается число лет исполнения ими дворцовых должностей, поскольку они еще служили во дворце, когда составляли Румянцевский список. Таким образом, скорее всего список составлен около 1662/63 г.: в нем фигурирует А. С. Нарбеков, но нет И. А. Желябужского, хотя оба получили свои чины в том же 1662/63 г.

Уваровский список (в вариантах — У) Росписи (ГИМ, собр. Уварова, № 6, 630—634 об.) составлен на основе Беляевского, вскоре после него и существенных дополнений не имеет.

(л. 1) 6971-го году бояре¹ и дворецкие¹

Михайло Иванович Сабуrow — был год.
Григорей Васильевич Забалоцкой — был год.
Михайло Яковлевич Русалка Филимонов Морозов — был 27 лет.
Василей Андреевич Челяднин — был 6 лет.
Князь Федор Лопата Васильевич Оболенской — был 12 лет.
Михайло Васильевич Тучков — был 5 лет.
Князь Иван Иванович Кубенской — был 11 лет.
Иван Иванович Хабаров — 3 годы.
Данила Романович Юрьев — был 16 лет.
(л. 1 об.) Никита Раманович Юрьев — был 11 лет.
Князь Федор Иванович Хворостинин — был 8 лет.
Григорей Васильевич Годунов — был 14 лет.
Степан Васильевич Годунов — был 6 лет.
Князь Василей Михайлович Рубец Мосальский — был 2 годы.
Иван Крюков Федорович Колычов — был 3 годы и казнен.
Борис Михайлович Салтыков — был 11 лет бес пути.
Князь Алексей Михайлович Лвов — был 27 лет с путем.
(л. 2) Василей Васильевич Бутурлин — был 5 лет с путем.

Окольничие

Князь² Петр Васильевич Великой — был 11 лет.
Князь Василей³ Васильевич Ромодановской — был год².
Артемей⁴ Васильевич Измайлов — был 2 годы бес пути⁵.
Лев⁶ Иванович Долматов Карпов — был 2 годы бес пути⁶.
Федор Михайлович Ртищев — был 8 лет и 2 месяца бес пути.
Боярин⁷ и оружничей и дворецкой Богдан Матвеевич Хитрово⁸ с путем⁷.

(л. 2 об.) 7022-го году крайчие

Иван Юрьевич Сабуrow — был 11 лет.
Князь Юрья Михайлович Голицын-Булгаков — был 6 лет.
Князь Иван Иванович Кубенской — был 5 лет.
Князь Юрья Васильевич Глинской — был 5 лет.

¹⁻¹ Р Роспись бояром и дворецким.

²⁻² У, Р помещено перед В. А. Челядниним.

³ У Борис.

⁴ У В приказ приказано во дворчество окольничей Ортемей.

⁵ У А. В. Измайлов помещен после И. Ф. Колычева.

⁶⁻⁶ У, Р помещено после Б. М. Салтыкова.

⁷⁻⁷ Р нет.

⁸ В рукописи далее пропуск. У 4 года без дву месяцев.

Князь Иван Федорович Мстиславской — был 9 лет.
 Князь Юрья Михайлович Шемякин-Пронской — был 6 лет.
 Князь Иван Дмитриевич Бельской — был 6 лет.
 Князь Петр Иванович Горенской — был 7 лет.
 (л. 3) Федор Алексеевич Басманов — был 6 лет.
 Калист Васильевич Сабакин — 4 года.
 Князь Федор Иванович Мстиславской — 6 лет.
 Борис Федорович Годунов — 4 года.
 Князь Дмитрий Иванович Шуйской — 6 лет.
 Александр Микитич Юрьев — 14 лет.
 Иван Иванович Годунов — 4 года.
 Иван Михайлович Годунов — 3 года.
 Князь Борис Михайлович Лыков — был 1 год.
 Князь Иван Дмитриевич Хворостинин — был 1 год.
 Князь Иван Борисович Черкасской — был 1 год.
 (л. 3 об.) Князь Иван Петрович Буйносов-Ростовской — был 2 года⁹.
 Михайло Михайлович Салтыков — 10 лет.
 Князь Василий Еншеевич Сулешов — 2 года¹⁰.
 Князь Семен Андреевич Урусов — был 5 лет.
 Семен Лукьянович Стрешнев — 2 года.
 Петр Михайлович Салтыков — 12 лет.
 Князь Петр Семенович Урусов.
 Князь¹¹ Василий Федорович Одоевской — с путем¹¹.

7000 с 3-го году казначеи

Дмитрий Володимирович Овца — был 16 лет.
 (л. 4) Юрья Дмитриевич Малой Траханиотов — 3 года.
 Петр Иванович Головин — был 12 лет.
 Иван Иванович Третьяков — 19 лет.
 Федор Иванович Сукин — 23 года.
 Микита Афонасьевич Курцов — 6 лет.
 Князь Василий Васильевич Мосальской — 5 лет.
 Петр Иванович Головин — 6 лет.
 Иван Васильевич Траханиотов — 8 лет.
 Деменша Иванович Черемисин — 6 лет.
 Игнатей Петрович Татищев — 5 лет.
 Василий Петрович Головин — 5 лет.
 Микифор Васильевич Траханиотов — 11 лет.
 (л. 4 об.) Павел Иванович Волынской — был 3 года.
 Богдан Минич¹² Дубровской — 19 лет.
 Афонасей Самойлович Нарбеков.
 Иван¹³ Богданович Камынин¹³.

7000 с 10-го году постельничие 1/2

Семен Иванович Брюхов — 6 лет.
 Михайло Степанович Еропкин — 7 лет.
 Яков Мансуров — 7¹⁴ лет.
 Казарин¹⁵ Алексеевич Бурунов — 13 лет.
 Игнатей Михайлович Вешняков¹⁵ — 10 лет.
 Яков Васильевич Волынской — 7 лет.
 Семен Степанович Ярцов — 2 года.
 (л. 5) Дмитрий Иванович Годунов — 3 года.
 Иван Дмитриевич Овцын — 7 лет.
 Истома Осипович Безобразов — 21 год.
 Семен Иванович Шапкин — 2 года.
 Кузьма Осипович Безобразов — 2 года.
 Иван Григорьевич Одадунов — 2 года.

⁹ Р пол. 3. У 3.¹⁰ У 7 лет.¹¹⁻¹¹ Р нет. У далее 5 лет.¹² Так У, Р. В рукописи Микитич.¹³⁻¹³ Р нет, У далее был в казначеях год и 8 месяц.¹⁴ Р, У 13.¹⁵⁻¹⁵ Р, У Андрей Володимирович Мансуров был.

Костянтин Иванович Михалков — 15 лет.
 Степан Михайлович Хрушов — 6 лет.
 Федор Иванович Игнатъев — 8 лет.
 Иван Михайлович Акинков^{15а} — 3 года.
 Михайло Алексеевич Ртищев — 5 лет.
 Федор Михайлович Ртищев — 6 лет.
 Григорей Иванович Ртищев.
 (л. 5 об.) Федор¹⁶ Алексеевич Полтев.
 Иван Максимович Языков, постельничей и думной и трети Московской наместник¹⁶.

7000 с 3-го году ясельничие

Федор Векентьев — 4 года.
 Давыд Лихорев — 4 года.
 Григорей Афонасьевич Дровнин — 6 лет.
 Иван Иванович Суков — 9 лет.
 Федор Семенович Хлопов — 12 лет.
 [Григорий Григорьевич Дровнин — был 14 лет]¹⁷.
 Василий Федорович Ошанин — 11 лет.
 Михайло Игнатъевич Татищев — 5 лет.
 Андрей Матвеевич Воейков — 1 год.
 (л. 6) Богдан Матвеевич Глебов — 11 лет.
 Иван Васильевич Биркин — 9 лет.
 Баим Федорович Балтин — 5 лет.
 Ждан Васильевич Кондырев — 9 лет.
 В приказ было приказано на канюшне: стольник и московской ловчей Афонасей.
 Иванович Матюшкин — был 9 лет.
 Иван¹⁸ Афонасьевич Желябужской.
 Федор Яковлевич Вышеславцов.
 Комнатной акольничей и ясельничей Иван Тимофеевич Кондырев¹⁸.

(л. 6 об.) 7000 с 17-го году ловчие

Михайло Иванович Нагой — 17 лет.
 Давыд Григорьевич Проестев — 9 лет.
 Федор Михайлович Нагой — 5 лет.
 Иван¹⁹ Жюкла Федорович Наумов — 13 лет.
 Григорей Дмитриевич Ловчиков — 5 лет.
 Сокольничей и ловчей Иван Иванович Бобрищев-Пушкин — 7 лет. И велено ему быть одним сокольничим. А в сокольничих был 14 лет.
 Ловчей²⁰ Иван Михайлович Пушкин — 10 лет.
 Дмитрий Одреевич Замышкой — 21 год.
 Сокольничей²¹ Иван Алексеевич Жеребцов — 10 лет.
 Да с ним ловчей Дмитрий же Замышкой.
 (л. 7) Сокольничей и думной дворянин Гаврило Григорьевич Пушкин — 34 года, а при нем был ловчей Григорей Маматов — 13 лет. А при нем же был ловчей Иван Федоров сын Левонтьев — 13 лет.
 Афонасей Савостьянович Заболоцкой — 5 лет.
 Думной²² дворянин и московской ловчей²² Афонасей Иванович Матюшкин.
 Василий²³ Иванович Философов²³.

^{15а} Р. Аничков.¹⁶⁻¹⁶ Р нет.¹⁷ Так У. В рукописи нет.¹⁸⁻¹⁸ Р нет.¹⁹ Р, У сокольничей и ловчей.²⁰ Р ловчия.²¹ Р сокольничия.²²⁻²² Р нет. У далее был ясельничей год с лишком.²³⁻²³ Р нет. У далее был ясельничей.

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

ТОРГОВЛЯ ИНОСТРАННЫМИ ТКАНЯМИ В НОВГОРОДЕ
В XIV—XV ВВ.

В период развитого феодализма во всех странах Европы получила большой размах торговля сукнами. К этому времени сложилось несколько центров сукноделия (в отдельных районах Северной Италии, Фландрии, позже Нидерландов и Англии), а спрос на сукна в среде феодально-купеческих верхов всей Европы был очень велик.

При всей порочности буржуазной западноевропейской историографии, которая видит в характере суконного производства и торговли сукнами в средние века одно из доказательств извечного существования капитализма¹, заслугой ее следует считать введение в научный оборот большого фактического материала². Специальному, иногда монографическому исследованию подвергалась торговля сукнами в отдельных странах³, в том числе и в соседних с древней Русью Польше и Чехии. Таким образом, в настоящее время структура средневековой торговли сукнами более или менее ясна.

Несмотря, однако, на внимательное изучение всех сохранившихся источников по истории западноевропейского сукноделия, до сих пор еще не решены окончательно многие существенные вопросы, как, например, о времени начала производства сукон на экспорт во Фландрию, являвшейся в течение нескольких столетий главным поставщиком сукон в Северную Европу.

¹ См., например, E. M. Carus-Wilson. The English cloth industry in the late twelfth and early thirteenth centuries.—«The Economic History Review», 1944, v. XIV, № 1, p. 32—50; An industrial revolution of the thirteenth century.—Ibid., 1941, v. XI, № 1, p. 39—60; E. Lipson. A Short History of Wool and its Manufacture (Mainly in England). Cambridge, 1953, p. 69.

² H. Ammann. Deutschland und die Tuchindustrie Nordwesteuropas im Mittelalter.—«Hansische Geschichtsblätter» (далее—H. Gbl.), Jg. 72, 1954, S. 3—63; Th. Hirsch. Danzigs Handels- und Gewerbsgeschichte unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Leipzig, 1858; F. Renken. Der Handel der Königsberger Grossschäfferei des deutschen Ordens mit Flandern um 1400.—«Abhandlungen zur Handels- und Seegeschichte». Bd. 5, Weimar, 1937. N. F. der Abh. zur Verkers und Seegeschichte.

³ H. G. Hildebrand. Salt and cloth in Swedish economic history.—«Scandinavian Economic History Review», v. II, № 2, 1954, p. 74—102; H. Laurent. Un grand commerce d'exportation au Moyen Age. La draperie des Pays-Bas en France et dans les pays méditerranéens (XII-e—XV-e s.). Paris, 1935; F. Graus. Český obchod se sukrem ve 14. a počátku 15. století (K otázké významu středověkého obchodu). Praha, 1950; J. Kleinjense. Les relations économiques des Pays-Bas avec la Pologne au XIV-e et XV-e s.—«Revue du Nord», 1935, № 2, p. 117—183; M. Malowist. Le développement des rapports économiques entre la Flandre, la Pologne et les pays limitrophes du XIII-e au XIV-e s.—«Revue belge de philologie et d'histoire», t. X, 1930, p. 1013—1065; Ch. Veilinden. Brabantse en vlaamse laken te Krakau op het einde der XIV-e eeuw.—«Mededeelingen van de Koninklijke Vlaamse Academie voor wetenschappen, letteren en schoone kunsten van België», Jaarg. V, 1943, № 2; E. Coornaert. Draperies rurales, draperies urbaines. L'évolution de l'industrie flamande au Moyen Age et au XVI-e siècle.—«Revue belge de philologie et d'histoire», v. XXVIII, 1950, p. 71, 96. Подробнее о

Недостаточно изучена и структура ввоза сукон в Новгород в XIV—XV вв., хотя многочисленными исследованиями, прежде всего историков Ганзы, установлено, что сукна составляли важнейшую статью импорта в Новгород⁴, как и в другие города Северной Европы. В работе А. И. Никитского⁵, которому была доступна лишь часть немецких источников, назван ряд основных сортов иностранных сукон, ввозившихся в Новгород, однако не установлены ни их соотношение, ни время их ввоза. Не стал предметом специального изучения и вопрос о потребителях сукна вообще на Руси и в Новгороде в частности.

Наиболее полная свodka материала в этой области содержится в работе Л. К. Гетца⁶, привлечшего почти весь необходимый комплекс немецких источников. Ему принадлежит и постановка вопроса о периодизации и объеме торговли Новгорода иностранными тканями. Исследование Гетца отчасти продолжил Г. Миквитц⁷, занимавшийся историей торговли Ревеля в XVI в. И в это время, хотя структура ввоза несколько изменилась, сукна занимали в импорте и Ревеля и Руси огромное место, по стоимости лишь немного уступая соли.

После фундаментальной работы Л. К. Гетца в ганзейской историографии интерес к русско-ливонской, русско-ганзейской и русско-фландрской торговле сукнами упал, так как без привлечения новых источников и выработки новой методики исследователю в этой области делать уже было нечего.

Последний исследователь вопроса о сукноделии и торговле сукнами в Европе, Г. Амман⁸, использует материалы по импорту сукон на Русь лишь эпизодически. Тем не менее его работа, будучи сводкой данных современной науки об этой торговле, представляет интерес и для изучения импорта сукон в Новгород.

Представляют интерес работы М. П. Лесникова⁹, обратившего внимание на ранее совершенно забытые источники — торговые книги ганзейской литературы вопроса см. M. Mollat, M. Postan, P. Johansen, A. Sapori, Ch. Veilinden. L'économie européenne aux deux derniers siècles du Moyen-Age.—«X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Relazioni», v. VI, Firenze, 1955, p. 698—726.

⁴ L. K. Goetz. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922; «Hansische Geschichtsquellen», N. F., Bd. V, S. 279—297; Cl. Nordmann. Die Veckinchusenischen Handelsbücher. Zur Frage ihrer Edition.—H. Gbl., Jg. 65, 1940—1941, S. 79—144.

⁵ А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 159—162, 170—172. Автор специальной работы о торговле Руси с Ганзой М. Н. Бережков уделяет этому вопросу немного внимания. Правда, в его время большая часть источников по этой теме оставалась неопубликованной и не была доступна для изучения; в связи с этим М. Н. Бережков не сумел правильно понять роль сукон среди остальных предметов ганзейского ввоза в Новгород (М. Н. Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в., СПб., 1879).

⁶ L. K. Goetz. Указ. соч., стр. 279—296.

⁷ G. Mickwitz. Aus Reveler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Helsingfors, 1938, S. 57.

⁸ Г. Амману принадлежит и заслуга постановки вопроса о важности европейских рынков для развития сукноделия. Однако автор сужает понятие европейских рынков до «немецких», «германских», в связи с чем значение рынков всех остальных стран, в том числе славянских, не получило у него признания (H. Ammann. Указ. соч., стр. 59—61).

⁹ М. П. Лесников. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в.—«Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. Потемкина», т. VIII, М., 1948; Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV в. и в начале XV в.—«Исторические записки», т. 39; Нидерланды и Восточная Балтика в начале XV в.—«Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. VIII, № 5, 1951, особенно стр. 453—456; Die livländische Kaufmannschaft und ihre Handelsbeziehungen zu Flandern am Anfang des 15. Jahrhunderts.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Jg. VI, Heft 2, 1958, Berlin, S. 285—303.

ских купцов. Однако, хотя эти книги значительно уточняют и углубляют наши представления о торговле Новгорода сукном, основным сортом которого М. П. Лесников считает нидерландское, их главный недостаток заключается в отрывочности данных и краткости охваченного ими времени. Поэтому выводы о структуре и характере торговли, делаемые на основе торговых книг, необходимо проверять показаниями других источников.

Изучение структуры ввоза в Новгород, в частности сукон, на протяжении XIV—XV вв., сопряжено с рядом трудностей. Главная из них заключается в отсутствии русских источников, специально посвященных внешней торговле: таможенных книг, торговых книг русского купечества и т. д. Очень важные для нашей темы, но крайне отрывочные сведения имеются лишь в договорах, актовом материале Новгорода и Северо-Восточной Руси, где встречаются отдельные упоминания иностранных сукон, употреблявшихся в изучаемое время на Руси.

Источники нерусского происхождения — таможенные книги ганзейских городов 60-х годов XIV в. и Любека конца XV в., переписка ливонских городов друг с другом и орденоскими властями, переписка старост немецкого двора в Новгороде с ливонскими городами, торговые книги ганзейских купцов¹⁰ — дают несколько больше материала. Однако и в них содержатся весьма ограниченные сведения статистического характера.

Источники на немецком и латинском языках, связанные с деятельностью Ганзы, восходят главным образом к XIV в., а потому на их основании более ранняя история торговли изучаться почти не может. Достаточно упомянуть такой факт, что для определения времени начала экспорта фландрских тканей западноевропейские исследователи вынуждены обращаться к русским источникам даже более позднего происхождения.

По данным немецких источников различные аспекты темы могут быть освещены с неравной полнотой. Больше всего трудностей встречается при попытке определения размеров торговли (из-за условности статистических сведений) и круга потребителей иностранных сукон в Новгороде.

Археологические раскопки в Новгороде сделали возможным еще один путь исследования данной темы — изучение уровня развития ткачества по сохранившимся остаткам ткацких станков и по отдельным фрагментам тканей¹¹. Последние дают материал и для суждения о развитии торговли. Многочисленные находки деталей деревянных ткацких станков позволяют более или менее правильно судить о техническом уровне раз-

¹⁰ Собраны в следующих изданиях: Liv-, Esth-, Curländische Urkundenbuch. Abt. I, Bd. I—XII; Abt. II, Bd. I—II, Riga — Moskau, 1853—1905 (далее — LECUR); Hansisches Urkundenbuch, Bd. I—IX, 1876—1935 (далее — HUB); Hanserecesse, Abt. III, Bd. I—VIII, Leipzig, 1870—1897; Abt. II, Bd. I—VII, Leipzig, 1876—1892; Abt. III, Bd. I—II, Leipzig, 1881—1883 (далее — HR); H. Hildebrand. Das rigische Schuldbuch, SPb., 1872; Fr. Bruns. Die lübekischen Pfundzollbücher von 1492—1496. — H. Gbl., 1903, S. 109—134; 1907, S. 457—501; 1908, S. 357—408; K. Kunze. Hanseakten aus England 1275 bis 1412. Halle, 1891; G. Lechner. Hansische Pfundzollbücher des Jahres 1368—1369. Lübeck, 1935; C. Mollwo. Handlungsbuch Hermann und Johann Wittenborg. Leipzig, 1902; C. Sattler. Die Handelsrechnungen des Deutschen Ordens. Leipzig, 1881; W. Stein. Handelsbriefe aus Riga und Königsberg von 1458 und 1461. — H. Gbl., Jg. 1898, Leipzig, 1899, S. 59—129; W. Stieda. Revaler Zollbücher und Quitrungen, Halle, 1884; W. Stieda. Über die Quellen der Handelsstatistik im Mittelalter. Berlin, 1903; W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen. Briefwechsel eines deutschen Kaufmanns im XV. Jahrhundert. Leipzig, 1921; W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen von XIII bis XVII. Jahrhundert. Dorpat, 1911; М. П. Лесников. Торговая книга ганзейского купца начала XV века. — «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 134—153.

¹¹ Отдельные детали ткацких станков (челноки, подножки и т. д.) изучаются Л. А. Колчиным, ткани из Неревского раскопа в Новгороде стали предметом специального исследования Н. Б. Шведской.

вития ткацкого дела и его распространении в городе. Более осторожные выводы следует делать на основе находок тканей, так как специфика самого места раскопа — одного из ремесленных районов города — не могла не отразиться на количестве и качестве находимых здесь фрагментов иностранных и местных тканей. Возможно, в других районах города, где преобладали феодалы, иностранных тканей было бы обнаружено больше.

Для дальнейшего изучения вопроса о торговле тканями в Новгороде необходимо проанализировать весь комплекс источников как на русском, так и на немецком и латинском языках. Это позволит более или менее точно установить ассортимент тканей, бытовавших на Руси, происшедшие в нем с течением времени перемены и хотя бы приблизительно определить объем торговли и ее динамику. Одновременно с этим следует попытаться решить кардинальный вопрос всей темы — наметить, хотя бы и очень условно, круг потребителей ввозившихся в Новгород сукон как в географическом, так и в социальном отношении, а в связи с этим выяснить и значение торговли сукнами для Новгорода и всей Руси. Немаловажный интерес представляет также постановка вопроса об особенностях суконного рынка в Новгороде сравнительно с остальными европейскими рынками и о его роли для развития всего европейского сукноделия.

I

Необходимость ввоза сукон из-за границы диктовалась сравнительно низким уровнем развития ткачества на Руси. Показателем этого может служить одежда, употреблявшаяся русскими в это время¹². Поскольку большинство названий и одежд и тканей, из которых они изготовлялись, с течением времени изменялись, а многие исчезали (во всяком случае из письменных источников), мы перечисляем здесь только те виды одежды, которые зафиксированы письменными источниками XIV—XV вв. В силу плохой сохранности источников этот список неполон.

Одежда крестьянского населения Руси, известная по сравнительно редким упоминаниям в письменных источниках и немногим миниатюрам¹³, была крайне проста, причем почти все виды одежды, бытовавшие в Киевской Руси и позднее, были известны и Новгороду¹⁴. Мужской костюм включал традиционную рубашку¹⁵ из домотканного холста¹⁶, порты, подпоясанные узким кожаным ремешком. Обязательной составной частью

¹² Последняя сводка материала по вопросу об одежде XIV—XV вв. находится в «Очерках истории СССР. XIV—XV вв.». М., 1953, стр. 395—399.

¹³ «История культуры древней Руси», т. I, М., 1952, стр. 234—262; рис. 126, стр. 234, миниатюра из Псковского пролога XII в.

¹⁴ А. В. Арциховский. Раскопки 1955 г. в Новгороде. — «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 69.

¹⁵ Рубашка в источниках XIV—XV вв. не встречается, зато часто упоминается сорочка, обозначавшая, вероятно, не только нижнее, но и верхнее белье (А. В. Арциховский. Новгородские берестяные грамоты (из раскопок 1952 г.). М., 1954, № 43, стр. 44—45; АИ, т. I, № 253, стр. 474; «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 68). Флетчер также пишет о рубашке как обязательной составной части костюма русских (Дж. Флетчер. О государстве русском. СПб., 1905, стр. 127).

¹⁶ Из названия холщовых тканей известны следующие: холст погонный («Временник ОИДР», кн. III, М., 1851, стр. 437—441), уновина, полотно, толстина (ПСРЛ, т. V, стр. 94; т. VII, стр. 273; т. IX, стр. 19; т. XV, стр. 39; т. XX, стр. 47; т. XXIV, стр. 10), пестрина (РИБ, т. VI, стб. 104; ПСРЛ, т. VI, стр. 338, 349; т. XX, стр. 308), узинны, т. е. узкий холст (Новгородские писцовые книги (далее — НПК), т. II, стр. 22; т. III, стр. 713—725; «Временник ОИДР», кн. II, М., 1851, стр. 418—420, 440), ряднина, т. е. грубый холст (НПК, т. V, стр. 310).

¹⁴ Историч. записки, т. 63

женской одежды также была холщевая рубашка¹⁷. Зимой носились шубы, часто нагольные, из недорогих мехов¹⁸, главным образом овчины и медведя¹⁹, возможно — также опашни.

Одежда представителей духовенства, по-видимому, немногим отличалась от обычной крестьянской одежды²⁰.

Кроме опашней²¹, изготавливавшихся из сукна, на Руси бытовали и свиты, представлявшие собой верхнюю шерстяную одежду с рукавами²². А. В. Арциховский считает их основной одеждой²³. Свиты существовали давно. Уже «Закон Судный людем» предусматривает специальное наказание за неправильное их шитье: «А се о шевци. Аще швецъ исказитъ свиту, не умея шити, или гневом, да ся биеть, а цены лишен»²⁴.

Определить отличия костюма городского населения от сельского не представляется возможным из-за скудости источников²⁵. Вряд ли, однако, эти отличия были существенны.

Одежда феодальных верхов шилась тем же покроем, что и всего остального населения. Также широко распространены были различные виды одежды из льняных тканей²⁶. В качестве зимней одежды употреблялись шубы, охабни, опашни, однорядки — в мужском костюме, шубы, опашни, летники и кортели — в женском²⁷. Изготавливались они из дорогих мехов — белки, лисы, соболей, куницы, рысей, а покрывались большей частью иностранными тканями — сукном, бархатом, атласом, камкой, зуфью, адамашкой, аксамитом. В быту князей центральной Руси в конце XV — нача-

¹⁷ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белоруссов в конце XIX — начале XX в. — «Восточнославянский этнографический сборник. Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. 36, 1956, стр. 551.

¹⁸ Одним из названий шубы в Новгороде А. В. Арциховский считает кожу (А. В. Арциховский. Раскопки 1955 г. в Новгороде, стр. 69).

¹⁹ АИ, т. I, № 5; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. И. Валка, М. — Л., 1949 (далее — ГВНП), № 257 и 264. О медведне есть более ранние свидетельства. «Нетуть беды ходити хотя и в медведне», — писал новгородский епископ Нифонт в XII в. (РИБ, т. VI, стб. 48). Название «шуба» (suba) проникло даже в немецкие источники (LECUB, Abt. I, Bd. IX, № 564). Однорядки из коровьей шкуры носили, по словам Флетчера, даже в XVI в. (Дж. Флетчер. Указ. соч., стр. 127).

²⁰ Одним из образов народной одежды можно считать шубу митрополита Филиппа (1566—1569), хранившуюся в Соловецком монастыре. Она была изготовлена из шерстяной, русской, как утверждает специалист, ткани домашней выработки черно-коричневого цвета и отделана простым бараньим мехом (описана М. Н. Левинсон-Нечасовой — «Сборник научных трудов по материалам Гос. Оружейной палаты», М., 1954, стр. 309).

²¹ ГВНП, № 266 (XV в.).

²² АИ, т. I, № 253, стр. 474 (1383—1405 гг.); ГВНП, № 257 (XV в.).

²³ А. В. Арциховский. Раскопки 1955 г. в Новгороде, стр. 68.

²⁴ Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов (далее — НПЛ), М., 1950, стр. 503.

²⁵ В русских былинах разновидности одежды отмечаются крайне редко. «Цветные платья» противопоставляются «звериным», «лосиным» (А. В. Гильфердинг. Онежские быliny. СПб., 1894, т. I, стр. 345, 348—399; т. II, стр. 671; т. III, стр. 20, 108, 206, 505), по-видимому, долго бытовавшим на Руси и после XV в., о чем свидетельствуют и показания иностранцев (см., например, В. Любич-Романович. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. СПб., 1843, стр. 42. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини).

²⁶ Об этом свидетельствуют, между прочим, значительный удельный вес льна в старом доходе новгородских феодалов и производство льняного полотна в вотчине Марфы Борецкой (А. П. Шурьгина. Новгородская боярская вотчина в XV в. (Боярская вотчина Борецких). Л., 1948, стр. 39—47 и др. (рукопись кандидатской диссертации)). Из льняного полотна изготавливалась и русская крашенина. Образец ее — церковная одежда XIV в., принадлежавшая Сергию Радонежскому (Л. И. Якунина. Русские набивные ткани XVI—XVII вв. — «Труды ГИМ. Памятники культуры», вып. 7, М., 1954, стр. 15, прим. 2).

²⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М. — Л., 1950 (далее — ДДГ), стр. 350, 406—407.

ле XVI в., если судить по их духовным и договорным грамотам, наиболее распространены были ткани восточного производства, такие, как камка, аксамит и адамашка²⁸, бархат²⁹. Возможно, в среде более мелких феодалов бытовали и одежды, изготовленные из грубых тканей, например вотоны, очевидно, также иностранного происхождения. Из привозных тканей, более дешевых сравнительно с шелковыми и, вероятно, доступными городскому населению, на новгородском рынке встречался зеңдень³⁰.

Все эти данные говорят о полном преобладании на Руси в XIV—XV вв. тканей местного, домашнего производства, главным образом льняных. Наряду с этим в среде феодалов, как духовных, так и светских, широко применялись ткани восточного и западного происхождения.

Ни в одном из письменных источников этого времени не упомянута шерстяная ткань, которую с полной определенностью можно было бы назвать русской, хотя, несомненно, производство шерстяных тканей повсеместно существовало на Руси³¹.

В русской исторической литературе по поводу степени развития шерстоткачества высказывались различные мнения. Широко распространена точка зрения о выделении шерстоткачества в специальную отрасль ремесла. Б. А. Рыбаков предполагает наличие в XIV—XV вв. ткачей, изготавливавших льняные и шерстяные ткани³². Он считает даже возможным говорить об экспорте русского льняного полотна на Восток уже в XIV в.

Г. С. Маслова, крайняя последовательница взгляда о высокоразвитом шерстоткачестве на Руси, утверждает, что уже в X в. и Киев и Новгород вывозили за границу сукна собственного производства. Без каких бы то ни было оговорок она сообщает и о сукнодельнях в Москве XIV в., считая суконников ремесленниками³³.

Более осторожно высказывается по этим вопросам А. В. Арциховский. Указывая на частые находки деталей ткацких станков в районе раскопок Новгородской экспедиции, он не решает, однако, сделать вывод о существовании шерстоткацкого ремесла, так как, по его мнению, «трудно провести грань между ремеслом и домашним промыслом, хотя в большом городе можно предполагать ремесло»³⁴.

²⁸ Об этих тканях см. П. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, разных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1906.

²⁹ ДДГ, стр. 350.

³⁰ А. В. Арциховский. Раскопки 1954 г. в Новгороде. — «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 63. К. А. Иностранцев считал зеңдень шелковой тканью (К. А. Иностранцев. Алтабас, дороги, зеңдень, миткаль. СПб., 1901, стр. 13). А. В. Арциховский правильно определяет ее как хлопчатобумажную ткань восточного происхождения (по месту производства — г. Зеңдень близ Бухары). Ткань того же названия широко распространена была и на Западе в это же время (zendel, zindel). Она изготавливалась в Италии по образцу восточной и при посредстве городов Южной Германии попадала во все остальные европейские города, где благодаря ее дешевизне ей был обеспечен хороший сбыт (F. Rörlg. Das Einkaufsbüchlein der Nürnberg-Lübecker Mülchs der Frankfurter Fastenmesse des Jahres 1495. — »Veröffentlichungen der Schleswig-Holsteinischen Universitätsgesellschaft«, № 26, 1931; A. Dietz. Frankfurter Handelsgeschichte, Bd. I. Frankfurt a/M., 1921, S. 555 ff.; Bd. II, S. 284, 287; H. Simonsfeld. Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen, Bd. II. Stuttgart, 1887, S. 198).

³¹ Н. Аристов. Промышленность древней Руси. М., 1861, стр. 143.

³² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 677.

³³ Г. С. Маслова. Указ. соч., стр. 568, 571.

³⁴ А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. — «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. I. — МИА, т. 55, М., 1956, стр. 24. По-видимому, и прядильное дело оставалось в городах лишь домашним промыслом, хотя довольно обычным, о чем свидетельствует обилие находимых при раскопках пряслиц (там же, стр. 25).

Наряду с тормозящим влиянием широкого ввоза иностранных сукон на развитии древнерусского текстильного дела сказывалась узость сырьевой базы — сравнительно слабое развитие овцеводства³⁵.

Отсутствие вплоть до конца XVI в. упоминаний ремесленников-текстильщиков также вызывает сомнения в возможности существования городского ткачества³⁶. Однако даже в конце XVI в. число сукновалов в Новгороде ничтожно мало: из общего числа ремесленников (около 6 тыс. при населении в 20—25 тыс. чел.) всеми источниками указано только шесть сукновалов³⁷.

Переработка шерсти, в противоположность льну, вследствие технических условий этого ремесла обычно влечет за собой выделение лиц, занимающихся этим делом, в особую корпорацию³⁸. Однако в Новгороде, несмотря на многолетние раскопки, до сих пор не обнаружены ткацкие мастерские³⁹.

Термин «суконник» ни в коем случае не приложим к названию ремесленной специальности⁴⁰. Во второй половине XIV и в XV в. гостями-суконниками или просто «суконниками» назывались в Москве купцы, торговавшие западноевропейскими сукнами⁴¹.

Незначительные размеры собственного ремесленного производства сукон в Новгороде даже в XVI в., что убедительно выяснено исследованием А. П. Пронштейна⁴², также противоречит представлению о высоком развитии шерстоткачества в Новгороде.

По-видимому, шерстоткацкого дела как особого вида городского ремесла в это время на Руси, в частности в Новгороде, не существовало и ткачество не вышло еще за пределы домашнего производства. Впрочем, этот вопрос требует особого рассмотрения.

³⁵ А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. I. Киев, 1915, стр. 215; Н. С. Стромиллов. Скотоводство древней Руси. СПб., 1871, стр. 14. Крупнейший исследователь экономической жизни Новгорода А. И. Никитский считает разведение овец одной из многочисленных отраслей владельческих скотных дворов, основной целью которого было лишь получение мяса (А. И. Никитский, Указ. соч., стр. 75—76). Действительно, шерсть в качестве дохода упоминается очень редко (НПК, т. II, стр. 840; т. III, стр. 229).

³⁶ Производство холста в конце XV в. происходило главным образом в деревне (НПК, т. V, стр. 207). Единственно, кого ранее связывали с производством сукна, — это стригильников, считая их стригальями сукна (см., например, Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 677, прим. 236). Наряду с этим существовало и другое мнение, которое разделяет и Н. А. Казакова, последний исследователь вопроса о стригильниках и происхождении этого названия, которое она возводит к обряду посвящения в ересь (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 57). Последнее мнение кажется нам наиболее обоснованным. Если принять его, то придется признать, что за XIV—XV вв. не сохранилось названий ремесленников-текстильщиков.

³⁷ А. В. Арциховский. Новгородские ремесла. — «Новгородский исторический сборник», вып. 6, Новгород, 1939, стр. 13; А. П. Пронштейн. Новгород Великий в XVI в. Харьков, 1957, стр. 88.

³⁸ Н. Hohl's. Leinwandhandel in Norddeutschland vom Mittelalter bis zum 17. Jahrhundert. — H. Gbl., 1926, S. 120.

³⁹ Перечень всех ремесленных мастерских см. А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. — МИА, т. 55, стр. 23.

⁴⁰ Поскольку это общепринятое мнение о суконниках как одной из категории купечества вызвало возражения Г. С. Масловой, считающей их ремесленниками (Г. С. Маслова. Указ. соч., стр. 571), сошлемся на разнообразные источники, где суконники всегда выступают как одна из наиболее богатых частей городского купечества (ПСРЛ, т. VIII, стр. 40; т. XI, стр. 75, 77; ДДГ, № 11, стр. 32; № 13, стр. 39; № 27, стр. 71; № 66, стр. 216; № 30, стр. 77, № 36, стр. 102; АИ, т. I, № 82, стр. 130).

⁴¹ М. Н. Тихомиров. Москва — столица Московского великого княжества. — «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 36.

⁴² А. П. Пронштейн. Указ. соч., стр. 62 и 85.

Для нашей темы представляет некоторый интерес история термина «сукно»⁴³. Все исследователи в один голос называют его древним общеславянским термином⁴⁴, хотя в письменных источниках, как русских, так и других славянских, он появляется не ранее XIV в.⁴⁵ Чем объясняется такое позднее появление в источниках этого, по-видимому, древнего славянского термина, — трудно сказать. Может быть, он первоначально применялся для обозначения каких-либо других тканей и лишь впоследствии стал обозначать только ткани шерстяные. Памятники русской письменности зафиксировали появление этого термина также в XIV в.⁴⁶ Наряду с термином «сукно» русские источники для обозначения тканей употребляют и другие — «мягкая рухлядь», «товар облакан»⁴⁷.

Такой же общеславянский термин существует и для обозначения меры длины сукна — постав. По Далю⁴⁸, это — «целая штука ткани, как она снята со стана». Термин употреблялся в крестьянской среде для обозначения холста и сукна.

Если распространение и однозначность этих терминов (сукно и постав) во всех славянских языках не вызывают ни малейшего сомнения, то позднее их появление сравнительно с другими терминами, связанными с производством тканей, заставляет предполагать зависимость этого от каких-то событий второй половины XIII — начала XIV в. Представляется возможным связать их появление либо с широким развитием торговли сукнами иностранного производства, наблюдавшимся в изучаемый период

⁴³ И. И. Срезневский предполагает происхождение этого термина от глагола «скасти» — сучить (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стр. 615).

⁴⁴ Л. Нидерле. Быт и культура древних славян. Прага, 1924, стр. 142, 161, K. Jireček. Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien. — «Studien zur Kulturgeschichte», Bd. III, Wien, 1912, S. 19, 21; Г. С. Маслова. Указ. соч., стр. 568.

⁴⁵ АЗР, т. I, № 2, § 139, стр. 18 (Статут 1347 г.) О времени появления термина в чешском языке см. также F. G a u s. Указ. соч., стр. 13. Еще позднее, в самом конце XIV в., появился этот термин в сербском языке — первые его упоминания относятся к 1399 и 1415 гг. («Споменици сръбски од 1395 до 1423 то ест писма писана од Републике Дубровачке Краљевима, Деспотима, Войводама и кнезовима Сръбским, Босанским и Приморским»). Преписао кнез Медо Пуци, Београду, 1858, стр. 135; Кр. Миятев. Българският сукман. Принос към историята на народното обиеко. — «Списание на Българската академия на науките», кн. 71, 1950, стр. 219—264).

⁴⁶ АИ, № 5 и 8; ДАИ, т. III, стр. 455; РИБ, т. VI, стб. 209; Памятники древнерусской письменности, вып. 58, СПб., 1885, стр. 80, 92, 93; Новгородские летописи, СПб., 1879, стр. 54, 55; ПСРЛ, т. VI, стр. 16—17; т. XII, стр. 148, 165, 166. Во всех вышеперечисленных случаях речь идет о сукнах иностранного происхождения. Кроме того, этот термин в ряде случаев служит сравнением. При описании лунного затмения в 1160 г. луна уподобляется сукну то черному, то черленому (ПСРЛ, т. VII, стр. 74; т. IX, стр. 219; т. XV, стр. 231; т. XX, стр. 121; т. XXII, стр. 44; т. XXIV, стр. 79). К этому же времени относятся и первые упоминания о суконных изделиях (попона сукняная — ПСРЛ, т. VI, стр. 342; т. XX, стр. 311). Несколько особняком стоит сообщение, относящееся к 1472 г., — о дани, взятой князем Федором Пестрым с пермских князей Бурмота, Мичкина и Кача, в состав которой входили «16 сороков соболей, да шубу соболью, да пол-30 поставов сукна, да три пансыри, да шелом, да две сабли булатные» (ПСРЛ, т. XII, стр. 148). Сомнения вызывает также новгородская берестяная грамота № 7, где начало второй строки читается М. Н. Тихомировым как «кьно» и предположительно восстанавливается им как слово «соукьно» (А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 36), а Л. П. Жуковской читается «(в)ьно» («Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955, стр. 194).

⁴⁷ «...и созвав братью нашу новгородцев Ивана Кочерина..., Оксентья, Янка, Григорью, и казал имъ у себе товар облакану и золото» (ГВНП, № 56, стр. 95). В словаре И. И. Срезневского этого слова нет. Думается, и в данном случае речь могла идти о сукнах (слово от глагола «облекать»).

⁴⁸ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. III, стр. 342.

одновременно во всех славянских странах, либо с серьезными изменениями в области текстильной промышленности Восточной Европы.

II

В условиях сравнительно слабого развития ткацкого дела на Руси естественен тот высокий спрос, который она предъявляла в течение всего изучаемого периода на ткани как западного, так и восточного производства⁴⁹.

Торговля тканями иностранного производства началась, вероятно, уже в XII в., о чем свидетельствует находка Иванского локтя, слой залегания которого и палеографические особенности надписи, по определению М. Н. Тихомирова, ведут к XII в.⁵⁰

Одним из каналов, с помощью которого на Руси удовлетворялся спрос на сукна, была торговля Новгорода с Ганзой. В рядах Великого Новгорода продавались любые сукна фландрского, английского и немецкого производства⁵¹. Западноевропейские сукна попадали на Русь не только в качестве предмета торговли, но отчасти и в качестве даров, которые получали отдельные русские князья из-за границы⁵².

Размеры ввоза сукон в Новгород не поддаются точному учету, тем более, что даже те неполные сведения, которыми мы располагаем, большей частью относятся к ливонским городам — Риге и Ревелю⁵³. На основании ганзейских пошлин 1368—1369 гг. можно определить стоимость ввоза сукон в эти города. Она составляла (в любекских марках):

	1368 г.	1369 г.
В Ревель	3 756 ^{1/2}	3 830
„ Пернау	6 049 ^{3/4}	2 400
„ Ригу	5 420 ^{1/4}	12 639
	15 216 ^{1/2}	18 869 ⁵⁴

⁴⁹ Положение не изменилось даже в XVI в. О ввозе на Русь восточных шелковых и хлопчатобумажных тканей см. М. В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. — «Труды ГИМ», вып. 31, М., 1956, стр. 65—80.

⁵⁰ А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде (1948 г.). — «Краткие сообщения ИИМК», вып. 33, М.—Л., 1950, стр. 13.

⁵¹ Немецкие купцы ясно сознавали зависимость Новгорода от подвоза западноевропейских сукон. Ганс ван дем Веге из Риги в письме к Иоганну Брекельвельду в Любек от 6 июня 1458 г. весьма недвусмысленно, хотя, вероятно, и с большим преувеличением, заявил, что русские в случае упорного и длительного нежелания покупать сукна принуждены будут ходить голыми (W. Stein. Handelsbriefe aus Riga und Königsberg von 1458 und 1661. — H. Gbl., Jg. 1898, № 17, S. 104; LECUB, Abt. I, Bd. IV, № 1854, S. 744—745).

⁵² Например, великий князь тверской получил от польского короля Казимира 10 мая 1489 г. «два поставы сукна махальского, а три сукна новогоньского...», а несколько позднее (10 сентября) ему же «с Нового места послано... шуба соболя волочаная кунья, а два поставы сукна махальского, а три поставы новогоньских сь скарбу» (АЗР, т. I, № 89, стр. 109).

⁵³ G. Lechner. Указ. соч., стр. 86—88, 90, 132—133, 135, 188—189, 272—273.

⁵⁴ O. Wendt. Lübecks Schiffs- und Warenverkehr in den Jahren 1368 und 1369 in tabellarischer Übersicht auf Grund der Lübecker Pfundzollbücher aus denselben Jahren. Lübeck, 1902, S. 42. При определении размеров ввоза сукон в Новгород не учитывался, из-за отсутствия источников, объем ввоза сукон по суше, хотя сухопутная торговля приобрела особое значение для города в конце XV в. (A. Wawrzynczyk. Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim Księstwem Litewskim i Rosją w XVI wieku. Warszawa, 1956, стр. 5, 11—15). Наряду с ввозом в Новгород сукон через Ревель происходил и ввоз их через Висби (LECUB, Abt. I, Bd. II, № 904, S. 462—463, 17/II 1350). Среди товаров висбийских купцов, перечисленных в этом списке, первое место занимали ткани — полотно и сукна.

Доля сукон по стоимости составляла около четверти общего ввоза в ливонские города; возможно, однако, что она была выше, так как довольно большое количество квитанций с записями таможенных платежей не содержит названий товаров.

В абсолютных размерах ввоз сукон в ливонские города колебался между 5—6 тыс. ламенов, т. е. от 120 тыс. до 150 тыс. м в год.

Какова была доля сукон, отправлявшихся ливонцами в Новгород, трудно сказать с полной определенностью. Известно, однако, что в 1410 г. в Новгороде у немецких купцов лежали непроданными 200 терлингов сукна⁵⁵ (если считать в терлинге в среднем 16—17 ламенов, каждый по 25 м⁵⁶, то получается около 80 тыс. м). Эта цифра отнюдь не покрывает общего ввоза в Новгород в этом году⁵⁷, который, вероятно, был гораздо выше.

Для правильного понимания этих очень неполных сведений о ввозе сукон в Новгород сравним их со ввозом сукон в соседние с Русью районы.

Даже полустолетием позже в Данциг ежегодно ввозилось несколько менее 200 терлингов сукна⁵⁸, т. е. менее, чем в одном только апреле 1410 г. находилось в Новгороде. Тевтонский орден, развернувший широкую торговую деятельность в конце XIV в. — начале XV в. и снабжавший сукнами большой район, ввозил ежегодно около 1399 ламенов⁵⁹, т. е. около 35 000 м, т. е. значительно меньше, чем ввозил Новгород в это же время.

Общие данные о ввозе в Новгород в первую половину XV в. отсутствуют. Известны лишь обороты отдельных купцов⁶⁰ и отдельные закупки русских⁶¹.

В первой половине XV в. ввоз сукон в Ливонию увеличился почти вдвое по сравнению с серединой XIV в. Только в Ревель в 30-х годах XV в. ежегодно ввозилось около 12 тыс. ламенов (300 тыс. м) сукна⁶².

За вторую половину XV в. также не сохранилось сколько-нибудь полных сведений о размерах ввоза сукон; вероятно, в это время импорт сукон на Русь продолжал расти. На судне, вышедшем в 1469 г. из Любека в Ревель, находилось около 1575,5 ламенов (около 40 тыс. м) и, кроме того, 23 терлинга, 3 кипы сукон неопределенных размеров и 18 бо-

⁵⁵ LECUB, Abt. I, Bd. IV, № 1830, S. 711, 2/IV 1410.

⁵⁶ Я. К. Земзариш. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XVI вв.). — «Проблемы источниковедения», вып. 4, М., 1955, стр. 184—185.

⁵⁷ Вряд ли можно считать эту цифру предельной цифрой ввоза сукон в Новгород, как это делает А. И. Никитский (указ. соч., стр. 159—160), который задержку в продаже сукон объясняет переполнением рынка сукнами. Думается, однако, что причины временной остановки в торговле сукнами следует видеть в политике новгородцев, пытавшихся в течение 1410 г., в связи с денежной реформой, пересмотреть все старые порядки торговли, в особенности сукнами и солью (Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. — «Исторические записки», т. 28, стр. 119—120).

⁵⁸ K. H. S. a. s. s. Hansischer Einfuhrhandel in Reval um 1430. Marburg, 1955, S. 83.

⁵⁹ F. Renken. Указ. соч., стр. 100.

⁶⁰ Так, торговое товарищество Фекингусенов ввезло в Прибалтику за 1405—1407 гг. 119 кусков (ламенов) различного сукна (см. М. П. Лесников. Нидерланды и Восточная Балтика..., стр. 456), а в 1409 г. — 133 ламена (Cl. No g d t a n n, Указ. соч., стр. 90, 91, 123). Ревельский бюргер Бернд-Богель в 1441 г. привез в Новгород 3 терлинга сукна (50—60 ламенов) (LECUB, Abt. I, Bd. IX, № 778, S. 540, 22/XI 1441).

⁶¹ В одном только январе 1433 г. русские вернули немецкому двору в Новгороде около 40 ламенов сукна, оказавшихся короче установленной длины (LECUB, Abt. I, Bd. VIII, № 658, S. 390, 17/I 1433).

⁶² K. H. S. a. s. s. Указ. соч., стр. 83.

чек (*droge tunne*) с сукнами (всего 45 тыс. м), а в Ревель ежегодно приходило около 60 кораблей⁶³.

Согласно любекским таможенным книгам конца XV в. в Ригу и Ревель ввозилось сукон вдвое больше, чем во все остальные города Северной Европы, с которыми поддерживал торговые связи Любек⁶⁴. Насколько это отражает общий удельный вес ливонских городов в торговле сукнами, — трудно сказать, так как роль самого Любека как центра ганзейской торговли сошла к концу XV в. почти на нет. Поэтому данные любекской пошлины не могут рассматриваться как исчерпывающие. Однако для определения динамики торговли сукнами и они чрезвычайно показательны. Из одного только Любека в Ревель ввозилось ежегодно около 200 терлингов, не считая сукон других размеров и упаковок. По-видимому, ввоз из других городов Западной Европы не спускался ниже, чем из Любека.

Кроме Риги и Ревеля, продажа сукон русским из Новгорода производилась и в Нарве⁶⁵.

Несмотря на разрозненность вышеприведенных данных, факт увеличения ввоза сукна в Новгород на протяжении XIV—XV вв. не подлежит ни малейшему сомнению⁶⁶.

Сукна в период средневековья различались по месту происхождения, качеству и окраске. В то время выделялось огромное число грубых и тонких тканей самых разнообразных расцветок⁶⁷.

Причина этого разнообразия сортов сукон лежала в раздробленности средневекового ремесла. Каждый город вырабатывал сукна определенного образца, причем они различались не только по способу их производства, но и по внешнему виду упаковки. Некоторые города и местечки изготовляли несколько сортов сукна. Так, в середине XV в. Ипр изготовлял дорогие ипрские (*kostele upersche*) сукна, обычные (*upersche*) и вдвое более короткие, чем обычные (*halve upersche*). Турне изготовлял в этот же период обыкновенные (*dornsche*) и новые (*nye dornsche*) сукна.

Для экспорта сукна упаковывались в кипы (*ball, raske*) и терлинги (*terling*). Последние, в отличие от первых, имели определенное количество сукон, обычно 17 *lacken*, соответствующих русскому термину «постав»; крайне редко в немецких источниках термин *lacken* заменяется другим (*stücke*).

На обертку (*slachdoke*) чаще всего шло более дешевое сукно. Продавались обычно сукна целыми штуками, средняя длина которых составляла около 50 локтей. Наиболее распространенным злоупотреблением в торговле сукнами, против которого русские вели упорную борьбу в те-

⁶³ W. Stieda. Über die Quellen der Handelsstatistik im Mittelalter, Beilage, S. 36—45; K. H. Sass. Указ. соч., стр. 28.

⁶⁴ F. Grunz. Указ. соч., 1907, стр. 481—482; 1908, стр. 398—400.

⁶⁵ В 1496 г. два русских купца — Флор и его товарищ Лука — обменяли у Хенрика Березака 9 тыс. воска (т. е. 18 берковцев) на 3,5 терлинга сукон и 8 *stücke* серебра (LECUB, Abt. II, Bd. I, № 425, S. 309, 7/X 1496; № 441, S. 320, 1/XI 1496; № 442, S. 320, 3/XI 1496; № 472, S. 349, 6/I 1497).

⁶⁶ Показательны размеры торговых оборотов отдельных ганзейских купцов, торговавших в Ревеле. В 1494 г., когда на немецком дворе в Новгороде было арестовано 49 человек, только у четырех, отправленных в 1498 г. в Москву, находилось 40 терлингов сукна (HR, Abt. III, Bd. IV, № 49, S. 53, 26/IV 1498; № 113, S. 161, 29/VII 1498).

⁶⁷ Черные сукна ввозились крайне редко. Единственное упоминание о черном сукне относится к 1362 г. (HUB, Bd. IV, № 51, S. 27). Даже в конце XV в. Рига просила, чтобы аальские и деллермюндские сукна чаще красили в зеленый цвет, а черных делали бы поменьше (HR, Abt. III, Bd. II, № 160, § 261, S. 166, 24/V 1487).

чение всего изучаемого периода⁶⁸, была продажа сукон, не имевших установленной длины, на внутренний конец которых для обмана покупателей иногда даже приделывались куски другой ткани⁶⁹.

III

Хотя русские источники не сохранили названий всех сукон, бытовавших на Руси XIV—XV вв. (им известны только немецкое, ипрское, тумасское, лунское, махальское, новогонское и скорлат, причем лунское, махальское и новогонское сукна появляются лишь в самом конце XV в.)⁷⁰, по немецким источникам можно довольно полно восстановить ассортимент ввозимых сукон и его изменение в течение двух веков.

На протяжении XIV—XV вв. основным видом импортных сукон были фландрские, господствовавшие в то время на всех европейских рынках и составлявшие основной, наряду с мехами, предмет торговли ганзейцев.

Главными центрами сукноделия во Фландрии были Гент, Брюгге, Ипр, Сент-Омер, Аррас, Дуэ, Лилль. Текстильная промышленность Фландрии переживала эпоху расцвета в конце XIII—XIV вв.⁷¹ отчасти благодаря очень благоприятной внешнеполитической обстановке и наличию сырьевой базы. Огромное количество сырья, которое требовала текстильная промышленность Фландрии, не покрывалось местной шерстью и поставлялось главным образом из Англии. Однако с середины XIII в. английской шерсти уже не хватало и потребовался ввоз ее из Испании и Наварры. Лишь самые жесткие и грубые сорта ирландской и лотарингской шерсти не находили сбыта во Фландрии.

До конца XIII в. главным рынком сбыта суконной промышленности Фландрии была Шампань, с ярмарок которой фландрские сукна развивались по всей Европе⁷². В начале XIV в. гораздо большее значение

⁶⁸ См. Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. — «Исторические записки», т. 28, стр. 118—130; ее же. Из истории торговой политики Русского централизованного государства в XV в. — «Исторические записки», т. 47, стр. 272 и др.

⁶⁹ LECUB, Abt. I, Bd. VII, № 107, S. 86, 2/IV 1424; Bd. IX, № 546, S. 392, 28/XII 1439; HR, Abt. II, Bd. VI, № 586, S. 540, 2/IV 1473; HUB, Bd. IX, № 352, S. 219, 21/III 1467.

⁷⁰ Упоминания русскими источниками именно этих сортов сукна, большей частью дорогих, определяется характером источников, проявлявших интерес только к самым дорогим сортам, тогда как в общем ввозе на Русь их доля была сравнительно невелика. Гораздо чаще, нежели названия сортов, в русских источниках, встречаются указания их цвета. Обычно это либо красные, либо светло- или темно-зеленые. По-видимому, именно эти сорта пользовались наибольшим спросом (В. Любич-Романович. Указ. соч., стр. 33; H. Laurent. Указ. соч., стр. 30).

⁷¹ Некоторое представление о размерах производства дает количество пломб, которые укреплялись на сукне после каждой операции. По некоторым данным, в конце XIII в. один Ипр употребил 800 тыс. пломб (А. Пиренн. Средневековые города Бельгии. М., 1937, стр. 252). Однако эта цифра несколько преувеличена. Ближе к истине размеры производства сукон и населения Ипра, принимаемые А. Лораном. Он считает, что в начале XIV в. при населении в 28 тыс. чел. Ипр мог производить только 90 тыс. сукон в год (H. Laurent. Указ. соч., стр. 116). Правильность этого мнения позднее была подтверждена дополнительными исследованиями Г. ван Верфеке (H. van Werveke. De omyang van de Jeperse lakenproducti in de veertiende eeuw. — «Mededelingen van de Koninklijke Vlaamse Academie voor wetenschappen, letteren en schone kunsten van België», Jg. 9, № 2, 1947, S. 13). Однако в XV в. Ипр насчитывал постоянно лишь около 10 тыс. чел. (H. Pirenne. Les dénombrements de la population d'Ypres au XV-e siècle (1412—1506). — «Contribution à la statistique sociale du moyen âge», «Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte» (далее VSWG), Bd. 1, Heft 1, Leipzig, 1903, S. 10—11).

⁷² H. Laurent. Указ. соч., стр. 30 и сл.

приобрели новые торговые пути — морские, причем появились новые рынки сбыта — города Северной Европы. С расширением рынков сбыта связаны сдвиги в самой фландрской текстильной промышленности. На XIV—XV вв. приходится период бурного роста новых центров текстильной промышленности Фландрии, ориентированных исключительно на торговлю с Ганзой и поставлявших ей сравнительно дешевые сукна. В течение XIV—XV вв. возникли и достигли своего наибольшего расцвета такие центры сельской текстильной промышленности Фландрии, как Поперинг, Диксмейде, Коммин, Вервик, Варнетон.

На вторую половину XV в. приходится расцвет Ньивверкерке, Вульверинга и других городов. Конкуренции с этими новыми центрами не выдержали старинные центры фландрского сукноделия, как, например, Лангемарк, роль которого к концу XIV в. резко упала. Промышленность Ипра переживала серьезный кризис в конце XIV и в XV в., что было вызвано, в частности, конкуренцией Поперинга. Более или менее устойчиво было положение Аальста (Алост), Куртрэ (Кортрейка), Оденардэ.

Другой причиной некоторого упадка традиционной фландрской текстильной промышленности, обычно сильно преувеличиваемого исследователями, послужил рост английской промышленности, повлекший за собой значительное вздорожание шерсти и сокращение, в результате конкуренции английских сукон, рынков сбыта для фландрской текстильной промышленности.

Все это незамедлительно сказалось и на русско-ганзейской торговле и вызвало появление одних и исчезновение других сортов сукон, поступавших на русские рынки.

Фландрские сукна, славившиеся своей мягкостью, тонкостью и красивой окраской⁷³, пользовались на Руси большим спросом. На Русь сбывали с помощью ганзейцев свою продукцию все основные центры фландрского сукноделия: Ипр, Брюгге, Сент-Омер и сравнительно новые центры — Поперинг, Коммин, Вервик, Варнетон, Ньивверкерке.

Больше всего в русских источниках находим указаний на продажу в Новгороде и центральной Руси одного из самых дорогих сортов сукна — ипрских сукон⁷⁴.

Древнейший центр фландрского сукноделия, Ипр, уже в XIII в. вошел в число пяти, а затем «трех добрых городов» Фландрии и вместе с Гентом и Брюгге вершил политической жизнью графства. Несмотря на бурные события второй половины XIV в., осаду Ипра англичанами в 1382 г., эмиграцию почти половины ремесленного населения города, конкуренцию английского и поперингского сукноделия, Ипр в течение всего XV в. оставался крупнейшим центром производства сукон на экспорт, причем изготовлением тканей было занято больше половины его населения⁷⁵. Временное возрождение Ипра пережил в конце XV в., когда в обстановке краткого периода мира, отчасти благодаря энергичным мерам Филиппа Доброго, запретившего его конкурентам производство тканей, в городе несколько возросло население и количество ткачей.

⁷³ Правда, наряду с тонкими сукнами изготавливались и более грубые (*dicke dinne*), обычно, как утверждает А. Пиренн, алого цвета, полшерстяные (*ghemingde lakene*), полосатые (*strypte lakene*) (А. Пиренн. Указ. соч., стр. 252).

⁷⁴ Соотношение цен на различные сорта сукон для Западной Европы определил Нирихейм на основе торговой книги гамбургского купца Гельдерсена 70—80-х годов XIV в. (Н. Нирихейм. *Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen (1367—1389)*, hrsg. vom Verein für Hamburgische Geschichte. Hamburg und Leipzig, 1895).

⁷⁵ Население города составляло в 1412 г. 10 736, в 1431 г. — 10 526, в 1437 г. — 9390, в 1491 г. — 7626, в 1506 г. — 9563 чел. (Н. Пиренн. *Les dénombremments...*, p. 10—11).

По вопросу о времени начала вывоза ипрских сукон за границу, в частности на Русь, ни в зарубежной, ни в советской историографии нет единого мнения. Материалы XI—XII вв. не дают убедительных доказательств экспорта ипрских сукон за пределы Фландрии. Один из последних исследователей экспортной торговли сукнами в XIV в., А. Лоран, отрицает на этом основании экспорт каких бы то ни было фландрских и брабантских сукон за пределы Рейнской области до конца XIII в.⁷⁶ С ним не согласился Г. Амман⁷⁷, привлекая в качестве одного из главных доказательств раннего распространения ипрских сукон по всей Европе, в том числе и в Новгороде, уставную грамоту князя Всеволода Мстиславича, хотя, как теперь установлено⁷⁸, эта грамота возникла значительно позднее. Требуют дополнительного источниковедческого исследования и другие документы, привлекаемые Амманом для подкрепления выдвинутой точки зрения.

Во всяком случае уже в конце XIII в. вся Северная Европа стала рынком сбыта для фландрского сукноделия⁷⁹.

В городском праве г. Висби, оформившемся в XIII в., упомянуты уже сукна всех основных производящих центров этого времени — Ипра, Гента, Брюгге, Турнэ, Диксмейде и Поперинга⁸⁰. В начале XIV в. фландрские сукна упомянуты в Рижской долговой книге⁸¹. В самом Новгороде ипрские сукна появляются в начале XIV в. (впервые они упомянуты в 1327 г.)⁸². Возможно, что они были предметом ввоза уже в конце XIII в.

Ипрские сукна были далеко не однородны⁸³. В Новгороде постоянно существовал спрос на тонкие и дорогие сукна⁸⁴. В течение XV в., в связи с различными экономическими трудностями, которые переживал Ипр, там была сделана попытка освоить производство новых сортов сукна. Однако сбыт коротких ипрских сукон натолкнулся на упорное противодействие русских, требовавших, чтобы продавались только старые, давно известные сорта⁸⁵. В результате борьбы русских против ввоза нового сорта ипр-

⁷⁶ H. Laurent. Указ. соч., стр. 139.

⁷⁷ H. Ammann. Указ. соч. — H. Gbl., Bd. 73, 1953, S. 24—25. По его мнению, торговля фландрскими сукнами к XI в. достигла таких успехов, что русские стали различать их отдельные сорта (там же, стр. 4). Если бы это было действительно так, то уставная грамота Всеволода Мстиславича стояла бы в вопиющем противоречии со всеми остальными русскими источниками, которые начинают различать сукна по отдельным сортам только в конце XIV в.

⁷⁸ А. А. Зимин. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича — Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», М., 1952, стр. 129. Сомнения в правильности ее датировки высказывались уже ранее (А. Еск. *A propos des draps d'Ypres à Novgorod*. — «Revue belge de philologie et d'histoire», v. X, 1931, p. 147; М. П. Лесников. Нидерланды и Восточная Балтика..., стр. 454). Напротив, А. Пиренн был уверен, что она относится к началу XII в. (Н. Пиренн. *Draps d'Ypres à Novgorod*. — «Revue belge de philologie et d'histoire», v. IX, 1930, p. 563).

⁷⁹ H. Ammann. Указ. соч., стр. 5, 11, 30. Наибольшее распространение в Германии получили именно ипрские сукна, хотя одновременно ввозились также гентские, поперингские, брюггские, турнейские.

⁸⁰ H. Hildebrand. *Das rigische Schuldbuch*, № 1882.

⁸¹ H. Ammann. Указ. соч., стр. 36.

⁸² HUB, Bd. III, № 585, S. 362, 12/IV 1327.

⁸³ G. Espinas. *Recueil de documents relatifs à l'histoire de l'industrie drapière en Flandre*, t. II, № 539, p. 601. В 1426 г. на корабле Клауса Сведера, везшего товары рижских и ревельских купцов, находились ипрские сукна трех сортов — простые, узкие и дорогие (HR, Abt. II, Bd. I, № 381, § 36, S. 282).

⁸⁴ W. Stieda. *Hildebrand Veckinhusen*, № 48, S. 61, 9/I 1411; W. Stein. Указ. соч. — H. Gbl., 1898, S. 73, 15/V 1458.

⁸⁵ Ввоз дерптским купцом Тидеманном Куле коротких ипрских сукон в Новгород вызвал большие нарекания русских, и за нарушение ганзейского запрета ввозить эти сукна Куле был вызван на съезд ливонских городов (HR, Abt. II, Bd. VI, № 62, S. 17, 4/I 1468; № 144, § 11, C. 113, 26/II 1469). Впрочем, такие сукна (*halve ypersch*) ввозились в Прибалтику уже в начале XV в. (М. П. Лесников. *Торговая книга...*, стр. 138).

ских сукон ганзейские купцы вынуждены были неоднократно принимать постановления, запрещающие торговлю этим сортом на Руси⁸⁶.

О высоком спросе на ипрские сукна свидетельствуют и попытки английских ремесленников подделывать под них свои сукна. В связи с этим ливонские и ганзейские купцы настаивали на том, чтобы ипрские сукна были свернуты правильно, так, как повелось складывать их иста-ри⁸⁷.

Разнообразие цветов ипрских сукон (они были голубыми, зелеными, красными, коричневыми, персиковыми, черными⁸⁸) и хорошее качество ткани привлекали к ним внимание потребителей из числа русских феодалов⁸⁹. В духовных грамотах русских князей XV в. ипрские сукна упоминаются чаще других⁹⁰, а в начале XVI в. они нередко входили в состав поминков, отправлявшихся из Москвы крымским ханам⁹¹. Большая часть сукон, вероятно, и в начале XVI в. поступала в Москву через Новгород, хотя уже значительно окрепли непосредственные связи московских купцов с Великим княжеством Литовским.

Размеры ввоза ипрских сукон определить очень трудно, но, по-видимому, они были гораздо ниже ввоза сукон среднего качества. Например, на корабле, вышедшем из Любека в Ревель в 1469 г., из 1575,5 лакенов было только 49 лакенов дорогих ипрских (*kostele upersche*), тогда как число поперингских превышало 290 лакенов⁹².

Второй сорт дорогих сукон, постоянно ввозившихся в Новгород. — это скорлат русских источников, *scharlaken* — немецких, *escallates* — французских. Эти сукна изготовлялись в Генте и Брюгге, двух древнейших центрах фландрского сукноделия. Как утверждает Г. Амман, этот сорт появляется в районе Средиземного моря и в Кельне уже в середине XII в.⁹³, однако в северных районах Европы он упоминается гораздо позднее. В Дании, например, сведения о его употреблении относятся толь-

⁸⁶ Первое запрещение ввоза этих сукон было принято в 1411 г. (LECUB, Abt. I, Bd. V, № 62, S. 7—8, 14/IV 1411; Bd. IV, № 580, S. 425, 15/IV 1440; HR, Abt. II, Bd. VI, № 148, S. 114, 28/II 1469; № 184, § 43, S. 153, 23/IV 1469; № 62, § 17, 4/I 1468).

⁸⁷ HR, Abt. II, Bd. VI, № 184, § 43, S. 153, 23/IV 1469; Bd. IV, № 196, § 26, S. 135, 6/XII 1453; Bd. V, № 712, § 46, S. 500, 1465; № 744, § 6, S. 534, 9/X 1465; Bd. VI, № 148, S. 114, 28/II 1469.

⁸⁸ W. von S l a s k i. Danziger Handel im XV. Jahrhundert auf Grund eines im Danziger Stadtarchiv befindlichen Handlungsbuches geschildert. Heidelberg, 1905, S. 52.

⁸⁹ Недаром в 1436 г. новгородцы требовали от ганзейских купцов, чтобы они в качестве дара великому князю во время его приездов в Новгород приносили ему ипрское сукно (LECUB, Abt. I, Bd. IX, № 80, § 10, S. 42). В конце века ипрское сукно действительно входило в состав даров ганзейских послов в Москве (HUB, Bd. XI, № 279, § 5, S. 205, 1489; LECUB, Abt. II, Bd. XI, № 31, S. 11, 1494).

⁹⁰ В духовной грамоте князя дмитровского Юрия Васильевича, составленной незадолго до 12 сентября 1472 г., значится: «...дати ми Ондрию Шихову тридцать рублей, а мои у него постав ипской светлозелен» (ДДГ, № 68, стр. 222). В имуществе княгини Юлиании, вдовы князя Бориса Васильевича Волоцкого, была «шуба червчатая ипская» (ДДГ, № 87, стр. 350, около сентября 1503 г.). В декабре 1475 — январе 1476 великий князь Иван Васильевич получил от новгородских бояр 45 поставов ипрского сукна (В. Н. Б е р н а д с к и й. Новгород и Новгородская земля в XV в., ч. I, Л., 1958, стр. 141—142) и, кроме того, от новгородского владыки — 18 поставов.

⁹¹ Великий князь Василий Иванович посылал Хош-Маахмету в сентябре 1508 г. «шубу хребты белинны гола да сукно ибское черлено, да зубе рыбей» (Сб. РИО, т. 95, стр. 17). В 1500 г. Менгли-Гирезо было послано ипрское сукно (Сб. РИО, т. 41, стр. 307). Ногайскому мурзе Ямругчею в 1504 г. было послано «сукно ипское рудожило, да сукно ипское червчатое..., царевне... сукно ипское червчатое...» (там же, стр. 537—538).

⁹² W. S t i e d a. Über die Quellen..., S. 30—44.

⁹³ H. A m m a n n. Указ. соч., стр. 2—3.

ко к XIII в.⁹⁴, в славянских странах он стал распространяться еще позднее — с конца XIII в.⁹⁵ Хотя первое упоминание о скорлате в Новгороде относится к 1335 г., торговля им, вероятно, производилась гораздо раньше, ибо уже в середине XIV в. название этого сорта хорошо известно даже в Москве⁹⁶.

На основании того, что в середине XIV в. уже появился специальный термин, обозначающий этот сорт сукна⁹⁷, с полным правом можно сделать вывод о его широкой известности на Руси. Самый факт занесения скорлатного опашня среди других драгоценных вещей в духовную грамоту московского великого князя показывает, что на Руси, как и на Западе, скорлат считался одним из самых дорогих и лучших по качеству сортов сукна⁹⁸ и пользовался большим спросом в среде крупных феодалов. Этот сорт, как и все остальные, бывал самой разнообразной окраски⁹⁹. Преимущественно эти сукна красили, вероятно, в красный цвет, который и был характерен для этих сукон в начале их производства. В связи с этим можно предполагать, что под термином *ригруг* Рижской долговой книги имеется в виду скорлат¹⁰⁰.

Широкий размах торговли скорлатом и злоупотребления ганзейских купцов — продажа других сортов под этим названием, в том числе и более коротких сукон — уже в середине XV в. вызвала необходимость урегулировать торговлю этим сортом сукна. В это время порядок торговли скорлатом был предметом обсуждения русских и ганзейских купцов, в результате которого немецкие купцы в Новгороде вынуждены были принять постановление о запрещении ввоза кусков скорлата, не имевших полной длины¹⁰¹.

В течение всего XV в. продолжался ввоз скорлата на Русь через Новгород. Несмотря на трудности, которые переживали в XV в. Гент и Брюгге, как и остальные фландрские центры сукноделия, их производство оставалось значительным¹⁰². Не изменилось и качество сукон. Они по-прежнему оставались самыми лучшими из всех фландрских сукон, и даже ипрские ткани временами пытались подделывать под скорлат¹⁰³.

Основными потребителями этих сукон, как и раньше, были лишь самые крупные феодалы¹⁰⁴, причем, конечно, не только в Новгороде, но во

⁹⁴ Там же, стр. 9; H. B ä c h t o l d. Der norddeutsche Handel im 12. und beginnenden 13. Jahrhundert. Berlin, 1910, S. 262; «Scharlach und Tuch in den alten esthischen Volksepen». — H. Gbl., Jg. 70, S. 202.

⁹⁵ H. A m m a n n. Указ. соч., стр. 33 и сл.; F. G r a u s. Указ. соч., стр. 13—14.

⁹⁶ W. S c h l ü t e r. Указ. соч., ред. IV, § 33.

⁹⁷ Великий князь Иван Иванович завещал князю Дмитрию «опашень скорлатен сажен» (ДДГ, № 4, стр. 16, 18, около 1358 г.).

⁹⁸ По данным Нирнхейма, скорлат стоил почти вдвое дороже ипрских сукон (H. N i r n h e i m. Указ. соч., стр. LXX). Поэтому при ввозе в другие страны, в частности в Англию, он обкладывался более высокой пошлиной (L. B r e n t a n o. Eine Geschichte der wirtschaftlichen Entwicklung Englands, Bd. I. Jena, 1927, S. 205 (пошлина 1275 г.).

⁹⁹ B. F a v r e s s e. Les draperies Bruxelloises en 1282. — «Revue belge de philologie et d'histoire», 1955, v. XXXVII, № 2, p. 296—297.

¹⁰⁰ H. H i l d e b r a n d. Das rigische Schuldbuch, № 1703.

¹⁰¹ HUB, Bd. III, № 321, S. 140—141, 1/III 1355.

¹⁰² В Генте число ткачей и в XV в. не уменьшилось по сравнению с XIV в. В 20—30-х годах XIV в. там было около 2100—2300 ткачей (G. E s p i n a s et H. P i g e n n e. Recueil de documents relatifs à l'histoire drapière de la Flandre, vol. II. Bruxelles, 1909, p. 635).

¹⁰³ 9 июня 1437 г. ливонские города на своем съезде в Пернау решили конфисковывать ипрские сукна, подделанные под скорлат. Об этом решении тогда же было сообщено и в Брюгге (HR, Abt. II, Bd. II, № 132, § 5, 135).

¹⁰⁴ О ценности скорлата можно судить по тому, что в конце XIII в. князь Владимир Волынский купил «село... Березовиче у Юрьевича у Давыдовича Фалорка, а дал

всей Руси. Между прочим скорлат — единственный из всех сортов сукна, упоминающийся в былинах¹⁰⁵.

Как и ипрские сукна, скорлат из Москвы отправлялся в качестве поминков в Крым¹⁰⁶.

Итак, скорлат, самый дорогой сорт из фландрских сукон, был хорошо известен русским в течение XIV—XV вв., причем спрос на него не уменьшался. В верхах феодального общества он был наиболее ходким не только в самом Новгороде, но и в центральных районах, в частности в Москве.

Самыми популярными на Руси были поперингские сукна¹⁰⁷. Их ввоз, по-видимому, является одной из особенностей торговли сукнами в Новгороде. В соседние с Русью страны, насколько этот вопрос вообще изучен, поперингские сукна почти не ввозились.

Продукция Поперинга, расположенного на территории фламандской Фландрии недалеко от Ипра, известна во Франции и Испании с конца XIII в.¹⁰⁸ В XIV в. город сбывал свою продукцию главным образом в район Балтики, куда его сукна впервые проникли уже в конце XIII в.¹⁰⁹ Своему бурному росту в XIV в. город обязан отчасти благоприятным условиям сбыта, которые его сукна находили в Восточной Европе. Поскольку его сукна были гораздо дешевле ипрских, Поперинг успешно конкурировал с Ипром.

Ремесленники Поперинга делали попытки изготавливать сукна, похожие на ипрские, что послужило дополнительной причиной ожесточенной борьбы Ипра против растущего сукноделия этого города. В 1342 г. произошло даже столкновение ремесленников Ипра и Поперинга. Несмотря на большие убытки, понесенные в связи с этим текстильщиками Поперинга, городское ремесло скоро восстановилось. Еще более острый характер приняла борьба этих двух центров в XV в.¹¹⁰

есть на нем 50 гривен кун, 5 локот скорлата да броне дощатые» (ПСРЛ, т. II, СПб., 1845, стр. 215). Скорлат упоминается в духовной грамоте княгини Юлиании (ДДГ, № 87, стр. 350, 1503 г.). «Однорядка скорлатна» упоминается в духовной грамоте углицкого князя Дмитрия Ивановича, брата Василия Ивановича (там же, № 99, стр. 411, 1521 г.). Ганзейские и ливонские послы во главе с Г. Реммелинкроде в качестве даров привезли в Москву в 1494 г. скорлат и английское сукно (LECUB, Abt. II, Bd. I, № 31, S. 22).

¹⁰⁵ В русских былинах подчеркивается принадлежность одежды из скорлата верхам общества. В былинах о Соловье Будимировиче, например, в скорлат одевается дружина (А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. I, стр. 243). В былинах «Молодость Чурилы» иностранная дружина, напавшая на Киев, также одета в скорлат (там же, т. III, стр. 159). В другом варианте той же былины упоминается «дорогой скурлат» (там же, стр. 304, 307—308).

¹⁰⁶ Мурза Ал-Чагыр обращался с просьбой к великому князю: «Да прислал бы ми есми скорлат сукно, да два мним женам по собольей по черной шубе, да тим, да ролдугу» (Сб. РИО, т. 95, № 1, стр. 13, 1508 г.).

¹⁰⁷ В русских источниках, исходивших главным образом из великокняжеской и княжеской среды, ничего не говорится об этих сукнах. Вероятно, этот сорт входил в общее понятие «сукна». Причислить их к ипрским нет оснований, поскольку они были гораздо дешевле ипрских. Недостаток русских источников вполне восполняется немецкими, в которых поперингские сукна выступают главным сортом ввозимых на Русь сукон.

¹⁰⁸ Краткий очерк истории г. Поперинга см. «Recueil de documents relatifs à l'histoire de l'industrie drapière en Flandre». Deuxième partie. Le sud-ouest de la Flandre depuis l'époque bourguignonne, publié par H. E. de Saghert, t. I, Bruxelles, 1951. Preface de Hans van Werveke, p. XVII.

¹⁰⁹ Fr. G r a u s. Указ. соч., стр. 99. На Балтике упоминается в первый раз в 1293 г. О его борьбе против Ипра см. N. de P a u w. Ypre jeghen Paperinghe. Gand, 1899.

¹¹⁰ В 1428 г. Ипр при поддержке Гента и Брюгге добился от бургундского графа Филиппа Доброго постановления, направленного по существу против сукноделия Поперинга: впредь в сельской местности одной семье запрещалось иметь больше шести станков и изготавливать ткани не для собственного употребления. Выполняя это поста-

Ввоз на Русь поперингских сукон, начавшийся, вероятно, почти одновременно с импортом двух первых сортов¹¹¹, постепенно увеличивался. Об удельном весе поперингских сукон на русском рынке начала XV в. можно судить хотя бы потому, что из 133 ламенов сукна, привезенного товариществом купцов во главе с Гильдебрандом Фекингусеном в Прибалтику и Новгород в 1409 г., на долю поперингских приходилось около 30 ламенов¹¹². На корабле, шедшем в Ревель в 1469 г., находилось больше 289 ламенов широких поперингских сукон¹¹³. Поперингские сукна занимали второе после аалтских место в общем ввозе в Ревель в этом году (1/5 всего числа сукон).

Судя по любекским таможенным книгам 1492—1496 гг., поперингские сукна в конце века остались главным видом импортных сукон. В этих книгах указан вывоз этих сукон в следующих размерах:

1492 г.	1493 г.	1494 г.	1495 г.	1496 г.	
49	15	38	12	—	терлингов в Ревель,
5	7,5	4	4	6	терлингов в Ригу ¹¹⁴ .

Таким образом, поперингские сукна составляли в общем импорте сукон из Любека в Ревель: в 1492 г. — 19%, в 1493 г. — 7%, в 1494 г. — 30%, в 1495 г. — 40%; в Ригу: в 1492 г. — 41%, в 1493 г. — 24%.

В торговле и с этим более дешевым сортом сукон также часто случались недоразумения из-за подделок ремесленниками Поперинга своих сукон под более дорогие — ипрские и др. Немецкие купцы, терпевшие из-за этого большие убытки, требовали прекращения подделок. Первые жалобы немецкого двора на привоз в Новгород поперингских сукон, подделанных под валансьенские, относятся к середине XIV в.¹¹⁵ Однако подделки не прекращались в течение всего XV в.¹¹⁶

В XV в. широкие поперингские сукна стали подделывать под сукна, изготовленные в Сент-Омере¹¹⁷.

Особенно остро встал вопрос о подделке поперингских сукон во время конфликта ганзейцев с русскими в 1406—1407 и 1410 гг.¹¹⁸ Под давлением настойчивых требований русских прекратить злоупотребления в торговле сукнами ганзейцы пошли на крайнюю меру и запретили ввоз каких

новление, городские власти Ипра в течение 1428—1431 гг. вынесли свыше 200 приговоров, требовавших уничтожения ткацких станков в сельской местности (A. de S a g h e r. Recueil de documents..., № 1; A. Н. Чистозвонов. Гентское восстание 1539—1540 гг. М., 1957, стр. 39—40).

¹¹¹ Впервые упомянуты в конце XIII в. (H. Hildebrand. Das rigische Schuldbuch, № 1853, 29/IX 1295 г.).

¹¹² Вычислено по данным Cl. Nordmann. Указ. соч., стр. 90—91, 123.

¹¹³ W. Stieda. Über die Quellen..., S. 30—44.

¹¹⁴ F. Bruns. Указ. соч., 1907, стр. 481—482.

¹¹⁵ HUB, Bd. III, № 115, S. 56—57, около 28/X 1347 г.; № 116, S. 57—58, 27/XI 1347; № 163, S. 79—80, 2/IV 1350; HR, Abt. II, Bd. I, № 381, § 36, S. 282; LECUB, Abt. I, Bd. II, № 908, S. 466, 1350. (тот же документ датирован издателями HUB 1340—1360 гг.—HUB, Bd. III, № 354, S. 317); LECUB, Abt. I, Bd. VI, S. 525 около 1375 г.

¹¹⁶ HR, Abt. I, Bd. VI, № 337, § 24, 20/I 1417; LECUB, Abt. I, Bd. VI, № 3095, S. 525—526, около 1375 г.

¹¹⁷ LECUB, Abt. I, Bd. IV, № 744, около 1410 г. Главное отличие их от томасских — широкие края. При подделках они изготавливались с узкими краями. О более низком качестве поперингских сукон сравнительно со всеми остальными свидетельствует то, что они служили оберткой для других сукон (М. И. Лесников. Нидерланды и Восточная Балтика..., стр. 456).

¹¹⁸ На этом основании А. И. Никитский утверждает, будто поперингские сукна «в древнейшее время были безусловно запрещаемы» (А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 161). В действительности же в XIV в. поперингские сукна, в том числе и широкие, ввозились в Новгород в больших количествах.

бы то ни было поперингских сукон¹¹⁹. Торговля поперингскими сукнами была разрешена лишь через два года после усиленных просьб Брюггской конторы, уверявшей, что поперингские сукна опять изготавливаются правильно¹²⁰.

Этот единственный на протяжении двух изучаемых веков запрет торговли поперингскими сукнами, в отличие от всех остальных ганзейских постановлений, соблюдался очень тщательно (во всяком случае купцы Фекингузены, насколько можно судить по переписке Г. Фекингузена, в эти годы не ввозили поперингских сукон не только в Новгород, но и в ливонские города¹²¹).

Популярность поперингских сукон и широкий спрос, которым они пользовались в Новгороде¹²², вызывали стремление новых центров сукноделия, продукция которых еще не была известна на Руси, изготавливать сукна, похожие на поперингские. Попытки эти неоднократно пресекались, так как грозили нарушить и без того довольно неустойчивое равновесие русско-ганзейских торговых отношений¹²³.

Соседний с Поперингом и Ипром небольшой городок Оденардэ также экспортировал сукна в Новгород, но только во второй половине XV в.¹²⁴

Импорт всех остальных фландрских сукон не носил такого постоянного характера, как трех вышеназванных сортов. Все остальные бывовали на русском рынке более короткое время. В первой половине XIV в. происходил ввоз сукон, изготовленных в Диксмейде¹²⁵. Расцвет сукноделия в этом городе приходится на конец XIII — начало XIV в.¹²⁶ Его сукна, как и ипрские, в это время были одними из лучших, но из-за дороговизны производства не выдержали конкуренции с новыми районами сукноделия, и уже в середине XIV в. производство сукон в Диксмейде почти сошло на нет.

¹¹⁹ О ходе событий и значении для русско-ганзейских отношений этого периода вопросов, связанных с торговлей сукнами, см. Н. А. Казакова. Сношения Новгорода с Ливонией и Ганзой в конце XIV в. — первой половине XV в. Л., 1946 (рукопись кандидатской диссертации); «Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в.» — «Исторические записки», т. 28, стр. 119—120.

¹²⁰ Брюггская контора в своем письме ливонским городам сообщала ливонским купцам, что широкие поперингские сукна вновь изготавливаются с широкими краями (LECUB, Abt. I, Bd. IV, № 1915, S. 811, 9/V 1412).

¹²¹ Наши данные о торговой деятельности Фекингузена и связанных с ним лиц крайне неполны, так как его торговые книги до сих пор не опубликованы. Однако известно, что в 1404 г. он и его товарищество привезли 3 куска узкого зеленого поперингского сукна (М. П. Лесников. Нидерланды и Восточная Балтика..., стр. 456). Ввозили они это сукно и в 1406 г. (W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen, № 11, S. 11, 23/V 1406) и в 1409 г. За 1410—1412 гг. данных о ввозе поперингских сукон нет.

¹²² Разрешение ввозить поперингские сукна в Новгород было подтверждено в начале 1434 г. на съезде ливонских городов в Вольмаре (LECUB, Abt. I, Bd. VIII, № 753, S. 439; HR, Abt. II, Bd. I, № 226, S. 153). Вплоть до XVI в. поперингские сукна были одним из главных сортов сукон, ввозившихся в Прибалтику (G. Mickwitz. Aus Revaler Handelsbüchern, S. 58).

¹²³ О первых подделках скверных сукон (schlimme lakene) под поперингские узнаем в 1467 г. (HUB, Bd. IX, № 352, S. 219). Речь тут идет об изготовленных в Гессене эйзенахских сукнах, которые привез в Ревель Любберт Травельман из Любека (HR, Abt. II, Bd. VI, № 62, § 18, S. 47, 4/I 1468). Собрание ливонских городов в Вольмаре запретило впредь привозить такие сукна. Это решение подтвердил и ганзейский съезд в Любеке (HR, Abt. II, Bd. VI, № 356, § 6, 24/VIII 1470).

¹²⁴ HUB, Bd. X, № 1050, 1053; HR, Abt. III, Bd. I, № 436, § 28.

¹²⁵ W. Schlüter. Указ. соч., ред. IV, § 104, стр. 112, 1335 г. Эти сукна упомянуты и в торговой книге И. Виттенборга, поддерживавшего активные торговые связи с Новгородом в 50-х годах XIV в. Возможно, что с его помощью они поступали и в Новгород (C. Mollwo. Указ. соч., ч. I, § 24).

¹²⁶ G. Espinas et H. Pirenne. Указ. соч., т. II, стр. 4, прим. 1; H. van Werke. Указ. соч., стр. XVII.

Так же краток был период расцвета промышленности Лангемарка, расположенного около Ипра. Продукция этого центра сельского сукноделия, довольно быстро задушенной конкуренцией своего могущественного соседа, появлялась на международных рынках только в течение первой половины XIV в.¹²⁷ Но и эти сукна, несмотря на краткость существования промышленности этого города, уже в первой четверти XV в. достигли Великого Новгорода¹²⁸.

В конце XIV — начале XV в. на смену этим старым центрам сукноделия приходят новые. В соответствии с этим появляются новые сорта сукон на новгородском рынке, очень чутко отражавшем даже незначительные перемены и сдвиги текстильного дела в Западной Европе. Сравнительно устойчивое положение на новгородском рынке занимала в период своего процветания продукция лейсских городов — Коммина, Вервика и Варнетона (это собирательное название происходит от р. Лейс, в долине которой все они были расположены). Лейсские сукна появились на международном рынке в XIV в., за исключением продукции Вервика, уже во второй половине XIII в. производившего сукна на экспорт¹²⁹. В Новгород лейсские сукна ввозились и в XIV в. и в середине XV в.¹³⁰

В конце XV в. промышленность этих трех городов вступила в полосу застоя; попытка изготовления новых, более легких сортов сукон потерпела крах¹³¹; в результате этого резко упал их экспорт, в том числе и в Новгород¹³².

В конце XV — начале XVI в. сукноделие в Коммине, Вервике и Варнетоне заглохло окончательно. Одновременно с лейсскими исчезли сукна из Армантьера, близкие к лейсским по качеству¹³³.

Похожи на поперингские сукна были и сукна из Ньиувкерке (Нев-Эглиза), одного из центров сельской промышленности, расцвет которого падает на вторую половину XIV в. Толчком для усиленного развития Ньиувкерке, Ньеппа, Экке, Вестерлиндена¹³⁴ и других соседних городов послужил указ Филиппа Доброго от 10 февраля 1428 г., предоставлявший этим местечкам право, в отличие от Поперинга, заниматься сукноделием на экспорт.

Несмотря на массовое уничтожение деревенского сукноделия по требованию Ипра и ожесточенные вооруженные схватки деревенских сукноделов с ипрскими войсками, текстильная промышленность в Ньиувкерке быстро развивалась. В конце XV в. сукна оттуда вывозились не только

¹²⁷ В это же самое время лангемаркские сукна проникли и в Швейцарию. В 1319 г. впервые упомянут их ввоз в г. Линчепинг (H. Ammann. Указ. соч., стр. 36; W. Корпс. Lübeck-Stockholmer Handelsgeschichte im 14. Jahrhundert. Neumünster, 1933, S. 97).

¹²⁸ W. Schlüter. Указ. соч., ред. IV, § 104.

¹²⁹ H. van Werke. Указ. соч., стр. XVIII.

¹³⁰ W. Schlüter. Указ. соч., ред. IV, § 111; HUB, Bd. V, № 480, 1401; LECUB, Abt. I, Bd. V, № 1595, S. 378—379, 28/I 1401; Bd. IV, № 1915, S. 811, 9/V 1412. Под лейсские сукна подделывали широкие поперингские. В 20-х годах XV в. ревельские и рижские купцы ввозили коменские сукна (HR, Abt. II, Bd. I, № 381, § 36, S. 282; W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen, № 234, S. 258—259, 27/II 1420).

¹³¹ H. van Werke. Указ. соч., стр. XIX.

¹³² См. F. Bruns. Указ. соч., 1907, стр. 473—482. Однако еще в 1469 г. в состав груза ревельского корабля входило 98 широких и 55 новых коменских сукон (W. Stieda. Über die Quellen..., S. 30—44). Эти сукна стояли на четвертом месте среди всех остальных.

¹³³ В немецких источниках они называются *derbenterische* (W. Schlüter. Указ. соч., ред. IV, § 11, ред. V, § 114; HUB, Bd. III, № 373, S. 596). Уже в середине XIV в. эти сукна начали подделывать под лейсские. Поэтому немецкие купцы в Новгороде приняли в 1354 г. соответствующее решение, которое должно было обезопасить их от ввоза недоброкачественных сукон.

¹³⁴ Из всех этих городов Вестерлинден оказался первым, чья продукция достигла Балтики.

в Германию, но и в ливонские города, в Литву и на Русь. Вероятно, на Руси они известны под названием новогонских¹³⁵. Сукна, изготовленные в окрестностях Ньивкерке, вестерлиндские и витские пользовались хорошей славой, и их разрешалось ввозить в любом количестве в Новгород¹³⁶.

В ввозе сукон компанией Фекингузена в 1409 г. почти половину составляли томасские из Сент-Омера¹³⁷. Хотя удельный вес этих сукон в импорте Фекингузенов в первой четверти XV в. был велик¹³⁸, позднее их привозилось немного¹³⁹. На Руси очень ходко шли все томасские сукна, даже самые светлые, как, например, светло-зеленые¹⁴⁰. Если их не удавалось сбыть в Любеке, их посылали в Прибалтику, чтобы продать русским¹⁴¹. В середине XV в. на уже упомянутом судне из Любека находился 21 лакен томасских сукон из общего числа в 1575,5 лапенов¹⁴².

В русских источниках томасские сукна упоминаются единственный раз в «Рукописании» князя Всеволода Мстиславовича¹⁴³, сохранившем устав крупной купеческой корпорации Великого Новгорода с патрональным храмом Иоанна Предтечи на Опоках. Согласно второй редакции этого памятника, сложившейся в начале XV в. (появление самого устава А. А. Зимин относит к концу XIV в.)¹⁴⁴, в день рождества Иоанна Предтечи Иванское купечество должно было в качестве дара давать тиуну томасское сукно. Указание этого сорта в уставе купеческой корпорации Великого Новгорода не случайно. Именно в источнике, отражающем в какой-то степени торговую деятельность новгородского купечества, оказались зафиксированными два сорта импортных сукон — ипрские и томасские. В этом свидетельстве источника обращает на себя внимание прежде всего точное и правильное наименование этого сорта сукна, по-видимому, хорошо известного и сравнительно высоко ценившегося в Новгороде. Представляет интерес также и время появления этого указания — начало XV в., т. е. тот самый период, когда ввоз томасских сукон достиг особенно широкого размаха.

Одновременно с томасскими сукнами в Новгород ввозились и сукна из Мессена, появившиеся на рынках Европы в последней четверти XIV в. Эти сукна среднего качества в сравнительно небольших количествах ввозились в течение XV в., а в начале XVI в. уже совершенно исчезли¹⁴⁵.

Очень недолго ввозились в Новгород и сукна из Русселера, появившиеся на русском рынке только в начале XV в.¹⁴⁶ В конце века на ливон-

¹³⁵ Сб. РИО, т. 95, № 99, стр. 537—538, 9/X 1504 г.

¹³⁶ HR, Abt. II, Bd. VII, № 338, § 224, S. 548, 28/V—20/VI 1476; F. Grunp. Указ. соч., 1907, стр. 473.

¹³⁷ Cl. Nordmann. Указ. соч., стр. 90—91, 123.

¹³⁸ W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen, № 11, S. 11, 23/V 1406; № 127, S. 151, 26/IX 1416; № 15, S. 15—16, 20/VII 1407; № 106, S. 129—130, 20/VII 1415; № 48, S. 61, 9/I 1411; № 107, S. 131, 6/VIII 1415; № 122, S. 148, 30/VII 1416; № 153, S. 172—173, 5/V 1417; № 435, S. 440, около 1420 г.; М. П. Лесников. Торговая книга..., стр. 139 и сл.

¹³⁹ Упоминания о торговле ими сравнительно редки. Например, на корабле, утонувшем в Ладожском озере летом 1440 г., находился только 1 терлинг томасского сукна, принадлежавший любечанам Гансу Люнеборгу и Гансу Брекельвельде (LECUB, Abt. I, Bd. IX, № 630, S. 453, 3/VIII 1440).

¹⁴⁰ Вообще томасские сукна, как и все остальные, были самых разнообразных цветов, но преобладали светлые: голубые, светло-голубые, серые, персиковые, белые, разные оттенки зеленого (W. Stein. Указ. соч. — H. Gbl., Jg. 1898, S. 73).

¹⁴¹ W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen, № 106—107.

¹⁴² W. Stieda. Über die Quellen..., S. 34—44.

¹⁴³ «Памятники русского права», сост. А. А. Зимин, вып. 2, М., 1953, стр. 184.

¹⁴⁴ Там же, стр. 174.

¹⁴⁵ H. van Werveke. Указ. соч., стр. XVIII.

¹⁴⁶ LECUB, Abt. I, Bd. IV, № 1595, S. 378—379, 28/I 1401; тот же документ в HUB, Bd. V, № 480, 1401.

ских рынках продавались и сукна из Аальста¹⁴⁷. Совсем невелик был вывоз из Брюгге¹⁴⁸, хотя в XVI в., судя по русской торговой книге 1580-х годов, он принял значительные размеры. Легкие сукна из Арраса¹⁴⁹, из Туркуэна¹⁵⁰ и Дендермонде¹⁵¹ также вывозились в Прибалтику в XV в., откуда они, вероятно, попадали и в Новгород.

Таким образом, во Фландрии не было почти ни одного центра сукноделия, который не поставлял бы свою продукцию в Новгород. Новгородский рынок был одним из самых емких, недаром все нарушения торговли с Новгородом вызывали серьезные экономические затруднения во Фландрии. Особенно четко прослеживается взаимозависимость развития этих районов в годы борьбы Новгорода с Орденом¹⁵².

Тесно примыкали к Фландрии как в географическом, так и в экономическом отношении города Геннегау¹⁵³. Среди них на первое место по производству сукон уже в XIV в. вышли два города — Валансьен и Камбрэ, в XV в. выросли и такие, как Моберг, Шимэ, Лессин и Эдинген на юге графства. И Валансьен и Камбрэ в течение XIV—XV вв. торговали с Ганзой, и их сукна хорошо известны были даже в Новгороде¹⁵⁴.

Сукна из Турн, в течение всего XV в. ввозились в Новгород. Город изготовлял несколько сортов, в том числе новые и широкие, самой различной окраски (зеленые, красные, темно-синие)¹⁵⁵. Все эти сорта были представлены и в ганзейском ввозе в Новгород.

Суконная промышленность Брабанта, находившаяся, в силу своей удаленности от моря, в менее благоприятных условиях, чем фландрская, развивалась более медленно. Возникновение сукноделия в Брабанте относится к середине XIII в., но уже в XIV в. Брабант стал, наряду с Фландрией, крупным поставщиком сукна¹⁵⁶. Сукна из Мехельна, Брюсселя,

¹⁴⁷ Altsche lakene в грузе корабля из Любека в Ревель в 1469 г. занимали первое место — 297 лапенов из 1575,5 лапенов. Вывозились они в конце века (HUB, Bd. X, № 705, 1478; F. Grunp. Указ. соч., 1908, стр. 398—399, 1493 г.).

¹⁴⁸ W. Stieda. Über die Quellen..., S. 30—44 (в 1469 г. на корабле из Любека было 19 лапенов брюггского сукна). В Ригу в 1494 г. было привезено 3 лапена брюггского сукна (F. Grunp. Указ. соч., 1908, S. 300—309).

¹⁴⁹ HR, Abt. II, Bd. I, № 381, § 36, S. 282, 1426; М. П. Лесников. Торговая книга..., стр. 142.

¹⁵⁰ LECUB, Abt. I, Bd. XII, № 498, 1467.

¹⁵¹ W. Stieda. Über die Quellen..., S. 30—44.

¹⁵² HR, Abt. I, Bd. VI, № 400, 20/V—28/VIII 1417.

¹⁵³ Связь этих городов с Фландрией и с морем, благодаря чему они получали шерсть из Англии, осуществлялась по р. Шельде. Источники по истории текстильной промышленности Валансьена изданы G. Espinas. Documents relatifs à la draperie de Valenciennes au moyen âge. Paris, 1931.

¹⁵⁴ Брабантские сукна, привоз которых в центральную Русь особенно заметен в конце XV в., поступали, вероятно, через Польшу и Литву. Сукна из Камбрэ назывались немцами kameryksche lakene. В 1409 г. Фекингузены ввели в Прибалтику этих сукон столько же, сколько поперингских — 31 лакен. (Cl. Nordmann. Указ. соч., стр. 90—91; см. также М. П. Лесников. Торговая книга..., стр. 141). В больших количествах происходил ввоз и валансьенских сукон (W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen, № 493, 479, без даты). В 1404 г. Фекингузены привезли 25 лапенов этого сукна (М. П. Лесников. Нидерланды и Восточная Балтика..., стр. 456).

¹⁵⁵ В немецких источниках их называют dornsche. Первое указание об их ввозе в Новгород относится к 1389 г., когда Ламбрехт де Ру из Унны потребовал от Хинрика Крувеля, компаньона своего покойного брата Германа по торговле в Новгороде, возвращения наследства покойного, в том числе и 6 турнейских сукон (HUB, Bd. IV, № 975, S. 426, 29/VI 1389). Фекингузены привезли в 1404 г. 26 лапенов этого сукна (W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen, № 91, S. 109, 14/V 1413), а в 1410 г. — 32 лапена и 6 полукусков (М. П. Лесников. Торговая книга..., стр. 141—142). Ввоз их продолжался и позднее (LECUB, Abt. I, Bd. IX, № 29, S. 13, 1/III 1436).

¹⁵⁶ Сукна из Эрентальса появились на Балтике уже в первой половине XV в. (HR, Abt. II, Bd. I, № 381, § 36, S. 282, 1426). В 1493 г. в Ревель был привезен 1 terling Bussche lakene из Герпогенбуша (F. Grunp. Указ. соч., 1908, стр. 481).

Лувена, Эрентальса особенно охотно покупались в Польше¹⁵⁷ и Чехии¹⁵⁸, где фландрские сукна вынуждены были уступить им первое место уже в конце XIV в.

В конце XV в. сукна из Мехельна, называемые русскими источниками «махальскими», встречаются на Руси довольно часто¹⁵⁹. Данных о торговле брабантскими сукнами в Новгороде нет.

Позже всех, только в конце XIV—XV вв., появились на международном рынке голландские сукна¹⁶⁰. Их экспорт в Восточную Европу встречал активное противодействие старых центров сукноделия — главным образом фландрских — и самих ганзейцев, терпевших большой ущерб от продажи этих сукон, тем более, что сукноделы новых городов сначала пытались подражать старым образцам¹⁶¹. Уже в 1392 г. ливонские города на своем съезде в Дерпте постановили запретить ввоз на Русь сукон из Дордрехта¹⁶².

Запрещение ввозить сукна из Голландии — из Амстердама, Лейдена и Шидама — было принято в середине XV в.¹⁶³. Однако торговля ими продолжалась и в ливонских городах и в Новгороде.

Мысль о широком развитии торговли голландскими сукнами уже в середине XV в., высказанная Л. К. Гетцем, подкрепляется рядом свидетельств источников¹⁶⁴. На корабле, вышедшем из Любека в Ревель в 1469 г., из общего числа в 1575,5 лакенов было 218 лакенов сукна из Наардена¹⁶⁵. Они занимали третье место после аальтских и поперингских. В очень небольших количествах ввозились сукна из Амстердама, Лейдена, Гааги¹⁶⁶.

В Ревель в конце XV в. было ввезено 4 терлинга 2 кипы наарденских сукон в 1492 г., 4,5 терлинга в 1493 г., 3,5 терлинга в 1494 г., 3 лакена и небольшая кипа в 1495 г., вместе наарденских и амстердамских 1 кипа в 1492¹⁶⁷.

Наибольшее развитие получил ввоз наарденских сукон. В отличие от всех остальных районов Европы, только на Руси пользовались спросом

¹⁵⁷ Н. А m m a n n. Указ. соч., стр. 46; Ch. Verlinden. Brabantsche en Vlaamsche laken te Krakau op het einde der XIV eeuw.

¹⁵⁸ Fr. G r a u s. Указ. соч., стр. 102. Брабантские сукна, привоз которых в центральную Русь особенно заметен в конце XV в., поступали, вероятно, через Польшу и Литву.

¹⁵⁹ В составе сукон рижских и ревельских купцов, захваченных фогтом Вартберга в 1426 г., находились 16,5 лакенов мехельнского сукна (HR, Abt. II, Bd. I, № 381, § 36, S. 282). Они ввозились также в 1436 г. (LECUB, Abt. I, Bd. IX, S. 15, Ann. I).

¹⁶⁰ N. W. P o s t h u m u s. De geschiedenis van de leidsche lakenindustrie, 's-Gravenhage 1908; Bronnen tot de geschiedenis van de Leidsche textielnijverheid, Bd. I—VI. 's-Gravenhage, 1910—1922.

¹⁶¹ Гаагские сукноделы, например, подражали лейсским (HR, Abt. II, Bd. V, № 121, S. 6, 15/VI 1461).

¹⁶² HR, Abt. I, Bd. IV, № 47, § 18, S. 54, 24/III 1392. Одновременно был запрещен ввоз borchvletesche lakene (там же, § 10, S. 53).

¹⁶³ Хотя до этого названные города имели право изготовлять сукна для Новгорода (HR, Abt. II, Bd. III, № 288, § 84), запрещение ввоза всех голландских сукон в Новгород последовало и в 1461 г. (HR, Abt. II, Bd. V, № 121, § 5, S. 65, 15/VI 1461; W. Stein. Указ. соч., стр. 79, 20/V 1458 г.).

¹⁶⁴ L. K. G o e t z. Указ. соч., стр. 283. В середине XV в. они уже часто употреблялись в Ревеле (LECUB, Abt. I, Bd. XI, № 395, S. 332, 10/IV 1455, наарденские сукна; № 689, S. 547—548, лейденские).

¹⁶⁵ W. S t i e d a. Über die Quellen..., S. 30—44.

¹⁶⁶ На том же корабле было отправлено 10 лакенов амстердамских сукон, 8 гаагских (hegensche), 80 лейденских (leydesche) и часть кипы.

¹⁶⁷ F. B r u n s. Указ. соч., 1907, стр. 481—482. Одновременно в Ригу доставлялись девентерские сукна: в 1492 г. — 2 терлинга, в 1495—1496 гг. — по одному (там же 1908, стр. 398—399).

дешевые и низкокачественные наарденские сукна, вероятно, в силу отсутствия собственного ремесленного сукноделия¹⁶⁸.

Хотя фландрские сукна в течение XIV—XV вв. безраздельно господствовали на русском рынке, ганзейский ввоз не ограничивался только ими. Происходил импорт и немецких сукон. Ведь в XV в. широкое развитие сукноделие получило и в Германии, особенно в Рейнской области, где главными его центрами стали Аахен и Кельн. Впоследствии к ним присоединились и другие города. Как утверждает В. В. Стоклицкая-Терешкович, шерстоткацкое дело было одним из самых развитых в Германии¹⁶⁹ и не было якобы ни одного города, где бы не существовало сукноделия. В XV в. вторым заметным центром сукноделия в Германии стала Восточная Пруссия — Верхний Лаузиц (Цитау, Лаубен, Горлиц). Первый из указанных районов работал преимущественно на английской шерсти, сокращение импорта которой в XV в. вызвало резкий упадок производства сукон в Рейнском районе¹⁷⁰. Второй центр получал шерсть из Богемии и Силезии, причем связь с этими районами особенно укрепилась в XV в.¹⁷¹ Некоторое значение приобрело сукноделие и в вендских городах. Но ни один из вышеназванных экономических районов Германии не производил высококачественных сукон, сколько-нибудь напоминавших фландрские. Поэтому обычно источники называют немецкие сукна грубыми¹⁷². Германия экспортировала сукна не только ремесленного производства, но и домашнего, известные под названием walmel, walmal.

Начало ввоза немецких сукон на Русь датировать с полной определенностью так же трудно, как и фландрских¹⁷³.

Сукна из Кельна и Аахена появляются в письменных немецких источниках в первой четверти XIV в.¹⁷⁴; вероятно, ввоз их происходил и раньше, в конце XIII в.¹⁷⁵ Наиболее ранним и оживленным представляется ввоз грубого домотканного сукна, из которого на Руси изготовлялась грубая верхняя одежда — вотола, само название которой, по-видимому, происходит от немецкого наименования этой ткани. По поводу вотолы высказывались разные мнения. П. Савваитов считает ее грубым некрашеным сукном, но не определяет ее происхождения¹⁷⁶. Н. С. Стромиллов относит ее к грубым льняным тканям¹⁷⁷. Доказательством того, что этот термин обозначал сукно, служит употребление его Кильбургером в ка-

¹⁶⁸ G. Mickwitz. Указ. соч., стр. 59; прим. 2. Он отмечает эту особенность и для первой половины XVI в.

¹⁶⁹ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М.—Л., 1936, стр. 26, 80—82 и др.

¹⁷⁰ B. Kuske. Die Kölner Handelsbeziehungen im XV. Jahrhundert.— VSWG. Bd. VII. 1909; Н. А m m a n n. Указ. соч., стр. 5.

¹⁷¹ Br. Hildebrand. Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie.— «Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik», Bd. VI, Jena, 1866, S. 187—191.

¹⁷² HR, Abt. III, Bd. II, № 496, § 253, 254, 1491; № 160, § 262, 1482.

¹⁷³ L. K. G o e t z. Указ. соч., стр. 283. Амман датирует начало вывоза сукон из Аахена в Новгород концом XIII в. (Н. А m m a n n. Указ. соч., стр. 35).

¹⁷⁴ W. Schlüter. Указ. соч., ред. IV, § 105, 1327 г., cappelakene из Аахена и Кельна. Аахенские сукна ввозились в Прибалтику и позднее товариществом купцов Фекингусенов (М. П. Лесников. Торговая книга, стр. 139, 141).

¹⁷⁵ В Ригу их ввозили уже в конце XIII в. (H. Hildebrand. Das rigische Schuld-buch № 1063). В конце XIII в. под Новгородом было захвачено 19 cappelakene из Аахена или Кельна (Н. А m m a n n. Указ. соч., стр. 33).

¹⁷⁶ П. Савваитов. Указ. соч., стр. 125.

¹⁷⁷ Н. С. Стромиллов. Лен и пенька и их изделия в древней Руси и Московском государстве.— Журнал «Сельское хозяйство и лесоводство», т. 116, № 7, 1874, стр. 218.

честве названия русского сукна¹⁷⁸. Е. А. Рыдзевская считает вотолю привозной тканью, импорт которой на Русь начался, когда только завязывались ее связи с Готландом¹⁷⁹. Доказательством иностранного происхождения этой ткани служат не только языковые параллели, привлеченные Е. А. Рыдзевской (старошведское — *varmal*, средненижнемецкое — *watmâl*, эстонское — *wadmal*, латышское *wadmala*), но и запрещение подходить к причастию в православной церкви людям, одетым в вотолю¹⁸⁰. Ввоз этого грубого дмотканного сукна, начавшийся, вероятно, еще в XI—XII вв.¹⁸¹, не прекращался в течение XIV—XV вв.¹⁸² Недаром в новгородские берестяные грамоты из сортов шерсти попало название лишь этой грубой ткани. Это показывает и широкие размеры торговли этой тканью и более широкий, сравнительно со всеми остальными импортными тканями, круг потребителей. Грамота № 130 (рубеж XIV—XV вв.) гласит: «У Вигаря 20 локото хъри безо локти. У Валита в Кюлолякши 14 локти хъри. У Ваиваса у Ваякшина 12 локти водмолу и полотретиянацате локти хъри. У Мълита в Куроле 4 локти хъри»¹⁸³. Термин «водмол», ранее неизвестный в русских источниках, дает недостающее звено перехода немецкого *watmal* к русскому «вотола» и доказывает, что это название происходит от немецкого.

Кроме кельнских, аахенских сукон и ватмала, уже в XIV в. происходил ввоз сукон в Ревель из Торуня (отчасти через Висби)¹⁸⁴.

Немецкие сукна на Руси обычно употреблялись для верхнего платья. Уже первое упоминание сукон из Аахена и Кельна, называвшихся са-

¹⁷⁸ Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — «Сб. студенческого историко-этнографического кружка при Киевском ун-те», вып. VI, Киев, 1915, стр. 102.

¹⁷⁹ E. Rydzewska. Ein skandinavischer Beinahme in einer russischen Chronik. — «Zeitschrift für slavische Philologie», hrsg. von Max Vasmer, Bd. VIII, Heft I—2, 1931, S. 102—108.

¹⁸⁰ Эти запрещения нельзя объяснить только грубостью ткани, как это делает, например, Н. Аристов (указ. соч., стр. 136—137). Ведь в шубах и холщевых тканях допускают до причастия. В послании митрополита Киприана псковскому духовенству говорится: «...а мужи бы к святому причастию во вотолах не приходили, но снимаа вотолю; а на ком пригодится опашень или шуба и [о]ни бы припосяывали» (АИ, т. I, № 8, стр. 18, 1392—1395 гг.) С этим запрещением можно сравнить лишь запрещение духовенству носить платья, сшитые из немецких сукон, в число которых, может быть, входила и вотола (см. АИ, т. I, № 5, стр. 8, 1382 г.; ААЭ, т. I, № 108, стр. 83, до 1437 г.; РИБ, т. VI, стб. 209, 1389 г.).

¹⁸¹ Первые указания на ввоз этой ткани в Ливонию содержатся в хронике Генриха Латвийского (Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, стр. 74. См. также Н. J. Seeger. Westfalens Handel und Gewerbe von 9. bis 14. Jahrhundert. Berlin, 1926; Studien zur Geschichte der Wirtschaft und Geisteskultur, hrsg. von R. Häpke, Bd. I, S. 155, Anm. 1108; HUB, Bd. I, № 687, 904; Н. Hildebrand. Das rigische Schuldbuch, № 1063, прим. 2, введение, стр. 56). Вотола часто встречается и в русских источниках (ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1, Пг., 1917, стр. 134; НПЛ, стр. 134 и 193). В духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича сказано: «А сыну моему, князю Юрию... вотола сажена» (ДДГ, № 12, стр. 36, 13/IV—6/V 1389 г.).

¹⁸² W. Schlüter. Указ. соч., ред. IV, § 33; LECUB, Abt. I, Bd. VIII, № 499, 1431; Bd. IX, № 725, 732, 1441. Немецкий *watmal* измерялся подобно полотну на сотни и ввозился в Ревель в очень больших количествах. Например, в 1444 г. орденмейстер Ливонии просил ревельский рат прислать ему 40 коменских сукон, 5 или 6 ипрских, 10 томасских и 3 тыс. ватмала, которые только что прибыли в Ревель (LECUB, Abt. I, Bd. X, № 92, S. 61). Вероятно, Якоб Врезе, ведущий в Новгороде обширную торговлю и среди прочих товаров ввозил туда и ватмал, о большом количестве которого упоминается в его завещании (LECUB, Abt. I, Bd. XI, № 397, S. 334, 29/IV 1455).

¹⁸³ Приношу глубокую благодарность А. В. Арциховскому за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с текстом этой грамоты.

¹⁸⁴ 17/XI 1350 г. (LECUB, Abt. I, Bd. II, № 904, S. 462—463).

pellakene¹⁸⁵, ясно указывает их назначение. Н. Аристов считает, что в Новгороде существовала даже одежда «капельки»¹⁸⁶, хотя ни в одном известном нам источнике такой вид одежды не назван. По-видимому, немецкие сукна были наиболее доступны для городского населения. Они проникали и в быт монастырей¹⁸⁷. Кроме сукна, вероятно, из Кельна вывозился бархат — *sammat*¹⁸⁸, известный русским былинам под названием *стамет*¹⁸⁹.

Общий ассортимент немецких сукон, ввозившихся в Новгород, по-видимому, не оставался неизменным. На смену старым сортам, характерным для ганзейского ввоза XIV в., в XV в. пришли новые сорта. Незначительное увеличение удельного веса немецких сукон и расширение ассортимента их произошло в XV в.¹⁹⁰, однако качество их не улучшилось. В 20-х годах XV в. раздаются жалобы русских и ганзейских купцов на плохое качество и недостаточную длину сукон, изготовленных в Геттингене¹⁹¹. В 30—40-е годы XV в. увеличивается приток грубых вендских сукон, называемых так по месту своего производства¹⁹². Через Брюгге поступали в Новгород эрфуртские и нордхаузенские (Тюрингия) сукна¹⁹³ и гертбергские¹⁹⁴. Порядок торговли и этими сукнами оказался предметом острой борьбы русских и ганзейских купцов, особенно в 1440 г.¹⁹⁵ В самом конце XV в. в Новгороде появились дюссельские *sittouwesche* (вероятно, из Цитау) и форлендские сукна, изготовленные в районе Эйзенаха¹⁹⁶, однако их ввоз был вскоре запрещен¹⁹⁷. Любекские, висмарские и ростокские сукна были не особенно хорошего качества¹⁹⁸; делались даже попытки ограничения их ввоза в Прибалтику и Новгород, согласно решению ганзейского съезда в 1487 г.¹⁹⁹ Помимо вышеперечисленных сортов, ввозились и ульские (*ulsser*) из г. Оберурсель вблизи Гамбурга в Гессене²⁰⁰. Старый центр немецкого сукноделия Аахен пы-

¹⁸⁵ W. Schlüter. Указ. соч., ред. IV, § 105. Ввоз аахенских сукон (*akesch*) в начале XV в. был совершенно незначителен. Из 133 сукон, ввезенных Фекингеном в 1409 г., было только 6 аахенских (C. Nordmann. Указ. соч., стр. 90—91).

¹⁸⁶ Н. Аристов. Указ. соч., стр. 141.

¹⁸⁷ Грамота суздальского архиепископа Дионисия псковскому Снеготорскому монастырю гласит: «А одение потребное имати у игумена, обычный, а не немецких сукон» (АИ, т. I, № 5, стр. 8).

¹⁸⁸ B. Kuske. Quellen zur Geschichte des Kölner Handels. Bd. I, № 381. О вывозе этого сорта сукон в Прагу в 1400 г. см. Fr. Graus. Указ. соч., стр. 25.

¹⁸⁹ А. Ф. Гильфердинг. Указ. соч., т. III, стр. 162.

¹⁹⁰ W. Stieda. Über die Quellen..., S. 30—44. На корабле из Любека в 1469 г. было 8 эрфуртских сукон, 1 дресельское, 1 аугсбургское (*ausborger*), 1 любекское, 23 *unckers* (?).

¹⁹¹ LECUB, Abt. I, Bd. VII, № 19, S. 11, 10/III 1423; HUB, Bd. VI, № 520. Однако даже в первой половине XVI в. геттингенские сукна продаются русским (G. Mickwitz. Aus Revaler Handelsbücher, S. 59, Anm. 3).

¹⁹² HR, Abt. II, Bd. I, № 226, § 16, 1434; HR, Abt. II, Bd. II, № 329, § 12, 1440; Bd. III, № 216, § 8, 1445.

¹⁹³ HUB, Bd. VI, № 1010, S. 563—564, 5/IV 1432 (Генрих Стен из Брюгге привез в Нарву 23 ламена нордхузских сукон и продал их русским).

¹⁹⁴ HR, Abt. II, Bd. I, № 380, § 36, S. 282.

¹⁹⁵ LECUB, Abt. I, Bd. IX, № 562, § 12, S. 414, 1440.

¹⁹⁶ HUB, Bd. IX, № 378, S. 239—240, 18/VI 1467.

¹⁹⁷ HR, Abt. II, Bd. VI, № 356, § 8, S. 326, 24/VIII 1470.

¹⁹⁸ Висмарские сукна, правда, в очень незначительных размерах, ввозили Фекингеном еще в начале XV в. (W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen, № 15, S. 14—16, после 2/V 1406 г.). Их цена, по-видимому, соответствовала качеству: они стоили втрое с лишним дешевле томасских.

¹⁹⁹ HR, Abt. III, Bd. II, № 160, § 262, S. 166, 24/V 1487. Мотивировкой запрещения этих сукон ганзейский съезд в Любеке выдвинул плохое их качество.

²⁰⁰ W. Stieda. Über die Quellen..., S. 42. Ввоз их в Ревель продолжался и в первой половине XVI в. (G. Mickwitz. Aus Revaler Handelsbücher, S. 59, Anm. 5).

тался в XV в. изготавливать сукна, подобные поперингским, но их ввоз в Ливонию и Новгород был запрещен²⁰¹.

В. В. Стоклицкая-Терешкович вслед за исследователем восточно-прусского текстильного дела Г. Йехтом утверждает, что герлицкое сукно пользовалось большим спросом со стороны русских купцов Пскова и Нарвы, поскольку «великий князь московский отдавал ему предпочтение перед всеми другими сортами сукна»²⁰². Однако для обоснования своего мнения В. В. Стоклицкая-Терешкович не приводит никаких документальных данных. Источники XV в., находящиеся в нашем распоряжении, не сообщают о ввозе герлицких сукон ни в Новгород, ни в Москву.

К концу XV в. ввоз немецкого сукна увеличился, причем за счет низкокачественных сукон — любекских и висмарских²⁰³.

Значение Фландрии как главного экспортера сукон в Европе в XIV—XV вв. начало падать. Уже в XIV в. она перестает быть монополистом в области сукноделия, работавшего на экспорт. Ее соперником выступила не только текстильная промышленность Германии, но и более сильное английское сукноделие, располагавшее огромным преимуществом сравнительно со всеми другими — собственной сырьевой базой. Изобретение сукновален послужило толчком для развития английской текстильной промышленности, дав ей и в этом отношении перевес сравнительно с Фландрией, производительные силы которой развивались более медленно²⁰⁴. Несмотря на неоднократные запрещения ввозить английские сукна на континент²⁰⁵, эти сукна уже во второй половине XIV в. успешно конкурировали с более дорогими фландрскими. В середине XV в. английские сукна продавались наравне с фландрскими почти во всех странах Европы. Неверным, однако, кажется преувеличенное представление о распространении английских сукон и полном вытеснении ими фландрских уже в середине XV в.²⁰⁶ На рынках Восточной Балтики английским сукнам не

²⁰¹ HR, Abt. III, Bd. I, № 365, § 44; № 368, 1482.

²⁰² В. В. Стоклицкая-Терешкович. Указ. соч., стр. 83; Н. Jecht. Beiträge zur Geschichte des ostdeutschen Waidhandels und Tuchmerchergewerbes. Görlitz 1923, S. 88—90.

²⁰³ В Ревель было ввезено в 1492 г. 4 кипы, 1 малая кипа любекского сукна, 1 кипа висмарского; в 1493 г. — 1 кипа 3 лагена любекского, 1/2 кипы любекских серых, 1/2 кипы висмарских; в 1494 г. — 2 кипы, 3 лагена любекского (Ф. Вгипс. Указ. соч., 1907, стр. 481—482). В Ригу было ввезено 4 кипы любекского, 10 кип висмарского в 1492 г.; 1,5 кипы любекского в 1494 г.; 1 кипа любекского, 6 кип висмарского, 1 малая кипа, 4 лагена в 1495 г.; 5 лагенов любекского сукна в 1496 г.; 1 кипа серого висмарского сукна в 1495 г. Ростокского сукна было ввезено в Ригу: 14 кип в 1492 г.; 14 кип и 1 лаген в 1493 г.; 7 кип в 1494 г.; 8,5 кип и 12 лагенов в 1495 г.; 2 кипы в 1496 г. (там же, 1908, стр. 398—400).

²⁰⁴ Лишь за вторую половину XIV в. производство сукон в Англии увеличилось почти в три раза — с 15 тыс. кусков в 1356—1358 гг. до 43 тыс. в 80—90-х годах XIV в. (H. L. Gray. The Production and Exportation of English woollens in the Fourteenth Century. — «The English Historical Review», London, 1924, January, v. XXXIX, № 153, p. 21, 27).

²⁰⁵ Уже в 1346 г. Брюгге запретил продажу у себя английских сукон. В 1431 г. Филипп Добрый запретил их продажу во всех своих владениях — Бургундии, Фландрии, Артуа, Голландии, Геннегау, Фрисландии, но уже через 12 лет вынужден был ограничить этот запрет только одной Фландрией, что ярко показывает быстрое проникновение английских сукон на старые фландрские рынки (А. Н. Чистозвонов. Указ. соч., стр. 42). Тем более острой была борьба Брюгге и Ганзы за сохранение своего последнего рынка — Руси и Ливонии.

²⁰⁶ А. Н. Чистозвонов, например, утверждает: «Международный рынок для фландрских сукон был потерян еще раньше (т. е. до 1446 г.). Теперь в их распоряжении оставались в основном лишь покупательные возможности населения самой Фландрии» (А. Н. Чистозвонов. Указ. соч., стр. 35). Нам представляется очень правильным взгляд Г. Аммана о преобладании на севере Европы фландрских сортов (правда, большей частью новых) над всеми остальными (H. Ammann. Указ. соч., стр. 58).

удалось вытеснить фландрские вплоть до конца XV в., хотя эти рынки в силу своей большой емкости представляли для них очень большой интерес. Причины этого заключаются не только в различии качества сукон, хотя и это играло свою роль, но и в старинных торговых традициях непосредственных связей Восточной Прибалтики с Фландрией, осуществлявшихся Ганзой. Кроме того, английские сукна в XV в. не производились в количестве, достаточном для удовлетворения большого спроса на сукна в этом районе. Экспорт английских сукон, быстро увеличивавшийся в конце XIV — начале XV в., в связи с возобновлением Столетней войны в середине века сократился. Новое увеличение экспорта произошло только в конце XV в.²⁰⁷

Ввоз английских сукон на Русь начался в середине XIV в.²⁰⁸ Появление сукновален в XIII в. сделало возможным расширить производство сукон и увеличить их экспорт в Европу²⁰⁹. По-видимому, этот экспорт был разрешен во второй половине XIV в., но производился в меньших количествах сравнительно с фландрскими сукнами. Основным рынком для английских сукон в это время, как и в более позднее, был Данциг²¹⁰, через который небольшая часть английских сукон попадала в Ливонию и на Русь.

Ввоз этот был настолько незначителен, что даже в середине 70-х годов XIV в., когда с трудом налаживались задолго до этого прерванные русско-ганзейские отношения, немецкие купцы в Новгороде считали для себя возможным не препятствовать ввозу английских сукон на Русь²¹¹. Лишь ганзейский съезд в Штральзунде 24 июня 1384 г. запретил торговлю английскими сукнами, не имевшими установленной длины²¹². Инициаторами принципиального запрещения ввоза английских сукон выступили прусские города²¹³, в начале XV в. импортировавшие на Русь немецкие сукна и стремившиеся получить исключительные права в суконной торговле. Ливонские города последовали примеру прусских лишь через 10—15 лет, когда и для них конкуренция английских сукон стала чувствительной²¹⁴. В 10-х годах XV в. в район Балтики стали проникать английские

²⁰⁷ Точных данных о величине производства сукон в Англии нет. По одним сведениям экспорт сукон в середине XIV в. (1354 г.) не достигал 5 тыс. кусков сукна, в 1509 г. составлял около 80 тыс. кусков (А. Л. Мортон. История Англии. М., 1950, стр. 134), а по другим — уже в середине XIV в. колебался около 10 тыс. кусков (H. L. Gray. Указ. соч., стр. 21).

²⁰⁸ W. Schlüter. Указ. соч., ред. IV, § 115; ред. V, § 7. В 1355 г. немецким дворянам в Новгороде было принято решение не привозить туда никаких разрезанных сукон, за исключением английских.

²⁰⁹ E. Carus-Wilson. An industrial revolution..., p. 39—60.

²¹⁰ G. Lechner. Указ. соч., ч. I, № 100, 409, 500, 504; т. II, № 11, 69, 70, 72, 73; Ch. Brämer. Die Entwicklung der Danziger Reederei im Mittelalter. — «Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins», Heft 63, Danzig, 1922, S. 58 ff.

²¹¹ LECUB, Abt. I, Bd. III, № 1095, S. 285—288, после 1373 г.

²¹² Там же, № 276, § 9, S. 335, 24/IV 1384.

²¹³ HR, Abt. I, Bd. V, № 74, § 2, S. 53, 2/IV—15/V 1402 (решение съезда прусских городов в Мариенбурге); E. Lipson. The Economic History of England, v. I—II. London, 1945; A Short History of the Wooll and its Manufactures; G. Schanz Englische Handelspolitik. Bd I—II. Leipzig, 1881.

²¹⁴ Ливонский съезд в Вольмаре 27 января 1415 г. запретил ввоз английских сукон на Русь после 24 июня 1415 г. (HR, Abt. I, Bd. VI, № 164). Л. К. Гетц (указ. соч., стр. 284) пишет о постоянном преобладании среди английских сукон грубых под названием kirsey, названных так по деревушке Керси, где они изготовлялись. Более вероятно, что эти сукна были так же разнообразны, как и все остальные, тем более, что чаще всего подделывались под ипрские сукна. К 30-м годам XV в. относятся первые указания на фактический ввоз в Новгород английских сукон. В 1434 г. ревельский рат получил 360 рижских марок от продажи английских сукон в Новгороде, совершенной Гансом Сукове (LECUB, Abt. I, Bd. VIII, № 894, § 21, S. 535, 6/XI 1434). На

сукна, имитировавшие дорогие ипрские и другие фландрские сукна²¹⁵. Однако и в первой половине XV в. главным сортом английских сукон оставались *kirsey*²¹⁶, которые только к концу века уступили свое место более высококачественным²¹⁷.

Главной побудительной причиной протеста ливонских городов против торговли английскими сукнами было недовольство русских, которые, веря ярлыкам на сукнах, покупали английские за ипрские, а потом предъявляли претензии к ганзейским купцам²¹⁸.

Несмотря на первое запрещение, ввоз английских сукон продолжался, и в 1440 г. на съезде в Вольмаре ливонские города должны были пойти на уступки фактически существовавшей торговле. Ввоз английских сукон в Новгород запретили опять, но это было только формальное постановление, потому что одновременно разрешалась беспрепятственная торговля ими в ливонских городах, куда в этот период из Новгорода передвинулся центр торговли с русскими. Единственным условием этой торговли выдвигалось требование правильно складывать английские сукна и не выдавать их за другие²¹⁹.

Этим постановлением, как и целым рядом последующих, не закончилась борьба против проникновения английских сукон на Балтику. Рост производства сукон в Англии и постепенный упадок фландрской промышленности создавали благоприятные условия для медленного, но верного завоевания английскими сукнами этого далекого, но зато очень емкого рынка.

Вся вторая половина XV в. наполнена требованиями ганзейских купцов прекратить ввоз английских сукон в Прибалтику и Новгород²²⁰. Особенно больших успехов торговля английскими сукнами добилась в годы двухлетнего перерыва сношений Ганзы с Фландрией (1455—1457), так что даже в 1458 г. фландрские сукна, в противоположность английским, сбывались в Риге с трудом²²¹. Стремясь покончить с конкуренцией английских сукон, ливонские города в 1458 г. приняли еще более строгий запрет их ввоза, мотивируя свое решение плохим качеством и недостаточной длиной сукон из Англии²²².

переговорах в Новгороде в 1436 г. обсуждался спор ганзейского купца Керкринга с новгородцем Яковом Попонидом из-за двух английских сукон (там же, т. IX, № 80, § 23, стр. 44). О связях ливонского купечества с Англией см. М. Р. Lesnikov. Die livländische Kaufmannschaft..., S. 295 и а.

²¹⁵ LECUB, Abt. I, Bd. IV, № 1854, S. 744—745, письмо немецкого двора Ревелю и Дерпту около 1410 г. Может быть, именно с увеличением торговли английскими сукнами следует связать находку в Новгороде английской свинцовой пломбы 1350 г. — начала XV в. (В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1951 г. — «Советская археология», т. 18, 1953, стр. 384). Сходная печать из Новгорода издана Н. П. Лихачевым (Альбом, VII, 13). Эту точку зрения разделяют и авторы большого историографического обзора экономической истории Европы развитого средневековья на X конгрессе историков (M. Mollat, M. Postan, P. Johansen, A. Sapori, Ch. Verlinden. Указ. соч., стр. 927).

²¹⁶ HR, Abt. II, Bd. II, № 381, § 36, S. 282, 1426.

²¹⁷ W. Stieda. Über die Quellen..., S. 34—44; F. Bruns. Указ. соч., 1908, стр. 406. Уже в середине века ввозились белые вестские (*westeschen*) сукна (W. Stieda. Указ. соч., стр. 79. Письмо Г. Гендену из Риги Герману Коллеману в Любек 27 мая 1458 г.).

²¹⁸ HR, Abt. II, Bd. II, № 325, 1439; Bd. IV, № 63, § 16, S. 50, 1452.

²¹⁹ HR, Abt. II, Bd. II, № 329, § 11; № 334, № 354, § 8.

²²⁰ Съезд 4 мая 1450 г. в Пернау (HR, Abt. II, Bd. III, № 598, § 9); 2 марта 1452 г. в Любеке (HR, Abt. II, Bd. IV, № 63, § 16); 6 декабря 1453 г. в Любеке (там же, № 196, § 26).

²²¹ LECUB, Abt. I, Bd. XI, № 742.

²²² HR, Abt. II, Bd. IV, № 562, S. 416, 27/IX 1457; № 568, S. 420, 5/II 1458; № 757, § 9, S. 528—529, 4/III 1460. Съезд в Валке ссылался также на старинные привилегии ганзейцев и Брюггской конторы; эту же мотивировку повторил и съезд в Пернау 8 февраля 1461 г. (HR, Abt. II, Bd. V, № 60, § 1, S. 23).

В 60—70-х годах XV в. позиция купцов ливонских городов — Риги, Ревеля и Дерпа — переменялась. Уже в 1461 г. между ними не было прежнего единодушия в отношении торговли английскими сукнами²²³. В середине 60-х годов самыми активными противниками торговли английскими сукнами выступали все ганзейские города²²⁴. Особенно непримиримую позицию заняли купцы вендских городов — Гамбурга, Висмара, Любека, Лüneбурга, ввозивших в Ливонию не только фландрские сукна, но и ткани собственного изготовления, в связи с чем им особенно была страшна конкуренция английских сукон. Однако ливонские купцы в это время не торопились с окончательным запрещением торговли английскими сукнами. Зато торговля английскими сукнами была запрещена в Новгороде²²⁵. Такими же полумерами ограничивались и ганзейские купцы, подтвердившие свое запрещение подделывать английские сукна под ипрские²²⁶. Разрешение торговли английскими сукнами только в Нарве (согласно рецессу ганзейского съезда в 1476 г. в Любеке, после окончания англо-ганзейской войны) облегчило ввоз английских сукон в Новгород и Ливонию²²⁷.

В конце века торговля английскими сукнами и в ливонских городах и в Новгороде, по-видимому, значительно увеличилась. Во всяком случае в конце XV в. они выступают наряду с другими сортами сукон фландрского и голландского происхождения равноправным элементом ганзейского импорта в Прибалтику. В любекских таможенных книгах, вообще очень неполных, указан ввоз в Ревель английских сукон в следующих размерах: в 1492 г. — 4 лакена сукна и 4 терлинга, в 1494 г. — 3 лакена и 1 терлинг, в 1495 г. — 0,5 терлинга²²⁸.

Именно в это время в русских источниках впервые появляются названия английских сукон, точнее лондонских («лунские») ²²⁹. На Руси, как и во всех остальных странах Европы²³⁰, лондонские сукна начинают преобладать над всеми остальными сортами. Вероятно, в конце XV — начале XVI в. английские сукна поступали на Русь в основном через Литву²³¹.

²²³ Только Ревель настаивал на запрещении ввоза английских сукон (HR, Abt. II, Bd. V, № 38, S. 50, 15/VI 1461; № 70, S. 35, 26/II 1461; № 101, § 9, S. 55; № 121, § 4, S. 64).

²²⁴ На недостатки английских сукон жаловались купцы Ливонии, Венгрии, Польши, Богемии и Силезии (HUB, Bd. IX, № 149, 1464). В связи с этим ганзейский съезд в Гамбурге 9 октября 1465 г. запретил ввоз английских сукон, за исключением старых сортов *kirsey* и *stockbreyt*, при условии, если они не имитируют фландрские (HR, Abt. II, Bd. V, № 712, § 46, S. 500; № 744, § 6, S. 534).

²²⁵ HUB, Bd. IX, № 354, 378.

²²⁶ HR, Abt. II, Bd. VI, № 148; № 184, § 43, S. 153, 23/IV 1469; № 278, № 6, S. 256, 18/II 1470, № 356, № 7, S. 256, 18/II 1470; S. 325—326, 24/VIII 1470.

²²⁷ HUB, Bd. IX, № 352, S. 219, 21/III 1467 (жалобы немецкого двора на продажу в Новгороде английских сукон — *englische lakene*, подделанных под ипрские). В 90-х годах XV в. сами ревельцы сообщили немецкому двору в Новгороде о том, что разрешено ввозить английские сукна без существенных изъянов и не подделанные под ипрские. На корабле, направлявшемся в Ревель в 1469 г., было 121,5 лакена, 2 терлинга, 1 бочка (*droge tunne*) английских сукон (W. Stieda. Über die Quellen..., S. 30—44). Однако на этом корабле общий удельный вес их невелик (только 7% всех сукон).

²²⁸ F. Bruns. Указ. соч., 1907, стр. 481—482.

²²⁹ «Шуба лунская светлозелена» упоминается в духовной грамоте кн. Юлиании (ДДГ, № 87, стр. 350, около ноября 1503 г.).

²³⁰ Н. Аппапп. Указ. соч., стр. 22.

²³¹ Там эти сукна получили более широкое распространение, чем на Руси. Например, главную часть ордынщины, платившейся Смоленском, Витебском, Минском в 1501 г., составляли сукна махальские, новогонские, лунские (АЗР, т. I, № 193, 20/IX 1501 г.). Лунские сукна упоминаются и в росписи подарков крымским и заволжским ханам (АЗР, т. I, № 142, стр. 165, 8/VIII 1469 г.).

Особым спросом на Руси пользовались зеленые и красные английские сукна²³². К этому времени они уже успели приобрести здесь известность и ценились почти одинаково с ипрскими²³³. Как и последние, они часто входили в состав поминков, отправлявшихся русскими князьями в Крым²³⁴.

Сравнительно незначительную роль на русском рынке играли польские сукна, краткий период торговли которыми на Руси падает на 70—80-е годы XIV в.²³⁵ Ввозили их купцы Данцига и слуги Тевтонского ордена. Несмотря на краткий период бытования польских сукон на Руси, их ввоз принял заметные размеры, о чем свидетельствует резкий протест ливонских и ганзейских городов против ввоза этих сукон в Новгород. В 70—80-х годах XIV в. одним из основных вопросов всех ливонских и ганзейских съездов был вопрос о разрешении или запрещении торговли сукнами Тевтонскому ордену и прусским городам²³⁶.

Место производства польских сукон до сих пор еще не установлено²³⁷. Судя по их цене, можно предположить, что это были домотканые грубые сукна. Этому противоречит, однако, факт чрезвычайно широкого распространения этих сукон во всех соседних с Польшей странах²³⁸. Возможно, что под названием «польских» обращались ввозившиеся в Польшу через Данциг низкокачественные английские сукна.

IV

Нарисованная выше картина ввоза иностранных сукон позволяет, конечно, очень приблизительно, определить характерные особенности суконного рынка на Руси. Вопреки мнению М. П. Лесникова²³⁹, полагающего, будто в Новгород ввозили только дорогие сорта сукон, немецкие источники называют в составе ввоза на Русь через Новгород самые разнообразные по качеству сорта сукон. Сопоставление цен на сукна, к сожалению, большей частью известных лишь для западных рынков, приводит к тому же выводу²⁴⁰. Кроме того, эти данные, как бы ни были они

²³² Оттенок красных ипрских и английских (лунских) сукон в источниках различался: ипрские всегда называются червчатыми, а лунские — багровыми (Сб. РИО, т. 41, № 99, стр. 537—538).

²³³ Ганзейские послы в Москве в 1494 г. передали великому князю дары, главным образом в виде английских сукон — по два сукна от городов и столько же лично от себя (LECUB, Abt. II, Bd. I, № 31, S. 22).

²³⁴ Сб. РИО, т. 41, № 64, стр. 307, апрель 1500 г.; № 99, стр. 537—538, сентябрь-октябрь 1505 г.; т. 95, № 1, стр. 17, сентябрь 1508 г.; № 16, стр. 281, апрель 1516 г.; № 21, стр. 357, октябрь 1517 г.

²³⁵ Неправ А. И. Никитский, утверждавший, что польские сукна являлись постоянной статьей русского импорта (А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 161).

²³⁶ 26/III 1381 г. (HR, Abt. I, Bd. II, S. 329—330); 29/XI 1382 г. (там же, № 254, стр. 307); 4/X 1383 г. (там же, № 266, стр. 325); 24/IV 1384 г. (там же, № 276, стр. 336); 26/VII 1384 г. (там же, № 290, стр. 343); 24/VI 1385 г. (там же, № 306, стр. 362); 1/V 1386 г. (там же, т. III, № 206, стр. 201—202).

²³⁷ См. М. Маловист. Экономическое развитие феодальной Польши в XIV—XVII вв. — «Исторические записки», т. 53, стр. 200. Предполагаемые районы производства — Косцын, Вехова в Великой Польше, Познань и Краков в Малой. См. также А. Маззак. Sukienictwo wielkopolskie XIV i XVII wieku. Warszawa, 1955, стр. 200.

²³⁸ М. Маловист. Указ. соч., стр. 200—201. Польские сукна попадали в Чехию, Венгрию и даже Венецию и Констанцу.

²³⁹ М. П. Лесников. Нидерланды и Восточная Балтика..., стр. 456.

²⁴⁰ Все источники в один голос называют самым дорогим сортом сукон ипрские. В конце XIV в. по торговой книге гамбургского купца Гельдерсена 1 локоть ипрского сукна стоил 29—31,5 шиллинга (H. Niggelheim. Указ. соч., стр. LXX), по торговым книгам Тевтонского ордена в 1393 г. цена 1 локтя составляла 5 ливров 12 шиллингов 5 гротов (C. Sattler. Указ. соч., стр. 337). В Прибалтике в 1434 г. 1 локоть стоил 60 рижских марок (LECUB, Abt. I, Bd. VIII, № 819), в 1424 и 1435 гг. — 42 рижских

отрывочны, позволяют определить круг потребителей импортных сукон в Новгороде.

Вопрос о ценах на различные сорта сукон попутно с другими вопросами затрагивался в ряде специальных исследований. Однако состояние цен в Новгороде еще не изучалось. Этому вопросу касался только М. П. Лесников в связи с рассмотрением торговой деятельности Фекингусенов. Делая вывод о сравнительно невысокой цене сукна в Новгороде на основании одной только сделки Фекингусена, обменявшего 1 локоть ипрского сукна на 500 шкурок белки сорта шеневек²⁴¹, нуждается в уточнении и привлечении дополнительного материала. М. П. Лесников не поставил вопроса о том, какую ценность представляли в Новгороде конца XV в. 500 шкурок белки одного из лучших сортов.

Сопоставление цен на сукно с ценами на отдельные земельные участки²⁴² приблизительно этого же времени приводит к выводу о чрезвычайно высокой цене ипрских сукон.

Спасский Верендовский монастырь купил пожню и лес у Прокопия

марки (HR, Abt. II, Bd. I, № 289, S. 186—187; LECUB, Abt. I, Bd. VIII, № 894, § 4). В той же цене был и скорлат. В конце XIV в. 1 локоть его стоил 26 шиллингов (H. Niggelheim. Указ. соч., стр. LXIX—LXX). Несколько дешевле были брюгские, томасские, валансьенские, коменские сукна. Брюгские в середине XIV в. стоили от 13 до 18 любекских марок (C. Mollwo. Указ. соч., ч. II, § 48, 49, 76, 84, 191, 195, 259, 261, 271), в конце XIV в. — 16—24 люб. марки (H. Niggelheim. Указ. соч., стр. LXIX—LXX), в конце XV в. — 32 люб. марки (Fr. Bruns. Указ. соч., 1908, стр. 397—398). Томасские сукна в конце XIV — начале XV в. стоили 42—46 шиллингов (М. П. Лесников. Нидерланды и Восточная Балтика..., стр. 456; Cl. Nordmann. Указ. соч., стр. 124, 1409 г., W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen, № 153, S. 172—173, 1417), в 1458 г. — 20 ревельских марок (LECUB, Abt. I, Bd. XI, № 743, 753). Цена валансьенских сукон колебалась от 10 марок 12 шиллингов в середине XIV в. (C. Mollwo. Указ. соч., ч. II, § 22), 5 прусских марок в 1379 г. (K. Forstreuter. Указ. соч., стр. 26) до 18 шиллингов в 1404 г. (М. П. Лесников. Нидерланды и Восточная Балтика..., стр. 456). Еще дешевле были поперингские сукна: они стоили во Фландрии 15 люб. марок 2 шиллинга в середине XIV в. (C. Mollwo. Указ. соч., ч. II, § 22, 23, 194, 223), в Пруссии в это же время — 4 марки без 5 скотов (K. Forstreuter. Указ. соч., стр. 23), в Прибалтике весной 1413 г. — 10,5 рижских марок (W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen, № 91, S. 109) и в конце XV в. — 15 люб. марок (Fr. Bruns. Указ. соч., 1908, стр. 397—398). Приблизительно в той же цене стояли каарденские сукна, стоившие 11 рижских марок в 1458 г. (LECUB, Abt. I, Bd. XI, № 743, 753) и 7 люб. марок в конце XV в. (Fr. Bruns. Указ. соч., 1908, стр. 397), лейденские — 22 рижские марки (там же) и 15 люб. марок в конце XV в., амстердамские — 15 рижских марок в конце 1434 г. (LECUB, Abt. I, Bd. VIII, № 851) и 18 рижских марок в 1458 г. (LECUB, Abt. I, Bd. XI, № 743, 753). Самыми дешевыми из фландрских сукон были вервикские, стоившие в середине XIV в. 6 марок (K. Forstreuter. Указ. соч., стр. 22), в конце XIV в. — 6,5—7 люб. марок (H. Niggelheim. Указ. соч., стр. LXIX); ньювкеркенские, стоившие в конце XIV в. 9 люб. марок (там же), в середине XV в. — 10 рев. марок без 1 шиллинга (LECUB, Abt. I, Bd. X, № 337, 1447); кортрикские в середине XIV в. — 7 люб. марок 8 шиллингов (C. Mollwo. Указ. соч., ч. II, § 49). Немецкие сукна были самыми дешевыми из всех сукон, цены которых известны. Висмарское сукно стоило в начале XV в. 3 рижских марки 2—4 шиллинга (W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen, № 15, S. 15—16, 1406), в конце XV в. — 4,8 люб. марки (Fr. Bruns. Указ. соч., 1908, стр. 397); ростокское — 4 люб. марки; любекское — 5—6 люб. марок в конце XV в. (Fr. Bruns. Указ. соч., 1908, стр. 397). К сожалению, совершенно неизвестны цены английских и польских сукон. Лишь в самом конце XV в. в любекских таможенных книгах встречаем цену дорогого английского сукна (30 люб. марок — Fr. Bruns. Указ. соч., 1908, стр. 398).

²⁴¹ М. П. Лесников. Нидерланды и Восточная Балтика..., стр. 456.

²⁴² При сопоставлении цен условно полагаем 1 руб. = 100 белкам. Впервые это указано в купчей Михайловского монастыря конца XIV — начала XV в.: «а по сту белки за рубль» (ГВНП, № 123). По-видимому, то же соотношение сохранилось и в XV—XVI вв. Во всяком случае в конце XVI в. равенство 100 белок 1 рублю подтверждается несколькими свидетельствами. В грамоте пелымскому воеводе 1596 г., где речь шла о недособранных с Большой Конды за 1587—1594 гг., 41415 белках, специально указывалось: «а сто белок по нашему указу положено против рубля, и того всего денгами 414 рублей 5 алтын» (РИБ, т. II, стр. 124). 1 белка соответствовала 1 деньге

Ивановича за 2 рубля²⁴³, Михайловский Архангельский монастырь — половину села у Гаврилы Носова за 7 руб. и 70 белок (т. е. 770 белок)²⁴⁴, тот же монастырь купил землю и пожни у Микулы Сидорова на Икшине за 140 белок и овцу²⁴⁵, у Семена и Ивана Григорьевых детей — $\frac{2}{3}$ села за 3 рубля и овцу²⁴⁶ и т. д.

Другие данные о высокой цене ипрского сукна соответствуют вышеизложенным. В 1476 г. один постав ипрского сукна стоил в Новгороде 30 руб.²⁴⁷, в 1489 г., — по-видимому, около 12 руб.²⁴⁸; это были самые дорогие из всех импортных сукон. Первые из них шли в качестве даров великому князю во время его пребывания в Новгороде, вторые ганзейские послы везли ему же в Москву. Очевидно, таким образом, что ипрские сукна были доступны лишь самым крупным феодалам и купцам²⁴⁹.

Несколько иначе обстояло дело с другими сортами сукон, круг потребителей которых был гораздо шире. Соотношение цен различных сукон в Новгороде соответствовало, с известными колебаниями, их соотношению во Фландрии и Прибалтике²⁵⁰. Несмотря на очень большой разрыв цен отдельных сортов сукон, даже более дешевые сорта их оставались доступными, насколько об этом можно судить по письменным источникам, только феодальной и купеческой верхушке Новгорода и других русских городов и земель, куда сукна поступали из Новгорода.

Новгородский тиун получал от Иванского ста томасское сукно среднего качества²⁵¹, а отдельные сорта поперингских сукон фигурировали в

стоденежного рубля по духовной 1430 г. (где за 3 рубля без 2 гривен давалось 7 со- роков белок) и по записи о ржевской дани 1479 г. (3 белки или 3 деньги) (И. И. Срез- нецкий. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, вып. 2. СПб., 1867—1881, стр. 94). Заемная кабала киевского митрополита Киприана и ростов- ского архиепископа Федора на 1000 новгородских старых рублей в Царьграде пре- лусматривала: «Белки добрыя тысячу по пяти рублей, якоже установлено и съглаше- но бысть ее промежи нас» (АИ, т. I, № 252, стр. 273, 8/IX 1389 г.). Впрочем, иногда приведенное соотношение нарушалось. В 1580 г., например, «купил Яким два бобра, дал рубль восемь денег, да купил сто бел, дал двадцать алтын» (Архив ЛОИИ, книги приходо-расходные Антониево-Сийского монастыря, № 1, л. 109); в данном случае 100 белок = 20 алтынам.

²⁴³ ГВНП, № 108, стр. 164—165, 1389—1415 гг.

²⁴⁴ Там же, № 123, стр. 182, конец XIV — начало XV в.

²⁴⁵ Там же, № 124, стр. 183, конец XIV — начало XV в.

²⁴⁶ Там же, № 125, стр. 183, конец XIV — начало XV в.

²⁴⁷ Новгородские летописи, стр. 54—55.

²⁴⁸ HUB, Bd. XI, № 279, § 5, S. 205 (§ 5. It dem grotforsten geschenket ter gyfte 2 Ypersche laken, 1 lassur, 1 lichtgron, stonden to Nouwerden gekoft 12 stucke 1 groten ferding).

²⁴⁹ Недаром ипрские сукна оказались в составе платежей купеческого объедине- ния — Иванского ста («Памятники русского права», вып. 2, стр. 176).

²⁵⁰ Известна новгородская цена поперингских сукон. В 1489 г. два куска светло- голубого поперингского сукна стоили $3\frac{1}{2}$ рубля (HUB, Bd. XI, № 279, § 5, S. 205). Таким образом, поперингские сукна стоили по крайней мере в пять раз дешевле само- го дешевого из известных нам ипрских. Рузский князь Иван Борисович в 1503 г. за- писал в своей духовной: «Дати ми Вепрю ж три рубли да четыре алтына за четыре сукна» (ДДГ, № 88, стр. 351). В Каффе в 1500 г. три сукна продавались за 21 рубль (Сб. РИО, т. 41, стр. 299). Если возможно сравнивать их с новгородскими ценами на ипрское сукно, то окажется, что эти не названные по месту производства сукна стоили в четыре раза дешевле ипрских, даже несмотря на накладные расходы по доставке товара. Случайные данные о непосредственном обмене сукна на другие товары немно- гим расширяют наши представления о ценах. В 1417 г. 1 лакен томасского сукна приравнялся к 1000 воска, т. е. к 2 берковцам или шифсфунтам (W. Stieda. Hildebrand Veckinhusen, № 153, S. 172—173). Возможно, впрочем, что цены 1417 г. не могут считаться показательными из-за затруднений торговли в связи с неблагоприят- ной внешней обстановкой. Тем не менее разница с ценами 1432 г. очень велика. В этом году 1000 воска обменивалась на 17 нордхузских лакенов (HUB, Bd. VI, № 1010, S. 563—564, 6/IV 1432).

²⁵¹ «Памятники русского права», вып. 2, стр. 184.

составе даров ганзейских послов приближенным вел. князя в 1489 г.²⁵²

Однако умолчание письменных источников о потребителях дешевых сукон не может служить доказательством того, что широкие слои город- ского населения не покупали импортных сукон.

В ганзейской историографии уже давно ведется очень важный для понимания всей средневековой торговли спор о характере торговли сук- нами и об участии в ней различных слоев населения. Ряд исследователей, исходя из данных о ценах на сукно и, самое главное, из данных о размерах суконной торговли, считает, что экспортировавшиеся из Фландрии и Англии сукна предназначались для массового сбыта не только среди феодал- лов и городского патрициата, но и среди ремесленников. Эту точку зрения разделял Фр. Рериг²⁵³, к ней присоединился исследователь торговой деятельности Тевтонского ордена в конце XIV в. Ф. Ренкен²⁵⁴. Изучая импорт Ганзы в Ревель в 30-х годах XV в., к тому же выводу пришли К. Засс²⁵⁵ и советский исследователь М. П. Лесников²⁵⁶.

К прямо противоположным выводам на основании изучения торговых книг ревельских купцов, поддерживавших обширную торговлю с Ганзой, пришел Г. Миквитц²⁵⁷. Его мнение представляет тем больший интерес, что он изучал торговлю в более поздний период, примерно с XVI в., когда смена дорогих сукон дешевыми приняла массовый характер.

Г. Миквитц без колебаний исключил из числа потребителей сукон все крестьянское и ремесленное население Эстонии. Он считает, что употребле- ние импортных тканей населением Эстонии первой половины XVI в. было совершенно ничтожно и они оставались предметом роскоши, доступным лишь высшим сословиями.

К сожалению, мы не располагаем материалами, на основе которых можно было бы решить этот вопрос окончательно.

Немногочисленные находки импортных тканей во время археологиче- ских работ на Неревском конце в Новгороде, казалось бы, свидетельству- ют о том, что эти ткани были доступны и городским ремесленникам. Точ- ное определение места находок сукон (на мостовой или в пределах усадь- бы ремесленника или феодала) было бы полезно для решения вопроса о потребителях дешевых сукон в Новгороде. Задачу дальнейшего изучения составляет исследование конкретного экономического положения город- ских ремесленников, их жизненного уровня и покупательной способности, сопоставления цен на сукна с ценами на жизненно необходимые предметы.

Наряду с сукнами в Новгороде при посредстве Ганзы поставлялись и другие ткани, в частности полотно. Хотя переработка льна производилась крестьянами Новгородской, как и других русских земель, являясь одним из важных домашних промыслов (тем более, что Новгородская земля была районом развитого льноводства, а в конце XV в. крупные вотчин- ники, как, например, Марфа Борецкая, пытались организовать ее у себя²⁵⁸), ввоз полотна наблюдался на протяжении и XIV и XV вв.²⁵⁹

²⁵² HUB, Bd. XI, № 279, § 5, S. 205.

²⁵³ Fr. Rörig. Mittelalterliche Weltwirtschaft. Jena, 1935, S. 46.

²⁵⁴ F. Renken. Указ. соч., стр. 132.

²⁵⁵ K. H. Sass. Hansischer Einfuhrhandel in Reval um 1430. Marburg, 1955, S. 84.

²⁵⁶ М. П. Лесников. Нидерланды и Восточная Балтика..., стр. 456.

²⁵⁷ G. Mickwitz. Aus Revaler Handelsbüchern. Helsingfors, 1938, S. 58—59. G. Mickwitz. Luxus- oder Massenwaren im spätmittelalterlichen Tuchfernhandel.— «Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. XXXV, S. 245—250.

²⁵⁸ См. А. П. Шурьгина. Указ. соч., стр. 45—47.

²⁵⁹ Ввоз полотна не прекратился и в XVI в. Русская торговая книга среди импорт- ных товаров указывает и полотно. Рафаэль Барберини в «Записке о вещах, которые надобно послать в Москву», рекомендует отправлять туда и полотно (В. Любич- Романович. Указ. соч., стр. 58).

Этому способствовал спрос в среде новгородских феодалов на высококачественное голландское полотно.

Ввоз льняного полотна в Новгород начался уже в конце XIII — начале XIV в.²⁶⁰ На протяжении XIV в. абсолютные размеры его не изменились, но зато резко сократился его удельный вес в общей массе ганзейского импорта в Новгород. Однако на протяжении всего XIV в. скры уделяют внимание порядку торговли полотном²⁶¹. Ввоз его продолжался и в XV в.²⁶², но в значительно меньших размерах, чем раньше. Хотя за XV в. мы располагаем очень скудными данными о торговле полотном, есть основания предполагать, что основная масса ввозимого полотна предназначалась для Новгорода, тем более, что и в XVI—XVII вв. ввоз полотна не прекратился.

Главным поставщиком льняного полотна на русский рынок были центры льноткацкого дела в Северной и Восточной Германии²⁶³, Мюнстер в Вестфалии²⁶⁴, Перлеберг и Кюриц в Брауншвейге, где переработка льна приняла лишь отчасти ремесленный характер, а в основном оставалась в руках крестьян²⁶⁵, Ульм, Деннеберг в Ганновере, Кельн, Геттинген²⁶⁶, Любек²⁶⁷. Некоторые исследователи полагают, что в экспорте полотна на Русь участвовали и французские города, в частности Реймс²⁶⁸.

Главным же поставщиком полотна был Мюнстер, вывозивший его за границу в огромных количествах. Это неоспоримо доказывает и состав товаров корабля, утонувшего на пути к Ревелю в 1469 г.²⁶⁹: здесь и фламандское полотно, и голландское (из Наардена), и *ülzener* (Ганновер), и любекское, и *kogeler* (голубое полотно, изготовлявшееся в Кельне небольшими кусками)²⁷⁰, и *rechlink* (грубое полотно из Шлезвига²⁷¹, иначе называемое *hetlaken*, *heiden rolls*). Однако мюнстерского полотна на этом корабле было больше всех остальных вместе взятых. В 1368—1369 гг. в Ригу было ввезено 5 рулонов полотна и, кроме того, еще на 20½ любекских марок; в Ревель — 1½ рулона и еще на 210 любекских марок. В 1494 г. в Ригу была ввезена одна небольшая бочка полотна, а в Ревель — три небольшие кипы²⁷².

Реэкспортная торговля занимала сравнительно небольшое место в общей системе торговли Новгорода. Обычное представление о Новгороде

²⁶⁰ См. LECUB, Abt. I. Bd. I, № 595, 596, 750; HUB, Bd. I, № 1354, 1355 г.

²⁶¹ Вторая редакция скры требует правильно складывать его, четвертая предписывает продавать не меньше чем по 5 гереп (локтей). Она предусматривает также и порядок его хранения: днем — в гриднице, ночью — в церкви (W. Schlüter. Указ. соч., ред. II, § 62; ред. IV, § 33; ред. IV, § 46, 5, 9).

²⁶² HUB, Bd. IX, № 206, 1466; № 558, 1466; LECUB, Bd. I, № 507, 1430. Закупки в Риге льна, конопля в обмен на 100 локтей полотна (*herpen lenewandes*) из Любека (K. H. S. S. S. Указ. соч., стр. 85).

²⁶³ G. Aubin und A. Kunze. *Leinenerzeugung und Leinenabsatz im östlichen Mitteldeutschland zur Zeit der Zunftkäufe*. Stuttgart, 1940, S. 2—3.

²⁶⁴ H. Seegher. *Westfalens Handel und Gewerbe vom 9—14. Jahrhundert*. Berlin, 1926, S. 70 ff.

²⁶⁵ H. Hohls. Указ. соч., стр. 136.

²⁶⁶ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Указ. соч., стр. 88; H. Hohls. Указ. соч., стр. 125, 127, 132—133, 135.

²⁶⁷ W. Stieda. *Hildebrand Veckinhusen*, № 15, S. 14, В 1405 г. в Ревель было привезено 2155 локтей.

²⁶⁸ H. Ammann. Указ. соч., стр. 16.

²⁶⁹ W. Stieda. *Über die Quellen*., S. 33—45.

²⁷⁰ H. Hohls. Указ. соч., стр. 135.

²⁷¹ H. Hohls. Указ. соч., стр. 138.

²⁷² Fr. Bruns. Указ. соч., 1907, стр. 481—482; 1908, стр. 399—400; G. Lechner. Указ. соч., стр. 86—88, 90, 132—133, 135, 188—189, 272—273.

как посреднике торговли между Западом и Востоком²⁷³ источниками, относящимися к западной торговле Новгорода, не подтверждается. Ни пряности, ни другие товары восточного происхождения из Новгорода не вывозились. Наоборот, и перец, и имбирь, и изюм вывозятся из Любека и других западноевропейских городов на восток²⁷⁴. Так же не знает вывоза восточных товаров в Западную Европу и источник XVI в. — Торговая книга, хотя она же сообщает о привозе их с запада²⁷⁵.

Единственное исключение из общей массы восточных товаров составляет шелк, который несколько раз фигурирует в качестве товара, вывозимого из Новгорода. Самое раннее упоминание о вывозе шелка из Новгорода относится к середине XIV в.²⁷⁶ Лиггеры Тевтонского ордена привозили из Новгорода не только воск и меха, но и шелк, правда, в небольших количествах — от 1 до 5 бочек, в каждом из которых находилось по одному рулону (*bale*) весом от 130 до 1047 фунтов. Продавали его в Дордрехте или в Брюгге, где шелк быстро находил сбыт. Порядок торговли этим товаром был одинаков с Русью — и там и тут его продавали на вес, причем цена за один фунт колебалась от 5 до 7 шиллингов. В Брюгге фунт шелка стоил в 1391 г. 7 шиллингов 3 грота, в 1392 г. — 6 шиллингов 6 гротов, в 1394 г. — 6 шиллингов, в 1395 г. — 5 шиллингов 9 гротов²⁷⁷. К сожалению, нельзя сопоставить цену шелка и западных тканей, поскольку шелк продавался по весу, а ткань — по длине.

Попытки Ордена вывозить на запад камку восточного происхождения были неудачны. В течение четырех лет (1391—1395) фландрский лиггер не мог продать ни в Дордрехте, ни в Брюгге небольшое количество камки (6 узких и 2 широких куска)²⁷⁸. В groscheferей в Кенигсберге Орден в 1400 г. имел 8 кусков шелковой камки, 1 кусок атласа, 3 тафты и 2 куска ткани, названной *zendeling*²⁷⁹. Все эти ткани привозились в Кенигсберг из Новгорода. Герман Хюксер привез оттуда еще 3 куска шелковой камки («3 *seydenpe kamtechyn*» и «5 *sendelinge*»)²⁸⁰. Последнюю, вероятно, можно отождествить с *зенденем* новгородских берестяных грамот, о котором речь шла выше. Изредка появлялись в Кенигсберге атлас²⁸¹ и бархат²⁸².

Главным экспортером восточных тканей из Новгорода выступает Тевтонский орден, чья торговля шелком нашла даже отражение в рецессе прусских городов от 1402 г.²⁸³

Ревельские и рижские купцы редко занимались экспортом восточных тканей, не вывозили они, за исключением двух-трех случаев²⁸⁴, даже шелка, пользовавшегося на Западе большим спросом.

²⁷³ Последний раз такое мнение о Новгороде было высказано М. П. Лесниковым в цитированной статье «Нидерланды и Восточная Балтика начала XV в.», стр. 454.

²⁷⁴ Fr. Bruns. Указ. соч., стр. 404; G. Lechner. Указ. соч., 91, 98, 99 и др.

²⁷⁵ И. Н. Шмелева. Русская торговая книга XVI в. Л., 1948 (рукопись кандидатской диссертации), стр. 63, 86, 87.

²⁷⁶ K. Forstreuter. *Die ältesten Handelsrechnungen des Deutschen Ordens in Preußen*. — H. Gbl., Jg. 74, 1956, S. 24. В самых ранних торговых записях Тевтонского ордена под 1356 г. (после 6 октября) значится, что лиггер Ордена в Брюгге имел там партию мехов и китайский шелк (*cathayci serici*).

²⁷⁷ C. Sattler. Указ. соч., стр. 321, 326, 344 и сл.

²⁷⁸ Там же, стр. 321, 334, 344, 351—352, 370.

²⁷⁹ Там же, стр. 103.

²⁸⁰ Там же, стр. 188.

²⁸¹ Там же, стр. 186.

²⁸² Там же, В 1404 г. Штибор (*Stibor*) из Венгрии отдал в залог 855 локтей бархата.

²⁸³ HR, Abt. I, Bd. V, № 59, § 4, 30/I 1402.

²⁸⁴ Первый случай вывоза шелка из Новгорода ревельским купцом относится к 1478 г. В этом году хороший шелк (*gude syde*) должен был быть обменен на рожь

* * *

Итак, в течение XIV и XV вв. в Новгород ввозились сукна самых разнообразных сортов. Наряду с дорогими на Русь постоянно ввозились и дешевые, грубые сукна домашнего производства. Для всех сортов условия сбыта оказывались чрезвычайно благоприятными. Уже в конце XIII и в XIV в. наблюдается ввоз как самых дорогих сортов сукна — скорлата и ипрского, так и самого грубого сукна, производившегося, вероятно, в Германии — ватмала. Поступают в это время на Русь и сукна среднего качества — лангемаркские, поперингские, диксмюйденские, аахенские, кельнские. В количественном отношении, по-видимому, именно эта группа сукон была преобладающей. Мнение Г. Аммана о преобладании в этот период дорогих сортов ипрского сукна на всех европейских рынках, в том числе и Новгорода²⁸⁵, материалом наших источников не подтверждается. Возможно, что уже в этот период происходил вывоз сукон из Брюгге, Сент-Омера, Мехельна²⁸⁶.

В течение всего XV в. торговля сукнами сохраняет указанный характер. В то же время значительно расширяется ассортимент ввозимых на Русь сукон, главным образом за счет сукон среднего качества. На первое место выходят поперингские, томасские и валансьенские сукна. Из дорогих сукон, как и раньше, преобладают ипрские. Продолжается ввоз и низкокачественных сукон. Показателем огромного спроса Новгорода и на эти сукна является успех грубых «польских» сукон, успех, правда, кратковременный, что, однако, зависело не от Новгорода. Хорошим спросом на Руси пользовалась также продукция прусского сукноделия. В середине XIV в., хотя и в очень незначительном количестве, появились английские сукна.

В конце XIV — начале XV в. в Новгороде продавалась продукция почти всех центров фландрского и голландского сукноделия, особенно многочисленных новых центров сельской промышленности — Коммина, Вервика, Варнетона, Ньиувкерке, которая в XV в. занимала большое место на русском рынке. Ипрские сукна, как и прежде, сохраняли свою марку самых лучших сукон. Место Аахена и Кельна в экспорте грубых сукон в Новгород заняли вендские города. И в XV в. больше всего ввозится сукон среднего качества: удельный вес дорогих сукон невелик²⁸⁷.

Преобладание фландрских и особенно поперингских сукон сохранилось и в XV в., хотя в самом конце века на ливонском и новгородском рынках большую роль стали играть голландские сукна, прежде всего из Наардена, а также различные сорта немецких.

Увеличение ввоза сукон в Новгород в XIV — XV вв. служит верным показателем расширения экономических связей Новгорода со странами всей Европы, с одной стороны, и укрепления его связей с другими русскими землями — с другой. Большинство сукон предназначалось не для самого Новгорода, а для других русских земель. Новгород был в течение всего изучаемого времени главным транзитным центром, откуда сукна расходились по всей Руси. Хотя особенно много свидетельств сохранилось о дорогих сукнах, употреблявшихся крупными феодалами, однако наряду

(HR, Abt. III, Bd. I, № 2, § 6). В 1492 г. из Риги в Любек было вывезено небольшое количество шелка, принадлежавшего русским (Ф. В г и п с. Указ. соч., 1908, стр. 369). Экспорт камки нашел отражение и в русских источниках: новгородец Кузьма Ларивонович до 1439 г. продал «соболи, и троничь, и камъки» (ГВНП, № 69, стр. 114).

²⁸⁵ Н. А м м а н н. Указ. соч., стр. 33.

²⁸⁶ Там же, стр. 34.

²⁸⁷ W. Stieda. Über die Quellen..., S. 33—45. Дорогие ипрские — 49 ламенов, дорогие разрезанные (snitlakene) — 11 ламенов и 3 терлинга, всего 6%.

с ними из Новгорода, бесспорно, вывозились и другие, более дешевые сорта. Весьма возможно, что через Новгород вплоть до последних десятилетий XV в. поступали сукна, отправлявшиеся русскими князьями и купцами на юг, в Крым.

Преобладание в русском импорте сукон среднего качества показывает, что сукна были не только предметом роскоши, доступным лишь для самых богатых бояр и князей, но вошли в быт всей феодально-купеческой верхушки Новгорода.

Вместе с сукнами в Новгород ввозилось и полотно, особенно в первой половине XIV в.; к концу XV в. ввоз полотна почти прекратился.

Новгород экспортировал на Запад ткани восточного производства — главным образом шелк. Однако реэкспортная торговля Новгорода в этот период была довольно ограничена и экспорт восточных тканей происходил лишь эпизодически.

А. М. АНФИМОВ

ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО В РОССИИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Одной из важных народнохозяйственных задач любой страны является сохранение необходимого количества лесных площадей в общей массе земель и их рациональное размещение.

Царская Россия обладала огромными лесными площадями. Но размещение их было таково, что требовались решительные меры для сохранения лесов в одних районах и для искусственного лесоразведения в других. Намечившееся еще в последние десятилетия XIX в. перемещение неурожаев и связанных с ними голодовок миллионов крестьян с севера Европейской России на юго-восток, захвативших затем и центрально-черноземные области, прямо указывало на неотложность этих мер. Однако осуществление их, если и было бы в достаточной степени оценено, встречало непреодолимое препятствие в частной собственности на лесные угодья.

Частная собственность на леса существовала и в других странах и, подчиненная законам капиталистического хозяйства, служила и служит средством эксплуатации трудящихся. При всем этом в странах Западной Европы лесопользование было в известной мере приспособлено к нуждам сельскохозяйственного производства. В России же леса в районах развитого земледелия принадлежали главным образом крупным помещикам, владельцам полукрепостнических латифундий.

В связи с этим представляет несомненный интерес положение помещичьего лесного хозяйства, особенно в десятилетия, предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции. Между тем этот вопрос еще не привлек внимания советских историков, и значение Октябрьской революции, спасшей русские леса от истребления, оставалось в этом отношении нераскрытым.

В недавно изданной Институтом леса АН СССР работе М. А. Цветкова¹ систематизирована значительная часть опубликованных статистико-экономических сведений об изменении лесистости на территории СССР с конца XVIII в. до первой мировой войны. Признавая ценность такой систематизации, мы не можем согласиться с выводом автора о том, что в XX в. темпы истребления лесов в России замедлились по сравнению с предшествовавшим пореформенным периодом². Автор объясняет это тем,

¹ М. А. Цветков. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957.

² Там же, стр. 54.

что помещение капитала в лесную промышленность стало менее выгодным, чем в другие отрасли промышленности, хотя сравнительных данных о прибылях в книге не приводится.

Настоящее сообщение написано до выхода в свет работы М. А. Цветкова, и наши выводы сложились, следовательно, совершенно независимо от результатов его исследования. Поэтому автор предпочитает ничего не изменять ни в выборе источников, ни в трактовке их данных, предоставляя читателю свободно судить о правильности выводов, касающихся темпов истребления лесов в России в конце XIX — начале XX в.

Изучение помещичьего лесного хозяйства связано со значительными трудностями. Статистика лесовладения в России была крайне несовершенной, и определить сколько-нибудь точное размещение частновладельческих лесных площадей представляется делом нелегким. Более или менее точные данные о структуре земельных угодий по Европейской России имеются лишь для 1887 г. Таблица 1, составленная по данным поземельной переписи 1887 г., дает представление об этой структуре³.

Таблица 1

Распределение земель по угодьям в Европейской России в 1887 г.

Угодья	Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губ.		Остальные части нечерноземной полосы		Черноземная полоса		Итого	
	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%
Пашотные	9253,7	5,9	16346,6	21,4	68236,3	57,8	93836,5	27,2
Сенокосы и пастбища	6257,7	4,1	10857,5	14,3	16287,7	13,8	33402,9	9,7
Лесные	87237,4	58,0	34560,9	45,3	19890,0	16,9	141688,3	41,0
Прочие удобные	4759,0	3,2	4265,4	5,6	5271,0	4,5	14295,4	4,2
Неудобные	43387,1	28,8	10249,8	13,4	8299,4	7,0	61936,3	17,9
Итого:	150894,9	100,0	76280,2	100,0	117984,4	100,0	345159,4	100,0

Как показывает таблица, значительные лесные площади были расположены на севере Европейской России, где они составляли 58% всей территории. Остальные районы нечерноземной полосы также располагали большими площадями лесов (45,3%), хотя в ряде губерний процент лесных площадей был значительно ниже. Черноземная полоса имела явно недостаточную долю лесов на своей территории — всего 16,9%, и сохранение их было делом первостепенной важности для развития сельского хозяйства. Это становится особенно ясным, если рассмотреть отношение лесной площади к пашотной. Если в северных губерниях площадь лесов в 9,4 раза превышала площадь пашни, а в остальной части нечерноземной полосы — в 2,1 раза, то в черноземной полосе леса составляли лишь 22,6% общей площади пашни и лесов. При этом вследствие неравномерности распределения лесов по черноземным губерниям многие из них были в еще более невыгодном положении, особенно губернии Юга и Юго-Востока.

³ «Сельское хозяйство России в XX веке (сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг.)», М., 1923, стр. 77.

Но дело даже не в этих числовых соотношениях. Дело в том, что, как указано выше, леса наиболее населенных мест Европейской России принадлежали почти исключительно помещикам или другим крупным владельцам. Крестьяне имели до 10 млн. дес. лесных площадей, но они располагались преимущественно в северных районах. Крестьяне же средней и южной полос Европейской России, пользовавшиеся до 1861 г. лесами вместе с помещиками, в результате реформы были почти совершенно лишены лесных угодий, что поставило их в тяжелую зависимость от помещиков-лесовладельцев. Это обстоятельство имело для помещиков и помещичьего хозяйства исключительно большое значение. Используя к своей выгоде владение лесами, так же как и другими угодьями, помещики имели огромные возможности для закабаления окрестных крестьян.

Особенно большую роль сыграли русские леса для поддержания помещичьего хозяйства в тяжелые для него годы сельскохозяйственного кризиса, поразившего Россию вслед за Западной Европой в 80-х годах XIX в. и продолжавшегося до середины 90-х годов, сменившись длительным состоянием своеобразной депрессии. Хозяйственные трудности, которые принес с собой кризис, помещики смогли пережить главным образом за счет леса, цены на который продолжали подниматься. Если уже трудности перестройки хозяйства после реформы 1861 г. потребовали от помещиков усиленного расхода лесных запасов, то годы сельскохозяйственного кризиса ознакомили начало форсированного истребления лесов.

По колоритному признанию помещичьего журнала «Русский вестник», писавшего о настроениях помещиков в связи с резким падением хлебных цен в начале 1890-х годов, «хозяева потеряли всякую энергию, всякую надежду на лучшее будущее. На их глазах совершается не кризис, а провал сельского хозяйства в средней полосе России и далее, вплоть до Уральского хребта и среднеазиатских степей. Не будь леса у бережливых хозяев, едва ли хоть одно имение уцелело бы от залога. Лес еще дает средства к жизни в относительно густо населенных местностях, так как цены на него в последние годы быстро возвышаются»⁴.

Правда, уже в то время были хозяева, которые предвидели более высокие доходы от лесов и принимали некоторые меры к улучшению лесопользования. Мы располагаем несколькими описаниями частновладельческих лесных хозяйств, где на общем фоне безудержного лесоразрушения лесное хозяйство представляется сравнительно упорядоченным.

Одно из таких хозяйств — лесное хозяйство в имениях Гуты и Тростянец Л. Е. Кениг (Харьковская губ.). К концу XIX в. лесная площадь имения составляла 16,8 тыс. дес., из которых под лесом было 15,1 тыс. дес. Уже в 80-х годах владелец отказался от краткосрочных оборотов рубки и установил в одних дачах 80-летний, в других — 100-летний оборот рубки⁵. Владелец прекратил сдачу рубок незаинтересованным в лесовозобновлении лесопромышленникам и вел разработки исключительно собственными средствами, обеспечивая нормальное естественное лесовозобновление. Принимались меры и к искусственному лесоразведению на вырубках, причем размер этих работ быстро нарастал. В первое десятилетие засаживалось в среднем 17 дес. в год, во втором — 110 дес. и в третьем — 215—220 дес. в год⁶. Наблюдение за лесным хозяйством было поручено крупному специалисту лесного дела проф. М. М. Орлову.

⁴ «Русский вестник», 1896, т. 243, кн. IV, стр. 293.

⁵ М. М. Орлов. Лесное хозяйство в харьковских имениях Л. Е. Кениг-Наследники. СПб., 1913, стр. 2, 10.

⁶ Там же, стр. 6.

Однако и в этом имении неизбежно проглядывали отрицательные черты, свойственные капиталистическому способу ведения хозяйства. Именно Кениг в расчете на наибольшие прибыли в будущем положил начало планомерному сведению дубовых лесонасаждений в этой части Харьковской губ. Несмотря на то, что прекрасные дубовые рощи занимали до 60% всей лесной площади имений, Кениг и его наследники систематически вытесняли дуб хвойными породами.

Были в числе помещиков и немногие любители-лесоводы, сочетавшие любовь к лесу со знанием лесного дела. В их числе известен князь П. А. Кочубей, труды которого по лесоразведению на больших площадях в имениях Полтавской губ. были отмечены высшей премией Министерства государственных имуществ в 1893 г. Старо-Гутская дача Кочубея (Черниговская губ.) с 1886 г. разрабатывалась по плану, со 100-летним оборотом рубки. И хотя для сосны такой возраст спелости нельзя не признать излишним, все же этот уклон в сторону удлинения оборотов рубки был положительным явлением. В Старо-Гутской даче были заведены лесопитомники и проводились систематические лесопосадки. Как отмечал автор описания этой дачи, «в период такой всеобщей лесоразрушительной деятельности тем рельефнее выделяются единичные случаи бережливого пользования лесом и ухода за ним»⁷.

Конечно, и в этом случае владелец, кроме эстетических мотивов, руководствовался более существенными с точки зрения хозяина интересами выгоды, что не ускользнуло от внимания автора описания, который отметил, что владельцы дачи, «оберегая и заказывая свои леса, отчасти, вероятно, руководились и экономическими соображениями, как бы предвидя скорое уничтожение частновладельческих лесов и возвышение ценности на древесину. И действительно, с истощением в окрестности лесов потребность в разного рода материалах сильно стала расти с каждым годом...»⁸.

Из числа известных по описаниям лесных имений можно отметить еще Жагоро-Груздевское имение Г. Д. Нарышкина в Шавельском уезде Ковенской губ. с площадью леса в 14,9 тыс. дес., представлявшее, по словам автора описания, «лучшее лесовладение губернии»⁹. Однако и в этом «лучшем лесовладении», как видно из описания, плана рубки придерживались мало. Так, с 1885 г. в течение 16 рубок следовало вырубить 3172 дес., а вырублено было 3823 дес., т. е. годовая норма рубки превышалась ежегодно на 40,7 дес., или на 20%. Новые посадки были произведены лишь на площади 63,5 дес. В результате количество спелого леса с 63% в 1885 г. упало в 1902 г. до 37%¹⁰. Построенная в даче лесопилка, требовавшая непрерывного поступления леса, снабжалась внеплановой рубкой делянок и выборочной рубкой пиловочной ели по 65—70—100 шт. с десятины, что наносило большой вред лесному хозяйству имения¹¹.

Вообще описания лесных имений, как, впрочем, и других владений, обычно составлявшиеся с целью рекламы высокой ценности земли и имущества при залогах или образцовой организации хозяйства в представлениях на премии, требуют весьма критического к себе отношения. Нередко

⁷ П. Э. Павлович. Краткий очерк Старо-Гутской лесной дачи В. П. Кочубея. Киев, 1897, стр. 3.

⁸ Там же, стр. 39.

⁹ С. Конаржевский. Очерк лесного хозяйства Г. Д. Нарышкина. СПб., 1903, стр. 3.

¹⁰ Там же, стр. 23—25.

¹¹ Там же, стр. 68.

одно и то же имение, выглядевшее образцовым по описанию, другими исследователями характеризуется совсем в ином свете. Например, в отношении того же имения Нарышкина, о котором С. Конаржевский писал, как о лучшем лесовладении, другой исследователь, Хабаров, отмечал, что в нем «лес запущен, не очищен, не устроен, заболочен, с невозможными подъездными путями», «вполне в одичалом виде»¹². Однако во всей массе лесных частновладельческих хозяйств даже такие хозяйства встречались в крайне ничтожном числе.

Общим же правилом для частновладельческого лесного хозяйства являлось опустошение лесных площадей. И хотя уничтожение лесов угрожало частновладельческому полевому хозяйству, это не останавливало владельцев лесов, старавшихся извлечь из них максимум дохода в кратчайший срок.

В этом отношении типично имение «Буда» (Мглинский уезд Черниговской губ.), весьма квалифицированное описание которого, датированное 1913 годом, сохранилось в архиве Гагариных¹³.

В имении «Буда» насчитывалось 21 132 дес., из которых лесное хозяйство — Красногорская дача — занимало 17 113 дес., в том числе леса — 13 522 дес., редины и поляны — 1508 дес., лугов — 929 дес. и пашни — 402 дес.¹⁴ Некогда дача принадлежала графу Разумовскому, потом перешла к Перовским, от них — к графу А. Толстому, от него — к Н. М. Жемчужникову и, наконец, к М. А. Буда-Жемчужникову, решившему в 1913 г. с целью упорядочения лесного хозяйства произвести обследование дачи, результатом которого и явилось упомянутое описание. Примечательно замечание автора описания о том, что до самого последнего времени в этом имении «лесное хозяйство представляло картину, общую почти для всех частновладельческих лесов России»¹⁵.

В XIX в., когда лесов на Черниговщине было много, сбыт леса представлял для помещиков значительные затруднения. Крестьянское население губернии предъявляло крайне незначительный спрос на лесные материалы, что автор объяснял «его жалким в большинстве случаев экономическим положением, затрудняющим возведение новых построек»¹⁶. Вследствие этого в лесах была возможна лишь «приисковая» выборочная рубка наиболее ценного пиловочного материала, выдерживавшего перевозку на отдаленные рынки. Такого рода разработки, исключавшие, как правило, нормальное лесовозобновление, если и ограничивали в известной мере исчезновение лесных массивов, то зато вели к обесценению лесов, к вытеснению ценных хвойных пород лиственными.

Развитие сети железных дорог в России, увеличив спрос на лес в связи с самим железнодорожным строительством, представляло владельцам лесов и лесопромышленникам новые, невиданные ранее возможности сбыта лесных материалов на отдаленных, в том числе и зарубежных рынках. Так было и в районе описываемого имения, где с проведением в 1910 г. Подольской ж. д. «владельцы дачи приступили к сплошным сводкам. Площадью лесосек и сроками примыкания их не стеснялись, также не задумывались над выбором места сводки, благодаря чему получались

¹² С. Конаржевский. Указ. соч., стр. 125.

¹³ ЦГАДА, ф. Гагариных, оп. 1, д. 4188. Описание лесного хозяйства в имении «Буда» М. А. Буда-Жемчужникова (рукопись на 37 листах). К сожалению, автор, являвшийся, судя по описанию, большим знатоком лесного дела, остался неизвестен.

¹⁴ Там же, л. 8—8 об.

¹⁵ Там же, л. 19.

¹⁶ Там же, л. 6 об.

громадные площади одновозрастного насаждения и молодняков к одному месту. Понятно, что при громадных площадях сводок и ежегодном примыкании лесосек вместо сводимых сосновых насаждений молодняки получались лиственные и главным образом осиновые, да и те большей частью весьма неравномерно сомкнутые и корявые, благодаря тому, что сейчас же после сводки в них пускали скот и производили сенокосение»¹⁷.

С изданием в 1888 г. лесоохранительного закона, по которому части лесов объявлялись защитными и водоохранными, для лесных дач стали составляться упрощенные планы хозяйства. Однако их введение оказалось делом весьма трудным, поскольку владельцы лесов не сочувствовали этому начинанию. Упрощенный план хозяйства был введен и в Буда, но положение от этого не изменилось, если не считать некоторого сокращения общей площади вырубки. Рубка по-прежнему велась бессистемно, без соблюдения очередности, огромные площади лесосек примыкали друг к другу, мер для возобновления лесонасаждений не принималось и даже остатки от разработки оставались неубранными, глуша молодняк и способствуя развитию вредных насекомых. Не проводилось и посадок по рубкам, «и лишь при теперешнем владельце... были сделаны первые опыты посадок», но «ни одна посадка не удалась»; что же касается «мер ухода за лесом, то до настоящего времени о таковых говорить не приходится — их не существовало»¹⁸.

Огромный вред лесу приносили неупорядоченная пастба скота по лесу и сенокосение. Особенно губительно на лесовозобновлении это сказывалось тогда, когда лесопользование отдавалось по контракту арендатору-лесопромышленнику, который уже от себя сдавал пастбища и сенокосы крестьянам. По молоднякам и зарастающим рединам «скашивалось все, что попадало под косу», а пастба скота «разрешалась везде, не исключая вновь сведенных лесосек»¹⁹.

В результате такого ведения хозяйства хвойные породы вытеснялись лиственными, появлялось множество редины, необлесившихся вырубок, захламленных и заболоченных пустошей.

В начале 1900-х годов помещичье хозяйство стало понемногу оправляться от ударов мирового сельскохозяйственного кризиса. Конъюнктура на мировом рынке стала изменяться к выгоде хлебопроизводителей. Но мы ошиблись бы, предположив, что улучшение хлеботорговой конъюнктуры они использовали для того, чтобы прекратить или сократить хищническое истребление лесов Европейской России. Не такова была природа русских помещиков и купцов — лесовладельцев и лесопромышленников, чтобы отказаться от уже достигнутого уровня доходов. Как известно, доход от леса получить значительно легче, чем от земли, возделывание которой и интенсификация требуют больших хлопот и усилий. Поэтому истребление лесов в XX в. не только не прекратилось, но, наоборот, приняло еще большие размеры, а доходы от леса стали играть еще большую роль в бюджете помещичьего хозяйства. Это было отчасти показано на примере имения «Буда», а то, что происходило в этом имении, наблюдалось во всем помещичьем лесовладении. Член Государственного совета В. И. Денисов писал в 1911 г., что в Европейской России «параллельно прогрессивному росту населения и быстрому увеличению площади зерновой культуры идет беспощадное лесоразрушение, и еще недавние

¹⁷ Там же, л. 19—19 об.

¹⁸ Там же, л. 20.

¹⁹ Там же, лл. 20 об.—21.

сравнительно лесистые районы превращены в настоящее время в совершенно открытые места»²⁰. По его подсчетам, в одной Волынской губ. с 1904 по 1910 г. леса были истреблены на площади в 350 тыс. дес., превращенной затем в пашню²¹. Из поречских и белских лесов Смоленской губ. в 1905—1910 гг. по Днепру ежегодно сплавлялось 2 млн. бревен, и леса эти почти совершенно свели. По Висле немецкие лесопромышленные фирмы скупали на сруб у графов Пляттер и других владельцев тысячи десятин леса. От них не отставали и русские фирмы, развернувшие активную лесоистребительную деятельность, особенно на западе и северо-западе. Ход сводки спелых лесов по северо-западному району В. И. Денисов представлял в виде следующих примерных цифр (в процентах):

Годы	Отпуск древесины	Прирост древесины
1890	38	25
1900	44	22
1905	52	20
1910	80	16

Приведенные цифры показывают, что если в 1890 г. сводка спелых пород превышала прирост в полтора раза, то в 1910 г. — уже в пять раз.

«В верховьях р. Оки в Орловской губернии, — говорилось в одном документе Лесного департамента еще в 1902 г., — местность оказывается почти совершенно степной, леса занимают там только 4% от общей площади, тогда как сто лет тому назад лесистость этой местности можно было считать в среднем равной 16%»²². Таким образом, в Орловской губ. к началу XX в. было сведено $\frac{3}{4}$ лесов.

О процессе форсированного лесоистребления можно судить по росту доходов помещичьих хозяйств от разработки и продажи леса. Показательным в этом отношении являлось лесное хозяйство графа С. Д. Шереметева, владевшего огромными лесными массивами в разных частях Европейской России. Архивные материалы дают возможность сравнить доходы по некоторым лесным дачам Шереметева за 1888 и 1909 гг. Так, по Баландинской даче валовой доход по смете 1888 г. составлял 5 тыс. руб., а по смете 1909 г. — 20 141 рубль, т. е. в четыре раза больше. По Ивановской вотчине (в районе г. Иваново-Вознесенска) доход от леса за тот же период возрос с 18 200 руб. до 112 034 руб., т. е. в 6 с лишним раз. По Михайловской даче (Курская губ.) доход с 4 тыс. руб. в 1888 г. вырос до 19 322 руб. в 1909 г., т. е. в 4,8 раза. По Прудской вотчине (Тульская губ.) соответственные цифры составляли 800 руб. в 1888 г. и 11 843 руб. в 1909 г.²³ Весь валовой доход от продажи и собственной разработки леса в имениях Шереметева в 1909 г. составлял 321 тыс. руб., или около 250 тыс. руб. чистого дохода. Если в 1888 г. главную доходную статью бюджета С. Д. Шереметева составляла сдача земель в аренду, то к 1909 г. главной доходной статьёй стали поступления от продажи леса.

В бюджете Юсуповых лес также являлся главным источником дохода, за которым следовали полеводство, аренда, животноводство, дома в городах. При этом как в шереметевских, так и в юсуповских дачах хозяй-

²⁰ В. И. Денисов. Леса России, их эксплуатация и лесная торговля. СПб., 1911, стр. 2.

²¹ Там же.

²² ЦГИАЛ, ф. 1233, оп. 1, д. 58, л. 13.

²³ ЦГАДА, ф. Шереметевых, оп. 2, дд. 4, 17.

ство велось практически без всякого плана. Главный бухгалтер Юсуповых в отчете за 1897 г. писал о лесном хозяйстве следующее: «Лесное хозяйство, ввиду его неправильной организации, дает доход соответственно, конечно, тоже ненормальный, так как нельзя утверждать, что лесные имения дают доход обеспеченный, т. е. непрерывный, за полной неизвестностью, на сколько времени хватит лесного материала для продажи»²⁴.

Несмотря на это и многие другие предупреждения, делавшиеся Юсуповым специалистами, лесопользование в их имениях не только не было упорядочено, но принимало все более разрушительный характер. Это показывают цифры дохода от леса по имениям Юсуповых, причем, в отличие от шереметевских вотчин, где мы могли сравнить данные лишь по валовому доходу, здесь мы располагаем данными о чистом доходе. Последние по основным лесным имениям можно представить в виде таблицы 2.

Таблица 2
Прибыли от лесного хозяйства Юсуповых по сметам 1897 и 1916 гг.
(в рублях)

Имения	1897 г.	1916 г.
Благовещенское .	17 461	64 555
Климовское . .	11 8 8	38 034
Княже-Лисинское	7 923	54 404
Корсунское . . .	—	29 357
Безводнинское . .	9 076	1 565
Милятинское . .	49 267	154 271
Тюфонское	8 132	2 382
Итого:	103 677	344 568

Таблица показывает, что в имениях Юсуповых, не считая Ракитянско-го имения и более мелких дач, чистый лесной доход увеличился с 103,7 тыс. руб. в 1897 г. до 344,6 тыс. руб. в 1916 г., т. е. в 3,3 раза.

В Петровском имении Гагариных (Борисоглебский уезд Тамбовской губ.) чистый доход от лесного хозяйства составлял в 1897/98 г. 14 650 руб.²⁵, в 1898/99 г. — 17 780 руб.²⁶, а в 1913 г. (по смете) — 37 984 рубля²⁷. Раньше в этом имении было до 10 тыс. дес. пашни, которая в 1906 г. была почти полностью продана крестьянам. Доход от имения в конце XIX в. составлял 42 тыс. руб., а после продажи пашни снизился всего лишь до 36,5 тыс. руб., причем почти весь доход давал теперь лес, которого в имении оставалось до 3 тыс. дес.

Может возникнуть вопрос, не объясняется ли резкое увеличение доходности лесных имений не столько истреблением лесов, сколько ростом цен на лес. Чтобы на этот счет не оставалось никаких сомнений, приведем данные о ценах на русские лесные материалы на мировом рынке²⁸.

²⁴ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 328, л. 1 об.

²⁵ ЦГАДА, ф. Гагариных, оп. 1, д. 933, лл. 116 об.—117.

²⁶ Там же, д. 3690, лл. 7—10.

²⁷ Там же, д. 944, лл. 1—2. Не включены общие расходы по имению.

²⁸ «Сельское хозяйство России в XX веке», стр. 300—303.

Таблица 3

Динамика цен русского леса на мировом рынке в начале XX в.
(до первой мировой войны)

Годы	Среднегодовой вывоз лесных материалов		Стоимость вывезенных материалов		Цена 100 пудов	
	тыс. пуд.	%	тыс. руб.	%	руб.	%
1901—1905	242367,8	100,0	65865,4	100,0	271,8	100,0
1906—1910	369542,4	152,5	116412,2	176,7	315,0	115,9
1911—1913	436257,0	180,0	153559,0	233,1	352,0	129,5
Всего вывезено за 1901—1913 гг.	4368322,0	—	1372565,0	—	314,2	

Приведенная таблица очень наглядно показывает взаимодействие спроса и предложения на международном рынке лесных материалов. Цифры говорят о непрерывном росте цен: на 15,9% во втором пятилетии и на 29,5% в трехлетии 1911—1913 гг. по сравнению с первым пятилетием. Эта весьма благоприятная рыночная конъюнктура вызывала значительное увеличение вывоза леса за границу, который, по среднегодовому расчету, вырос на 52,5% во втором пятилетии и на 80% — в трехлетии 1911—1913 гг. Если в 1901 г. было вывезено 225,4 млн. пудов леса, то в 1913 г. вывоз достиг 463,8 млн. пудов, превысив уровень 1901 г. в два с лишним раза. Еще быстрее росла рыночная стоимость леса, обусловленная как ростом количества, так и ростом цен вывозившегося леса. Во втором пятилетии экспортеры выручали в год на 76,7% больше денег, чем в первом пятилетии, а в трехлетии 1911—1913 гг. — в 2,33 раза больше. Если в 1901 г. экспортеры получили 57,3 млн. руб., то в 1913 г. — 164,9 млн. руб., т. е. почти в три раза больше. Таким образом, валовая выручка экспортеров и лесовладельцев от торговли лесом за границей в течение 13 лет почти утроилась. Владельцы лесов старались всемерно использовать высокую конъюнктуру на лесном рынке. «Высокие

Таблица 4

Перевозки лесных грузов по железным дорогам и внутренним водным путям России за 1882—1913 гг.
(в миллионах пудов)²⁹

Годы	По железным дорогам	По водным путям	Итого	%
1882—1876	242,2	528,1	770,3	100,0
1887—1891	277,2	660,0	937,2	121,7
1892—1896	312,4	763,4	1075,8	139,1
1897—1901	461,6	979,4	1441,0	187,1
1902—1906	592,1	1055,4	1647,5	213,9
1907—1911	886,8	1405,0	2291,8	297,5
1912	1091,1	1573,1	2664,2	345,9
1913	1185,2	1739,1	2924,3	379,7

²⁹ «Статистический сборник Министерства путей сообщения», вып. 138, ч. 2, Пг. 1917, стр. 15—16. Данные о водных перевозках по Европейской России.

цены, взвинченные экспортерами, — писал упомянутый выше В. И. Денисов, — совершенно сбили с толка владельцев и они спешат с вырубкой своих лесов...»³⁰.

Спрос на лесные материалы возрастал не только на внешнем, но и на внутреннем рынке. Об общем росте спроса и предложения можно судить по росту перевозок лесных грузов по железным дорогам и водным путям.

Как видно из табл. 4, перевозки леса быстро нарастали. По сравнению с пятилетием 1882—1886 гг. они в первые годы XX в. увеличились в 2 раза, а в 1913 г. — в 3,8 раза. В течение двадцатилетия 1882—1901 гг. было перевезено 21 млрд. пудов леса, т. е. в среднем по 1056 млн. пудов в год, а за 12 лет XX в. (1902—1913 гг.) — 26 млрд. пудов, в среднем по 2190 млн. пудов в год, т. е. более чем в 2 раза по сравнению с предшествующим двадцатилетием. Возраставшему спросу на лес соответствовал и значительный рост предложения.

Понятно, что этот резко увеличившийся спрос мог удовлетворяться почти исключительно за счет частновладельческих и казенных лесов, поскольку немногочисленные крестьянские лесные наделы имели потребительское значение. Повышательную конъюнктуру на лесном рынке старались использовать прежде всего частные владельцы, при этом от лесовладельцев северных лесных районов не отставали помещики даже тех губерний, где сохранение лесов и лесоразведение являлось важнейшей народнохозяйственной задачей. Чтобы доказать, что это было именно так, сравним данные об отправке лесных материалов на судах и в плотах из трех приволжских губерний — Симбирской, Самарской и Саратовской в 1900 и 1913 гг. (табл. 5).

Таблица 5

Отправка лесных материалов и дров с пристаней Симбирской, Самарской и Саратовской губерний в 1900 и в 1913 гг.
(в тысячах пудов)

Губернии	1900 г.*			1913 г.**			1913 г. к 1900 г. в %
	дрова	строительный лес	итого	дрова	строительный лес	итого	
Симбирская . . .	838	2 036	2 874	7 790	2 471	10 261	357,0
Самарская . . .	520	2 151	2 671	2 447	2 940	5 387	201,7
Саратовская . . .	606	4 322	4 928	1 355	7 247	8 602	174,8
Итого:	1964	8 509	10 473	11 592	12 658	24 250	231,5

* «Статистический сборник Министерства путей сообщения», вып. 67, СПб., 1902, стр. 152—167.

** То же, вып. 139, ч. 1, Пг. 1916, стр. 2—49, табл. 11.

Из таблицы 4 было видно, что на рубеже XX в. отправка леса на судах и в плотах с пристаней Европейской России не превышала 1 млн. пудов в год, а к 1913 г. она увеличилась в 1,7 раза. Вывозка же по водным путям из трех приволжских губерний за тот же период возросла в 2,3 раза, а из Симбирской губ. — даже в 3,6 раза, т. е. значительно больше, чем по Европейской России в целом. Даже из малолесистой Саратовской губ. в 1913 г. было отправлено в 1,7 раза больше лесных материалов и дров, чем в 1900 г.

³⁰ В. И. Денисов. Указ. соч., стр. 30.

Обращает внимание резкое увеличение вывозки дров, которых в 1913 г. было отравлено из указанных трех губерний в 5,9 раза больше, чем в 1900 г. Это означало, что на сруб пошли молодые леса. А поскольку речь идет о транспортировке леса по речным путям, то, по-видимому, большая, если не подавляющая, часть леса шла из водоохранных и защитных зон. Впрочем, значение водоохранных и защитных лесов в условиях Поволжья нужно было признать за всеми лесами без исключения. И тем не менее истребление этих лесов шло все ускоряющимися темпами.

В условиях выгодной торговли лесными материалами владельцы открыто игнорировали даже упрощенные планы лесоводства. Эти планы, несмотря на многолетний срок действия лесоохранительного закона 1888 г., в большинстве случаев даже не были составлены.

В Саратовской губ. в начале 1900-х годов из 617,1 тыс. дес. частновладельческих лесов упрощенные планы были введены лишь на площади в 286,4 тыс. дес., т. е. на 45,2% лесной площади, а в Царицынском уезде площадь «устроенных» лесов составляла всего 0,5% ³¹. В материалах по оценке земель этой губернии говорилось: «Вообще то, что дает нам изучение распределения лесной площади по породам и по возрасту древесных насаждений, свидетельствует о господстве бессистемного хозяйничания, в результате которого постепенно вырубались более ценные породы, главным образом сосны на севере губернии» ³².

А. П. Гладилин, специально изучавший вопрос о влиянии лесоохранительного закона на сохранение лесов, писал: «...Убыль лесов в России после введения лесоохранительного закона продолжает идти тем же, если только не еще более ускоренным ходом, как и до введения этого закона, но более половины лесов убывает на законном основании с разрешения лесоохранительных комитетов» ³³.

Не удивительно, что лесоохранительный закон и лесоохранительные комитеты получили в словарном обиходе современников наименование «лесоистребительных».

Но даже там, где были составлены упрощенные планы лесоводства, они просто нарушались.

Нарушения эти были обычным явлением. Иногда они выражались не в превышении установленных размеров вырубаемых площадей, а в замене одних делянок другими, с нарушениями оборота рубки. Так, в Корсунском имении Юсуповых (Ярославская губ.) лесоустроительным планом 1900—1901 гг. на ближайшие 10 лет было намечено к рубке 93 дес. хвойных пород и 454 дес. лиственных. Фактически же было вырублено 197 дес. хвойных пород и 350 дес. лиственных. Следовательно, по хвойным лесосекам был допущен переруб 104 дес., а по лиственным — недоруб 104 дес. Отступления от плана, по словам главного лесничего Юсуповых Е. В. Ивонина, «объясняются стремлением администрации имения увеличить доходность от леса...» ³⁴.

Кроме сплошных рубок, в имении широко велись выборочные рубки в пяти кварталах. «Вследствие изреженности насаждений выборочными рубками, — отмечал Ивонин, — в указанных кварталах много леса ветровального, валежного, замечены также значительные повреждения ело-

³¹ Материалы для оценки земель Саратовской губернии, вып. VI. Основания оценки и нормы доходности земельных угодий, Саратов, 1908, стр. 331—332.

³² Там же, стр. 328.

³³ А. П. Гладилин. О влиянии лесоохранительного закона на сохранение лесов в России. СПб., 1911, стр. 13.

³⁴ ЦГАДА, ф. Юсуповых, оп. 5, д. 5261, л. 1 об. Доклад главного лесничего Ивонина о результатах поездки в Корсунское имение.

вого леса короедом. Пни срубленных деревьев не клеймятся, что лишает возможности контроля» ³⁵.

«Вырубки истекшего десятилетия имеют крайне печальный вид, — отмечалось далее в докладе, — почти вся площадь вырубок не облесилась вследствие производящихся на лесосеках пастбы скота и сенокосения. Очень часто на вырубках бывают пожары. Полагаю, что пожары эти не есть случайное явление. Арендаторы, пользуясь свободой сенокосения на вырубках, в целях улучшения сенокосения и увеличения площади такового в арендуемом урочище, очевидно, умышленно огнем уничтожают лесную растительность» ³⁶.

Все эти нарушения проходили, как правило, безнаказанно как для владельца, так и для арендаторов-лесопромышленников. В Корсунском имении очередная ревизия хозяйства для установления нового плана рубки должна была проводиться в 1910 г., но даже в 1914 г., к которому относится доклад лесничего, эта ревизия еще не была проведена ³⁷.

В Климовском имении Юсуповых (Юхновский уезд Смоленской губ.), занимавшем 11 099 дес., в том числе 7906 дес. леса, лесоустроительные работы впервые были произведены в 1885 г., и до 1903 г. ревизии хозяйства лесоохранительным комитетом не производилось. Да и ревизия 1903 г., по свидетельству того же Ивонина, была «произведена крайне небрежно... При ревизии не было составлено плана хозяйства, рубки на десятилетие не проектировались, ежегодно отводились без всякой системы, разной площади; направление, очертания и ширина лесосек самые разнообразные. В 1907, 1908 и 1909 годах в кварталах 76, 77, 79, 80, 81 и 82 на площади 218 дес. произведена выборочная рубка сосны и ели от 6 вершков и выше в количестве 45 633 дерев на сумму 62 392 р. 24 к. Рубкой этой указанные кварталы совершенно обесценены, опустошены, площадь эта должна быть отнесена к разряду сплошных вырубок» ³⁸.

Впрочем, владелец мог и не прямо нарушать утвержденный для него план рубки. Ему достаточно было продать в другие руки часть лесной площади, и весь план шел насмарку. Под разными предлогами вырубались даже те участки леса, которые объявлены были водоохранными и защитными ³⁹.

Лес истреблялся не только во внутренних губерниях Европейской России, но и на Урале, где в лесопользовании вообще не было никакого порядка. Примером этого может служить огромная, в 257 тыс. дес., Симская горнозаводская дача Балашевых, описанная в 1905 г. И. Ф. Фридрихом. С 1844 по 1861 г. в даче существовал кое-какой порядок, но с отменой крепостного права крестьяне отказались возить лес из дальних лесосек, и рубки снова, как и до 1844 г., начались в местах, расположенных ближе к заводам. Только в 1900 г. владельцы Симского горного округа Н. П. и И. П. Балашевы решили ввести плановую рубку и с 1905 г. запланировали вырубать ежегодно 3053 дес. леса ⁴⁰. Однако и этому плану не суждено было осуществиться.

³⁵ Там же, л. 2.

³⁶ Там же, л. 2—2 об.

³⁷ Там же, л. 3.

³⁸ Там же, д. 2501, л. 149 об.

³⁹ С 1888 по 1908 г. в 50 губерниях Европейской России и в 10 польских губерниях было признано водоохранными 733 365 дес. и защитными 570 807 дес., т. е. лишь около 0,8% частновладельческих и общественных лесов. См. Протоколы внеочередного Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев в С.-Петербурге 23—27 января 1911 г., СПб., 1911, стр. 18—19.

⁴⁰ И. Ф. Фридрих. Симская горно-заводская дача Н. П. и И. П. Балашевых. Уфа, 1905, стр. 67.

Быстрое нарастание темпов истребления уральских лесов можно видеть на примере крупнейшего лесного владения — Пермского имения графа Строганова. В 1903 г. лесное хозяйство дало Строганову дохода 77,2 тыс. руб., в 1904 г. — 160,7 тыс. руб., в 1905 г. — 139,8 тыс. руб., а в 1906 г. — 296,8 тыс. руб.⁴¹ Уже в эти годы заметно значительное увеличение лесных разработок и продаж. Тяжелый удар уральским лесам нанесла жестокая конкурентная борьба южных горнометаллургических монополий с железодельной промышленностью Урала. Не выдерживая этой конкуренции, Строганов в 1910 г. решил закрыть Кыновский, Очерский и Павловский заводы и, как отмечал в отчете главный лесничий Пермского имения, «перейти в этих округах исключительно на лесное хозяйство...»⁴². Это означало, что лес должен был дать владельцу то, чего он лишился в связи с закрытием указанных заводов и падением доходов на других предприятиях в связи с конкуренцией Юга. И действительно, разработки и продажи леса уже в 1910 г. резко возросли. Если в течение 1903—1906 гг. владелец получал от лесного хозяйства чистого дохода в среднем 168,6 тыс. руб. в год, то в 1910 г. этот доход составил огромную сумму в 599,5 тыс. руб.⁴³

Приведенные данные показывают, что крупное помещичье землевладение не только являлось величайшим тормозом прогресса в сельском хозяйстве, но оказывало тормозящее влияние и на прогресс в промышленности, давая возможность владельцам предприятий выдерживать конкурентную борьбу, сохраняя устарелое оборудование и несовершенную технику производства, сдерживая обновление основного капитала предприятий, затрудняя переход этих предприятий к таким владельцам, которые не могли вести производство без технических усовершенствований, диктуемых конкуренцией.

Следует отметить также исключительную мизерность принимавшихся в имениях Строганова мер для искусственного возобновления лесов. В 1910 г., например, искусственное лесоразведение было произведено всего лишь в двух округах из десяти на площади в 37 дес., да еще посеяно было вместе с хлебами 43 фунта сосновых и еловых семян⁴⁴. По масштабам лесоразработок и при огромной величине лесных пространств имения эти меры выглядят совершенно ничтожными.

«Урал», — писал В. И. Денисов, — по заявлению приуральских земств, накануне полного уничтожения частных лесов. После 1905 г. значительная часть заводов сократила свою деятельность, и владельцы сосредоточили свое внимание исключительно на эксплуатации принадлежащих им лесов. Так, граф Строганов только из одних соликамских имений сплавил в 1910 г. по Каме лучшего строевого леса на 800 000 руб.; Балашевы продали английской компании Оркин на 3 млн. руб. лесных материалов. Уральские посессионеры спешно вырубают лес в тех участках, которые должны отойти в надел населению»⁴⁵.

Царское правительство, покровительствовавшее помещикам, сквозь пальцы смотрело на безудержную оргию ограбления народного богатства страны лесовладельцами, лесопромышленниками и торговцами. Убедительным доказательством этому являются материалы внеочередного Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев, состоявшегося в Петербурге в январе 1911 г. Этот съезд, по словам его председателя В. И. Ко-

⁴¹ ЦГАДА, ф. Строганова, оп. 8, д. 17, л. 70 об.

⁴² Там же, оп. 12, д. 6899, л. 12.

⁴³ Там же, л. 26.

⁴⁴ Там же, л. 33.

⁴⁵ В. И. Денисов. Указ. соч., стр. 29.

валевского, должен был «выработать главнейшие, руководящие положения для государственного вмешательства в частное лесовладение и лесное хозяйство»⁴⁶.

На съезде ярко наметились два рода мнений. Сравнительно небольшая группа участников съезда, преимущественно из числа лесничих и деятелей лесной науки, стояла за усиление лесоохранительного закона, критиковала закон и лесовладельцев, нарушавших закон. Отсутствовавший член съезда лесовод И. В. Филиппов в своем письме съезду писал: «Существующим лесоохранительным законом совершенно не обеспечивается и не достигается главная цель охранения леса»⁴⁷. А. П. Мещерский говорил, что «закон не мешает истреблению леса, ибо этот закон всегда можно обойти. Охранять леса от собственников невозможно»⁴⁸. Организацию лесного дела критиковал лесной ревизор К. С. Яцунский. Докладчик В. И. Гомилевский предлагал выкупить защитные и водоохранные леса в казну.

Однако более могущественной была группа съезда, состоявшая преимущественно из лесовладельцев или их подпевал и требовавшая неограниченной свободы распоряжения лесами. Так, Курляндское общество сельского хозяйства в своем послании прямо потребовало отмены «ограничения пользования лесами, за исключением защитных и водоохранных», т. е. упразднения всех упрощенных планов лесопользования. Против «опеки» над частновладельческими лесами выступили представитель Полтавского общества сельского хозяйства и ряд лесовладельцев. «Научную» базу под эти требования пытался подвести проф. Понсет-де-Сандон, выступивший с требованием «способствовать переходу леса с более плодородных и производительных площадей на мало пригодные для культуры других растений»⁴⁹. В условиях почти полного отсутствия мер по лесоразведению такое требование звучало как призыв к усилению истребления русских лесов под предлогом расширения пахотоспособных площадей.

Принятые съездом решения были явной победой этой второй группы его участников. Съезд не предложил никаких радикальных мер по упорядочению частновладельческого лесного хозяйства, решив лишь несколько «улучшить» лесоохранительный закон и оставив в силе малообязательные упрощенные планы лесоводства. Если владелец не пожелает вести хозяйство по упрощенному плану, лес предлагалось покупать в казну. Доходы помещиков и в том и другом случае обеспечивались вполне надежно. Съезд на словах признал необходимость продолжить перевод части лесов в категории защитных и водоохранных, но, чтобы затруднить и затормозить этот перевод, установил для него срок «не долее» 10 лет, т. е. срок, за который можно было начисто свести лес в водоохранной и защитной зоне.

На основании имеющихся данных трудно составить представление о дальнейшем сокращении лесных площадей, но дело не в количестве этих площадей, а в том, что на этих площадях произрастало, так как и вырубленные массивы с молодой порослью также считались лесными площадями. Что в действительности представляли собой леса к концу рассматриваемого здесь периода, можно видеть по материалам оценки земель, проводившейся в фискальных целях.

⁴⁶ Протоколы внеочередного Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев в С.-Петербурге 23—27 января 1911 г., стр. 6.

⁴⁷ Там же, стр. 11.

⁴⁸ Там же, стр. 29.

⁴⁹ Там же, стр. 25.

Так, в Гжатском уезде Смоленской губ. 63,4% частновладельческих лесов, составлявших две трети всех лесов уезда, были моложе 30 лет. Лесов свыше 50-летнего возраста было всего 14,4%. Имения, в которых велась рубка леса в возрасте свыше 50 лет, насчитывались единицами. Многие дачи вырубались начисто. «В пустоши Камышках Рождественской волости,— говорится в материалах обследования, изданных в 1909 г.— вырубают в настоящее время сплошь всю площадь спелого леса... В пустоши Соколках Ново-Покровской волости весь лес продан лесопромышленнику, который обязан срубить его сплошь в три года». Некоторые лесные дачи вырубались с целью продажи Крестьянскому банку или под видом такой продажи. Из 180 дач с известными способами рубки о 81 даче было сообщено, что рубок не производится, поскольку уже нечего было рубить⁵⁰.

В Старобельском уезде Харьковской губ. возраст лесонасаждений был таков, что хозяйство можно было вести или «для получения хвороста или хмыза...», или для получения дров и материала для мелких поделок. Высокостольное хозяйство с более чем 40-летним оборотом рубки встречается как исключение...»⁵¹.

Упомянутый выше А. П. Гладилин спрашивал: «А помещичьи леса, разве не приведены они во многих местах в полное расстройство опустошительными рубками? Этой статистики никто не производил, да и вряд ли возможно ее произвести, но я думаю, что если бы она была каким-нибудь способом произведена, то результаты ее были бы прямо ужасающими»⁵².

Как показывают изложенные здесь данные, практика ведения частновладельческого лесного хозяйства не оставляла никакого сомнения в том, что в самом непродолжительном времени были бы истреблены все ценнейшие леса в Европейской России и прежде всего в бассейнах рек и водоемов и в районах усиливающегося влияния засух, чем был бы нанесен еще больший урон сельскохозяйственному производству. Только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, ликвидировавшей частную собственность на леса и вырвавшей из их рук хищников, мотов и наживал, оставшийся русский лес был спасен от истребления и было положено начало плановому и высококультурному лесопользованию в интересах трудящихся.

⁵⁰ Материалы для оценки земель Смоленской губернии. Экономическая часть. Гжатский уезд, вып. 1; Нормы оценки леса, Рязань, 1909, стр. 23—24.

⁵¹ Материалы для оценки земель Харьковской губернии. Старобельский уезд, вып. V. Харьков, 1908, стр. 48.

⁵² А. П. Гладилин. Указ. соч., стр. 14.

Г. Л. А Р Ш

РУССКО-АЛБАНСКИЕ СВЯЗИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1787—1791 гг.

К концу XVIII в. Албания продолжала оставаться страной натурального хозяйства, раздробленной на ряд областей, слабо связанных друг с другом экономически и политически. В труднодоступных горных районах сохранялись патриархальные общины, где власть турецких пашей была лишь номинальной. Страна представляла собой конгломерат и в религиозном отношении. На севере было распространено католичество, на юге исповедовали православие. Часть населения приняла мусульманство для того, чтобы хотя бы немного облегчить тяжесть турецкого ига.

Тем не менее албанцы ни на один день не прекращали своей борьбы против турецких поработителей. Оплотом в этой борьбе выступали полунезависимые общины горцев-христиан.

В поисках помощи албанцы не раз обращались к европейским государствам. Во второй половине XVI в. они впервые просят о помощи Русское государство¹. В XVIII в. связи Албании и России приобретают уже систематический характер. Все чаще отдельные албанские общины и города обращаются к России с петициями, посылают туда своих депутатов с предложением совместных действий против турок. Во время русско-турецкой войны, русские эмиссары успешно проводили среди албанцев вербовку добровольцев для флота и сухопутной армии. Следует, однако, иметь в виду, что, помимо антитурецких настроений, остававшихся всегда главным стимулом, причину поступления на русскую службу албанцев из некоторых горных общин надо искать в недостатке пригодной для обработки земли, в необходимости обеспечить себе дополнительный заработок военным ремеслом. Россия использовала в своей борьбе с Турцией также и сепаратистские устремления местных албанских пашей.

Во второй половине XVIII в. военно-ленная система, составлявшая феодальную основу Турецкой империи, переживала период распада. Ленники повсеместно превращали свои лены в безусловную феодальную собственность. Этот процесс привел к тому, что в Албании образовалось несколько феодальных династий, сумевших узурпировать политическую власть в захваченных ими областях. Выступая номинально в качестве наместников султана, эти крупные феодалы на деле были полунезависимыми наследственными правителями, весьма мало считавшимися с Высочайшей Портой. Зачастую они оказывали открытое неповиновение султанской власти, приводившее к вооруженным конфликтам. Так, к началу

¹ См. А. Б у д а. Традиции дружбы между албанским и русским народами.—«Доклады и сообщения Ин-та истории», вып. 5, М., 1955, стр. 79.

русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Северная Албания фактически отпала от Турции, и ее правитель — шкодранский паша Махмуд Бушати — находился в состоянии войны с султаном. Военные действия начались в апреле-мае 1787 г. Порты вынуждена была отправить против непокорного паши две армии общей численностью в 34 тыс. чел. Кроме того, с моря против Шкодры действовала турецкая эскадра².

Таким образом, к августу 1787 г.³, когда началась русско-турецкая война, значительные турецкие силы были скованы под Шкодрой. Хотя туркам удалось овладеть городом, но Махмуд-паша продолжал обороняться в крепости. Военные действия под Шкодрой продолжались вплоть до ноября 1787 г., когда соединенные силы осажденных — горожан и горцев соседних районов, при содействии албанцев, находившихся в турецком лагере, нанесли туркам сокрушительное поражение. Махмуд-паша вскоре был «прощен» султаном, но это не могло изменить того факта, что поражение под Шкодрой нанесло сильный удар престижу Турции в Албании.

Распространившиеся в стране вести о начавшейся войне России против Турции послужили новым толчком к проявлению антитурецких настроений. Особенно боевое настроение наблюдалось среди христианской части населения, наиболее страдавшей от турецкого гнета.

Христиане, жившие в прибрежных районах Адриатического и Ионического морей, ждали только появления русского флота, чтобы подняться с оружием в руках против турецкого владычества. Генерал Заборовский, которому был поручен набор добровольцев из местных жителей для русской эскадры, готовившейся к отплытию в Средиземное море, сообщал канцлеру графу Безбородко, что «все христианские народы в Албании, в Далмации и в самой Морее, с крайнею нетерпеливостью ожидают прибытия флота, чтобы вступить в службу нашу и напасть на турков, беспрепятственно их терзающих. Всякий почти день приходящие толпы людей, со изъяснением такового их расположения, не допускают ни мало сомневаться о готовности их к тому»⁴. Русский консул на Корфу Бенаки считал, что нет надобности посылать заранее специальных агентов в Албанию для вербовки, так как «когда флот появится в Архипелаге, достаточно будет командующему за 20 дней заранее дать приказ, и всюду среди христиан он найдет многочисленных приверженцев»⁵.

Все же вербовка в Албании производилась. Два присланных для этой цели эмиссара — майор Сотери и русский генеральный консул в Албании Пано Бичилли, оба по национальности албанцы, служившие в русской армии уже во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг., сначала набирали людей для русского флота, а затем, когда, в связи с начавшейся войной со Швецией, поход эскадры Грейга на Средиземном море был отменен, — для действовавших здесь против турок добровольческих флотилий Каччони и Лоренци. Набор проходил весьма успешно. В частности, большое количество рекрутов Бичилли завербовал среди жителей приморской области Южной Албании Химары, издавна поддерживавших тесные связи с Россией. Многие из них участвовали в военных действиях против турок в Архипелаге во время войны 1768—1774 г., и ветераны

² Архив внешней политики России (АВПР), ф. «Сношения России с Турцией», д. 1016, л. 25.

³ Даты приводятся по новому стилю.

⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», д. 2062, л. 13.

⁵ АВПР, ф. «Сношения России с Венецией», д. 334, л. 13.

этой войны служили для Бичилли посредниками в наборе добровольцев в Химаре в 1788—1789 гг.⁶

В июне 1789 г. русский офицер граф Войнович погрузил на свой корабль 154 солдата и матроса, набранных Бичилли из химариотов. К моменту заключения перемирия с Турцией на действовавших в Средиземном море русских кораблях находилось 650 албанских солдат и офицеров⁷. Если учесть потери и то, что после отмены похода эскадры Грейга значительная часть завербованных ранее добровольцев была распущена, то несомненно, что общее число набранных на русскую службу албанцев было значительно большим.

Имеются сведения, что на море, помимо албанцев, воевавших на кораблях флотилий Каччони и Лоренци, против турок действовали также албанские корсары⁸.

Следствием роста антитурецких настроений в Албании явилось сильное противодействие жителей проводимой турецким правительством в стране мобилизации. «Кажется Порты, — сообщал в Петербург в начале 1788 г. русский посол в Неаполе граф Скавронский, — в течение настоящей войны очень малую себе подмогу иметь будет от жителей албанских»⁹.

О настроениях жителей прибрежной полосы, главным образом христиан, Скавронский писал: «Все при том албанцы приморских селений, ожидая российского флота, очень невеликое оказывают уважение приходящим из Царьграда фирманам, зовущим военных людей в Адриано-поль»¹⁰.

Порты в этой войне очень мало могла рассчитывать и на албанцев-мусульман.

Помимо общей причины их вражды к Турции, к рассматриваемому времени возникло еще одно обстоятельство, усилившее ненависть албан-

⁶ Одному из вербовщиков-ветеранов Бичилли выдал следующий документ, представлявший своеобразный мандат: «Я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что Спиро Дима, химариот, действительно служил в прошедшей войне с 1770 г. в течение 4 лет, до того времени, когда ее величеством, императрицей всея Руси, был заключен мир с Оттоманской Портой. Он служил не щадя своей жизни и неизменно проявлял свою храбрость в тех боях, в которых принимал участие. Также и в настоящее время он проявил свое усердие, собрав отряд албанцев для того, чтобы служить под славным знаменем ее императорского величества, августейшей нашей государыни, и уже предоставив в наше распоряжение указанный отряд. Различные махинации и препятствия со стороны турок и особенно со стороны венецианского правительства, которое с помощью военных кораблей заставило барки, перевозившие людей, вернуться обратно, помешали ему целиком погрузить (на корабль. — Г. А.) свой отряд. В подтверждение чего я и снабдил его настоящим удостоверением, рекомендуя господам офицерам эскадры, куда будут погружены эти албанцы, принять их с чинами, им присвоенными, как о том явствует из выданных им патентов. В удостоверение чего настоящее подписано мною и скреплено моей личной печатью для использования в случае надобности. Дано в Корфу 26 мая 1789 (по ст. ст. — Г. А.). Подполковник Пано Бичилли...» (Центральный гос. архив Военно-морского флота (ЦГАВМФ), ф. 150, д. 123, л. 93). Такие же документы выдавались и другим вербовщикам-ветеранам.

⁷ ЦГАВМФ, ф. «Канцелярия Потемкина-Таврического», д. 62, л. 73.

⁸ См. А. Н. Петров. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II, т. II. СПб., 1880, стр. 126—127. К сожалению, мы не располагаем о них сколько-нибудь подробными сведениями. Возможно, что эти корабли были снаряжены наиболее крупными албанскими колониями в Италии и на островах Идра и Спеце. Албанцы-колонисты также вносили свой вклад в дело борьбы против турок. Так, некто Петр Бидери, православный албанец из Италии, действуя, по его собственным словам, по внушению Бичилли, предоставил в распоряжение русского командования на Средиземном море свое судно «Пантера» вместе с галиотом и четырьмя пушечными барками (ЦГАВМФ, ф. 239, д. 29, л. 21).

⁹ АВПР, ф. «Сношения России с Неаполем», д. 200, л. 17.

¹⁰ Там же, л. 18.

цев-мусульман к Порте. Даже мусульманские албанцы-феодалы, наиболее надежная опора турецкого правительства в стране, находились с ним в серьезном конфликте. Последний был вызван тем, что по окончании войны 1768—1774 гг. с Россией турецкое правительство направило в Пелопоннес капудан-пашу с армией, который учинил там страшную резню албанцев, оборонявших Пелопоннес от русского флота. Таким обычным для себя способом Порта избавилась от части своих ненадежных и вдобавок вооруженных подданных.

Попытки Порты получить для своих армий пополнения из Албании не увенчались успехом. 20 января 1788 г. Бенаки сообщал, что хотя уже за два месяца до этого Порта послала приказ в соседние с Корфу районы Турции о посылке войска в Константинополь, вербовка еще не началась¹¹.

Порта, писал Бенаки, «непрестанно шлет все эти дни курьеров в Янину, Валону, Берат и в другие места этой страны, заклиная всех идти на помощь религии» и суля в качестве приманки большие деньги. Однако только наиболее обездоленные попадают на нее, а те, «у которых есть на что жить, не хотят подвергать себя опасности». «Заметна полная перемена среди турок, так как за исключением тех, кто собственно состоит на службе в качестве янычар и спахи, незаметно, чтоб кто-нибудь тронулся с места»¹².

К июню 1788 г., ценой чрезвычайных усилий турецким агентам в Албании удалось отправить на фронт всего лишь 2 тыс. чел. «Но почти все турецкие вожди по соседству с нами, — сообщал Бенаки, — остаются вдали от опасности для того, чтобы действовать, сообразуясь с судьбой армий Порты»¹³.

Таким образом, для Порты, в связи с русско-турецкой войной, в Албании создалась тревожная обстановка. Ко всему этому паша шkodранский Махмуд, невзирая на «прощение» Порты, продолжал против нее враждебные действия. Из других крупных албанских феодалов Мехмед паша и Ибрагим бей были заняты «частной войной», а другие готовы были торговаться в Пелопоннесе при первом появлении русского флота¹⁴.

В этих условиях для Турции огромное значение приобретала позиция Али-паши Тепелены, самого могущественного в этот период феодального правителя Южной Албании, в течение четырех десятилетий игравшего видную политическую роль в Албании и Греции.

История возвышения этого паши в немногих словах такова. В 1786 г. Порта назначила Али-пашу, в качестве противовеса Махмуд-паше шkodранскому, пашой Триккалы. В том же году Али-паша получил важный пост дервенджи-паши, т. е. командира дорожной стражи, власть которого распространялась на значительную часть Европейской Турции. На этом посту Али-паша приобрел большую популярность благодаря своей энергичной борьбе с разбоями и бесчинствами местных феодалов. В 1787 г. он захватил важный экономический центр Южной Албании и Северной Греции — Янину, ставшую его столицей. В захваченных районах Али-паша прибирал к рукам земли местных землевладельцев.

Укрепив свою власть, Али-паша стал держаться весьма самостоятельно по отношению к Порте. Это проявилось в частности и в том упорстве, с которым он саботировал полученный еще в конце 1787 г. приказ о выступлении на фронт. Один из корреспондентов Бенаки объяснял нежела-

ние Али-паши отправиться на фронт тем, что «он опасается Порты, да притом, будучи богат и в сих местах силен, никак не польстится на военную честь и не подвергнет себя опасности, и так ему гораздо лучше оставаться в сих провинциях, чем подвергаться страху и взирать на нещастие Порты»¹⁵.

Опасность эта для Али-паши, как он это хорошо понимал, могла заключаться в поражении его войск, а также в возможной расправе с ним по прибытии в лагерь турецкого правительства, опасавшегося его дальнейшего усиления. Кроме того, реальная возможность открытого антитурецкого выступления в Албании также заставляла пашу держаться родных мест.

Только после долгих переговоров со специальным уполномоченным Порты, прибывшим в Янину, Али-паша согласился на участие в военных действиях и в мае 1788 г. с отрядом всего лишь в 3 тыс. чел. выступил в Банатский лагерь турецкой армии, действовавшей против австрийцев. Но уже в начале декабря того же года Али-паша возвратился в Янину.

Для того чтобы хоть как-то оправдать перед Портой свое отсутствие на фронте, Али-паша в феврале 1789 г. начал войну с жителями Сули — сулиотами. Это была община албанцев-христиан, находившаяся в труднодоступных горах к северо-востоку от Парги. Изображая конфликт с сулиотами как войну, вызванную государственными соображениями, Али-паша заставил некоторых жителей Янины написать обращение к Порте, в котором говорилось, что в Сули якобы находятся 15 русских офицеров, обучающих сулиотов, и что если Али-паша отправится в армию, то сулиоты нападут на близлежащие владения Порты¹⁶.

Сообщение о русских офицерах было выдумкой, но тесные отношения сулиотов с Россией, начавшиеся еще в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг., были несомненным и немаловажным фактом¹⁷.

Считая, что война Али-паши с сулиотами может помешать отправке подкреплений в турецкую армию, Сотири и Бичилли начали поставлять сулиотам пули и порох. Сотири роздал сулиотским старшинам патенты на офицерские звания и обещал принять Сули под покровительство России. Со своей стороны сулиоты решили установить непосредственную связь с русским правительством. С этой целью в конце 1789 г. в Петербург прибыли депутаты Сули.

Ободряемые обещаниями русских агентов и получая помощь со стороны венецианского правительства, сулиоты сами перешли в наступление против Али-паши, совершив набег на окрестности Янины. Положение Али-паши сразу осложнилось. Оно стало еще более серьезным после того, как его соперник Ибрагим-паша Бератский открыл против него военные действия.

Турецкое правительство отлично поняло смысл затеянного Али-пашой маневра. «Порта, — сообщал в Коллегию иностранных дел Бенаки, — не может быть довольна этим волнением (войной с сулиотами. — Г. А.), тем более, что ей известно, что Али-паша вызвал его намеренно, для того, чтобы иметь возможность под этим предлогом остаться»¹⁸.

Создавшуюся напряженность в отношении Порты с янинским пашой Бенаки решил использовать для того, чтобы завязать с ним непосредствен-

¹⁵ АВПР, ф. «Сношения России с Венецией», д. 335, л. 6.

¹⁶ Там же, д. 337, л. 5.

¹⁷ Тогда сулиоты, начав военные действия против турок, отвлекли часть их сил. Кроме того, отряды сулиотов отправились на помощь экспедиции Орлова. См. «Сagactère des Albanois et des habitants des îles Ioniques», London, 1814, p. 93. Рукописная книга (Архив ЛОИИ, ф. Воронцова, д. 745).

¹⁸ АВПР, ф. «Сношения России с Венецией», д. 337, л. 3.

¹¹ АВПР, ф. «Сношения России с Венецией», д. 334, л. 1.

¹² Там же, л. 5.

¹³ Там же, д. 335, л. 28.

¹⁴ Там же, д. 334, л. 25.

ные политические связи. Пользу переговоров с Али-пашой он мотивировал перед Коллегией иностранных дел следующим образом: «Если даже Али-паша не примет наших планов, то мы все равно окажемся в выгоде, так как почти все албанские турки, зная, что я нахожусь с ним в переписке, не тронутся с места в ожидании того, что произойдет в их стране»¹⁹. Иначе говоря, Бенаки стремился подстрекнуть Али-пашу на открытое неповиновение Порте и воспрепятствовать таким образом отправке каких-либо военных сил из Албании. Для достижения этой цели Бенаки не скупился на самые широковещательные посулы. Так, в одном из своих посланий Али-паше он писал: «Я полагаю, что если ваше высочество решится быть правителем всей Румелии, то это в его власти, так как половина албанцев, я вам это гарантирую, будет вам подчиняться, и все греки будут так верны, что скорее дадут себя убить, чем покинут вас, и вы превратите все ваши провинции в кантон, подобный Алжиру, и, более того, все это должно быть сделано так, чтобы правление оставалось в руках ваших потомков». Вдобавок Бенаки сулил Али-паше Пелопоннес²⁰.

В свою очередь Али-паша имел веские основания вступить в контакт с Россией. Во-первых, он знал о связях царского правительства с православным населением Греции и Албании. Ему было известно также и о так называемом «греческом проекте» Екатерины II. На случай если бы действительно произошел раздел Турецкой империи, Али-паша стремился добиться влияния среди православного населения Албании и привлечь на свою сторону наиболее видных его представителей.

Одним из таких представителей был известный вождь греческих клефтов — партизан, боровшихся против турок, капитан Андруццо, которого Али-паша завербовал к себе на службу. «Последние годы, — говорилось в донесении одного из русских генералов, заведовавших делами средиземноморских флотилий, — Али-паша отменно ласкает греков, равняя их при всяком случае с турками. Войсками его, смешанными из греков и турков, часто командуют первые, как и теперь капитан Андруццо, служивший с начала войны на флотилии полковника и кавалера Ламбро Кацония и ныне в оной считающийся, имеет в команде своей до 3000 человек, собранных будто для устрашения мятежников и употребленных в самом деле для притеснения тех турков, коим паша не верит»²¹.

Однако переговоры с Али-пашой, начатые Бенаки в середине 1789 г., успешного развития не получили. Они были прекращены по инициативе Али-паши в связи с тем, что главный посредник при переговорах, приближенный Али-паши Прокопе, в конце 1789 г. попал в опалу. Одна из причин, побудивших Али-пашу прекратить переговоры, заключалась еще, по-видимому, в том, что момент для них был не совсем удобен: как раз в эти месяцы в Янине находился султанский чиновник, специально присланный из Константинополя в связи с сулиотской войной и уклонением Али-паши от выступления на фронт²². Прокопе объяснил свою опалу и отказ Али-паши от дальнейших сношений с агентом русского правительства интригами приближенных Али-паши — диван-эффенди и Джелиль-аги, врагов христиан, внушавших паше, что его хотят погубить, сделав из него христианина²³.

¹⁹ АВПР, ф. «Сношения России с Венецией», д. 337, л. 16.

²⁰ Там же, лл. 22—23.

²¹ ЦГАВМФ, ф. «Канцелярия Потемкина-Таврического», д. 170, л. 173. Надо иметь в виду, что как в этом, так и в других современных документах слова «греки» и «турки» употреблялись собственно как синонимы слов «христиане» и «мусульмане».

²² АВПР, ф. «Сношения России с Венецией», д. 339, л. 32.

²³ Там же, д. 337, л. 23.

В связи с этим следует сказать, что окружение Али-паши состояло из весьма разнородных элементов. Были здесь и мусульманские землевладельцы, и образованные греки, причастные к начинавшемуся тогда греческому национально-освободительному движению и сочувствовавшие России, а также другие группы. Али-паша использовал вражду и взаимную подозрительность этих групп в своих интересах.

Еще одна причина срыва переговоров, надо полагать, состояла в том, что представитель русской стороны был для Али-паши легковесной фигурой. Консул, щедрой рукой «даривший» паше всю Румелию, Пелопоннес и другие области, вряд ли мог быть принят всерьез таким проницательным и умным политиком, каким был янинский властитель²⁴.

Тем не менее прерванные переговоры вскоре возобновились. Это объяснялось развитием событий, делавших Али-пашу все более заинтересованным в установлении тесных связей с Россией, у которой он хотел заручиться ее покровительством и помощью в борьбе с Портой.

После падения Килии Али-паша получил в начале 1791 г. категорический приказ отправиться с 20 тыс. чел. в армию к великому визирю. Узнав, что «Али-паше не весьма нравилось такое повеление», русский резидент с Сицилии Псаро завязал с ним переписку. Чтобы дать Али-паше предлог для невыполнения распоряжений Порты, Псаро, с согласия паши, составил мнимое «письмо» от своего имени к руководителям албанских и греческих приморских селений, предлагавшее им к 1 марта (ст. ст.) 1791 г. оказать помощь русской флотилии, угрожая в противном случае «подвергнуть разорению» их селения. «Письмо» было послано Али-паше, а тот переслал его в Порту с прибавлением, что он якобы получил его от албанских и греческих приматов вместе с просьбой о помощи. Поскольку, сообщал далее паша, он вынужден значительную часть своей армии оставить для защиты указанных приморских селений, он не в состоянии выполнить фирман о присоединении к армии великого визиря. Псаро же паша обещал «вести усобную брань между другими пашами и чрез то принудить их не оставлять своих мест, а себя пред Портою оправдать, что не он один имеет причины в селениях своих оставаться». Заключая свое донесение, адмирал Гибс, вместе с Псаро заведовавший делами средиземноморской флотилии, писал Г. А. Потемкину: «Помянутый доброжелательствующий к нам Али-паша обещал в скором времени послать к вашей светлости своих депутатов с таковым в пользу нашу предложением, о котором предварительно долг имею чрез сие вашей светлости донести»²⁵.

Через некоторое время Али-паша предложил новому командующему русской флотилией на Средиземном море генералу Томара вступить в формальный союз с Россией. Причины, побудившие Али-пашу на столь решительный шаг, коренились в обстановке, сложившейся к рассматриваемому времени в Южной Албании и Греции.

В 1790—1791 гг. местное население с еще большей энергией оказывало поддержку России в войне с Турцией. Значительно расширили масштабы своих операций флотилии Каччони и Лоренци, состоявшие из греков и албанцев. Россию посетили греческие и албанские делегации с планами открытой борьбы против Турции. Проездом во флотилию в ап-

²⁴ Сам Бенаки в одном из своих донесений в Коллегию иностранных дел признавал свои авансы Али-паше ничего не стоящими. «Следует полагать, — писал он, — что Али-паша перейдет на нашу сторону, если мы с господином Бичилли сделаем ему предложение, кроме слов ничего не стоящее» (АВПР, ф. «Сношения России с Венецией», д. 337, л. 3. Подчеркнуто нами. — Г. А.).

²⁵ ЦГАВМФ, ф. «Канцелярия Потемкина-Таврического», д. 60, лл. 343—344.

реле 1791 г. генерал Томара нашел в Триесте албанских делегатов, которые уже перед этим были у Потемкина. Они предложили генералу «сообщить с нами такое возмущение в Греции, начиная с Албании, которое могло бы потом держаться в случае и примирения нашего с Портой». Делегаты предложили, чтобы к лету 1791 г. были закончены переговоры о размерах помощи, главным образом свинцом и порохом, которую Россия предоставит албанским вождям, и чтобы в октябре этого же года русская флотилия подошла к побережью между Паргой и Превезой и высадила десант в 3 тыс. чел.²⁶

Али-паша знал обо всех этих переговорах и приготовлениях и стремился, если бы дело действительно дошло до антитурецкого восстания, удержать его под своим контролем и использовать в своих интересах. В цитированном донесении Потемкину Томара сообщал со слов одного из «албанских начальников» Остафия Парусси, что и «Али-паша Ромельский согласится с албанцами», т. е. выступит вместе с ними. Сам Томара скептически расценил это заявление, считая, что паша ищет только предлога, который позволил бы ему уклониться от выступления на фронт, и ничего больше.

Однако Томара изменил свое мнение, когда ему доставили от имени Али-паши документ, представлявший собой проект союзного договора между Али-пашой и Россией. Одним из уполномоченных, привезших этот проект, был вышеуказанный Остафий Парусси. По-видимому, именно он держал Али-пашу в курсе всех планов вождей албанцев-христиан. Другими уполномоченными были Василий Менкси и Ласаль. Первый служил во время предшествовавшей русско-турецкой войны в русском флоте; второй был французским консулом в Превезе и являлся доверенным лицом Али-паши.

Документ, представленный генералу Томара, заслуживает того, чтобы привести его целиком. Он гласил:

«Али-паша предлагает готовность свою предаться России и сделать в пользу оной в своих местах купно с греками диверсию. Он желает 1-е как для себя, так и для своей фамилии равно и для всех зависящих от него магометан уверения в свободном отправлении их веры.

2-е. Имеет быть означено в договорах пространство земель, которое останется в его владении и в коем признан он будет владетельным государем; а со своей стороны обязуется в той части не отягощать податями обывателей греков более, нежели турков: подати оные могут в прочем в договорах быть означены сходственно правилам, справедливости и умеренности.

3-е. Греки равно и турки могут пользоваться всеми чинами и званиями гражданскими и воинскими, и предпочитаться должно в сем случае личное имеет достоинство каждого.

4-е. Законы и повеления будут писаны на языке греческом, который есть язык более в употреблении в местах, из коих желает паша, чтобы означен был ему удел.

5-е. Греки останутся под покровительством Российским, но никогда не должны переносить тяжёбных дел своих и делат- апелляции по определениям судов земских к судам российским; но может двор Российский требовать от паши какого-либо снисхождения или справедливости грекам в случае, есть ли оные найдут себя притесненными или оскорбленными.

6-е. Вместо дани Али-паша обязуется содержать на своем коште один полк соединенных турков и греков, который и имеет быть всегда в готов-

²⁶ ЦГАВМФ, ф. «Канцелярия Потемкина-Таврического», д. 32, л. 191.

ности, и просить в том полку чина полковничьего для одного из своих сыновей, коего и предлагает теперь же отправить в Россию для получения там сходного состоянию своему воспитания и чтобы с начала сих дел мог служить залогом благонамерения и верности отцовой.

7-е. Будет доставлено со стороны России Али-паше означенное в договорах число пушек, снарядов и некоторое число денег, дабы сделать ему помощь в содержании своих войск до того времени, пока дела не будут устроены (сие время разумеется шесть месяцев) с обязательством со стороны паши возвратить капитал той суммы с процентами в назначенное время.

8-е. Россия должна обязаться содержать один корпус регулярных войск и собрать другой из греков, дабы видным образом подкрепить пашу и утешить неблагонамеренных из начальников турецких и решить сомнения тех, на коих паша надеется, что за ним будут следовать. Издержки на сии войска должны быть на счет России и паша не должен будет их возвращать.

9-е. Если бы сие дело по заключении договора и не возимело совершенного успеха, Россия обязана будет всегда взирать на Али-пашу, как на союзника от ея зависящего и употреблять в мирное время влияние свое при Порте Оттоманской для защищения его, равно же и помогать ему под рукой, есть ли бы султан употребил во вред его военные силы»²⁷.

Из этого документа с полной определенностью следует, во-первых, что Али-паша думал о полном отделении своих владений от Турции и превращении их в наследственное княжество; во-вторых, что он стремился завязать тесные политические связи с Россией и, в-третьих, что этот шаг был предпринят им под непосредственным впечатлением от тех переговоров, которые велись уже с Россией различными албанскими и греческими делегатами.

Томара, донося Потемкину о прибытии доверенных лиц Али-паши во флотилию, отмечал, что они явились «с предложениями предаться России и привлечь с собою в провинции его и окрестностях живущих турков вместе с греками на основании плана вашей светлости, поданного от депутатов греческих и ему известного»²⁸.

7 и 8-я статьи проекта договора говорят о том, что осторожный паша не спешил с открытым выступлением против Турции. Он готов был начать его только в случае, если со стороны России ему будет обеспечена значительная военная помощь²⁹.

В ходе переговоров уполномоченные Али-паши легко согласились с предложением Томары о том, что залогом верности паши послужит «оставление России одной или двух крепостей с пристанями, внутри требуемого им для себя удельного владения лежащих»³⁰.

Предложенный Али-пашой договор был важен ему и на тот случай, если бы не удалось отделиться от Порты, так как статья 9 договора обес-

²⁷ Там же, д. 64, л. 240—241. Современный перевод с французского. Дата на документе отсутствует. Доставлен Томаре, как видно из имеющегося в этом же фонде его письма к Потемкину от 16 июля 1791 г., в конце июня — начале июля 1791 г. (см. там же, д. 70, лл. 173—174).

²⁸ Там же, д. 70, л. 173 (подчеркнуто нами. — Г. А.).

²⁹ Али-паша «предлагал, чтобы было сильно подкреплено, взбунтоваться против Порты», — сообщал впоследствии Томара о своих переговорах с Али-пашой в 1791 г. (АВПР, ф. «Константинопольская миссия», д. 1412, л. 79. Подчеркнуто нами. — Г. А.).

³⁰ ЦГАВМФ, ф. «Канцелярия Потемкина-Таврического», д. 70, л. 173.

печивала ему помощь и покровительство России и по окончании войны с Турцией.

В то время, когда уполномоченные Али-паши вели переговоры, сам он находился уже в турецком лагере в Шумле. Здесь он вступил в непосредственную переписку с Потемкиным, предложением к которой послужила просьба паши об освобождении его племянника Мехмед-паши, попавшего в плен к русским. Потемкин выполнил просьбу Али-паши, одновременно послав ему ценные подарки. В своих письмах он дал понять Али-паше, что Россия охотно примет его услуги³¹.

Так были завязаны политические связи России с Али-пашой, которые в ходе русско-турецкой войны оказались ей весьма полезными. По словам Каподистрии, они «вызвали прямое ослабление оттоманской силы и обеспечили наилучшие возможности русской флотилии под командованием Каччони для получения отовсюду продовольствия, матросов и греческих офицеров»³².

После окончания войны Али-паша, как свидетельствует тот же Каподистрия, продолжал переписку с канцлером Безбородко и адмиралом де Рибасом. Затем, однако, в силу наступившего улучшения русско-турецких отношений, Али-паша прервал прямые связи с русским правительством, считая, что последнее теперь не заинтересовано в том, чтобы его поддерживать³³.

Как видим, приведенные факты о связях Али-паши с Россией в 1789—1791 гг. опровергают утверждения западноевропейских биографов Али-паши о том, что он якобы являлся «заклятым врагом москвитов»³⁴. Впоследствии этот могущественный феодал не раз проявлял стремление вновь сблизиться с Россией, чтобы с ее помощью обеспечить себе независимость от султана.

Еще более важно отметить, что в ходе русско-турецкой войны 1787—1791 гг. проявились чувства симпатии албанцев к России, особенно албанцев-христиан. «Когда случилась война России с турками,— писал адмирал Ф. Ф. Ушаков в 1800 г., имея в виду химариотов и сулиотов,— они всегда являлись и всевозможно помогали россиянам и воевали вместе»³⁵.

³¹ «Notions sur Aly Pacha»,— АВПР, ф. Канцелярии, д. 7815, л. 20; также ф. «Сношения России с Венецией», д. 357, л. 64.

³² «Notions sur Aly Pacha», л. 21.

³³ Там же.

³⁴ G. Remerand. Ali de Tébelen. Pacha de Janina (1744—1822). Paris, 1928, p. 183. См. также W. Plomer. Ali the Lion. London, 1936; J. W. Baggally. Ali Pasha and the Great Britain. Oxford, 1937.

³⁵ «Адмирал Ушаков», т. III, М., 1956, стр. 309.

Г. Н. ОБРАЗЦОВ

УЛОЖЕНИЕ 1649 г. И КРЕСТЬЯНЕ ВОТЧИНЫ АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

Уложение 1649 г. явилось важнейшим этапом в процессе закрепощения крестьянства. Идя навстречу интересам феодального класса и в особенности настойчивым требованиям мелкопоместного дворянства, правительство царя Алексея Михайловича окончательно отменило «урочные годы» и установило штраф за прием и укрывательство беглых крестьян. Уложение 1649 г. по существу предоставляло феодалам ничем не ограниченные права над личностью и имуществом крепостного крестьянина.

Пользуясь этими правами и непосредственной помощью царского правительства, бояре-вотчинники, монастыри и служилые дворяне начинают усиленные розыски бежавших в предыдущие годы крестьян. Особенно широкие размеры сыск беглых приобрел в 50—60-е годы XVII в., когда почти на всех окраинах Русского государства действовали специально посланные туда представители.

Исследования А. А. Новосельского, И. А. Булыгина, Т. И. Смирновой, посвященные сыску беглых крестьян¹, дают обстоятельную характеристику положения беглых крестьян, выясняют основные направления побегов крестьян, условия их возвращения, формы борьбы крестьян против попыток водворения их на прежние места жительства и другие вопросы.

По данным указанных авторов, основная масса беглых крестьян скапливалась на южных и восточных окраинах Русского государства и подлежала возвращению к своим прежним владельцам преимущественно в центральные уезды. Не представляли в этом отношении большого исключения и северные окраины страны, даже те, которые непосредственно не попали в район действия правительственных экспедиций по сыску беглых крепостных крестьян. Активную деятельность по возвращению бежавших из вотчины крестьян развивает в 50—60-е годы XVII в. один из крупнейших монастырей севера,— Антониево-Сийский.

Владения монастыря занимали обширные пространства Двинского уезда и некоторых пограничных с ним территорий. Являясь крупным земельным собственником, Антониево-Сийский монастырь был заинтересован в полном закрепощении подвластного ему крестьянского населения. Вся история существования этого монастыря, особенно в конце XVI и

¹ А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.—«Труды Ин-та истории РАН ИОН», т. I, М., 1926; его же. Крестьяне и холопы.—В кн.: «Очерки истории СССР. XVII век», М., 1955; И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в.—«Исторические записки», т. 43; Т. И. Смирнова. Побег крестьян накануне выступления Степана Разина.—«Вопросы истории», 1956, № 6.

первой половине XVII в., заполнены острой классовой борьбой крестьян, стремившихся избавиться от непосильной эксплуатации монастырских властей. Крестьяне нескольких волостей Емецкого стана делали неоднократные попытки вырваться из-под власти монастыря и вернуться на положение черносошных крестьян. Особенно острый характер эта борьба приобрела в 1606—1611 гг.² Но и в последующие годы крестьяне этих волостей не прекращали своей борьбы с монастырем. Многие из них не выдерживали и бежали из монастырской вотчины. Некоторые пытались найти защиту у царя и писали в Москву челобитные с просьбами о возвращении в черносошные земли. Последняя такая попытка относится к концу 40-х годов XVII в.

Пользуясь тем, что в 1647 г. воеводам Буйносову-Ростовскому и Безобразову было предписано выяснить состояние земельного фонда на Двине, крестьяне Наволоцкой, Ваймужской, Задворской и Равдогорской волостей послали в Москву одного за другим нескольких челобитчиков. Основная цель всех челобитных заключалась в том, чтобы довести до сведения царя о бесчинствах, которые творили над крестьянами монастырские власти на насильственно захваченных бывших черных землях, и попытаться освободиться от монастыря. В специальных наказах челобитчикам крестьяне пишут, чтобы они обратились к царю Алексею Михайловичу с просьбой о разрешении жить «за великим государем, а не за Сийским монастырем». В случае неудачного исхода дела, если государь «велит быть по прежнему за Сийским монастырем», крестьянские «посыльщики» должны были обратиться к царю с новой, более скромной просьбой, а именно: чтобы государь дал свой «указ» о том, «как жити за Сийским монастырем, чтобы от старцев и от слуг обид не было и как подати всякие государевы платити»³.

Трудно было ожидать крестьянам защиты от правительства Алексея Михайловича, тем более в период, когда оно было занято подготовительной работой по составлению Уложения, имевшего целью окончательное законодательное оформление крепостной зависимости крестьян. Только тяжелая нужда заставляла крестьянских челобитчиков месяцами «скитаться меж двор» и ожидать милостей московских приказов. Знали это прекрасно и монастырские власти. Однако знали они и то, что просьбы крестьян в большинстве случаев имели вполне законные основания и, кроме того, крестьяне могли рассказать очень много такого, что монастырские старцы предпочитали держать в тайне. Именно этим объясняется то, что они с такой жестокой настойчивостью старались не допустить челобитчиков до Москвы и упорно уклонялись от рассмотрения спорных вопросов в местных судебных органах. Челобитная царю Алексею Михайловичу Семена Петрова Пантелеева, одного из посыльщиков в Москву от крестьян Емецкого стана, вскрывает как раз те стороны деятельности монастыря, освещения которых так боялись монастырские старцы⁴.

Сведения эти подтверждаются и дополняются другой челобитной крестьян этих же волостей, поданной в апреле 1649 г., по поводу возвращения земель, которые были незаконно отняты от тяглых деревень и присвоены Сийским монастырем⁵.

² См. Н. С. Чаев. Из истории крестьянской борьбы за землю.— «Исторический архив», т. I, М.—Л., 1936.

³ Арх. Ин-та истории АН СССР в Ленинграде (ЛОИИ), Акты Антониево-Сийского м-ря, карт. 19, № 68.

⁴ Там же. № 71. Челобитная царю Алексею Михайловичу посыльщика Семена Петрова Пантелеева на насильство игумена Антониево-Сийского монастыря Феодосия (1648 г.).

⁵ Там же, карт. 19, № 125.

В челобитных говорится о том, что в 1647 г., во время деятельности комиссии двинских воевод Буйносова-Ростовского и Безобразова, вызванные для расспросов в съезжую избу крестьяне Наволоцкой, Равдогорской, Ваймужской и Задворской волостей рассказали о всех «насильствах» игумена Сийского монастыря по отношению к крестьянам. Фактов было настолько много и требования крестьян настолько упорными, что двинские воеводы, не имея полномочий на радикальное решение таких спорных вопросов, как перевод монастырских крестьян в черносошные, решили передать дело в Москву в Новгородскую четверть. Временно, до окончательного решения дела воеводы дали предписание двинским земским судейкам защитить крестьян от незаконных действий со стороны монастырских властей. «Велено нас всех, сирот твоих,— писали крестьяне,— тех всех деревень крестьян от Сийского монастыря от старцев и от слуг и от их насильства беретчи; и бить и грабить, и скотины, и хлеба, и сена имать не велеть до твоего государеву указу»⁶.

Однако подобные распоряжения двинских властей не помешали монастырским старцам продолжать свои насилия над крестьянами. «И он, игумен Феодосий з братею,— читаем мы в челобитной от 1649 г.,— государеву указу и оборонные памяти не слушали и нас, сирот, по дорогам с слугами поймав, били и грабили и на Колмогоры отвозили и напрасные убытки и насильства и обиды чинили и на зделья нас, сирот твоих, к себе имали»⁷.

В связи с решением воевод о передаче спорного дела в Москву, а также с тем, что монастырские власти продолжали творить свои беззакония, крестьяне направили в Москву челобитчика Семена Петрова Пантелеева, снабдив его деньгами и всеми необходимыми бумагами: «письменными крепостями», «платежными отписями», «посыльной записью», «заручной челобитной». 4 марта 1648 г. Семен Пантелеев выехал из Емецкого и 12 марта прибыл в Вологду. Заплатив таможенные пошлины и получив в таможенной избе пропускную выпись на Москву, Семен Пантелеев остановился «на подворье» в Калачной улице, чтобы на следующий день продолжить свое путешествие. Однако ночью на подворье внезапно явился служка Сийского монастыря Борис Чухин «со многими людьми». Семен Пантелеев был вытаскен на улицу, избит и увезен на Сийский двор в Вологде. Здесь у него были отобраны все деньги и бумаги, в том числе и челобитная к царю Алексею Михайловичу о «насильствах» Сийского монастыря.

Только заступничество оказавшихся на Сийском дворе боярина Глеба Ивановича Морозова и вкладчика Сийского монастыря Киприана Иванова спасло Семена Пантелеева от дальнейших избиений. По их настоянию Семен Пантелеев был доставлен к вологодскому воеводе Семену Стрешневу. Воевода, рассмотрев дело, признал правоту Семена Пантелеева и разрешил ему ехать на Москву, а слугам Сийского монастыря «впредь имать и бить и грабить» его не велел. Однако и это не остановило монастырских старцев. Желая во чтобы то ни стало задержать крестьянского челобитчика, игумен Феодосий вместе с Борисом Чухиным устроили засаду недалеко от Ярославля, чтобы перехватить по дороге ничего не подозревавшего Семена Пантелеева. И действительно, 15 марта 1648 г. Семен Пантелеев был снова схвачен монастырскими слугами. Избитого и окровавленного крестьянина бросили в сани и, связав и покрыв рогожей, повезли обратно в Вологду на Сийский двор. Чтобы скрыть следы преступ-

⁶ Там же, стр. № 71.

⁷ Там же, № 125.

ления, монастырские слуги сняли с Семена порванные и окровавленные одежды, заставив переодеться во все монастырское. В Вологде старцы заперли крестьянина «в омшанник и замкнули замком, чтобы воевода и дьяк не узнали и весть не пронеслась». Ночью избитый до потери сознания Семен Пантелеев под рогожей был вывезен из Вологды по направлению к Сийскому монастырю. 25 марта, наконец, он был привезен к монастырю и заперт в подвале под монастырской горницей.

Борис Чухин и другие слуги продолжали свои издевательства. Некоторые из монахов («старцы добрые, которые не воры и вора не потатчики»), узнав об этих издевательствах, потребовали передачи Семена Пантелеева в Холмогорскую съезжую избу. Игумен Феодосий приказал службе Григорию Волкову отвезти Семена в Холмогоры, но не в съезжую избу, а на Сийский же монастырский двор, где Семена «закинули в подвал и держали двое сутки и морозили на смерть».

Известие об избииении Семена Пантелеева дошло до его брата Якуньки, который немедленно же обратился с жалобой в Холмогорскую съезжую избу. Дело приобрело широкую огласку, и Семен Пантелеев был, наконец, привезен в съезжую избу к воеводе В. Ромодановскому и дьяку Григорию Углеву, где и рассказал обо всех учиненных над ним «насильствах». Однако игумен Феодосий избежал открытого судебного разбирательства дела, предъявив списки с несудимых тарханских грамот Антониеву-Сийскому монастырю.

В своей челобитной Семен Пантелеев рассказывает не только о том, каким бесчеловечным издевательствам подвергли его монастырские слуги с ведома игумена Феодосия, но и о том, какими нечистыми приемами пользовались монастырские власти вообще в борьбе за землю и за крестьян. Оказывается, игумен отнял у Семена Пантелеева его деревню Ивачевскую, а пашни этой деревни приказал засеять его двоюродному брату Макару Григорьеву. Чтобы придать форму законности этому насильственному акту, игумен взял с Макара Григорьева порядную запись на пахотные участки Ивачевской деревни. Феодосий отнял также деревню у крестьянина Григория Трофимова, прогнав с земли его сына Ивана, а на освободившиеся участки назвал монастырских половников. Точно так же Феодосий расправился с крестьянином Иваном Ершовым, отняв у него луговые земли и передав соседу его Кузьме Окуневу. Такая участь ожидала многих крестьян, у которых игумен «вотчинные деревни поотнимал и накликивал половников, а вотчинники в мире бродя меж дворами скитаются. А отчинных деревень лутчие пашенные земли и санные покосы отнимал и припущал к монастырским землям, а иные отдавал к новороспашенным бобылем»⁸.

Не ограничиваясь захватом крестьянских земель, игумен Феодосий насильно привлекал крестьян к выполнению монастырских работ. «Всякие мученья» и «правежи», «понапрасные кабалы» и «намученные записи» — все это использовалось игуменом для дальнейшего закабаления крестьянства и усиления его эксплуатации. Одновременно с этим всевозможными посулами игумен продолжал привлекать в монастырскую вотчину новые массы обезземеленного крестьянского населения: «А их, крестьян, прельщает, сулит им житье прскладное, и яз де вас облегчу и жить вам будет добро лутче прежнево»⁹. Но все эти посулы и обещания теряли свою силу, как только крестьяне попадали в кабалу к Сийскому монастырю. Безудержная эксплуатация и насилия ожидали крестьян в монастырской вотчине. «И мы, сироты твои, государь, от сийского игу-

⁸ Архив ЛОИИ, Акты Антониево-Сийского м-ря, карт. 19, № 71.

⁹ Там же.

мена Феодосия и от служек навек обезвечены и до конца разорены», — писали монастырские крестьяне царю в своей челобитной. «Убийцей» и «супостатом» называют они игумена Феодосия, прося царя если не полного освобождения, то хотя бы некоторой защиты от его насилий.

Чтобы парализовать действие крестьянских челобитных, игумен Феодосий сам в 1649 г. отправился в Москву, где подал Алексею Михайловичу свою челобитную. В последней он пытается опровергнуть все показания крестьян, утверждая, что владеет он «ими, крестьянами, по именному государеву указу», что «тягло и издѣлье» монастырь накладывает нормально и что, наоборот, сами крестьяне являются недоимщиками Сийского монастыря, так как надлежит взять «на них, на крестьян, в монастырскую казну денежные и хлебные дачи рублей по 50 и больше»¹⁰.

В заключение игумен Феодосий просит царя сохранить крестьян за Антониевым-Сийским монастырем, поскольку «те крестьяне живут за Сийским монастырем больше 60 лет»; в противном случае, указывает игумен, монастырю грозит полное запустение, а монахам — «голодная смерть», так как «у них, опришно тех деревень, иных вотчин и крестьян нет и питатца нечем»¹¹.

В Москве в приказе Новгородской четверти были внимательно рассмотрены все челобитные, как крестьянские, так и игуменские, и все представленные обеими сторонами документы. Но дело, как и следовало ожидать, было решено не в интересах крестьян. 17 мая 1649 г. двинский воевода князь В. Г. Ромодановский получил грамоту с «прочетом» царя Алексея Михайловича об отдаче деревень и крестьян Емецкого стана во владение Антониева-Сийского монастыря и о наказании тех крестьян, «которые от монастыря оттягивались». «Велено теми деревнями и крестьяны, — говорится в этой грамоте, — которые даны в Сийский монастырь в отмен, владеть сийскому игумену Феодосию з братьею... И челобитчики тех деревень Емецкого стану крестьяне Гришка Трофимов, Семка Пантелеев с товарищи Сийского монастыря игумену Феодосию з братьею отданы»¹².

Царская грамота не ограничивалась простым подтверждением прав Сийского монастыря на спорные деревни и на живших в них крестьян. Она шла дальше и разрешала игумену собрать с непокорных крестьян в монастырскую казну все денежные оброки, хлебные сборы, заставить их отработать в монастырском хозяйстве за невыполненное ими в прошлые годы «монастырское издѣлье» и «бить батоги» ослушников, а наиболее активных «из монастырской вотчины выслать». Всем крепостным крестьянам Сийского монастыря давалось строгое предостережение и указание, «чтоб они вперед игумену и келарю з братьею были послушны. А будет от них вперед какое будет непослушанье, и им за то от нас быть в жестоком наказанье»¹³.

Игумен Феодосий не замедлил воспользоваться данным решением, чтобы расправиться с крестьянами и их челобитчиками. Трое из них были взяты игуменом непосредственно в Москве, закованы «в железа» и привезены в Сийский монастырь, откуда вместе со многими другими крестьянами доставлены в Холмогорье на монастырский двор. Здесь крестьяне были биты батогами, после чего, как сообщают крестьяне, игумен Феодосий с слугами своими «намучал» на крестьян записи на 100 руб. и «кабалы на них написал». Подобные намученные «записи» и «кабалы»

¹⁰ «Исторический архив», т. I, стр. 58.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 63.

¹³ Там же, стр. 64.

понадобились игумену для того, чтобы вконец опутать крестьян, навсегда связать их с монастырем, предупредить всякую возможность сопротивления. Не случайно присутствовавший здесь же монастырский слуга Семен Михайлов «по его игуменскому научению, — пишут крестьяне, — по намученным кабалам и по записям уграживал смертным убийством на правеже, чтобы мы, сироты твои, на обыску вотчинниками не назывались и про их монастырское насилие и обиды никакие речи не сказывали и на Колмогорах мы, сироты, с ним, игуменом, на очной ставке не были»¹⁴.

По ложному челобитью игумена, обвинившего крестьян в нежелании расплачиваться с долгами и в неповиновении монастырю, многие из них, в том числе Григорий Трофимов и Семен Пантелеев, в ноябре 1649 г. были брошены в холмогорскую тюрьму. Однако ни избияния, ни тюрьма, ни кабалы не заставили крестьян отказаться от попыток освободиться из-под монастырской зависимости. В конце 1649 г. или в начале 1650 г. крестьянам удалось передать из тюрьмы еще одну челобитную царю, в которой они продолжают утверждать: «А те, государь, деревни извечно наши вотчины и мы, сироты твои, государь, крестьяне, а не монастырские»¹⁵. Крестьяне просили царя Алексея Михайловича не дать возможности игумену Феодосию «по намученным кабалам и по записи на правеже на смерть убить», просили также освободить их из тюрьмы и «дать свою государеву оборонную грамоту» до нового рассмотрения дела в Москве в Сыском приказе на очной ставке с игуменом.

Но эта была последняя челобитная подобного рода. Ответа на нее не последовало. Грамота от 17 мая 1649 г. уже по существу положила конец спорам крестьян Емецкого стана с Антониевым-Сийским монастырем в пользу последнего. Содержание этой грамоты целиком соответствовало как интересам монастыря, так и политике правительства Алексея Михайловича. В это время была окончательно завершена работа по составлению Соборного Уложения. Один из центральных вопросов Уложения касался определения взаимоотношений между феодальными земельными собственниками и зависимым от них крестьянским населением. Глава XI Уложения решала этот вопрос в интересах самых широких групп феодального класса. Не только земля, но и личность и собственность крестьянина переходила в полное распоряжение его господина. С другой стороны, Уложение полностью удовлетворило требованиям феодального класса, в особенности дворян и детей боярских, санкционировав отмену урочных лет и предоставив феодалам почти неограниченные права над их крестьянами.

Положение многих крепостных крестьян в вотчине Антониева-Сийского монастыря и раньше фактически мало чем отличалось от того, что устанавливалось Уложением, но после его принятия это положение было санкционировано законом. Бегство из монастырской вотчины, любые случаи проявления неповиновения монастырским властям, отказ от выплаты оброка в установленных размерах, невыполнение монастырской барщины — все это рассматривалось теперь не просто как неповиновение монастырю, но и как нарушение закона.

Во второй половине XVII в. мы не встречаемся ни с теми фактами борьбы, которые имели место в монастырской вотчине в первой четверти XVII в., ни с тем упорным стремлением крестьян законным образом, путем подачи челобитных царю и судебных разбирательств освободиться из-под власти монастыря или ограничить его насилие, какое наблюдалось в конце 40-х годов XVII в. Очевидно, крестьяне убедились в том, что их

¹⁴ Архив ЛОИИ, Акты Антониево-Сийского м-ря, карт. 19, № 127.

¹⁵ Там же, № 17.

попытки добиться чего-либо подачей челобитных царю теперь будут бесцельными и в то же время обременительным предприятием. Но зато монастырские власти стали действовать еще увереннее и энергичнее. Отныне они не только своими средствами, но и с помощью государства разыскивают своих беглых крестьян и бобылей, принуждая их к повиновению.

Когда монастырские крестьяне в 1651 г. отказались отбывать монастырские повинности, новгородский митрополит Никон, по челобитью игумена Феодосия, немедленно же послал свою грамоту в Холмогорскую съезжую избу, требуя, чтобы местные власти напомнили крестьянам об их обязанностях по отношению к Антониево-Сийскому монастырю¹⁶, причем двинские власти приняли по грамоте митрополита срочные меры.

Уложение 1649 г. дало возможность Сийскому монастырю начать активную деятельность по сыску и возвращению в монастырскую вотчину бежавших крестьян и бобылей. Если до 1649 г. до нас не дошло ни одного дела по поводу беглых монастырских крестьян, то с 1650 по 1680 г. этому вопросу посвящено восемь документальных свидетельств, говорящих не только о фактах бегства, но и о возвращении беглых в монастырь с освещением самой процедуры этого возвращения на основании соответствующих статей Уложения.

Первое, вполне конкретное свидетельство о возвращении беглых монастырских крестьян относится к 1649 г. Это — поручная запись на трех монастырских крестьян: Григория Патрикеева, Семого Пантелеева и Дементия Харлампиева. Все трое бежали из монастырских деревень Емецкого стана и, будучи разысканными, возвращались на прежние места. Игумен Феодосий взял с них поручную запись как своеобразную гарантию от их вторичного бегства. «Все мы трое емчана Антониева-Сийского монастыря крестьяне, — писали в поручной беглецы, — поручились есмь друг по друге того же Антониева-Сийского монастыря игумену Феодосию з братьею в том, что отходили мы из-за тово Сийского монастыря за государя и про то на Москве сыскано и по государеву указу мы, Григорий и Семой и Дементий, отданы мы ему, игумену, головами».

Согласно тексту данной поручной записи, крестьяне должны были из Москвы идти до Вологды, после чего, дождавшись игумена Феодосия, следовать в Сийский монастырь. В случае бегства одного из них отвечали все остальные. Мало того, игумен заставил нести ответственность за беглых и их семьи, включив от имени крестьян соответствующую оговорку в текст поручной: «И жены и дети наши в наших в збеглых голов место»¹⁷.

Невозможно определить количество беглых крестьян из монастыря на 1650 г. Думаем, что таких было немало. Вся предшествующая история развития монастырской вотчины и особенно политика Сийского монастыря по отношению к крестьянам в 30—40-е годы XVII в. создавали для многих крестьян такие невыносимые условия жизни, что вынуждали их к бегству с насиженных мест.

Помимо двух-трех конкретных случаев возвращения крестьян по челобитным игумена Сийского монастыря, остальные грамоты говорят вообще о необходимости местным двинским властям помочь монастырю

¹⁶ «А у них де монастырские вотчинные крестьяне, — писал митрополит в своей грамоте, — перед прежним помогать им ни в чем не хотят, а монастырские десятины пашни не пахут и дров и сена не возят, и хлебные и денежные оброки с своих пашен и угодий платят небольшие, и живут де во льготе, а монастырского келейного и дворового и иного никакого строения строить не хотят, а государевых ямских и стрелецких денег и никаких доходов не платят» (Архив ЛОИИ, Акты Антониево-Сийского м-ря, карт. 20, № 4).

¹⁷ Там же, карт. 19, № 117.

вернуть крестьян и бобылей, «которые в прошлом году бежали из монастырской вотчины»¹⁸ и «которые крестьяне и бобыли и их дети в писцовых и переписных книгах за Сийским монастырем написаны»¹⁹.

Копия переписной книги 1678 г. с вотчины Антониева-Сийского монастыря, сохранившаяся в монастырском архиве, сообщает о 60 случаях бегства, причем большинство беглых покинуло свои дворы в 1676, 1677 или 1678 гг. Причина бегства этих крестьян отмечается самой переписной книгой: «И с тех 9 пустых дворов жильцы в прошлом 184 и во 185 годах от хлебной скудости и недороду для препитания сошли в верховые города», — говорится в книге по поводу покинувших свои дворы крестьян и бобылей слободки Долгая Щель²⁰. Заклучая описание пустых дворов в монастырской вотчине, переписчик Фонвизин отмечал: «И те беспашенные бобыли и с тех дворов в прошлом году во 183 г., во 184 г., и в 185 году и в нынешнем 186 году в верховые города збрели от хлебные скудости»²¹.

С начала 50-х годов XVII в., опираясь на Уложение 1649 г., власти Антониева-Сийского монастыря начинают борьбу за возвращение своих беглецов. В одной из челобитных к царю Алексею Михайловичу по поводу беглых крестьян игумен Феодосий писал, что в прошлые годы «бежали из их монастырской вотчины старинные их монастырские крестьяне и снесли их монастырские кабальные и бескабальные долги. А ныне оне живут на Колмогорах и у Архангельского города и в пушкарях, а иные в волостях. А в писцовых и дозорных книгах тех крестьян отцы и братья и оне написаны за Сийским монастырем»²².

Просьба игумена была удовлетворена. В ответной грамоте царя говорилось: «И нам бы их пожаловать, велеть по нашему указу и по Соборному Уложению и по писцовым и по дозорным книгам тех беглых крестьян, сыскав, отдать им, чтоб от того монастырская вотчина не запустела и старцам и служкам и крестьянам продаж и убытков не было»²³.

В грамоте царя Алексея Михайловича двинскому воеводе Бутурлину от 24 марта 1651 г. обращалось внимание местных властей на то, чтобы они «о тех беглых крестьянх указ учинили с Соборного Уложения по книгам. А книга Соборного Уложения к вам на Двину послана»²⁴.

Неизвестно, каких именно крестьян имела в виду челобитная игумена Феодосия. По содержанию всей этой грамоты можно судить, что здесь дело шло еще не о возвращении, а о сыске бежавших монастырских тяглецов. Где находились эти крестьяне в момент подачи челобитной, — по всей вероятности, не было известно еще ни монастырю, ни представителям уездной администрации.

Более конкретный характер носят дела о возвращении в Сийский монастырь беглых крестьян, относящиеся уже к 1664—1665 гг. В 1663 г. монастырь обратился в Холмогорскую съезжую избу с просьбой о возвращении беглого крестьянина Ювки Данилова Шарпалова, ушедшего с монастырской деревни Потанинской в Кривицкой волости вместе с женой и детьми. Монастырским властям было известно, что их бывший крестьянин проживал в настоящее время в черной деревне в Ступинской волости. Игумен Феодосий и просил поэтому «таво их монастырского крестьянина

Ювку з женою и з детьми отдать за их Сийский монастырь в их монастырскую деревню по писцовым книгам по прежним»²⁵.

Узнав о требовании игумена, Ювка Шарпалов в свою очередь подал челобитную в съезжую избу, желая остаться на своем новом месте жительства, где он прожил, видимо, немало лет. В челобитной своей он пытается убедить двинского воеводу Ивана Милославского в своем законном пребывании на черных землях ссылкой на то, что «отец его, Ювки, и он, Ювка, у них, Сийского монастыря, во крестьянстве не жывал, а был де отец его, Данилко Шарпалов, пришло из Верховых городов». Далее он сообщает, что он «с сыном своим живет из давних лет великого государя в черных деревнях во крестьянстве, да и в переписных книгах сын его, Ювкин, записан в Ступинской волости и с волостными крестьяны великого государя всякие подати платит и службы служит»²⁶.

Однако присутствовавший в съезжей избе от Сийского монастыря служка Борис Михайлов опроверг утверждения Ювки Шарпалова, сославшись на то, что еще отец его, Данило Шарпалов, был записан в писцовых книгах за Антониево-Сийским монастырем. И действительно, сообщение служки Бориса Михайлова о том, что в «двинских монастырских писцовых книгах 130 и 131 и 132 годов писца М. Вельяминова... в Емецком стану в Кривецком монастыре, что за Сийским монастырем написана д. Потанинская, а в ней во дворе крестьянин Данилко Васильев, а Ювке отец»²⁷, — целиком соответствует записи в сотной грамоте 1627 г. с книг М. Вельяминова. Данило Васильев Шарпалов встречается в числе крестьян Сийского монастыря еще и в 1648 г., когда он вместе с другими монастырскими крестьянами поряжался на возку бревен для ремонта церкви на Кривом²⁸. В подкреплении своих претензий служка Б. Михайлов зачитал полный текст статьи 2 главы 11 Уложения 1649 г., требующей «отдавать беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людем, без урочных лет»²⁹.

Запись отца Ювки Шарпалова в писцовых книгах за Сийским монастырем и соответствующая статья Соборного Уложения были вполне достаточными аргументами в пользу монастыря. Именно эти обстоятельства и отмечаются прежде всего в заключительном решении съезжей избы по делу о беглом монастырском крестьянине: «По Соборному Уложению и по писцовым книгам и по приговору стольника и воеводы Ивана Милославского да дьяка Лариона Ермолаева тот крестьянин Ювка Данилов сын Шарпалов отдан в Сийский монастырь з женою и з детьми и со всеми их крестьянскими животы»³⁰.

Решение съезжей избы предоставляло игумену Феодосию право уже самому заняться перевозкой крестьянина Ювки Шарпалова в монастырскую вотчину, с тем чтобы отныне быть ему «за их, Сийским монастырем, на пашне во крестьянстве з женою и з детьми и со всеми их крестьянскими животы вечно по писцовым книгам по-прежнему»³¹.

В 1665 г. возникло дело по поводу возвращения еще трех монастырских беглецов. 16 мая 1665 г. служка Борис Михайлов передал в Холмогорскую съезжую избу челобитную на трех монастырских крестьян — Василия Гаврилова Красотина с сыном Онфимом Красотиным и

¹⁸ Архив ЛОИИ, Акты Антониево-Сийского м-ря, карт. 20, № 3.

¹⁹ Там же, карт. 25, № 89.

²⁰ Там же, карт. 31, № 1.

²¹ Там же.

²² Там же, карт. 20, № 3.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, карт. 23, № 233.

²⁶ Там же, карт. 20, № 3.

²⁷ Там же, карт. 23, № 233.

²⁸ Там же, карт. 19, № 75.

²⁹ Там же, карт. 23, № 233.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Павла Афанасьева Майкова, живших в черных деревнях Прилуцкой волости. 18 июня 1655 г. воевода князь О. И. Щербатый и дьяк Алмаз Чистый дали свою «память» земскому судейке Погосской сотни Аввакуму Федотову о рассмотрении в суде дела по челобитной Сийского монастыря. Борис Михайлов вновь представил прямые свидетельства о правах Сийского монастыря на указанных в челобитной крестьян. Отец Василия Гаврилова и дед Онфима Васильева был записан в писцовых книгах М. Вельяминова в монастырской деревне Мырцовской, а отец Павла Афанасьева Майкова, Афанасий Юдин Майков, жил в свое время в монастырской деревне Звозской над Кузьевым ручьем. Так же как и в предшествующем случае, приводился и текст статьи 2 главы 11 Соборного Уложения как главное основание законности требований монастыря на беглых крестьян.

Руководствуясь выписями из Двинских писцовых книг и Соборного Уложения, воевода Щербатый и дьяк Алмаз Чистый приказали «крестьян Васюку Гаврилова и сына его Онфимку и Пашку Майкова отдать во крестьяне за Сийский монастырь игумену Феодосию з братиею по-прежнему з женами и детьми и со всеми их крестьянскими животы и с хлебом стоячим и молоченым»³².

Ввиду того что указанные выше крестьяне успели купить у черносошных крестьян дворы и тяглые участки, им надлежало все это продать «государевым тяглым же крестьянам». По получении этой «памяти» и после того, как беглые крестьяне будут доставлены в Погосскую сотню, судья Аввакум Федотов должен был взять понятых крестьян и отправиться с ними на новые места жительства беглых крестьян в Прилуцкую волость, чтобы «на их покупных деревенских жеребьях всякой насеяной стоячей хлеб и молоченой и живот и всякое деревенское строение и животы все переписать на роспись»³³, и уже после этого перевести их за Сийский монастырь. Предварительно надо было еще выяснить, не были ли Василий Гаврилов с сыном и Павел Майков должны государевым крестьянам. В случае отказа их от своих долгов «памятью» предписывалось «на них то дело править и животы их отдавать государевым крестьянам с росписью же»³⁴.

26 июля 1665 г. земский судья Аввакум Федотов с шестью понятыми из волостных крестьян Прилуцкой волости произвел перепись имущества Онфима Васильева Красотина и Павла Майкова. Василий Красотин успел уйти и с нового места за два дня до переписи «неведомо куда». Перепись имущества Онфима Красотина и Павла Майкова показывает, что они много лет прожили в черных сошках и успели обзавестись здесь своим хозяйством. У Онфимки Красотина было переписано: 1 лошадь, 2 коровы, 2 нетели, 2 бычка; из хозяйственного инвентаря: топор, коса, три серпа, «соха ветхая с ременики», два скобеля. Из хлебных запасов у него обнаружили: 1 четв. ржи и 4½ четв. ячменя «молоченым хлебом» и «сеяного хлеба ко 173 году ржи осьмина, ячменю четь на горах, да в лугу осьмина»³⁵. У Павла Майкова во дворе было домашнего скота: 1 лошадь, 2 коровы, 2 быка и овца; из хозяйственного инвентаря у него записано: жернова, коса, два серпа, топор, «соха ветхая с ременики».

Молоченых хлебных запасов у Майкова не было; на корню же оставалось ржи 3 четверика и ячменя сеяного на горе 1 четь и в лугу полосьмины.

³² Архив ЛОИИ, Акты Антониево-Сийского м-ря, карт. 22, № 7.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, № 16.

Однако с препровождением Онфима Красотина и Павла Майкова в монастырскую вотчину вышла некоторая задержка, так как они еще не успели продать купленные ими черные земельные участки и полностью расплатиться с государевыми налогами. Земский судья Аввакум Федотов взял у монастырского слуги Прокопия обоих крестьян в съезжую избу «на свою поруку и в монастырь тех крестьян не отдал, доколе де деревенских своих участков не продадут и в податех государевых не расплатятся»³⁶.

Нет никакого сомнения в том, что если не сами эти крестьяне, то Сийский монастырь расплатился за них с черными волостями и доставил их на прежние места жительства, с тем чтобы потом наверстать утерянное. Так, например, по переписной книге 1678 г. в той же самой деревне Звозской над Кузьевым ручьем, откуда когда-то ушел Павел Майков, продолжали жить его родственники Семен, Афанасий и Василий Майковы. Родственники Ювки Шарпалова из дер. Потанинской также записываются жильцами дер. Потанинской. Правда, самих этих крестьян в переписной книге 1678 г. уже не обнаруживается.

В 70-е годы XVII в. Сийскому монастырю приходится снова неоднократно обращаться к царю, к местной уездной администрации и даже к новгородскому митрополиту с просьбами о розыске беглых монастырских крестьян и бобылей. Крестьяне продолжали уходить в состав тяглых волостных миров, приобретали там новые земельные участки, поступали в стрельцы и пушкари в различных городах или небольших северных укрепленных пунктах и даже прикрывались духовным саном, попадая в попы, дьячки и т. д. Однако и духовный сан не мог послужить препятствием для возвращения в монастырскую вотчину обнаруженных бывших монастырских крестьян. Сыску и возвращению в Антониево-Сийский монастырь крестьян посвящены две грамоты, относящиеся к 1671 и 1672 гг. Одна из них — грамота от 8 августа 1671 г. царя Алексея Михайловича на Двину воеводе А. Нестерову и другая — новгородского митрополита Питирима к игумену Николо-Корельского монастыря Козьме от 25 июня 1672 г. Игумен Сийского монастыря в своей челобитной царю Алексею Михайловичу жаловался на то, что «тяглые монастырские дворы и вотчины и всякие пашенные участки пустеют»³⁷ оттого, что монастырю приходится переплачивать большие деньги за многих монастырских крестьян, которые, «пометав свои тяглые монастырские деревни и вотчины и что им из монастырской казны в запрос денег и платья и скота и хлебных всяких запасов и не расплатясь, из монастыря вышед, живут... в великого государя в волостех, и иные своим самовольствы без отпусных стали в попы и во дьяконы и во всякой церковной причет...»³⁸. Грамота царя Алексея Михайловича от 8 августа 1671 г. предписывала воеводе А. Нестерову «тех монастырских крестьян и бобылей, которые в писцовых и в переписных книгах за Сийским монастырем написаны и которые стали в попы и во дьяконы и во всякой церковной причет, и из наших, великого государя, волостей взять за Сийский монастырь с пожитками их, а жить за монастырь по-прежнему и всякое тягло монастырское платить, чтобы, смотря на них, и последние крестьяне не розбрелись»³⁹. Двинский воевода должен был организовать розыск монастырских беглецов и затем произвести над ними суд в съезжей избе, чтобы «по суду и по сыску по писцовым и переписным книгам и по крепостем о тех монастырских кре-

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, карт. 39, № 49.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

стьянех указ ученить по нашему, великого государя, указу и по Соборному Уложению»⁴⁰.

Чтобы ускорить розыск беглых крестьян и особенно обнаружить тех, кто успел поступить в духовную службу, игумен Феодосий обратился 22 июня 1672 г. с челобитной к новгородскому митрополиту Питириму. Последний немедленно откликнулся на просьбу игумена и 25 июня 1672 г. направил специальную грамоту игумену Николо-Корельского монастыря Козьме с требованием провести тщательной «распрос» среди духовенства Новгородской епархии с целью розыска беглых крестьян и их возвращения в монастырскую вотчину. «И как к тебе сия наша грамота придет,— писал митрополит игумену Козьме,— и ты б Сийского монастыря у игумена Феодосия з братею их монастырским крестьяном и бобылем, которые поставлены в нашей епархии в розных волостей в попы или в дьяконы и в иной церковной причет, взял именную роспись, да по той росписи тех попов и дьяконов и церковных причетников имеа перед собой спрашивал подлинно порознь: за Сийским монастырем во крестьянах и в бобылях они живали и в писцовых и в переписных книгах написаны ли?»⁴¹. Далее в грамоте предписывается в случае надобности сверяться с писцовыми и переписными книгами, с тем чтобы обнаруженных там крестьян, а ныне «попов и дьяконов и причетников же з женами и з детьми и со всеми их животы отвозить в Антониев Сийский монастырь... А буде у кого с кем учинитца спор,— предлагает митрополит,— и ты б о том к нам писал, а что у тебя по сему нашему указу будет, и ты б о том потому же к нам писал»⁴².

Однако все эти постоянно предпринимаемые Сийским монастырем меры к розыску и возвращению беглых крестьян не имели успеха. Бегство крестьян и бобылей из монастырских деревень приобрело особенно широкие размеры со второй половины 70-х годов XVII в. и было связано, судя по замечаниям переписной книги 1678 г., с неурожайными и голодными годами на Двине в 1675—1678 гг. В книге то и дело встречаются записи такого рода, что «бобыльский двор пуст, Якушка Логинов збрел в гульбу для хлебной скудости», или что братья бобыля Ивашка Афанасьева из деревни Рындинской «Петрушка да Мишка Афанасьевы збрели в верховые города от хлебные скудости во 184 году», или же что в деревне Торховской жил крестьянин Ярофейко Дементьев с тремя сыновьями и внуком «и все збрели от хлебного недороду во 184 году»⁴³.

Таких примеров можно привести много. Всего, как уже отмечалось, переписная книга 1678 г. отмечает 60 случаев бегства. Можно предположить, что в действительности их было больше, так как были случаи возвращения в монастырь уже после переписи беглых крестьян, не записанных в переписной книге ни в беглых, ни в живущих на своих участках.

В 1678 г. игумен Феодосий обратился к царю Федору Алексеевичу с челобитной о переводе обратно в вотчину Сийского монастыря ушедших из нее четырех крестьян из Моржегорского Усоля: Харлампия Селиванова, Василия Селиванова, Семена Емельянова Рудных и Степана Миронова Лысовоза. Все они бежали из монастырской вотчины, «не заплатя монастырских долгов и без отпусных памятей перешли в Важский уезд в Подвинскую четверть со всеми пожитками и, пометав монастырские

пашенные деревни, купили небольшие починки и живут в дворцовых волостях»⁴⁴.

В переписной книге 1678 г. значится, что в дер. Дударовской в Моржегорье во дворе живет крестьянин Харлампейко Миронов, брат которого Степанко Миронов «сошел в гульбу»⁴⁵. Крестьянин Семен Емельянов Рудных был записан вместе с сыновьями еще живущим в монастырской вотчине, в дер. Зеленинской. Харлампия и Василия Селиванова в переписной книге нет совсем. Однако в соответствии с грамотой царя Федора Алексеевича воеводе Б. Яковлеву необходимо было немедленно всех четверых «их старинных крестьян за Сийский монастырь» перевести «по-прежнему, оприч купленных их деревенских починков»⁴⁶.

Ввиду настойчивых челобитных игумена Феодосия по поводу монастырских беглецов 25 марта 1678 г. была дана особая грамота двинскому переписчику Афанасию Фонвизину, чтобы он, наряду с организацией переписи населения на Двине, попутно занялся розыском разошедшихся монастырских крестьян, «на которых... подадут с писцовых и переписных книг выписки». Крестьян этих надлежало «по писцовым и переписным книгам сыскать и отдать в Сийский монастырь»⁴⁷. Афанасий Фонвизин в соответствии с этой грамотой «многих их, крестьян и бобылей, которые после писцов из монастырских вотчин розбрелись, сыскавал». Но на этом он и закончил свои дела. «А по сыску никакова указа о тех крестьянах и бобылях им не учинил»⁴⁸,— жаловался царю игумен. 6 ноября 1680 г. царь Федор Алексеевич послал новую грамоту на Двину воеводе Богдану Ордыну-Нащокину, чтобы он, взяв в Новгородском приказе список с проведенного А. Фонвизинным сыска, «по тому сыску... беглых крестьян и бобылей, которые выбежали из монастыря и живут на Двине на посаде и в Двинском уезде и в писцовых и переписных книгах написаны за монастырем», отдавал за Сийский монастырь «во крестьянство по-прежнему, чтоб о том впредь... великому государю челобитья не было». Одновременно игумену Феодосию указывалось, что «о попах и о церковных причетниках велели им бить челом новгородскому митрополиту»⁴⁹.

К грамоте царя была приложена и роспись обнаруженных во время сыска А. Фонвизинным монастырских крестьян и бобылей с указанием их нового местожительства и даже занимаемой должности. Всего в росписи имеются сведения о 27 крестьянах и бобылях, и все они, судя по данным росписи, жили в пределах Двинского уезда в тех же волостях, в которых располагались и владения Антониево-Сийского монастыря. Так, например, бобыль Ивашко Михайлов, записанный в переписной книге в починке Борановском в Сийской волости, жил теперь в Уемской волости. Брат его Борис Михайлов служил там же в церкви попом. Бобыль Никита Иванов из с. Холм Ширшемский оказался дьячком соседней с Сийским монастырем церкви в с. Емецком. Здесь же в Емецком в другой церкви служил попом бывший монастырский крестьянин Иоаким Симонов Плотников. В этой же церкви служили дьячками братья Ивашко и Якушко Филатовы, бывшие бобыли из починка Чуриловского. Гришка Никитин Кустов жил в Холмогорах на посаде,

⁴⁰ Архив ЛОИИ, Акты Антониево-Сийского м-ря, карт. 39, № 49.

⁴¹ Там же, карт. 26, № 3.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, карт. 31, № 1.

⁴⁴ Там же, карт. 27, № 201.

⁴⁵ Там же, карт. 31, № 1.

⁴⁶ Там же, карт. 27, № 201.

⁴⁷ Там же, карт. 33, № 1.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

хотя здесь же находился большой монастырский двор. Бывший монастырский крестьянин Назарка Антипин умудрился даже стать подьячим Двинской съезжей избы. Гаврилко Яковлев из дер. Исакова Гора переселился в Моржегорскую волость. В Моржегорской же волости жили Никита Рудный с братьями Амосом и Игнатом. Ни одного из них в переписной книге 1678 г. нет, но родственники их, по всей вероятности, жили также в Моржегорской волости. Отсюда в свое время бежал Семен Рудный, возвращенный на свое прежнее место еще в 1678 г. Другие монастырские беглецы жили в Хоробрицкой, Ступинской и Ивачевской волостях. Двое из них, Паска Мелентьев Тархов и Самошка Венедиктов Баженин, находились совсем рядом от монастыря — в горных деревнях Сийской волости.

Все эти крестьяне, независимо от занимаемого ими положения, должны были немедленно возвратиться в вотчину Антониева-Сийского монастыря. О возвращении в монастырь крестьян, живших на посаде и в черных деревнях, должен был позаботиться двинский воевода, а по поводу тех крестьян и бобылей, которые успели поступить в церковную службу, должен был распорядиться новгородский митрополит Корнилий. Грамотой митрополита от 1 апреля 1681 г. новому игумену Сийского монастыря Диодору разрешалось вывести из церквей и приходов попов и дяков, «которые вышли из монастырских вотчин без монастырских отпусков», и посадить их снова на монастырскую пашню⁵⁰.

В дальнейшем, до конца XVII в., больше уже не встречается ни челобитных Антониева-Сийского монастыря, ни грамот царя или митрополита на Двину, ни каких-либо других документов, прямо или косвенно свидетельствующих о бегстве крестьян из монастыря и их сыске и возвращении. Однако молчание документов по этому вопросу еще не может служить доказательством полного отсутствия случаев самовольного ухода крестьян.

Бегство крестьян от своих владельцев было одной из самых старых форм классовой борьбы крестьянства против феодального гнета. Бегство подчас давало крестьянам реальную возможность хотя бы на время избавиться от непосильной эксплуатации. Однако отсутствие достаточных материальных средств у крестьян, да и правовые нормы феодального государства, не позволяли крестьянину обзавестись самостоятельным хозяйством и заставляли искать себе нового господина. Не в лучшем положении оказывались и те крестьяне, которые переселялись в черные волости. Высокие и многочисленные налоги государства в дополнении с обременительными мирскими повинностями, отрывавшими у крестьян массу рабочего времени и сил, составляли по существу одну из форм той же самой феодальной эксплуатации, от которой бежал крестьянин, но не такую для него на первый взгляд осязательную ввиду отсутствия непосредственного господина. В более благоприятные условия попадали крестьяне, поселявшиеся в посадах или поступавшие в церковную службу. Но, как мы уже видели, и это не спасло их от возможности возвращения в крепостное состояние.

ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА БУХИНА

30 января 1958 г. скончалась В. А. Бухина, автор многих серьезных научных исследований по истории русского пролетариата. В лице В. А. Бухиной советская историческая наука потеряла добросовестного исследователя, а товарищи Веры Анатольевны по работе — прекрасного и отзывчивого друга.

В 1921 г. В. А. Бухина окончила историческое отделение Историко-филологического факультета Киевского университета. В 1922 г. В. А. Бухина переехала в Москву и на протяжении ряда лет работала в Центроархиве над систематизацией и описанием вотчинных архивов (Юсуповых, Шереметевых, Гагариных и Гончаровых). Из этой работы возникли исследования В. А. о фабрике Гончаровых (будущего «Полотняного завода») и о применении детского труда на московских фабриках: «Малоярославская фабрика до закрепощения рабочих. 1718—1737 гг.» («История пролетариата СССР», 1930, сб. 2); «Волнения рабочих на Малоярославской фабрике» (там же, 1933, сб. 13—14); «Из истории детского труда в крепостной России» (там же, 1934, сб. 20) и др.

Большую пользу историкам принесли составленные в Центроархиве под руководством В. А. Бухиной описи и указатели фонда Департамента полиции (частично опубликованы с вводной статьей В. А. в «Истории пролетариата СССР», сб. 18 и 22), архивных материалов по истории Ленских приисков и др.

С 1929 по 1941 г. с перерывом В. А. Бухина состояла научным сотрудником Института истории Коммунистической академии (затем Академии наук СССР), секретарем журнала «История пролетариата СССР». Одновременно В. А. Бухина работала в Главной редакции «Истории фабрик и заводов» по истории отдельных предприятий. Под ее редакцией вышел сборник «Путиловец в трех революциях». Ею составлен большой сборник документов «Ленинские прииски», вышедший в 1937 г. с ее вводной статьей.

До самого последнего времени В. А. Бухина вела педагогическую работу, продолжая и свои исследования по истории народного хозяйства XVIII и начала XIX в. В 1950 г. в т. 32 «Исторических записок» напечатана ее статья «К истории крепостной мануфактуры (Ряшковская сукодная «фабрика»)».

Для всех, кто знал В. А. Бухину, кто работал вместе с нею, кто был ее другом и товарищем, смерть ее — большая, невозвратимая потеря.

⁵⁰ Архив ЛОИИ, Акты Антониево-Сийского м-ря, карт. 33, № 22.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Ю. В. Арутюнян. Формирование механизаторских кадров МТС в 1930—1940 гг.	3
М. С. Симонова. Экономические итоги столыпинской аграрной политики в центрально-черноземных губерниях	31
Г. И. Богатикова. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне	82
Р. И. Рыжова. Из истории русско-черногорских отношений (Дипломатическая борьба 1857—1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории)	124
А. А. Преображенский. Из истории первых частных заводов на Урале в начале XVIII в.	156
А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в.	180
А. Л. Хорошкевич. Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV—XV вв.	206

СООБЩЕНИЯ

А. М. Анфимов. Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX—начале XX в.	244
Г. Л. Арш. Русско-албанские связи в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг.	259
Г. Н. Образцов. Уложение 1649 г. и крестьяне вотчины Антониево-Сийского монастыря	269
Вера Анатольевна Бухина	283

Исторические записки, т. 63

*

Утверждено к печати Институтом истории Академии Наук СССР

РИСО № 45—77В. Сдано в набор 16/V 1958 г. Подписано к печати 18/VIII 1958 г. Формат 70×108^{1/16}. 17,75 печ. л.—24,31 усл. печ. л. 26,5 уч.-изд. л. Тираж 2000 экз. Т-07463. Изд. № 3352. Тип. зак. 3142

Цена 16 р. 90 к.

*

Издательство Академии Наук СССР, Москва Б-64. Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	строка	напечатано	должно быть
17	12 сн.	1936 г.	1938 г.
19	Табл. 4 гр. 2	2310,0	1210,0
47	Табл. 8 гр. 7	—11,4	+11,4
58	Табл. 17 гр. 6	50 128	501 028
58	Табл. 17 гр. 6	118 252	1 118 252
58	Табл. 17 гр. 4	1961,1	197,1
67	Табл. 27 гр. 7	25 600	29 670
94	Табл. 1 гр. 10	1 681	21 681
97	Табл. 3 гр. 5	3,5	—3,5
138	16 сн.	что	что „если
158	3 сн.	Курганском	Кунгурском
168	12 сн.	Верг-коллегии	Берг-коллегии
170	8 сн.	Конгуре	Кунгуре
187	22 сн.	А. И. Кабанов	А. К. Кабанов
191	12 сн.	1541	1542
206	4 сн.	watenschappen	wetenschappen
207	30 сн.	Veilinden	Verlinden
208	9 сн.	Quittrungen	Quittungen
208	19 сн.	LECUR	LECUB
210	28 сн.	С. И. Валка	С. Н. Валка
213	27 сн.	Jireček	Jureček
213	26 сн.	обиеко	облекло
217	8 сн.	omyang	omvang
220	4 сн.	Ямругчею	Ямгурчею
220	5 сн.	Гирезо	Гирею
220	28 сн.	LECUB	HR
220	27 сн.	{ Bd. V Bd.	Bd. VI LECUB, — Abt. I, Bd. IV
225	22 сн.	Швейцарию	Швецию
227	18 сн.	Турн	Турнэ
231	17 сн.	Handesbücher	Handelsbücher
232	29 сн.	Tuchmerchergewerbes	Tuchmachergewerbes
238	28 сн.	установлено	устанолено
238	29 сн.	ее	се
244	7 сн.	XVIII в.	XVII в.
258	9 сн.	из их	их из
278	2 сн.	1655	1665

„Историч. записки“, т. 63